ПРОГНОЗИΣ

ЖУРНАЛ О БУДУЩЕМ

Номер 3(4) • Осень 2005 • *выходит 4 раза в год*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
АЛЕКСАНДР ПОГОРЕЛЬСКИЙ

ШЕФ-РЕДАКТОР
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
ВАСИЛИЙ ЖАРКОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
МИХАИЛ БЛИНКИН,
ВЯЧЕСЛАВ ГЛАЗЫЧЕВ,
ГЕОРГИЙ ДЕРЛУГЬЯН,
ВЛАДИМИР ПОПОВ,
АЛЕКСАНДР ФИЛИППОВ,
РУСЛАН ХЕСТАНОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ
ФОНД «ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО»
СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РЕГИСТРАЦИИ ФС 77-18936
ОТ 10 НОЯБРЯ 2004

ХУДОЖНИК
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ОРИГИНАЛ-МАКЕТА
СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

E-MAIL РЕДАКЦИИ:
LOGOS@ORC.RU
HTTP://WWW.PROGNOSIS.RU

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО»
МОСКВА, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

3 ***Александр Погорельский***. С чего начать

МИРОПОРЯДОК

6 ***Джованни Арриги***. Утрата гегемонии – II

37 ***Джозеф Най***. Новый Рим сталкивается с новыми варварами

44 ***Максим Момот***. Китайский синдром. Американская политика накануне последней ошибки

61 ***Эндрю Глин***. Несбалансированность глобальной экономики

ЕВРОПА

83 ***Руслан Хестанов***. Эсперанто выходит из моды

90 ***Найал Фергюсон***. «Impire»: Европа между Брюсселем и Византией

120 ***Калипсо Николаидис***. Сила сверхбессильных

РОССИЯ В МИРЕ

144 ***Фиона Хилл***. Энергетическая империя

174 ***Алексей Хайтун***. Конкурентность энергетических ресурсов России на рынках Европы

197 ***Клиффорд Гэдди***. Перспективы развития российской нефти

АНАТОМИЯ НАШИХ ПРОБЛЕМ

205 ***Рассел Хардин***. Переход к корпоративной демократии?

▷▷▷▶

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН
В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ПО
НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ
МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
И ОХРАНЕ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ. СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПИ № ФС 77-18936
ОТ 10 НОЯБРЯ 2004

ОТПЕЧАТАНО
В ООО «АВГУСТ БОРГ»
121099, МОСКВА,
ШУБИНСКИЙ ПЕР., 2/3
ЗАКАЗ №

231 ***Эдвард Гибсон***. Как демократизировать провинцию

240 ***Михаил Донской***. Методы ведения информационной войны

КРЕДИТ НА ОБРАЗОВАНИЕ

248 ***Ирина Абанкина, Борис Домненко, Нина Осовецкая***. Кредитование образования в зарубежных странах

268 ***Ирина Абанкина, Нина Осовецкая***. Опыт кредитования профессионального образования в России

277 ***Александр Погорельский, Владимир Иосад***. Дешевые образовательные кредиты — рыночная модель

285 ***Татьяна Клячко***. Высшее образование в России

ПРАВО

299 ***Георг Еллинек***. Права меньшинства

325 ***Роберт Адельханян***. Понятие «военные преступления» в доктрине международного уголовного права

АВТОРСКИЙ ЛИСТ

344 ***Евгений Сабуров***. Течения

ИЗ МАТЕРИАЛОВ WWW.PROGNOSIS.RU

361 ***Михаил Маяцкий***. Курорт Европа. После Цунами

364 ***Андрей Цуканов***. РФ и ЕС спасет новое гражданское общество

368 ***Андрей Рябов***. Путин сохранит дружбу с немцами

371 Об авторах

373 Summary

С ЧЕГО НАЧАТЬ

Наблюдая безысходность нашей сегодняшней жизни, многие отечественные публицисты задаются вопросом, какую проблему необходимо решать в первую очередь. Иными словами: что главное, и с чего начать? Кто-то говорит о необходимости справедливого суда и реформы судопроизводства. Кому-то ближе вопросы укрепления боеспособности и правоохранительной системы. Многие обеспокоены демографическим спадом и призывают срочно что-то делать для борьбы с депопуляцией. Есть и те, кто всерьез уповает на президентские социальные программы. Наконец, кто-то наивно полагает, что все дело в замене первых лиц государства.

Главная проблема, меж тем, совсем в другом. В последние десятилетия мы разучились верить в собственные начинания, во все эти реформы, программы, инициативы. Особенно, если они осуществляются на государственном уровне. Не верим мы в их успех, точнее — наоборот — верим, в то, что все получится, как всегда: громкие заявления и обещания уйдут в очередной паровозный свисток, выделенные средства «распилят», и все будет по-тихому спущено на тормозах. Такая вот окончательная и безоговорочная победа процесса над результатом.

Смута, вызванная крушением советской империи, помимо всего прочего породила полнейший моральный упадок. Из тоталитарного общества большинство людей вышло, утратив представление о границах между хорошим и плохим, правильным и неправильным, достойным и недостойным. В сегодняшней России процветают разнообразные недопустимые в нормальном обществе виды бизнеса: так называемая «статусная рента» — использование должностного положения с целью торговли своими полномочиями, бизнес по обслуживанию коррупционной деятельности чиновников, судебный бизнес, продажность журналистов и экспертов — любому, кто готов сегодня заплатить. Религиозный бизнес. Наконец, торговля «живым товаром». Умение «пилить» считается доблестью (то же относится к умению «наехать» и «выстроить»), а нежелание участвовать в тотальном воровстве — признаком слабости и ограниченности.

В мировом рейтинге коррупции Transparency International (TI) Россия за последний год скатилась с 90-го места на 126-е из 159 возможных. Сегодня мы оказались в одной компании с Албанией, Нигерией и Сьерра-Леоне. Еще

один год таких же темпов, и по уровню коррупции мы окажемся на последнем месте в мире. По оценке некоторых экспертов, после начала административной реформы уровень взяток в органах федеральной власти увеличился чуть ли не в пять раз. Важно, что при этом изменилось само отношение чиновников к вверенной им государственной собственности. Раньше, «решая вопрос» в интересах клиента, чиновник понимал, что торгует не своим. Сейчас, все чаще чиновники исходят из рыночной стоимости объекта, делая коммерсантам скидку в 10–15 %, т. е. de facto относятся к государственной собственности как к своей личной, действуя при этом вопреки интересам реального собственника — государства.

Коррупция проникла и в крупные коммерческие структуры, где зачастую менеджмент действует не в интересах собственников, а в своих личных интересах. Она настолько пронизала всю социально-экономическую систему общества, что не является по отношению к ней некой дисфункцией, а приобрела системообразующий характер. Во-первых, потому что постоянно воспроизводит себя. Во-вторых, во многих случаях система без коррупции просто перестает работать.

Такое положение составляет часть российской национальной специфики. Между тем, история знает примеры существования стран с аналогичным характером и уровнем распространения коррупции. Наиболее типичный сценарий в такой ситуации — окончательная гибель государства, распад страны, вмешательство извне, утрата независимости на столетия. Так, в частности, было с Речью Посполитой в XVIII веке. Впрочем, возможен и другой вариант, который в свое время пережили Китай и Иран — длительная стагнация на фоне политической нестабильности, экономического упадка, безволия национального политического класса и доминирующей роли внешних сил.

Наибольший интерес, однако, представляют примеры пусть и небезболезненного, но все же выздоровления, выхода из «темных времен» и перехода к активному развитию. Мы видим, как буквально в последние десятилетия на наших глазах из многовековой депрессии поднялась Ирландия, как Финляндия из глухой северной окраины Европы превратилась в страну, живущую за счет производства высоких технологий и услуг образования. Тот же Китай, еще в середине прошлого века находился в глубоком кризисе, а сегодня претендует на роль одного из мировых лидеров. Соединенные Штаты, в свое время пораженные коррупцией и пренебрежением нуждами американцев со стороны господствующих классов, нашли в себе силы совершить морально-этическую трансформацию, лидером которой стал Теодор Рузвельт. Опыт «выздоровления» обществ с разной культурной основой чрезвычайно актуален для сегодняшней России, его изучение и анализ могли бы стать задачей номер один для гуманитарного экспертного сообщества.

Очевидно, что ключевую роль в выводе страны из кризиса играют элиты. Тот же Т. Рузвельт, настаивая на последовательно моральной позиции элиты, не создавал преференций для своих «манхеттенских». Собственно, от выбора элит, от их желания или нежелания бороться за свою страну зависит судь-

ба любых начинаний. Говоря об элите, мы имеем в виду не столько статусные моменты, сколько некий набор качеств и способностей. Настоящую элиту отличает способность создавать и реализовывать новые идеи, и одновременно умение брать ответственность за принимаемые решения и за страну в целом. Никакая зарплата не удержит государственное лицо от взяточничества, воровства и предательства, если у него отсутствует понимание некой сверхзадачи, осознание своей миссии по отношению к будущему страны. Именно такого рода мотивация имеет определяющее значение с точки зрения доброкачественного развития и элит, и общества в целом.

Сегодня, во многом в связи с появлением нового государственного праздника 4 ноября, активно заговорили о преодолении Смуты, обратившись к соответствующим параллелям в истории России. Однако за рамками широкого обсуждения осталось понимание того, что смута — это, прежде всего, состояние общественного сознания. Мало, кто сегодня помнит, что преодоление Смуты в России XVII века началось не с взятия Кремля ополчением Минина и Пожарского, и не с избрания Михаила Романова царем всея Руси. Преодоление Смуты началось, когда по пламенному призыву Дионисия, настоятели Троице-Сергиева монастыря стали собирать по дорогам больных и увечных и оказывать им помощь, возвращая к жизни. Начали делать реальные дела, изменяя жизнь здесь и сейчас. В духовной сфере это начинание закончилось массовым постом людей разных сословий, изменением нравственно-духовных практик.

И сегодня нам нужен не новый малопонятный для большинства праздник, но скорее пост в современном его понимании. Когда чиновники перестанут брать взятки, бизнес будет платить налоги, заниматься благотворительностью, заботиться о людях, работники — честно работать и не воровать. Примером здесь должна стать элита и первые лица государства. Любой начальник должен будет принять для себя решение о том, что больше не участвует в коррупционных играх и не даст этим заниматься окружающим. Тем более что все уже давно не бедствуют.

Конечно, в подобной ситуации содержится колоссальный риск. Борьба с коррупцией, начиная с Бориса Годунова, плохо заканчивалась для первых лиц Российского государства. Но пора уже понять, что сегодня мы соревнуемся не с кем-то за океаном, и даже не с самими собой, а со Временем. Отягощенная тотальной коррупцией страна стремительно утрачивает конкурентоспособность в мире. Время уходит навсегда, оставляя нашу страну на задворках истории. Утрата чувства самосохранения в течении XX века дважды подводила национальную элиту. Сегодня наша беспечность грозит гибелью страны. Третьего удара мы можем не выдержать.

Александр Погорельский,
Главный редактор журнала «Прогнозис»

Джованни АРРИГИ

УТРАТА ГЕГЕМОНИИ – II[1]

В первой части этой статьи я доказывал, что недавнее возрождение понятий «империи» и «империализма» связано прежде всего с принятием администрацией Буша после 11 сентября новой империалистической программы – неоконсервативного «Проекта за новый американский век».[2] В ней рассматривались социальные, экономические и политические обстоятельства, которые побудили к принятию данного политического курса, и особенно ее связь с чередой превратностей в глобальной экономике, происходивших с 1970-х годов. Вначале мною были изложены представления Дэвида Харви о связи между империализмом и капиталистическим развитием выдвинутые в его книге «Новый империализм» и особенно его идеи «пространственного закрепления» ("spatial fix") и «накопления через изъятие» ("accumulation by dispossession"), используемые для анализа курса нынешней администрации Буша.[3] Я утверждал, что, не закладывая основ второго американского века, оккупация Ирака подорвала веру в американскую военную мощь, центральное положение Соединенных Штатов и их валюты в глобальной политической экономии и усилила тенденцию к превращению Китая в альтернативу американскому лидерству в Восточной Азии и за ее пределами. Трудно представить более быстрый и полный провал неоконсервативного имперского проекта. По всей вероятности, неоконсервативные притязания на глобальное господство войдут в историю как один из «мыльных пузырей», которыми был отмечен терминальный кризис американской гегемонии.[4]

Лопание этого пузыря видоизменило всемирно-исторические условия, которые породили «Проект за новый американский век», но ни в коей мере не отменило их. В этой заключительной части статьи я опишу такие условия, используя идеи «пространственного закрепления» и «накопления через изъ-

1 Giovanni Arrighi, 'Hegemony Unravelling – II', *New Left Review*, 33, May-June 2005.

2 Арриги Дж. Утрата гегемонии – I // Прогнозис. 2005. № 2.

3 David Harvey, *The New Imperialism*, Oxford 2003.

4 Джордж Сорос назвал неоконсервативные притязания на глобальное господство «мыльным пузырем» задолго до того, как утрата американской гегемонии стала очевидной. См.: Сорос Дж. *Мыльный пузырь американского превосходства: На что следует направить американскую мощь*. М., 2004.

ятие» в более длительной, чем у Харви перспективе. В этом случае, новый империализм предстанет в виде результата продолжительного исторического процесса, заключающегося, с одной стороны, в пространственных закреплениях все более широкого масштаба и охвата, а с другой — в американской попытке довести этот процесс до логического конца, создав мировое правительство во главе с Соединенными Штатами. Как будет показано, такая попытка изначально была неотъемлемой составляющей американской гегемонии. Однако при Джордже Буше-младшем она достигла своего предела и в дальнейшем, по всей вероятности, перестанет определять преобразования глобальной политической экономии.

I. ПЕРЕНАКОПЛЕНИЕ И ФИНАНСИАЛИЗАЦИЯ

Харви заметил поразительное сходство между теоретическим наблюдением, сделанным Ханной Арендт в «Истоках тоталитаризма», о том, что «беспрестанное накопление власти... необходимо для защиты беспрестанного накопления капитала», и моим эмпирическим наблюдением в «Долгом двадцатом веке» о том, что экспансия мирового капитализма основывалась на регулярном появлении все более мощных ведущих капиталистических организаций. Но соответствие здесь не такое «точное», как утверждает он. Если наблюдение Арендт относится к накоплению власти и капитала *внутри государств*, то мое наблюдение относится к накоплению власти и капитала в поступательно развивавшейся *системе государств*. И только этим различие не ограничивается.

Арендт привлекает наше внимание к процессу, посредством которого отдельные капиталистические государства приходят к накоплению «избыточных денег» (то есть большего объема капитала, чем можно снова прибыльно инвестировать внутри этих государств) и потребности в накоплении силы для того, чтобы суметь защитить растущую собственность. С этой точки зрения, империализм капиталистического типа представляет собой политику, направленную на поиск выгодных внешних выходов для избыточного капитала и на усиление самого государства. Мое наблюдение, напротив, обращает внимание на процесс, посредством которого все более сильные капиталистические организации становились движущей силой экспансии системы накопления и правления, изначально охватывавшей множество государств. С этой точки зрения, империализм капиталистического типа отражает борьбу, в ходе которой капиталистические государства использовали насильственные средства, пытаясь повернуть в свою пользу пространственные сдвиги, вызванные «бесконечным» накоплением капитала и власти.

Как подчеркивает Харви, финансовый капитал, поддерживаемый государственной властью, играет важную посредническую роль и в производстве пространства, которое связано с расширенным воспроизводством капитала, и в «людоедских практиках и вынужденных девальвациях», которые составляют суть накопления через изъятие. Тем не менее, он не говорит ничего определенного о всемирно-исторических координатах этой посредниче-

ской роли. По-видимому, он, как и Арендт, придерживается представления о том, что финансовый капитал был продуктом индустриального капитализма XX столетия. Хотя это может быть справедливо для капиталистического развития отдельных стран, в мировом масштабе дело, конечно же, обстоит иначе.

Циклы накопления

Как показал Фернан Бродель, «финансовый капитализм» или то, что мы теперь называем «финансиализацией», «не был новорожденным 1900-х годов». Скорее,

> в прошлом, пусть только в Генуе или в Амстердаме, он уже умел (после сильного роста торгового капитализма и накопления капиталов, превышавшего нормальные инвестиционные возможности) овладеть рынком и какое-то время господствовать над всем деловым миром.[5]

Это утверждение имеет двоякое значение для наших нынешних целей. Во-первых, говорится, что во всемирно-историческом отношении финансиализация (способность финансового капитала «овладеть рынком и какое-то время господствовать над всем деловым миром») ведет к повторяющемуся перенакоплению капитала («накопление капиталов, превышающее нормальные инвестиционные возможности»). И, во-вторых, отмечается, что тенденция к повторяющемуся перенакоплению и финансиализации капитала проявилась намного раньше, чем возникла связь между капитализмом и индустриализмом.

Бродель также приводит перечень дат, мест и сил, которые позволяют нам связать теоретические соображения Харви о финансовом капитале с пространством и временем мировой истории. Он утверждает, что уход голландцев из торговли около 1740 года и превращение их в «банкиров Европы» было типично повторяющейся миросистемной тенденцией. Тот же процесс наблюдался в Италии в XV веке и около 1560 года, когда виднейшие семьи генуэзской деловой диаспоры постепенно оставили торговлю, чтобы на протяжении семидесяти лет иметь над европейскими финансами власть, сопоставимую с властью базельского Банка международных расчетов в XX веке, — «столь незаметное и столь усложненное доминирование, что оно долгое время ускользало от внимания историков».[6] После голландцев тем же путем пошли и британцы во время и после Великой ценовой депрессии 1873–1896 годов, когда «фантастические приключения промышленной революции» породили избыток денежного капитала. Можно добавить, что после не менее «фантастических приключений» так называемых фордизма и кейнсианства тем же путем в 1970-х годах пошел и американский

5 Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. Т. 3: Время мира.* М., 1992. С. 622.

6 Там же. С. 273.

капитал. «И все же любая эволюция такого рода как бы возвещала, вместе со стадией финансового расцвета, некую зрелость; то был *признак надвигавшейся осени* (выделено мной. – *Д. А.*)».[7]

В свете этих наблюдений общую формулу капитала у Маркса (Д – Т – Д') можно считать описанием не только логики индивидуальных капиталистических вложений, но и повторяющейся закономерности мирового капитализма. Основная черта этой закономерности заключается в чередовании эпох материальной экспансии (стадия накопления капитала Д – Т) с этапами финансовой экспансии (стадия Т – Д'). На этапе материальной экспансии денежный капитал (Д) приводит в движение растущую массу товаров (Т), включая превращенную в товар рабочую силу и природные ресурсы; на этапе финансовой экспансии возросшая масса денежного капитала (Д') освобождается от своей товарной формы, и накопление осуществляется через финансовые сделки (как в сокращенной формуле Маркса Д – Д'). Взятые вместе, эти две эпохи или стадии составляют то, что я назвал *системным циклом накопления* (Д – Т – Д').[8]

Исходя из этих положений, я выделил четыре таких цикла, каждый из которых включает свой «долгий» век: генуэзско-иберийский цикл, включающий период с XV до начала XVII века; голландский цикл с конца XVI до конца XVIII столетия; британский цикл с середины XVIII до начала XX столетия; и американский цикл с конца XIX столетия до нынешнего этапа финансовой экспансии. Каждый цикл назван по (и определен) особым комплексом правительственных и деловых сил, которые вели мировую капиталистическую систему сначала к материальной, а затем финансовой экспансии, вместе образующим цикл. Последовательные системные циклы накопления пересекаются друг с другом в начале и конце, потому что этапы финансовой экспансии были не только «осенью» важных событий истории мирового капитализма. Они также были временем возникновения нового ведущего правительственно-делового комплекса, который позднее приводил к реорганизации мировой системы и создавал тем самым условия для дальнейшей экспансии.[9]

Материальная и финансовая экспансии – это процессы системы накопления и правления, глубина и охват которых росли на протяжении многих веков и которые изначально охватывали множество самых различных правительственных и деловых структур. В каждом цикле материальная экспансия осуществляется вследствие появления особого блока правительственных и деловых структур, способных повести систему к новому пространственному закреплению, что в свою очередь создает условия для более

7 Там же. С. 247.

8 Arrighi, *The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times*, London 1994, pp. 4–6.

9 Историческое и теоретическое обоснование системных циклов накопления см.: Arrighi, *Long 20th Century*. Подробный анализ перехода от голландской гегемонии к британской и от британской к американской см.: Arrighi and Beverly Silver, *Chaos and Governance in the Modern World System*, Minneapolis 1999.

широкого или более глубокого мирового разделения труда. При таких условиях прибыль на капитал вкладывается в дальнейший рост производства и торговли; как правило, она идет на дальнейшее расширение торговли и производства; и — осознанно или нет — ведущие центры миросистемы сотрудничают и поддерживают экспансию друг друга. Однако со временем инвестирование постоянно растущей массы прибыли в торговлю и производство неизбежно приводит к накоплению капитала сверх того объема, который может быть повторно инвестирован в покупку и продажу товаров без резкого сокращения размера прибыли. В этом случае, капиталистические силы обычно вторгаются в сферы действия друг друга; разделение труда, которое прежде определяло условия их взаимного сотрудничества, разрушается и конкуренция становится все более острой. Перспективы возврата капитала, вложенного в торговлю и производство, снижаются, и капиталистические силы начинают держать в ликвидной форме большую часть поступающих денежных средств. Тем самым создается основа для смены этапа материальной экспансии этапом экспансии финансовой.

Во всех имеющих системное значение финансовых экспансиях накопление избыточного капитала в ликвидной форме имело три основных следствия. Во-первых, оно превращало избыточный капитал, овеществленный в ландшафте, инфраструктуре и средствах торговли и производства, в растущее предложение денег и кредита. Во-вторых, оно лишало правительства и население доходов, получавшихся прежде от торговли и производства, которыми перестают заниматься из-за нерентабельности или высокого риска. Наконец, в значительной степени в результате первых двух следствий, оно создало весьма выгодные рыночные ниши для финансовых посредников, способных направить растущее предложение ликвидности в руки правительств и населения, испытывавших финансовые затруднения, либо государств и частных предпринимателей, стремившихся найти новые способы получения прибыли в торговле и производстве.

Как правило, ведущие силы предшествующей материальной экспансии были лучше подготовлены для того, чтобы занять такие рыночные ниши и тем самым привести систему накопления к финансовой экспансии. Эта способность переключаться с одного вида лидерства на другой была основной причиной того, почему после сигнального кризиса своего лидерства все сложившиеся центры мирового капитализма на какое-то время «возрождались» и даже могли насладиться *belle époque* временной, но все же весьма существенной рефляции своего богатства и власти. Причина того, почему *belles époques* исторического капитализма были временным явлением, заключается в том, что они обычно усугубляли, а не решали основной кризис перенакопления. Таким образом, они обостряли экономическую конкуренцию, социальные конфликты и межгосударственное соперничество до такой степени, что те выходили из-под контроля сложившихся на тот момент центров силы. Прежде чем перейти к рассмотрению постоянно менявшегося характера последующей борьбы, необходимо сделать два наблюдения.

Механизмы перехода

Первое наблюдение связано с тем, что все финансовые экспансии порождали хищническое накопление через изъятие. Достаточно сказать, что предоставление избыточного капитала правительствам и населению, испытывавшим острые финансовые затруднения, было выгодно лишь постольку, поскольку оно перераспределяло средства или доходы от заемщиков в пользу сил, распоряжавшихся избыточным капиталом. Подобные крупные перераспределения были важнейшей составной частью всех *belles époques* финансового капитализма от Флоренции эпохи Возрождения до эры Рейгана и Клинтона. Но сами по себе они не стали решением основного кризиса перенакопления. Напротив, переход покупательной способности от страт и общин с более низким предпочтением ликвидности (то есть с меньшими возможностями для накопления капитала) к стратам и общинам с более высоким предпочтением ликвидности, как правило, вызывал еще большее перенакопление капитала и повторение кризисов доходности. Кроме того, отчуждение страт и общин, у которых производилось изъятие, вызывало еще и кризис легитимности. Конечно, сочетание кризисов доходности и легитимности представляет собой основное состояние, с которым Арендт и Харви связывают империализм соответствующих эпох. Тем не менее, схожее положение наблюдалось и при более ранних финансовых экспансиях, прямо или косвенно усугублявших конфликты в самих странах и между ними.[10]

По крайней мере поначалу возникновение межгосударственных конфликтов приносило пользу сложившимся центрам, поскольку оно увеличивало финансовые потребности государств и тем самым усиливало взаимную конкуренцию за мобильный капитал – конкуренцию, которую Макс Вебер назвал «всемирно-исторической особенностью [современной] эпохи».[11] Но как только конфликты перерастали в серьезные войны, сложившиеся центры, как правило, проигрывали недавно возникшим центрам даже в финансовой сфере, поскольку последние были лучше приспособлены для того, чтобы обеспечить «бесконечное» накопление капитала и власти с пространственным закреплением большего масштаба и охвата, чем прежде.

Это подводит нас ко второму наблюдению, связанному с передачей избыточного капитала из сложившихся центров капиталистического развития к зарождавшимся. Как уже было отмечено ранее, роль, которую Маркс приписывал кредитной системе в распространении такого перераспределения, указывает на незримое сотрудничество между капиталистами, которое *ослабляет* потребность в накоплении через изъятие в зарождающихся центрах. Мы также отметили, что марксова последовательность ведущих капиталистических центров (Венеция, Голландия, Британия, Соединенные Штаты) указывает на ряд пространственных закреплений большего

10 Arrighi, *Long 20th Century*, Arrighi and Silver, *Chaos*, особенно третья глава.

11 Weber, *Economy and Society*, Berkeley 1978, p. 354. См. также: Weber, *General Economic History*, New York 1961, p. 249.

масштаба и охвата, которые создавали условия для разрешения каждого предшествующего кризиса перенакопления и начала нового этапа материальной экспансии.[12] К этому теперь необходимо добавить, что войны играли решающую роль. По крайней мере в двух случаях перехода (от Голландии к Британии и от Британии к Соединенным Штатам) перераспределение избыточного капитала от сложившегося центра к зарождавшемуся начиналось задолго до возникновения межгосударственных конфликтов. Однако этот ранний переход привел к усилению притязаний на активы и будущие доходы зарождавшихся центров, позволявших вернуть сложившимся центрам потоки капиталовложений, прибыли и ренты, равные или даже превосходившие первоначальные инвестиции. И это привело не к ослаблению, а к усилению позиций сложившихся центров в мире крупных финансовых операций. Но с началом войн отношение кредиторов и должников, связывавшее сложившиеся центры с зарождавшимися, было изменено насильственным образом, и перераспределение в пользу зарождавшихся центров стало более серьезным и постоянным. Подобные механизмы полного изменения различались от перехода к переходу. Но во всех случаях войны оставались необходимой составляющей в процессе смены рулевого у командных высот мирового капитализма.[13]

ВО ВСЕХ СЛУЧАЯХ ВОЙНЫ ОСТАВАЛИСЬ НЕОБХОДИМОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В ПРОЦЕССЕ СМЕНЫ РУЛЕВОГО У КОМАНДНЫХ ВЫСОТ МИРОВОГО КАПИТАЛИЗМА

II. ПРОИСХОЖДЕНИЕ НОВОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Вопреки прочтению некоторых критиков, в моей концепции системных циклов накопления история капитализма не описывается как «вечное воз-

12 Арриги Дж. Утрата гегемонии — I // Прогнозис. 2005. № 2.

13 При переходе от Голландии к Британии основным механизмом было ограбление Индии во время и после Семилетней войны, которая позволила Британии выкупить государственный долг у голландцев, а затем с началом наполеоновских войн почти полностью освободиться от внешнего долга. См.: Ralph Davis, *The Industrial Revolution and British Overseas Trade*, Leicester 1979, pp. 55–56; P. J. Cain and A. G. Hopkins, 'The Political Economy of British Expansion Overseas, 1750–1914', *Economic History Review*, 2nd ser., vol. 33, no. 4, p. 471; Arrighi, *Long 20th Century*, pp. 208–212. При переходе от Британии к Америке ключевым механизмом были американские поставки вооружений, оборудования, продуктов питания и сырья, превышавшие сумму, которую Британия способна была выплатить из текущих доходов. См.: Barry Eichengreen and Richard Portes, 'Debt and Default in the 1930s: Causes and Consequences', *European Economic Review*, vol. 30, no. 3, p. 601–603; Paul Kennedy, *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*, New York 1987, p. 268; Arrighi and Silver, *Chaos*, pp. 73–77. Своеобразие происходящего перехода от Америки к Восточной Азии было отмечено во втором разделе первой части этой статьи и будет более подробно рассмотрено в заключительном разделе этой части.

вращение [того же самого]».[14] Напротив, в ней показывается, что, несмотря на кажущееся возвращение «того же самого» (то есть системных экспансий), *новые* циклы конкуренции между капиталистами, соперничества между государствами, накопления через изъятие и производство пространства во все большем масштабе *революционизировали* географию и режим работы мирового капитализма, а также его отношение к империалистическим практикам. Таким образом, если сосредоточить внимание на «сосудах власти»,[15] которые содержали «штаб-квартиры» ведущих капиталистических сил последовательных циклов накопления, сразу же станет видно движение вперед от городской и космополитической деловой диаспоры (Генуя) к протонациональному государству (Соединенные Провинции) и его заморским акционерным компаниям; к многонациональному государству (Великобритания) и его даннической империи по всему земному шару; к огромному национальному государству (Соединенные Штаты) и его общемировой системе транснациональных корпораций, военных баз и институтов мирового правления.[16]

Как видно из этого развития, ни одна из сил, способствовавших возникновению и экспансии мирового капитализма, не связана исключительно с мифическим национальным государством политической и социальной теории: Генуя и Соединенные Провинции были меньше, а Великобритания и Соединенные Штаты – больше, чем национальные государства. И с самого начала сети накопления и власти, которые позволили этим силам играть ведущую роль в возникновении и экспансии мирового капитализма, не «умещались» на территориях метрополии, которые определяли их протонациональные, многонациональные или национальные идентичности. В действительности, торговля на большие расстояния, крупные финансовые операции и соответствующие империалистические практики (то есть ведение войны и создание империй) были даже еще более важными источниками прибыли для ранних, чем для более поздних сил. Как утверждает Арендт, империализм следует считать «первой стадией политического правления буржуазии, а не последней стадией капитализма».[17] Но эту первую стадию следует относить к городам-государствам начала Нового времени, а не к национальным государствам конца XIX века, как предлагает она.

То, что империалистические практики были более важным источником прибыли на ранних, а не на более поздних этапах капиталистической экспансии, не означает, что политика и действия более поздних сил были менее империалистическими, чем политика и действия более ранних. Напротив,

14 Негри А., Хардт М. *Империя*. М., 2004. С. 225.

15 Энтони Гидденс вводит такое словосочетание для описания государств, особенно национальных государств. Как заметит читатель, здесь оно используется для обозначения более широкого круга организаций. Giddens, *Contemporary Critique of Historical Materialism*, vol. 2: *The Nation-State and Violence*, Berkeley 1987.

16 Более подробное описание этого развития см.: Arrighi, *Long 20th Century*; Arrighi and Silver, *Chaos*, chapter 1; Arrighi and Silver, 'Capitalism and World (Dis) Order', *Review of International Studies*, vol. 27, no. 5, pp. 257–279.

17 Hannah Arendt, *The Origins of Totalitarianism* [1951], New York 1966, p. 138.

они становились еще более, а не менее империалистическими вследствие все более глубокого взаимопроникновения капиталистических и территориальных стратегий власти. Такая тенденция становится очевидной при сравнении исторической географии последовательных системных циклов накопления.

Еще до начала первого миросистемного цикла гегемонии некоторые итальянские города-государства, особенно Венеция, доказали жизнеспособность капиталистической стратегии власти в европейском контексте раннего Нового времени. Правители, преследующие стратегии территориальных завоеваний, стремились накапливать власть, расширяя свои территориальные владения. Буржуазия, которая правила итальянскими городами-государствами, напротив, стремилась накапливать власть, расширяя свое влияние на денежный капитал и воздерживаясь от территориальных приобретений, если только они не были абсолютно необходимы для накопления капитала.[18] Успех этой стратегии зависел от сочетания двух условий. Первым был относительный баланс сил между крупными территориальными объединениями на европейском субконтиненте. Вторым была ориентация вовне зарождавшейся европейской системы государств — успешное получение прибыли и власти *внутри* Европы в значительной степени зависело от привилегированного доступа к колониальным ресурсам *вне* Европы через торговлю или грабеж. Баланс сил обеспечивал не только политическое выживание территориально ограниченных капиталистических организаций, но и то, что конкуренция между крупными территориальными организациями за финансовые ресурсы усилит капиталистические организации, контролировавшие такие ресурсы. В то же самое время ориентированность европейской борьбы за власть вовне гарантировала, что это соперничество будет постоянно подстегиваться потребностью государств быть первыми при получении привилегированного доступа к внеевропейским заморским богатствам.

Первоначально сочетание этих двух условий было весьма благоприятным для капиталистической стратегии власти. На самом деле оно было настолько благоприятным, что его наиболее преуспевающей силой была почти полностью детерриториализованная организация. Ибо название первого — генуэзско-иберийского — системного цикла накопления связано не с Генуэзской республикой как таковой — городом-государством, который на протяжении всего цикла вел сомнительное в политическом отношении существование и «вмещал в себе» очень небольшую власть. Напротив, оно относится к трансконтинентальным торговым и финансовым сетям, которые позволили генуэзскому капиталистическому классу, организованному в космополитическую диаспору, общаться на равных с наиболее влиятельными европейскими правителями и превратить соперничество между этими правителями за капитал в мощный двигатель экспансии своего собственного капитала. С этой позиции силы генуэзская капиталистическая

18 Arrighi, *Long 20th Century*, pp. 33–34.

диаспора вступила в весьма выгодные отношения неформального политического обмена с правителями Португалии и имперской Испании. Опираясь на такие отношения, иберийские правители предприняли военные и государственные усилия, связанные с созданием мирового рынка и мировых империй, а диаспора капиталистов Генуи ограничилась коммерческим и материальным содействием в этих завоеваниях. В отличие от Фуггеров, которые разорились вследствие своих слишком тесных связей с имперской Испанией, генуэзцы, вероятно, получали от этих отношений больше, чем их иберийские партнеры. Как отмечал Ричард Эренберг, «не серебряные копи Потоси, а генуэзская торговля сделала возможным для Филиппа II проведение его мировой силовой политики десятилетие за десятилетием. Но в этом процессе, как сетовал Суарес де Фигероа в 1617 году, сами Испания и Португалия превратились в «генуэзские Индии».[19]

Взлет Амстердама

Во втором (голландском) системном цикле накопления по-прежнему сохранялись благоприятные условия для проведения четко капиталистической стратегии власти, но они были уже не столь благоприятными, как во время первого цикла. Безусловно, острые конфликты, вызывавшие противостояние крупных территориальных государств Европы, сыграли важную роль в подъеме Голландии, и Вестфальский мир 1648 года придал европейскому балансу сил определенную институциональную прочность. Кроме того, в XVII веке голландцы смогли так легко и быстро расширить масштаб своей деятельности от Балтики до Атлантического и Индийского океанов только потому, что иберийцы уже завоевали Америку и установили прямую морскую связь с Ост-Индией. Тем не менее, географический ландшафт, созданный в Европе иберийским освоением и закреплением мирового пространства, не оставлял никакого места для осуществления той разновидности капиталистической стратегии власти, которая обеспечила благосостояние генуэзской диаспоры в «долгом» XVI веке. В действительности, несмотря на противодействие иберийских морских и территориальных империй, голландцам удалось создать завязанную на Амстердам систему перевалочной торговли и акционерных обществ, которые стали основой второго системного цикла накопления. Тем самым голландцы добились того, чего не смогли сделать для себя генуэзцы, то есть обеспечили опору на собственные силы в ведении войны и создании государства.[20]

Виолетта Барбор утверждала, что эта завязанная на Амстердам система была последним примером «подлинной империи торговли и кредита, поддерживаемой исключительно городом, а не силами современного государ-

19 Эренберг цитируется по: Peter Kriedte, *Peasants, Landlords and Merchant Capitalists: Europe and the World Economy, 1500–1800*, Cambridge 1983, p. 47; де Фигероа цитируется по: J. H. Elliott, *The Old World and the New 1492–1650*, Cambridge 1970, p. 96. Подробнее о генуэзско-иберийском цикле см.: Arrighi, *Long 20th Century*, pp. 109–132, 145–151.

20 Arrighi, *Long 20th Century*, pp. 36–47, 127–151; Arrighi and Silver, *Chaos*, pp. 39–41, 99–109.

ства».[21] Поскольку Соединенные Провинции сочетали черты исчезающих городов-государств с чертами зарождавшихся национальных государств, вопрос об отнесении их к «современным государствам» оказывается весьма спорным. Но, как бы то ни было, можно отметить, что голландский цикл, по-видимому, стал водоразделом между двумя различными эпохами исторического капитализма: с одной стороны, эпохой города, а с другой — эпохой территориального государства и национальной экономики.

> В центре Европы, кичащейся своими успехами и к концу XVIII века обнаруживавшей тенденцию сделаться всем миром, *господствовавшая зона должна была расти, чтобы уравновесить целое* (выделено мной. — *Д. А.*). Одни или почти одни города, недостаточно опиравшиеся на близлежащую экономику, которая их усиливала, вскоре не будут иметь достаточного веса. Эстафету примут территориальные государства.[22]

Позднее мы рассмотрим вопрос о том, почему господствовавшая зона должна была «расти», чтобы «уравновесить целое». Пока же отметим, что появление территориальных государств как ведущих сил капиталистической экспансии привело к еще более глубокому взаимопроникновению капитализма и империализма. Хотя богатство генуэзской капиталистической диаспоры полностью зависело от усилий по ведению войн и строительству империй ее иберийских партнеров, сама диаспора воздерживалась от участия в такой деятельности. Генуэзский капитализм и иберийский империализм поддерживали друг друга, но посредством отношений политического симбиоза, которые воспроизводили их особые организационные идентичности от начала и до конца. Хотя в голландском цикле такого разделения не существовало, восьмидесятилетняя борьба за независимость, которую Соединенные Провинции вели против имперской Испании, наложила на голландский капитализм антиимпериалистический отпечаток. Даже после завершения этой борьбы Питер де ла Корт мог описать Голландию как «кошку» в джунглях, полных «диких зверей». Дикими зверьми были территориальные государства Европы: «львы, тигры, волки, лисы, медведи или любые другие хищники, которые часто гибнут от своей собственной силы и не выносят, когда им приходится лежать в ожидании». Кошка похожа на льва. Но Голландия была кошкой раньше и останется ею впредь, потому что «мы, прирожденные торговцы, не можем превратиться в солдат» и «получаем больше во времена мира и хорошей торговли, чем во времена войны и упадка торговли».[23]

В действительности, в основе голландской системы накопления, которая после заключения Вестфальского соглашения извлекала бо́льшую пользу из мира, чем из войны, лежали война и разрушение иберийской торговли.

21 Violet Barbour, *Capitalism in Amsterdam in the Seventeenth Century*, Baltimore, md 1950, p. 13.

22 Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. Т. 3: Время мира.* М., 1992. С. 172.

23 Цит. по: Peter Taylor, 'Ten Years that Shook the World? The United Provinces as First Hegemonic State', *Sociological Perspectives*, vol. 37, no. 1, pp. 36, 38.

Кроме того, в неевропейском мире, особенно в индонезийском архипелаге, «голландская кошка» была непревзойденным европейским «хищником», использовавшим насилие для уничтожения существующих новых ландшафтов торговли и производства и создания ландшафтов, более подходящих для «бесконечного» накопления голландского капитала. В метафоре де ла Корта все же содержится различие между империализмом больших территориальных европейских государств и территориально ограниченным капитализмом голландской республики, которое оставалось заметным на всем протяжении голландского цикла. Ибо стратегия власти голландской республики основывалась прежде всего не на расширении ее территориальных владений, а на расширении ее контроля над денежным капиталом и международной системой кредитования. Сочетая сильные стороны венецианской и генуэзской стратегий, она опиралась на деньги и кредит как на основные средства, позволявшие превратить борьбу между территориальными европейскими государствами в орудие экспансии голландского капитала. Однако со временем эскалация этой борьбы подорвала успех голландской стратегии и создала условия для полного слияния капитализма и империализма в практиках государства, которое, в конечном итоге, стало новым лидером капиталистической экспансии.[24]

Чтобы понять причины этого слияния, нам необходимо вернуться к утверждению Броделя о том, что территориальный масштаб господствовавшего центра системы накопления так или иначе должен был расти одновременно с ростом пространственного масштаба системы. Бродель полагает, что одной из главных причин того, почему небольшой территориальный масштаб Голландии помешал ей остаться центром глобализирующейся европейской системы накопления, была структурная нехватка рабочей силы. Он утверждает, что «Голландия могла взвалить на себя мировые морские перевозки лишь в той мере, в какой она получала от Европы дополнительную рабочую силу». Именно нищета остальной Европы «позволила голландцам “заложить начало” своей Республики».[25] Но как только все большее число европейских государств попыталось сосредоточить в своих владениях источники голландского богатства и влияния при помощи той или иной разновидности меркантилизма и империализма, произошло усиление конкуренции за европейские трудовые ресурсы, а размеры голландской республики превращались во все более непреодолимое препятствие. Как сетовал Ставоринус,

> после 1740 года многочисленные морские войны, рост торговли и мореплавания, особенно во многих странах, которые прежде не уделяли этим занятиям большого внимания, и вытекающий отсюда огромный и растущий спрос на опытных моряков и на военные корабли и торговые суда настолько резко сократили их предложение, что в нашей собственной стране, славившейся прежде своими моряками, теперь необходимо потратить много сил и средств, чтобы обеспечить судно достаточным количеством опытных рук.[26]

24 Arrighi, *Long 20th Century*, pp. 144–158, Arrighi and Silver, *Chaos*, pp. 48–51.

25 Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. Т. 3: Время мира.* М., 1992. С. 191.

26 Цит. по: Charles Boxer, *The Dutch Seaborne Empire, 1600–1800*, New York 1965, p. 109.

При этом голландцы не могли конкурировать с большими территориальными государствами в создании колоний просто потому, что для этого было слишком мало голландцев. В результате, в Северной Америке большинство колониальных жителей и почти все состоятельные торговцы, плантаторы и профессиональные слои имели британское происхождение, пользовались товарами, произведенными в Британии, и вели торговлю через британских торговых агентов. Английские порты начали бросать вызов, а затем и превзошли перевалочную торговлю Амстердама. Кроме того, пока голландская промышленность приходила в упадок, британские отрасли быстро расширялись благодаря сочетанию атлантической торговли с ростом государственной защиты.[27] Британский успех в опережении голландцев во внешней торговой и внутренней промышленной экспансии постепенно привел к сокращению доли перевалочной торговли Амстердама. Но смертельный удар голландскому торговому превосходству был нанесен распространением меркантилизма на балтийский регион и последовательным разрушением всего, что имело отношение к торговле голландского капитализма.[28]

Господство Лондона

Именно в такой обстановке Великобритания стала новым лидером «бесконечного» накопления капитала и власти благодаря полному слиянию капитализма и империализма. Как только Лондон заменил Амстердам в качестве финансового центра глобализованной европейской системы государств, а это произошло к 1780-м годам, Великобритания стала извлекать основную пользу от межгосударственной конкуренции за мобильный капитал. В этом отношении она наследовала капиталистической традиции, введенной генуэзцами в «долгом» XVI веке и развитой далее голландцами в «долгом» XVII веке. Однако в других отношениях Великобритания также была наследницей империалистической традиции, введенной иберийскими партнерами генуэзцев, — традиции, которую «антиимпериализм» голландцев и стабилизация европейского баланса сил в Вестфалии изменили лишь временно и частично.[29]

27 Boxer, *Dutch Seaborne Empire*, p. 109; Ralph Davis, 'The Rise of Protection in England, 1689–1786', *Economic History Review*, vol. 19, no. 2, p. 307; 'English Foreign Trade, 1700–1774' in W. E. Minchinton, ed., *The Growth of English Overseas Trade in the Seventeenth and Eighteenth Centuries*, London 1969, p. 115; Minchinton, *Growth of English Overseas Trade*, p. 13, Introduction.

28 «Основной причиной окончательного падения голландской системы всемирной торговли в 1720–1730-х годах была волна нового индустриального меркантилизма, которая распространилась почти по всему континенту примерно с 1720 года... До 1720 года такие страны, как Пруссия, Россия, Швеция и Дания с Норвегией, не имели средств и, с развитием Великой Северной войны, возможности соперничать с агрессивным меркантилизмом Англии и Франции. Но около 1720 года растущее сознание соперничества между северными державами, в сочетании с распространением новых технологий и навыков, зачастую голландских или гугенотских по своему происхождению, привело к серьезным переменам. В следующие два десятилетия большая часть Северной Европы вошла в систему индустриальной меркантилистской политики». Jonathan Israel, *Dutch Primacy in World Trade, 1585–1740*, Oxford 1989, pp. 383–384.

29 См.: Arrighi, *Long 20th Century*, pp. 47–58, 159–169.

Это особое сочетание капитализма и империализма привело к пространственному и организационному закреплению «бесконечного» накопления капитала, которое во всех основных отношениях отличалось от голландского цикла. В геополитическом отношении, система государств, созданная в Вестфалии под руководством голландцев, на самом деле была анархической, то есть в ней отсутствовало центральное правление. Межгосударственная система, воссозданная после наполеоновских войн под руководством британцев, напротив, привела к превращению европейского баланса сил, по крайней мере на какое-то время, в инструмент неформального британского правления. Получив власть над балансом сил во время войн, британцы предприняли множество шагов, направленных на сохранение его в своих руках. Убедив абсолютистские правительства континентальной Европы, организованные в Священный союз, что изменения в балансе сил возможны только в результате переговоров недавно образованного европейского концерта держав, они создали два противовеса своей власти. В Европе они требовали и добились того, что побежденная Франция была включена в число великих держав, хотя и в ограниченном виде: она была отнесена к второстепенным державам. В Америках они выступали против планов Священного союза восстановить колониальное правление, утверждая принцип невмешательства в Латинской Америке и призывая Соединенные Штаты поддержать этот принцип. То, что позднее стало называться «доктриной Монро», — идея о том, что Европа не должна вмешиваться в американские дела, — первоначально было британской политикой.[30]

Преследуя свои национальные интересы в сохранении и сплочении разобщенной и «сбалансированной» структуры власти в континентальной Европе, Британия способствовала созданию представления о том, что ее огромная власть в мире осуществлялась во имя общих интересов — интересов бывших врагов и бывших союзников, новых американских республик и старых европейских монархий. Такое представление подкреплялось британской *односторонней* либерализацией своей торговли, которая в конечном итоге завершилась отменой хлебных законов в 1846 году и навигационных актов в 1849 году. На протяжении последующих двадцати лет почти треть экспорта остального мира направлялась в Британию — Соединенные Штаты, почти с 25 % всего импорта и экспорта, были крупнейшим торговым партнером, а европейские страны составляли остальные 25 %. Благодаря этой политике Британия снизила внутренние издержки на жизненно важные товары и в то же самое время обеспечила другим странам средства для оплаты британских товаров. Это также привлекло значительную часть западного мира в орбиту ее торговли, создав межгосударственное сотрудничество и обеспе-

30 См. Поланьи К. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени.* СПб., 2002. С. 17–18, 272–274; David Weigall, *Britain and the World, 1815–1986: A Dictionary of International Relations*, New York 1987, pp. 58, 111; Henry Kissinger, *A World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812–22*, New York 1964, pp. 38–39; Alonso Aguilar Monteverde, *Pan-Americanism from Monroe to the Present: A View from the Other Side*, New York 1968, pp. 23–25.

чив низкие затраты на защиту своей внешней торговли и территориальной империи.[31]

В этом отношении завязанная на Великобританию система накопления коренным образом отличалась от голландской. В обеих системах территории метрополии ведущего капиталистического государства играли роль центрального перевалочного пункта. Но вскоре после того, как голландская система стала доминирующей, она столкнулась с агрессивным меркантилизмом Британии и Франции. Британская система, напротив, смогла осуществить консолидацию при помощи самого продолжительного мирного периода в европейской истории — «столетнего мира» (1815–1914), по Поланьи. Влияние Британии в европейском балансе сил и центральное положение в мировой торговле укрепляли условия этого мира. Первое сокращало вероятность того, что какое-то другое государство сможет бросить вызов британскому торговому превосходству подобно тому, как британцы бросили вызов голландскому превосходству после Вестфальского мира. Второе помещало все большее число территориальных государств в глобальное разделение труда, которое усиливало заинтересованность каждого в сохранении завязанной на Британию системы. И чем более широкой становилась такая заинтересованность, тем легче Британии было манипулировать балансом сил для того, чтобы предотвратить появление угроз ее торговому превосходству.

Такое положение во многом зависело от третьего различия между британской и голландской системами. Если Голландия занималась прежде всего перевалочной торговлей, то Британия также имела промышленность и была «мастерской мира». Долгое время она оставалась одним из основных индустриальных центров Европы. Но только в XVIII веке экспансия английской перевалочной торговли и огромные государственные расходы во время наполеоновских войн превратили британские производственные мощности в действенный инструмент национального роста.[32] Решающее значение имели наполеоновские войны. По словам МакНила,

> потребности правительства создали развитую металлургическую промышленность, производительность которой превышала потребности мирного времени, как показала послевоенная депрессия 1816–1820 годов. Но она также создала условия для будущего роста, предоставив владельцам британских металлургических предприятий прекрасные стимулы для поиска нового применения и производства более дешевой продукции, на которое были способны их крупные предприятия. Военные потребности в британской экономике, таким образом, повлияли на формирование последующих этапов промышленной революции, позволив усовершенствовать паровые двигатели и сделав возможными такие важные нововведения, как железные

31 Michael Barratt Brown, *After Imperialism*, London 1963, p. 63; Paul Kennedy, *The Rise and Fall of British Naval Mastery*, London 1976, pp. 156–164, 149–150; Joseph Nye, *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*, New York 1990, p. 53.

32 Arrighi, *Long 20th Century*, ch. 3.

дороги и пароходы, которые просто не смогли бы появиться в отсутствие стимулов военного времени для развития металлургии.[33]

В XIX веке железные дороги и паровозы превратили мир в невиданную прежде единую и взаимосвязанную экономику. В 1848 году ничего подобного железнодорожной сети Британии за ее пределами не существовало. На протяжении следующих тридцати лет, отмечает Эрик Хобсбаум, «наиболее удаленные части мира теперь начинали быть соединены посредством линий связи, которая не имела прецедента по части регулярности, способности транспортировать множество товаров и массы людей, и прежде всего, в смысле скорости».[34] С оформлением этой системы транспорта и коммуникаций произошел беспрецедентный рост мировой торговли. С середины 1840-х до середины 1870-х годов объем морской торговли между крупными европейскими государствами вырос более чем вчетверо, а стоимость торговли между Британией и Османской империей, Латинской Америкой, Индией и Океанией выросла в шесть раз. В конечном итоге, такая экспансия мировой торговли усилила межгосударственное соперничество и конкуренцию. Но в середине XIX века выгода от сотрудничества Британией, позволявшего использовать ее оборудование и ресурсы, была слишком большой, чтобы какое-то европейское государство добровольно от нее отказалось.

В ОТЛИЧИЕ ОТ ГОЛЛАНДСКОЙ СИСТЕМЫ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ В XVII ВЕКЕ, КОТОРАЯ ВСЕГДА БЫЛА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ТОРГОВОЙ, БРИТАНСКАЯ СИСТЕМА МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ В XIX ВЕКЕ СТАЛА ЕДИНОЙ СИСТЕМОЙ МЕХАНИЗИРОВАННОГО ТРАНСПОРТА И ПРОИЗВОДСТВА

В отличие от голландской системы мировой торговли в XVII веке, которая всегда была исключительно торговой, британская система мировой торговли в XIX веке стала единой системой механизированного транспорта и производства. Британия была одновременно главным организатором и главным получателем выгоды в этой системе, где она выполняла двоякую функцию основной расчетной палаты и регулирующего органа. Если функция основной расчетной палаты была неотделима от роли Британии как мастерской мира, функция основного регулирующего органа была неотделима от ее роли как ведущей силы создания империй в неевропейском мире. Возвращаясь к метафоре де ла Корта, в отличие от Голландии, которая была и оставалась «кошкой», Британия изначально была и всегда оставалась

33 William McNeill, *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force and Society since* ad *1000*, Chicago 1982, pp. 211–212.

34 Хобсбаум Э. *Век капитала, 1848–1875*. Ростов-на-Дону, 1999. С. 74–75.

территориальным «хищником», обращение которого к капитализму только пробудило аппетит к дальнейшим захватам. Как уже отмечалось ранее, ограбление Индии позволило Британии выкупить свой национальный долг у голландцев и начать наполеоновские войны почти полностью свободными от внешнего долга. Оно способствовало шестикратному увеличению британских государственных расходов в 1792–1815 годах, которому МакНил приписывает решающую роль на этапе формирования капитальных благ в промышленной революции. И, что еще более важно, оно дало начало процессу завоевания территориальной империи в Южной Азии, которая должна была стать основным столпом британской глобальной власти.

Развертывание этого процесса было подробно описано в другом месте.[35] Здесь я просто отмечу два основных аспекта его связи с расширенным воспроизводством британской власти, демографическим и финансовым. Огромные демографические ресурсы Индии подкрепляли британскую власть в мире в коммерческом и военном отношениях. В коммерческом отношении индийские рабочие насильно были превращены из основных конкурентов европейской текстильной промышленности в основных производителей дешевого продовольствия и сырья для Европы. В военном отношении индийские трудовые ресурсы были организованы в колониальную армию европейского образца, полностью финансировавшуюся индийскими налогоплательщиками и использовавшуюся на всем протяжении XIX века в бесконечной череде войн, в ходе которых Британия открыла Азию и Африку для западных торговли и инвестиций. Что касается финансового аспекта, девальвация индийской валюты, введение пресловутых налогов на административные нужды — посредством которых Индия вынуждена была оплачивать свое ограбление и эксплуатацию Британией — и контроль Банка Англии над валютными резервами Индии превратили эту страну в «основу» британского глобального финансового и торгового господства.[36]

Упадок Британии

Итак, во главе с Британией «бесконечное» накопление капитала и власти пришло к пространственному закреплению еще большего масштаба и охвата, чем в генуэзско-иберийском и голландском циклах. Но именно поэтому в конечном итоге наступило куда более масштабное перенакопление капитала. Как и в более ранних циклах, сложившийся центр сначала был лучше подготовлен для того, чтобы воспользоваться преимуществом усиления кон-

35 Arrighi and Silver, *Chaos*, pp. 106–114; 223–246.

36 Об этих и других аспектах получения дани от Индии см.: Barratt Brown, *The Economics of Imperialism*, Harmondsworth 1974, pp. 133–136; B. R. Tomlinson, 'India and the British Empire, 1880–1935', *Indian Economic and Social History Review*, vol. 12, no. 4, pp. 337–380; Marcello de Cecco, *The International Gold Standard: Money and Empire*, New York 1984, pp. 62–63; David Washbrook, 'South Asia, the World System and World Capitalism', *Journal of Asian Studies*, vol. 49, no. 3, p. 481; Amiya Kumar Bagchi, 'The Other Side of Foreign Investment by Imperial Powers', *Economic and Political Weekly*, 8 June 2002.

куренции, которым ознаменовалась смена этапа материальной экспансии этапом финансовой экспансии. Однако последующая эдвардианская *belle époque* предвещала возникновение межгосударственных конфликтов, которые в очередной раз революционизировали историческую географию мирового капитализма. Аналогичная «революция» конца XVIII – начала XIX века вывела из борьбы за капиталистическое лидерство протонациональные государства, наподобие Соединенных Провинций. В «революции» первой половины XX века из борьбы были выведены уже национальные государства, которые не контролировали единые агропромышленные и военные комплексы континентального масштаба.

«Новое ощущение опасности в Британии и рост милитаризма и джингоизма [в конце XIX века]», – отмечает Эндрю Гэмбл, – «были связаны с тем, что мир внезапно оказался заполненным промышленными державами, метрополии которых с точки зрения ресурсов, рабочей силы и промышленного производства потенциально были намного мощнее Британии».[37] Быстрая индустриализация объединенной Германии после 1870 года вызвала особое беспокойство у британцев, поскольку она создала условия для возникновения в Европе сухопутной державы, способной установить не только господство на континенте, но при этом еще и оспорить морское владычество Британии. Во время Первой мировой войны Британия и ее союзники преуспели в сдерживании Германии, а Британия даже расширила свою заморскую территориальную империю. Но финансовые издержки этих военно-политических успехов лишили Британию способности остаться центром мирового капитализма.

Накануне и даже во время войны Британия продолжала служить основным банкиром и заимодавцем на мировых кредитных рынках, причем не только для себя самой, но и предоставляя займы России, Италии и Франции. Казалось, что она, как и в XVIII веке, опять играла роль «банкира коалиции». Тем не менее, существовало одно коренное отличие, а именно – огромный внешнеторговый дефицит перед Соединенными Штатами, которые поставили боеприпасов и продовольствия союзникам на миллиарды долларов, но почти не требовали товаров взамен. «Ни передача золота, ни продажа за доллары британских ценных бумаг не могли покрыть этот разрыв; только займы на нью-йоркском и чикагском денежных рынках для долларовых выплат американским поставщикам боеприпасов могли стать выходом».[38] Когда британский кредит приблизился к исчерпанию, США бросили в бой свою экономическую и военную мощь, склонив баланс сил в пользу своих должников. Теперь влияние на баланс сил в Европе оказывала уже не Британия, а Соединенные Штаты. Ла-Манш больше не обеспечивал Британии такой надежной геополитической изоляции, которую по-прежнему обеспечивала США Атлантика. Еще более важным было то, что по мере преодоления при помощи новшеств в средствах транспорта и коммуникаций пространственных барь-

37 Andrew Gamble, *Britain in Decline: Economic Policy, Political Strategy and the British State*, London 1985, p. 58.
38 Kennedy, *Rise and Fall of the Great Powers*, p. 268.

еров отдаленность Америки переставала доставлять неудобства в торговом и военном отношениях. «В действительности, поскольку Тихий океан стал составлять конкуренцию Атлантике в качестве экономической зоны, положение США стало центральным — остров, размером с континент, имеющий неограниченный доступ к основным мировым океанам».[39]

Господство Вашингтона

Для создания этого «острова размером с континент» потребовалось много времени. Он был пространственным продуктом векового процесса территориального захвата и колонизации, благодаря которому Соединенные Штаты незаметно и исподволь «впитали» империализм с самого начала своей истории.[40] Но именно транспортная революция и индустриализация войны во второй половине XIX века превратила их в мощный агропромышленный и военный комплекс, имеющий решающие конкурентные и стратегические преимущества перед европейскими государствами. Безусловно, британская территориальная империя, охватывающая весь мир, имела больше ресурсов, чем Соединенные Штаты. Тем не менее, ее разбросанность по всему миру и слабые взаимосвязи между британскими колониальными владениями, в отличие от региональной концентрации и прочных связей — политических и экономических — между регионами Соединенных Штатов, служили важным отличием в пространственной конфигурации капиталистических государств «долгих» XIX и XX веков. Как уже отмечалось ранее, обширная империя Британии была важной составляющей формирования и консолидации завязанной на Британию системы накопления. Но как только межгосударственное соперничество за «жизненное пространство» под воздействием транспортной революции и индустриализации войны усилилось, затраты на защиту британской метрополии и заморских владений стали расти, а ее имперское имущество превратилось из активов в долги. В то же самое время преодоление пространственных барьеров, связанное с этими же двумя явлениями, превратило континентальные размеры, компактность, изолированность и прямой доступ к двум основным океанам Соединенных Штатов в решающее стратегическое преимущество в усиливающейся межгосударственной борьбе за власть.[41]

39 Joshua Goldstein and David Rapkin, 'After Insularity. Hegemony and the Future World Order', *Futures*, vol. 23, no. 9, p. 946.

40 «Американские историки, которые самодовольно говорят об отсутствии поселенческого колониализма, характерного для европейских держав, просто скрывают тот факт, что вся *внутренняя* история американского империализма была одним большим процессом захвата и оккупации территорий. Отсутствие территориализма "за рубежом" покоилось на беспримерном территориализме "у себя"». Gareth Stedman Jones, 'The History of US Imperialism', in Robin Blackburn, ed., *Ideology in Social Science: Readings in Critical Social Theory*, New York 1972, pp. 216–217. См. также: John Agnew, *The United States in the World-Economy: A Regional Geography*, Cambridge 1987.

41 Arrighi and Silver, *Chaos*, pp. 66–84.

Неудивительно, что борьба завершилась с возникновением биполярного мира, о котором так часто говорилось в XIX и в начале XX века: «международный порядок... теперь переходит “от одной системы к другой”. В расчет принимались только Соединенные Штаты и СССР... и из этих двух стран американская “сверхдержава” была намного более сильной».[42] Как отметил Томас Маккормик, американские лидеры боролись во Второй мировой войне «не просто для того, чтобы победить своих врагов, но и для того, чтобы создать геополитическую основу для послевоенного миропорядка, который они будут строить и направлять». В преследовании этой честолюбивой цели помогло знание британских прецедентов во время наполеоновских войн. В частности,

> Британия вышла на основной европейский театр боевых действий только тогда, когда война достигла своей конечной и решающей стадии. Ее прямое военное присутствие предотвращало попытки любой другой континентальной державы занять место Франции в континентальной структуре власти и подкрепляло легитимность британских притязаний на решающий голос в мирных переговорах. Подобным образом Соединенные Штаты вышли на европейский театр боевых действий лишь на последней и решающей стадии Второй мировой войны. Операция «Оверлорд», вторжение во Францию в июне 1944 года и продвижение на восток, в Германию, точно так же ограничило потенциальные российские амбиции на западе и обеспечило Америке ведущее место за столом мирных переговоров.[43]

Такие аналогии отражают тот факт, что в обоих переходах влияние на баланс сил в межгосударственной системе было необходимо для усиления возникающего гегемонистского государства. Но пространственное и организационное закрепление «бесконечного» накопления капитала и власти, которое произошло при американской гегемонии, не могло быть точно таким же, как и в случае Британии. Напротив, оно должно было отражать новую историческую географию капитализма, которая возникла в результате безвозвратного разрушения британского пространственного закрепления XIX века. В заключение, я рассмотрю природу и противоречия американского пространственного закрепления и попытаюсь ответить на вопрос, поднятый в начале этой статьи, о том, почему «запугивание американского народа» прекрасно сработало при установлении американской гегемонии при Трумэне, а теперь оно ведет к закату этой гегемонии.

III. МИРОВОЕ ГОСУДАРСТВО, КОТОРОГО НИКОГДА НЕ СУЩЕСТВОВАЛО

В книге, впервые опубликованной в 1948 году, Людвиг Дейо утверждал, что каждый раунд европейской борьбы за власть создавал условия для геогра-

42 Kennedy, *Rise and Fall of the Great Powers*, p. 357.
43 Thomas McCormick, *America's Half-Century: United States Foreign Policy in the Cold War*, Baltimore 1989, pp. 33–35.

фической экспансии завязанной на Европу системы суверенных государств, «перемещения» центра силы дальше на запад и на восток и для необратимой мутации в структуре расширяющейся системы. И Дейо предложил свое исследование механизмов, которые воспроизводили европейский баланс сил на протяжении пяти предыдущих столетий, как рассмотрение «структуры, которая перестала существовать... так сказать, [как] результат вскрытия».

> Баланс сил на Западе сохранялся только потому, что противовесы новоосвоенных территорий из-за пределов Европы могли вновь и вновь использоваться против сил, стремящихся к господству над миром. Во Второй мировой войне силы, которые покинули Европу в ходе эмиграции, вернулись обратно в этот регион... Старую плюралистическую систему малых государств полностью затмили гигантские молодые державы, к которым она теперь взывала о помощи... Таким образом, старая система, которая существовала на европейской сцене, рухнула. Более узкая сцена утрачивает свою первостепенную важность в качестве места для игры в собственном смысле слова и поглощается более широким просцениумом. На обеих сценах два мировых гиганта играют главные роли... Разделенная система государств вновь и вновь подвергается изменениям. Но старая европейская тенденция к разделению теперь заменяется новой глобальной тенденцией к объединению. И дальнейшее развитие этой тенденции не остановится, пока она не утвердится по всей планете.[44]

Полвека спустя после того, как были написаны эти строки, крах одного из двух «мировых гигантов» и последующая централизация глобального военного потенциала в руках Соединенных Штатов сделали эти замечания пророческими. Но задолго до того, как Дейо отметил кончину «старой европейской тенденции к разделению», Франклин Делано Рузвельт задался вопросом о том, как политическая структура может появиться из «новой глобальной тенденции к объединению». Рассмотрев тридцать лет мировых войн, революций, контрреволюций и самого серьезного экономического спада в капиталистической истории, он пришел к убеждению, что всемирный хаос можно преодолеть только через фундаментальную перестройку мировой политики. Он исходил из представления о том, что безопасность мира должна основываться на американской власти, осуществляемой через международные институты. «Но для того, чтобы такая схема имела широкую идеологическую привлекательность для страдающих народов мира, она должна опираться на институт, более понятный, чем международная валютная система, и менее грубый, чем совокупность военных союзов или баз».[45]

Ключевым органом здесь должна была стать Организация Объединенных Наций со своим призывом ко всеобщему миру и мечте бедных наций о независимости и, в конечном итоге, равенстве с богатыми нациями.

44 Ludwig Dehio, *The Precarious Balance: Four Centuries of the European Power Struggle* [1948], New York 1962, pp. 264–266, 269.

45 Franz Schurmann, *The Logic of World Power: An Inquiry into the Origins, Currents and Contradictions of World Politics,* New York 1974, p. 68.

Франц Шурманн вполне обоснованно показывает политические последствия такого революционного видения:

> Впервые в мировой истории произошла конкретная институционализация идеи мирового правительства. Если Лига Наций руководствовалась в сущности духом конгресса наций XIX века, то Организация Объединенных Наций открыто руководствовалась американскими политическими идеями... В мировой системе Британии, созданной посредством ее империи, не было ничего революционного. Нечто революционное было в системе мирового рынка, которая распространилась из Британии в XVIII веке... Британское имперское величие было экономическим, а не политическим. Однако Организация Объединенных Наций была и остается политической идеей. Американская революция доказала, что нации могли создаваться в результате осознанных и продуманных действий людей... То, что имел смелость представить и осуществить Рузвельт, было продолжением этого процесса создания правительства для мира в целом.[46]

Рузвельтовское представление о мировом правительстве имело и социальные задачи, и фискально-финансовые последствия. Оно было сознательной проекцией американского Нового курса в мировом масштабе.

> В основе Нового курса лежало представление о том, что большое правительство должно много тратить для обеспечения безопасности и прогресса. Таким образом, послевоенная безопасность требовала больших расходов от Соединенных Штатов для преодоления хаоса, созданного войной. Помощь... бедным странам должна была привести к тем же последствиям, что и программы социального обеспечения в самих Соединенных Штатах, — она должна была обеспечить безопасность для преодоления хаоса и позволить избежать революции. Между тем, бедные страны должны были стать неотъемлемой частью восстановленной системы мирового рынка. После вхождения в общую систему они должны были стать такими же ответственными, как американские профсоюзы во время войны. Помощь Британии и остальной Западной Европе способствовала бы экономическому росту, который, в свою очередь, привел бы к оживлению трансатлантической торговли и, в конечном итоге, принес бы пользу американской экономике. Америка тратила огромные суммы, которые вели к огромному дефициту, для поддержания военной экономики. В результате начался поразительный и внезапный экономический рост. Послевоенные расходы должны были оказать такое же влияние в общемировом масштабе.[47]

Так и произошло, но только рузвельтовский «единый мир», включавший, среди прочих бедных стран мира, и Советский Союз, сменился трумэновским «свободным миром», который превратил сдерживание СССР в основной организующий принцип американской гегемонии. На смену революционному идеализму Рузвельта, который видел в институтах международно-

46 Schurmann, *Logic of World Power*, p. 71.
47 Schurmann, *Logic of World Power*, p. 67.

го правления основной инструмент распространения Нового курса в мире в целом, пришел реформистский реализм его преемников, которые превратили американский контроль над мировыми деньгами и глобальную военную мощь в основные инструменты американской гегемонии.[48]

Ибо рузвельтовский проект с точки зрения конгресса и американского бизнеса был слишком идеалистическим. Мир был слишком большим и сложным для того, чтобы Соединенные Штаты перестроили его в соответствии со своими представлениями, особенно если для осуществления этой цели правительству США пришлось бы идти на компромисс со взглядами и интересами своих друзей и врагов в органах мирового правления. Конгресс и американские деловые круги были «слишком рациональны» в своих расчетах денежной выгоды и издержек от американской внешней политики, чтобы предоставить средства, необходимые для осуществления такого нереалистичного плана. В действительности, как уже было отмечено ранее, если бы не «случилась» Корея и Трумэн не получил того, что было необходимо ему для «запугивания американского народа», невозможно было бы профинансировать даже перевооружение США и Европы, предусмотренное документом 68 Совета государственной безопасности. Но Корея случилась, и серьезное перевооружение во время и после корейской войны обеспечило огромный рост американской и мировой экономики.

С правительством США, действующим в роли весьма снисходительного мирового центрального банка, американская военная помощь иностранным правительствам и прямые военные расходы за рубежом, которые становились все больше и больше в период с 1950 по 1958 год, а затем с 1964 по 1973 год, способствовали возврату ликвидности в мировую торговлю и производство, которые росли беспрецедентными темпами.[49] Согласно МакКормику, 23-летний период, начавшийся войной в Корее и завершившийся парижскими мирными соглашениями 1973 года, которые положили конец вьетнамской войне, были «наиболее устойчивым и прибыльным периодом экономического роста в истории мирового капитализма».[50]

Этот период многие назвали «золотым веком капитализма». Хотя по историческим меркам темпы роста мировой торговли и производства в 1950–1960-х годах действительно были необычайными, они вряд ли были первым золотым веком капитализма. Таким же впечатляющим был век капитала у Хобсбаума (1848–1875), который наблюдатели конца XIX века сравнивали с эпохой великих географических открытий.[51] Подобно «веку капитала» столетием ранее, золотой век 1950–1960-х годов, завершил длительный период финансовой экспансии и, в конечном итоге, привел к всплеску империалистических практик. Подлинная новизна нынешнего всплеска по сравнению с тем, что имел место сто лет тому назад, заключалась в попытке клонящейся

48 См.: Schurmann, *Logic of World Power*, pp. 5, 67, 77.

49 См.: David Calleo, *The Atlantic Fantasy: The* US, NATO *and Europe*, Baltimore, md 1970, pp. 86–87; Robert Gilpin, *The Political Economy of International Relations*, Princeton 1987, pp. 133–134.

50 McCormick, *America's Half-Century*, p. 99.

51 Хобсбаум Э. *Век капитала*. С. 57.

к упадку гегемонистской державы противодействовать этому упадку и превратиться в мировое государство. Такая попытка — это продолжение другими средствами и в совершенно иных условиях рузвельтовского проекта мирового правительства. Если рузвельтовская идея Нового курса для всего мира так никогда и не была осуществлена на практике, то трумэновская ограниченная и милитаризованная разновидность «холодной войны» привела к серьезной экспансии американского капитала и власти. Почему же неоконсервативный проект теперь терпит такой серьезный провал при повторении этого опыта в условиях еще большей централизации глобального военного потенциала в руках Соединенных Штатов?

Формы защиты

Предложенное Чарльзом Тилли представление о государственной деятельности как об одной из сторон организации и монополизации насилия позволяет нам дать простой ответ на этот вопрос. Основная особенность, которая отличает правительства от других организаций, по утверждению Тилли, состоит в «стремлении к монополизации сконцентрированных средств насилия». Такая тенденция проявляется в четырех различных видах деятельности: защите, государственном строительстве, войне и получении добычи. Защита — наиболее заметный «продукт» правительственной деятельности. Как отмечает Тилли, «слово “защита” содержит в себе два противоположных оттенка». В первом случае оно будит в воображении спокойный образ сильного друга или организации, которая защищает от опасности. Во втором же случае оно заставляет мысленно нарисовать зловещую картину вымогательства, когда громила заставляет торговцев откупаться во избежание ущерба, нанесением которого скрыто или явно угрожает сам громила.

> Какой образ пробуждает в сознании слово «защита», зависит главным образом от нашей оценки реальности и вида угрозы. Тот, кто создает опасность и по высокой цене предоставляет защиту от нее, — вымогатель. Тот, кто предоставляет необходимую защиту, но не властен над возникновением опасности, считается законным защитником, особенно если он обходится дешевле своих конкурентов. Тот, кто предоставляет надежную и недорогую защиту от местных вымогателей и чужих грабителей, выступает с лучшим предложением.

В соответствии с этим критерием, далее Тилли утверждает, что предоставление защиты правительствами часто называют вымогательством.

> Поскольку угрозы, от которых данное правительство защищает своих граждан, являются мнимыми или представляют собой последствия его же собственной деятельности, оно предоставляет своеобразную «защиту» от своих же нападок. Поскольку сами правительства обычно имитируют или даже фабрикуют угрозы внешней войны, а репрессивная и ориентированная на добычу деятельность правительств зачастую представляет наибольшую угрозу средствам собственных граждан, многие правительства,

> по сути, действуют теми же методами, что и вымогатели. Конечно, имеется различие: вымогатели, в соответствии с принятым определением, не обладают неприкосновенностью правительств.[52]

Вслед за Артуром Стинчкомбом Тилли утверждает, что законность властей предержащих зависит не столько от согласия тех, кто им подвластен, сколько от согласия других властей. К этому Тилли добавляет, что, в соответствии с общим правилом, другие власти «с большей вероятностью согласятся с решениями той власти, которая обладает значительной силой, причем не только из страха возмездия, но и из желания сохранить стабильное окружение».[53] Вероятность притязаний (и сложность противодействия им) конкретного правительства на обеспечение защиты возрастает по мере достижения этим правительством определенных успехов в деле монополизации сконцентрированных средств насилия. А это влечет за собой устранение или нейтрализацию внутренних (государственное строительство) и внешних (война) соперников. А поскольку защита, государственное строительство и ведение войны требуют определенных финансовых и материальных ресурсов, получение добычи представляет собой деятельность, позволяющую правительствам приобретать таковые ресурсы. При благоприятном исходе каждый из четырех этих видов деятельности «обычно укрепляет другие».[54]

Изменение роли Соединенных Штатов

Особое значение в теории Тилли придается объединению усилий в деятельности, направленной на государственное строительство, ведение войны, получение добычи и обеспечение успешной монополизации правительством сконцентрированных средств насилия *на национальном уровне*. Для приложения такой теории к американскому правительству, которое попыталось организовать и монополизировать сконцентрированные средства насилия *на глобальном уровне*, необходимы два уточнения. Во-первых, формирование мирового государства стирает различие между деятельностью, связанной со строительством государства и ведением войны, потому что мировое государство притязает на весь мир и тем самым *de facto* отрицает различие между внутри- и межгосударственными областями. Отсюда распространенное описание многих «войн», которые вели Соединенные Штаты с конца Второй мировой войны, как полицейских действий, а не войн в собственном смысле слова. Кроме того, поскольку национальные государства по-прежнему пользуются «неприкосновенностью правительств», мировому государству трудно представить себя в качестве организатора «законной защиты», а не «вымогателя».

52 Charles Tilly, 'War Making and State Making as Organized Crime' in P. B. Evans, D. Rueschemeyer, and T. Skocpol, eds., *Bringing the State Back In*, Cambridge 1985, pp. 170–171.
53 Arthur Stinchcombe, *Constructing Social Theories*, New York 1968, p. 150; Tilly, 'War Making and State Making', p. 171.
54 Tilly, 'War Making and State Making', pp. 171, 181.

Такие уточнения позволяют понять неспособность администрации Буша повторить успехи администрации Трумэна, исходя из разницы между вымогательством и законной защитой. Несмотря на все свои недостатки, ограниченный и милитаризованный проект мирового правительства, начатый Трумэном, определялся и воспринимался многими правительствами на национальном уровне в качестве законной защиты. Отчасти это было связано с опорой Соединенных Штатов на всем протяжении 1950–1960-х годов на Организацию Объединенных Наций в обеспечении того, что по крайней мере некоторые «неприкосновенные правительства», все еще существовавшие на национальном уровне, согласятся с действиями американского мирового правительства. Однако две основные причины того, почему американский проект «холодной войны» считался законной защитой, были фактическими, а не институциональными.

Первая причина, перефразируя Тилли, заключалась в том, что они предлагали необходимую защиту от опасности, которая не была создана Соединенными Штатами. Хотя они извлекли наибольшую экономическую и политическую выгоду от эскалации насилия в первой половине XX века, эпицентр этой эскалации находился в Европе, а не в Соединенных Штатах. Европа больше всего нуждалась в защите, потому что, как отмечает Арно Майер в ином контексте, в обеих мировых войнах «кровавые жертвы Европы были несоизмеримо большими и серьезными, чем у Америки».[55] Но жертвы возникли в результате европейских конфликтов. Предлагая миропорядок, способный снизить вероятность повторения подобных конфликтов, Соединенные Штаты считались законным защитником.

Вторая причина заключалась в том, что Соединенные Штаты предлагали действенную защиту по идеальной цене. Рузвельт и Трумэн предлагали финансировать обеспечение защиты во всем мире при помощи избыточного капитала, накопленного Соединенными Штатами в течение предшествующих тридцати лет всемирного хаоса. Ни одно государство, не говоря уже о любом из недавно созданных международных институтов, не имело средств, необходимых для того, чтобы сравниться с таким недорогим предложением. В действительности, основная проблема администрации Трумэна заключалась не в поиске клиентов для защиты, а в убеждении конгресса в том, что инвестиции избыточного американского капитала в производство защиты в мировом масштабе отвечало национальным интересам Америки. Именно с этой целью Трумэн искусно раздувал коммунистическую угрозу.

Ситуация начала меняться с «сигнальным кризисом» американской гегемонии в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Вьетнамская война показала, что американская защита была не столь надежной, как утверждали Соединенные Штаты и ожидали их клиенты. Во время Первой и Второй мировых войн Соединенные Штаты стали богатыми и сильными, позволив остальным странам вести большую часть действительной борьбы, предоставляя

55 Arno Mayer, 'Beyond the Drumbeat: Iraq, Preventive War, "Old Europe"', *Monthly Review*, March 2003.

им кредиты, продовольствие и оружие, наблюдая за тем, как они истощали друг друга в экономическом и военном отношении, и позднее вмешиваясь в борьбу, чтобы обеспечить результат, отвечавший их национальным интересам. Во Вьетнаме, напротив, они вынуждены были самостоятельно вести большую часть борьбы во враждебной в социальном, культурном и политическом отношениях среде, в то время как их европейские и восточно-азиатские клиенты становились все более сильными экономическими конкурентами, а американские транснациональные корпорации получали прибыль на внешних финансовых рынках, лишая американское правительство чрезвычайно необходимых налоговых поступлений. В такой обстановке американская военная мощь лишилась доверия, и Соединенные Штаты вынуждены были отказаться от обеспеченного золотом доллара. И — что еще хуже — Организация Объединенных Наций превратилась в рупор недовольства стран «третьего мира», ослаблявший легитимность выполнения Соединенными Штатами функций мирового правительства.

После десятилетия усугубляющегося кризиса администрация Рейгана начала превращать законную защиту в вымогательство. Она отказалась считать ООН источником легитимности для американской гегемонии. Она надавила на Японию, которая оказалась самым зависимым от американской защиты клиентом, быстрее всех накапливавшим избыточный капитал, чтобы ограничить конкуренцию с Соединенными Штатами посредством «добровольных» экспортных ограничений (ранее немыслимое новшество в международной торговле!) и использовать ее избыточный капитал для финансирования растущего дефицита американского бюджета и торгового баланса. Она увеличила баланс страха с СССР посредством серьезной эскалации гонки вооружений. И она привлекла множество разных местных «громил» (в том числе Саддама Хусейна) и религиозных фундаменталистов (в том числе Усаму бен Ладена) для борьбы с Советским Союзом в странах «третьего мира». Таким образом, Соединенные Штаты начали назначить цену за свою защиту, создавая угрозы, от которых они позднее предлагали свою защиту.

Успех администрации Рейгана в расшатывании «третьего мира» и советской мощи создал у Джорджа Буша-старшего иллюзию насчет возможности создания самоокупающейся американской «империи баз». Как отметил Чалмерс Джонсон, такая империя была (и остается) куда более уязвимой к дефициту торгового баланса и движению капитала, чем «старые самофинансировавшиеся империи». Но подчас американская империя баз «делает деньги, подобно гангстерам в 1930-х годах, которые силой заставляли простых людей и предпринимателей платить деньги за “защиту”, заставляя иностранные правительства оплачивать свои имперские проекты». Наиболее показательным примером служит первая иракская война. Обратившись к ООН за признанием законности войны, администрация Буша смогла получить от своих наиболее богатых и наиболее зависимых в военном отношении клиентов (особенно Саудовской Аравии, Кувейта, Объединенных Арабских Эмиратов, Германии и Японии) финансовые пожертвования на сумму 54,1

миллиарда долларов, причем вклад США составил 7 миллиардов долларов – чуть более половины вклада Японии, равнявшегося 13 миллиардам долларов.[56] Кроме того, такая огромная плата была взята не на защиту от угрозы, наподобие коммунизма, который возник независимо от воли Соединенных Штатов, а на защиту от угрозы, которая отчасти возникла вследствие поддержки Соединенными Штатами Саддама Хусейна в войне против Ирана.

Переход от законной защиты к вымогательству был продолжен при Клинтоне другими средствами. Соединенные Штаты вновь отказались от использования ООН в качестве средства легитимации своих полицейских действий, на сей раз ради коллективного выполнения различных «гуманитарных» миссий с участием НАТО. В то же самое время Бреттон-Вудские институты были превращены в инструменты американского господства на все более интегрированном глобальном рынке. «Успех» миссий в Боснии и Косово, наряду с разрастанием мыльного пузыря «новой экономики», придал убедительность словам госсекретаря Мадлен Олбрайт о Соединенных Штатах как «необходимой нации». Но в основе этой «необходимости» лежала не предполагаемая способность Соединенных Штатов, как утверждала Олбрайт, «смотреть в будущее дальше других стран».[57] Скорее, она была связана с общими опасениями насчет непоправимого ущерба, который американская политика могла причинить остальному миру. Угрозы, от которых теперь Соединенные Штаты предлагали защиту, были угрозами, которые были или могли быть созданы самими же Соединенными Штатами. И триллионы долларов, которыми иностранные правительства начали наполнять казну американского правительства, свидетельствовали о том, что защита перестала обходиться недорого.

Больше не необходимая Америка?

Таким образом, не при неоконсерваторах из администрации Буша началось превращение США из законного защитника в вымогателя. К тому времени, когда они пришли к власти, Соединенные Штаты уже далеко продви-

56 Chalmers Johnson, *The Sorrows of Empire: Militarism, Secrecy, and the End of the Republic*, London 2004, pp. 25, 307. Согласно Джонсону, позднее Соединенные Штаты хвалились тем, что им даже удалось извлечь небольшую выгоду из конфликта. См. также: Хобсбаум Э. *Эпоха крайностей: короткий XX век (1914–1991)*. М., 2004. С. 245. Это был первый и единственный случай, когда Соединенные Штаты не только попытались заставить своих клиентов оплатить свою крупную войну, но и действительно добились успеха в этом предприятии. Сам по себе успех вымогательства не является признаком гегемонии, поскольку во времена расцвета своей гегемонии Соединенные Штаты сами полностью оплачивали свои войны и защиту своих клиентов. Скорее, он свидетельствует о том, что американская гегемония перестала быть «гегемонией денег», но при этом имеет еще достаточно сил, чтобы позволить Соединенным Штатам заставить своих клиентов платить за предоставление защиты. Неспособность Джорджа Буша-младшего заставить клиентов оплатить вторую иракскую войну (см. ниже), напротив, можно считать признаком того, что Соединенные Штаты утратили и гегемонию денег, и гегемонию в собственном смысле слова.

57 Цит. по: Stephen Sestanovich, 'Not Much Kinder and Gentler', *The New York Times*, 3 February 2005.

нулись в этом предприятии. Но они пошли еще дальше и невольно выявили его военные и экономические пределы. Как уже отмечалось в первой части этой статьи, их попытка показать, что американская военная мощь способна обеспечить безопасность в мире и сохранение центрального положения Соединенных Штатов в глобальной политической экономии потерпела неудачу.[58] Теперь можно рассмотреть неспособность Соединенных Штатов заниматься вымогательством в мировом масштабе.

Колин Пауэлл сам навел на мысли о зловещем образе защиты у Тилли, сказав, что Соединенные Штаты должны быть «квартальным громилой». Остальной мир с радостью согласился бы с этой ролью, — продолжил он, переходя уже к позитивному образу защиты, — так как «можно быть уверенным в том, что Соединенные Штаты не станут злоупотреблять этой властью».[59] Мы не знаем, на чем основывается такая убежденность Пауэлла. Но если приведенные ранее сообщения со всего света верны, то спокойный образ американской защиты сменился зловещим образом Соединенных Штатов, которые пытаются силой загнать остальных в прокрустово ложе своей внешнеполитической программы. Более важно, что такие попытки не увенчались успехом.

УГРОЗЫ, ОТ КОТОРЫХ ТЕПЕРЬ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ПРЕДЛАГАЮТ ЗАЩИТУ, ЯВЛЯЮТСЯ УГРОЗАМИ, КОТОРЫЕ БЫЛИ ИЛИ МОГЛИ БЫТЬ СОЗДАНЫ САМИМИ ЖЕ СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ

Наиболее убедительным свидетельством является нежелание даже самых преданных клиентов предоставить Соединенным Штатам средства, необходимые для того, чтобы выбраться из иракской трясины. Несмотря на попытку Колина Пауэлла поднять боевой дух, заявив об успехе «конференции доноров» в Мадриде после наделения Советом Безопасности ООН оккупации Ирака некоторой легитимностью, взносы совершенно не оправдали возлагавшихся на нее ожиданий и особенно в сравнении с той суммой, которую Соединенные Штаты собрали в 1991 году на войну в Заливе. Действительные пожертвования (то есть безвозмездная помощь) составили менее одной восьмой из намеченных 36 миллиардов долларов и значительно меньше четвертой части от официально обещанного Соединенными Штатами взноса в 20 миллиардов долларов. Одна из самых удивительных черт иракской войны, напротив, заключается в том, что остальные страны смогли бросить Соединенные Штаты в беде. Германия и Саудовская Аравия не дали почти ничего. Даже официально обещанные Японией 1,5 миллиарда долларов — самая крупная сумма на мадридской конференции — меркнут по сравнению 13 мил-

58 Арриги Дж. Утрата гегемонии — I // Прогнозис. 2005. № 2.
59 Цит. по: Harvey, *New Imperialism*, p. 80.

лиардами долларов, выделенными Японией на первую войну в Ираке, особенно учитывая, что в реальном исчислении в 1991 году они стоили намного больше, чем в 2003 году.

Отчасти это резкое снижение обусловлено осознанием того, что американская защита стала приводить к обратным результатам; что Соединенные Штаты, выдавив из своих клиентов все, что можно, оставляют их беззащитными перед еще более грозными опасностями, чем те, от которых их защищали, как в случае с Саудовской Аравией, и, что в долгосрочной перспективе американские действия создают б*о*льшую опасность, чем та, от которой они предлагают защиту, как, по-видимому, было в случае с Германией. Но отчасти столь резкое снижение взносов может быть обусловлено осознанием того, что теперь платить Соединенным Штатам стало необязательно. И осознание этого распространено гораздо шире ритуальной дани уважения, которую по-прежнему продолжают отдавать американскому могуществу. Но, возможно, это в большей степени относится к Японии и другим клиентам Соединенных Штатов в восточно-азиатском регионе.

До самого недавнего времени многие страны в этом регионе считали американскую защиту основой противодействия реальной или мнимой угрозе собственной безопасности со стороны КНР. Сегодня же, напротив, КНР перестала считаться серьезной угрозой, и даже если такая угроза вновь возникнет, предлагаемая американцами защита будет считаться ненадежной. Кроме того, возможности самих Соединенных Штатов по взиманию платы за защиту со своих восточно-азиатских клиентов заметно сократились вследствие возрастания зависимости США от восточно-азиатских денег и сокращения зависимости стран Восточной Азии от американского рынка с усилением Китая как крупнейшего, наиболее быстро растущего и наиболее прибыльного рынка.

Как было показано в первой части этой статьи, привлекательность Китая как экономического и стратегического партнера простирается далеко за пределы восточно-азиатского региона. Взлет Китая напоминает взлет США во время мировых войн первой половины XX века. Так же, как Соединенные Штаты оказались настоящим победителем во Второй мировой войне после того, как СССР сломил вермахт в 1942–1943 годах, сегодня все указывает на Китай как на настоящего победителя в войне с терроризмом, независимо от того, удастся или нет Соединенным Штатам победить аль-Каиду и подавить восстание в Ираке.[60] Изложенного в этой статье недостаточно для того, чтобы ответить на вопросы о том, способна ли эта новая «победа» перейти в новое глобальное пространственное закрепление и на что оно может быть похоже. Здесь можно сказать лишь то, что новый империализм «Проекта за новый американский век», вероятно, знаменует собой бесслав-

60 Участник дискуссии в Институте инженеров электричества и электроники недавно вспомнил старую шутку о том, что США вели «холодную войну», а победила Япония. «Новая шутка состоит в том, что Соединенные Штаты ведут войну с террором, а побеждает Китай». (‘East Asia Rising’, http://www.spectrum.ieee.org). Обе этих шутки ухватывают важные аспекты исторического развития капитализма.

ный конец шестидесятилетней борьбы Соединенных Штатов за то, чтобы стать организующим центром мирового государства. Эта борьба изменила мир, но даже в свои наиболее триумфальные моменты США никогда не были близки к осуществлению своей цели. Приближаясь к концу этого долгого процесса, все, сделанное Джорджем Бушем-младшим, доказывает, что Олбрайт ошибалась. Майкл Линд сетует, что «Соединенные Штаты оказались страной, без которой можно обойтись».

> Не так давно ничего нельзя было сделать без Соединенных Штатов. Но сегодня строительство большинства международных институтов, имеющих сколько-нибудь долгосрочное значение в глобальной дипломатии и торговле, происходит без американского участия... Европа, Китай, Россия, Латинская Америка и другие регионы и страны спокойно принимают меры, способные ослабить американское влияние.[61]

Развенчание мифа о «необходимой нации» не означает, что Соединенные Штаты не могут предпринять провокационные действия, способные разжечь конфликт с Китаем в региональном и, возможно, глобальном масштабе, в соответствии с прогнозом Харви по самому неблагоприятному варианту. Это также не означает, что в какой-то момент Соединенные Штаты и Европа не смогут объединить свои усилия в своеобразном «ультраимпериалистическом» проекте, который Харви считает единственной реалистической альтернативой «грубому милитаристскому империализму» американских неоконсерваторов.[62] Но такие альтернативы уже кажутся сегодня еще менее вероятными, чем два года тому назад. И для оптимистов это может означать превращение менее опасных и более справедливых альтернатив во вполне реальные исторические возможности.

Перевод с английского Артема Смирнова

61 Michael Lind, 'How America Became the World's Dispensable Nation', *Financial Times*, 25 January 2005.

62 Арриги Дж. Утрата гегемонии – I // Прогнозис. 2005. № 2; Harvey, *New Imperialism*, pp. 209–211.

Джозеф НАЙ

НОВЫЙ РИМ СТАЛКИВАЕТСЯ С НОВЫМИ ВАРВАРАМИ*

Вскоре после событий 11 сентября Джордж Буш-старший заметил, что

> точно так же, как Перл-Харбор развеял у нашей страны иллюзию, что нам удастся избежать обязанности защищать свободу в Европе и Азии во Второй мировой войне, это недавнее неожиданное нападение развеяло иллюзию некоторых лагерей, что Америка сможет действовать в одиночку в борьбе против терроризма или в других важных вопросах.

Но союзники Америки сомневаются, что этот урок был усвоен, — ведь явный успех афганской кампании свидетельствует о том, что односторонний подход прекрасно работает. Кажется, что Соединенные Штаты настолько сильны, что они вполне могут позволить себе действовать в одиночку.

На самом деле со времен Рима ни одно государство не имело такого огромного влияния на остальных, но даже Рим в конечном итоге потерпел крах. Каких-то десять лет тому назад все считали, что Америка переживала упадок. Одна за другой выходили книги, в которых говорилось о закате Америки. Ожидалось, что вскоре страной «номер один» в мире станет Япония. Эта точка зрения изначально была ошибочной, поэтому еще в 1989 году во время написания своей книги «Обязаны быть первыми» я, как и другие, предсказывал дальнейший рост американской силы. Но распространенное теперь представление о неуязвимости Америки может оказаться не менее опасным, если оно приведет к внешней политике, сочетающей односторонность, высокомерие и ограниченность.

Многие сторонники «реалистической» теории международных отношений также выражали озабоченность по поводу сохранения влияния Америки в будущем. На всем протяжении истории для сдерживания преобладающих держав складывались коалиции из различных стран, и нельзя сказать, чтобы в странах, претендующих на совершение сдвига в балансе силы, наблюдался недостаток. Одни считают новым врагом Китай; другие видят угрозу в коалиции России, Китая и Индии. Но даже если Китай сохранит

* Joseph Nye, *Power in the Global Information Age* (London: Routledge, 2004), pp. 97–102.

высокие темпы роста в 6 % (в Соединенных Штатах они едва достигают 2 %), он все равно не сравнится с Америкой по доходу на душу населения, оцениваемому по паритету покупательной способности.

Есть еще и те, кто считает, что объединенная Европа как потенциальная федерация сможет бросить вызов главенству Соединенных Штатов. Но этот прогноз в значительной степени зависит от политического единства Европы и удручающего состояния трансатлантических отношений. Хотя реалисты обратили внимание на выравнивание власти на международной арене, их поиск новых соперников в духе «холодной войны» во многом неблагодарное и бесполезное занятие. Они игнорируют глубокие перемены в распределении и природе силы в современном мире.

ТРИ ВИДА СИЛЫ

На первый взгляд, неравенство между американской силой и силой остального мира кажется очевидным. В военном отношении Соединенные Штаты — единственная страна, имеющая и ядерное оружие, и обычные вооружения, которые могут быть использованы во всем мире. Американские военные расходы превышают военные расходы следующих восьми стран вместе взятых, и они привели к информационной «революции в военном деле». По своему экономическому размеру доля Америки в мировом ВВП (в рыночных ценах), составляющая 31 %, равна следующим четырем странам вместе взятым (Япония, Германия, Великобритания и Франция). С точки зрения культурного влияния, Соединенные Штаты — крупнейший экспортер фильмов и телевизионных программ в мире. Они также обучают множество иностранных студентов в своих колледжах и университетах.

После краха Советского Союза одни аналитики называли сложившийся мир однополярным, другие — многополярным. И те, и другие не правы, потому что они указывают на различные измерения силы, которую больше нельзя связывать с одним только военным преобладанием. Сторонники однополярности преувеличивают степень, в которой Соединенные Штаты способны добиться желаемых результатов в некоторых аспектах мировой политики, а сторонники многополярности ошибочно полагают, что существует несколько примерно равных по силе стран.

Напротив, сила в глобальную информационную эпоху распределяется между странами в соответствии с моделью, которая напоминает сложные трехуровневые шахматы. На верхней доске находится однополярная военная сила. Повторим: Соединенные Штаты — это единственная страна, имеющая и межконтинентальное ядерное оружие, и современные военно-воздушные, военно-морские и сухопутные силы, способные к глобальному развертыванию. На средней доске находится многополярная экономическая сила Соединенных Штатов, Европы и Япония, на которые приходится две трети мирового ВВП, а также быстро растущего Китая, который вполне может стать четвертым крупным игроком. На этой экономической доске Соединенные Штаты не являются гегемоном и часто вынуждены вести переговоры с Европой на равных.

Нижняя доска — это область транснациональных отношений, которая не зависит от границ и государственного контроля. В этой области действуют такие различные участники, как банкиры, способные мгновенно переводить огромные суммы, намного превышающие бюджеты отдельных стран, и террористы, занимающиеся переправкой оружия, или хакеры, мешающие работе Интернет. На этой нижней доске сила распылена, поэтому здесь разговоры об однополярности, многополярности или гегемонии бессмысленны. Сторонники гегемонистской американской внешней политики, основанной на традиционных представлениях об американской силе, опираются на вопиюще неадекватный анализ. При игре на трех досках можно проиграть, сосредоточившись только на верхней доске и забыв об остальных досках и о вертикальных связях между ними.

«СЖАТИЕ» МИРА

Благодаря своему ведущему положению в информационной революции и своим прошлым вложениям в традиционные ресурсы силы Соединенные Штаты, скорее всего, останутся наиболее могущественной страной в мире в этом новом столетии. Несмотря на то что создание потенциальных коалиций для сдерживания американской силы возможно, они вряд ли будут устойчивыми союзами, если Соединенные Штаты не станут использовать свою силу принуждения в одностороннем порядке и не лишатся мягкой или привлекательной силы — важного средства, позволяющего заставить других делать то, что тебе хочется.

Как писал Йозеф Иоффе, редактор *Die Zeit*, «в отличие от прошлых столетий, когда война была главным судьей, сегодня наиболее интригующие типы силы не связаны со стволами орудий». Сегодня намного выгоднее делать так, чтобы «другие хотели того, чего хочешь ты», а для этого необходимы культурная привлекательность и идеология, а также особые программы и экономические стимулы для сотрудничества. Мягкая сила особенно важна при решении проблем, возникающих на нижней шахматной доске транснациональных отношений.

Реальные вызовы американской силе появляются незаметно, и, по иронии судьбы, соблазн односторонних действий способен, в конечном итоге, ослабить Соединенные Штаты. Современная информационная революция и неразрывно связанная с нею глобализация ведут к преобразованию и «сжатию» мира. В начале XXI века эти две силы соединились, чтобы умножить американскую силу. Но со временем технологиями овладеют другие страны и народы, и относительное превосходство Америки уменьшится.

Например, сегодня на Америку, в которой проживает 5 % всех жителей мира, приходится более 50 % пользователей интернета. Через пару десятилетий, скорее всего, преобладающим языком в интернете станет китайский. Он не вытеснит английский в качестве *lingua franca*, но в какой-то момент в будущем азиатские киберсообщества и экономики станут более влиятельными, чем американские.

И — что еще более важно — информационная революция создает виртуальные сообщества и сети, которые преодолевают государственные границы. Важную роль будут играть транснациональные корпорации и негосударственные участники (включая террористов). Многие такие организации будут иметь свою мягкую силу, создавая коалиции граждан, независимо от стран проживания. Вспомним, что в 1990-х годах коалиция неправительственных организаций разработала и заставила принять конвенцию о запрете противопехотных мин, несмотря на противодействие самой сильной бюрократии в самой сильной стране.

События 11 сентября — это серьезный симптом более глубоких изменений, которые уже произошли в мире. Благодаря технологиям сила перестала быть исключительной прерогативой правительств, а отдельные люди и группы людей стали играть важную роль в мировой политике (в том числе разрушительную), которая некогда была доступна только правительствам. Все больше областей охватывается приватизацией, и терроризм представляет собой приватизацию войны. Глобализация сокращает расстояния, и события в таких отдаленных областях, как Афганистан, могут иметь большое влияние на жизнь американцев.

БЛАГОДАРЯ ТЕХНОЛОГИЯМ СИЛА ПЕРЕСТАЛА БЫТЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ПРЕРОГАТИВОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВ, А ОТДЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ И ГРУППЫ ЛЮДЕЙ СТАЛИ ИГРАТЬ ВАЖНУЮ РОЛЬ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ (В ТОМ ЧИСЛЕ РАЗРУШИТЕЛЬНУЮ)

В конце «холодной войны» многие наблюдатели часто рассуждали о необходимости возврата к американскому изоляционизму. Но, помимо исторических споров между изоляционистами и интернационалистами, в лагере самих интернационалистов произошел раскол между сторонниками одно- и многостороннего подходов. Некоторые, например, комментатор Чарльз Краутхаммер, настаивают на необходимости «новой односторонности» и требуют, чтобы Соединенные Штаты перестали играть роль «послушного международного гражданина» и начали открыто преследовать свои интересы. Они говорят об однополярном мире, потому что никто не способен сравниться с военной мощью Америки. Но одной только военной силой невозможно решить множество вопросов, очень важных для безопасности и процветания Америки.

Вряд ли меня, бывшего помощника министра обороны, можно упрекнуть в отрицании значимости военной безопасности. Она как воздух. Без нее все остальное утрачивает всякий смысл. Военная сила Америки важна для глобальной стабильности и противодействия терроризму. Но метафора войны не должна мешать пониманию того, что для подавления терроризма нужны годы терпеливого гражданского сотрудничества с другими странами. Военный успех в Афганистане — это только первый и самый простой шаг к реше-

нию проблемы, поскольку аль-Каида имеет ячейки почти в 50 странах мира. Не будучи подтверждением верности одностороннего подхода, частичный успех операции в Афганистане свидетельствует о сохранении потребности в сотрудничестве.

ОПАСНОСТЬ ОДНОСТОРОННИХ ДЕЙСТВИЙ

В XXI веке американцам придется смириться с тем, что происходящее все больше выходит из-под контроля самого могущественного государства. Соединенные Штаты продолжают действовать по старинке, а принимаемые ими меры все чаще оказываются неуместными. В результате информационной революции и глобализации мировая политика претерпевает такие изменения, которые не позволяют американцам в одиночку добиваться всех стоящих перед ними международных целей. Например, международная финансовая стабильность жизненно важна для процветания Америки, но Соединенным Штатам необходимо сотрудничество с другими, чтобы обеспечить сохранение такой стабильности. На качество жизни американцев также повлияют и глобальные климатические изменения, но Соединенные Штаты не способны справиться с этой проблемой в одиночку. И в мире, где границы становятся все более проницаемыми для всего — от наркотиков до инфекционных болезней и терроризма, — Америка должна заниматься мобилизацией международных коалиций для противодействия общим угрозам и вызовам.

ВАРВАРСКАЯ УГРОЗА

С учетом новых обстоятельств, какой должна быть внешняя политика единственной сверхдержавы в глобальную информационную эпоху? Некоторые американцы полагают, что Соединенные Штаты станут менее уязвимыми, если они выведут свои войска, ограничат свое участие в различных альянсах и будут проводить более изоляционистскую внешнюю политику. Но изоляционизм не упразднит уязвимость. Террористы, нанесшие удары 11 сентября, стремятся не только ослабить мощь Америки, но и уничтожить то, за что она выступает. И даже если Соединенные Штаты станут проводить менее жесткую внешнюю политику, такие группы все равно будут недовольны силой американской экономики. Американские корпорации и граждане олицетворяют глобальный капитализм, который некоторые считают проклятием.

Кроме того, американская популярная культура обладает мировым охватом независимо от того, что делает правительство. Невозможно избежать влияния Голливуда, *CNN* и интернета. Американские фильмы и телепередачи превозносят свободу, индивидуализм и перемены, но также секс и насилие. Вообще, мировой охват американской культуры помогает Америке наращивать мягкую силу. Но, конечно, не со всеми. Индивидуализм и свобода привлекательны для многих людей, но у некоторых, особенно у фундаменталистов, они вызывают отторжение. Американский феминизм, неприкрытая сексуальность и индивидуальный выбор губительны для патриар-

хальных обществ. Но такие жесткие противники Америки вряд ли смогут вызвать широкую ненависть к ней, если Соединенные Штаты перестанут проводить высокомерную и властную политику, которая позволяет экстремистам обращаться к большинству умеренных.

С другой стороны, те, кто призывает к американскому господству, империи и односторонности, рискуют своей заносчивостью оттолкнуть от Америки нынешних и возможных друзей. Конечно, на деле число сторонников чистого многостороннего подхода невелико и этот подход может быть использован малыми государствами для того, чтобы связать Соединенные Штаты, как лилипуты связали Гулливера. Однако это не означает, что многосторонний подход в принципе противоречит интересам Америки. Этот подход позволит Соединенным Штатам сделать свою непомерную силу более легитимной и приемлемой для других. Конечно, ни одна крупная держава не может проводить только такой подход, но он должен учитываться в первую очередь при разработке и проведении соответствующей политики. И когда такая крупная держава будет определять свои национальные интересы достаточно широко, чтобы включить интересы всего мира, определенная степень односторонности станет более приемлемой. Такой подход очень важен для сохранения американского могущества.

Соединенные Штаты вряд ли столкнутся с вызовом своему превосходству со стороны других государств, если они перестанут вести себя столь высокомерно. Серьезный вызов Соединенным Штатам позволит научиться взаимодействию с другими странами для более действенного контроля над негосударственными участниками, которые все чаще действуют наравне с национальными государствами. Как контролировать нижнюю доску в трехуровневой шахматной игре и как сделать так, чтобы твердая и мягкая сила поддерживали друг друга, — вот ключевые вопросы внешней политики. По словам Генри Киссинджера, историческим испытанием для нового поколения американских лидеров станет превращение преобладающей ныне силы в международное согласие и общепризнанные нормы, совместимые с американскими ценностями и интересами. И этого нельзя сделать в одностороннем порядке.

Рим пал не в результате появления новой империи, а в результате внутреннего разложения и множества «уколов» со стороны различных варварских групп. Несмотря на то что возможность внутреннего разложения существует всегда, ни одна из существующих ныне тенденций, по-видимому, не способна привести к такому исходу. Кроме того, следует отметить, что американское общество часто реалистично оценивает пределы влияния своей страны. Почти две трети опрошенных заявили, что они против того, чтобы Соединенные Штаты действовали за рубежом в одностороннем порядке без поддержки со стороны других стран. Кажется, будто американское общество интуитивно понимает важность мягкой силы, даже если оно не знакомо с самим понятием.

С другой стороны, не впускать варваров становится все труднее. Резкое снижение издержек коммуникации, возникновение транснациональных облас-

тей деятельности (включая интернет), не зависящих от границ государства, и «демократизация» технологий, которая дает разрушительную силу в руки отдельных лиц и групп, являются новыми историческими тенденциями. В прошлом столетии Гитлеру, Сталину и Мао для совершения чудовищных злодеяний необходима была сила государства. Как отметила в прошлом году комиссия Харта-Рудмана, занимающаяся вопросами по национальной безопасности, «такие люди в XXI веке будут менее ограничены границами государства и менее зависимы от промышленных мощностей в причинении вреда... Очевидно, что порог для причинения вреда тем, кого малые группы или даже отдельные лица считают своими врагами, резко снижается».

Поэтому безопасность приобретает особую важность и особое значение. Если такие группы получат доступ к ядерным материалам и смогут ими воспользоваться, отношение американцев серьезно изменится, хотя трудно предсказать как именно. При столкновении с такой угрозой определенная степень односторонности, как в случае войны в Афганистане, оправданна, если она полезна для всех. В конечном итоге, британский флот поборол пиратов задолго до принятия соответствующих международных соглашений в середине XIX века.

НОМЕР ОДИН, НО...

Соединенные Штаты вполне могут остаться ведущей державой в мировой политике в XXI веке. В основе этого прогноза лежит ряд предположений. Например, предполагается, что американские экономика и общество останутся прочными и не придут в упадок; что Соединенные Штаты сохранят свою военную силу, но не станут сверхмилитаризованными; что американцы не станут столь односторонними и высокомерными в использовании своей силы, чтобы бездарно растратить огромный запас мягкой силы; что не произойдет неких катастрофических событий, которые заставят американцев обратиться к изоляционизму; и что американцы станут определять свои национальные интересы широко и дальновидно с учетом глобальных интересов. Каждое из этих предположений может быть оспорено, но сейчас они кажутся более вероятными, чем их альтернативы.

Если такие предположения окажутся верными, Америка останется страной «номер один». Но чтобы остаться «номером один» нужно прилагать определенные усилия. Информационная революция, технологические изменения и глобализация не заменят национального государства, а только сделают более сложными участников и проблемы в мировой политике. Парадокс американской силы в XXI веке заключается в том, что величайшая держава со времен Рима не способна достичь своих целей в одностороннем порядке в новую глобальную информационную эпоху.

Перевод с английского Артема Смирнова

Максим МОМОТ

КИТАЙСКИЙ СИНДРОМ

АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА НАКАНУНЕ ПОСЛЕДНЕЙ ОШИБКИ

Когда китайская энергетическая компания CNOOC заявила о желании купить американскую «Юнокал», предложив бульшую цену, чем «Шеврон», сенат США приступил к рассмотрению соответствия этого соглашения интересам безопасности Соединенных Штатов. Сделка была отложена вплоть до выяснения ее возможных политических последствий, а законы свободного рынка в данном его сегменте перестали существовать. Опасения американских политиков понятны, непонятно лишь, почему они связывают свои тревоги с *коммунистическим* Китаем, считая, будто с *демократическим* иметь дело будет не опасно. В действительности настоящие проблемы у Вашингтона начнутся тогда, когда КПК потеряет контроль над страной.

УТРАТА РЕАЛИЗМА

Случай с «Юнокалом» весьма наглядно иллюстрирует то двойственное отношение, которое существует в США по отношению к Китаю. С одной стороны, Китай — стремительно развивающаяся страна, занимающая второе место в мире по числу интернет-пользователей (100 млн.), где мобильные телефоны есть у 350 млн. человек, выходят сотни газет и журналов, производятся самые современные товары. С другой стороны, Китай — это коммунистическая диктатура, считающая своим главным врагом Америку и не признающая элементарных прав человека. Кампании в американских СМИ, призванные сделать из Китая образ врага, не увенчались успехом, однако сдерживание этого государства остается одной из главных задач Госдепартамента.

В действительности подобная двойственность объясняется тем, что Соединенные Штаты за последние более чем полвека привыкли иметь в качестве своего основного политического соперника государство с чуждой им идеологией. Такими государствами были Третий Рейх, Советский

Союз и Китай до реформ Дэн Сяопина. Строго говоря, Соединенные Штаты никогда не боролись со страной, имевшей сходную политическую систему. Лишь в 1812–1814 гг., когда Британия намеревалась вернуть утраченные колонии, американцам противостояло общество, в чем-то напоминавшее их собственное[1]. С тех пор у американцев притупилось сознание того, что противником объективно может являться любое государство, у которого хватит сил бросить им вызов, независимо от того, существуют между ними какие-либо идеологические различия или нет.

Демократический и либеральный Китай в действительности может нести Америке не меньшую угрозу, чем бедная коммунистическая диктатура. Если Китай все же будет демократической страной, хотя не вполне ясно, что под этим понимать[2], он не перестанет представлять угрозу для США, а окажется еще большей угрозой из-за эффективности демократической системы правления.

Отсутствие исторического опыта жесткого противостояния сходному по типу государству грозит оказаться для Соединенных Штатов роковым. В умах некоторых американских аналитиков словосочетание «демократическая страна» парадоксальным образом смешалось с определением «зависимое от США и контролируемое ими государство». Это своего рода «китайский синдром», которым страдает часть американского политического истеблишмента. Другой порок рассуждений американских экспертов — занижение потенциала Китая. Именно совмещение таких подходов можно видеть, например, в статье Джорджа Гилбоу с симптоматичным названием «Миф позади китайского чуда», вышедшей в журнале «Foreign Affairs»[3].

Гилбоу называет Китай «фантомной угрозой», поскольку в высокотехнологичных отраслях его экономики господствуют иностранные компании, а рост собственного бизнеса сдерживается Пекином по политическим мотивам. Автор подчеркивает выгоды, которые Америка получает от такого включения Китая в мировую экономику и говорит о пагубности проведения США протекционистской политики, якобы способной повредить американо-китайским отношениям, создать отчуждение в отношениях с союзниками и даже ослабить влияние Америки в Азии. По идее Гилбоу, видимо, весьма популярной в США, Вашингтон должен способствовать демократизации и процветанию Китая, который, продолжая мысль автора, за это откажется от активной внешней политики и наращивания военной мощи. Весьма сомнительно, чтобы Пекин всерьез рассматривал подобные варианты. Ско-

1 Война с Испанией 1898 года велась все же против весьма отсталого государства, не являвшегося к тому же настоящим соперником США. Участие США в войне против кайзеровской Германии носило ореол борьбы свободных стран Антанты (особенно после выхода из войны России) с авторитарными режимами Германии и Австро-Венгрии.

2 Феномен отсутствия в мире независимых от США демократий приводит к терминологической путанице, когда статус демократической страны просто не будет присвоен государству, угрожающему американским интересам. Напротив, демократическими сегодня стали называться страны, признающие зависимость от США, но демократическими не являющиеся, например, Украина после «Оранжевой революции».

3 George Gilboy. The Myth Behind China's Miracle. Foreign Affairs. July/August 2004.

рее, китайцы просто будут выкупать западные фирмы, как это уже произошло с IBM, и фантастический рост их экономики продолжится[4].

Такому росту способствуют несколько факторов, причем одним из ключевых является демографический. Главный ресурс Китая — огромное, трудолюбивое, дисциплинированное, амбициозное и вместе с тем неприхотливое население. Сочетание этих качеств делает превращение Китая в первую державу мира весьма вероятным. Население Китая в четыре раза больше населения США, даже если средний китаец будет значительно беднее американца, Китай все равно намного превзойдет США по объему своей экономики, и, соответственно, военному бюджету. А это будет сигналом Южной Корее, Тайваню, Средней Азии и Японии переориентироваться на Пекин в своей внешней политике со всеми вытекающими отсюда последствиями для Вашингтона. Из последних можно отметить хотя бы переключение потока ресурсов Каспия на Китай и возможные претензии в районе Персидского залива. Соединенные Штаты могут оказаться в положении Советского Союза, чья экономика была меньше американской, но который вынужден был тратить на оборону столько же, сколько США. По сравнению с этой перспективой исламский терроризм отходит на второй план. В конце концов, китайцев на земле больше, чем мусульман.

Даже великий Бжезинский, увы, не замечает столь очевидной тенденции. Он сравнивает нынешние страхи по поводу подъема Китая с тревогой американцев в 80-х годах из-за перспектив Японии стать первой державой мира. Но Китай — не Япония. И дело не только в несопоставимой территории и населении, но и в том, что в 80-е годы, как и теперь, Япония была оккупирована Соединенными Штатами и отчасти демилитаризована[5], а Китай не позволит этого сделать с собой. Бжезинский в своей последней книге в качестве решения проблемы предлагает ввести систему трехсторонних консультаций между Китаем, Японией и США по военным вопросам, к которой впоследствии могли бы присоединиться другие страны[6]. По его мнению, возникающие конфликты могут быть урегулированы путем переговоров. Однако в таких консультациях по мере усиления Китая его голос будет звучать все громче, а американский — все тише. Фактически это план постепенного ухода Америки из Восточной Азии, поскольку кардинальное усиление Китая в ближайшие 20 лет несовместимо с удушающей его системой безопасности, на которую Вашингтон опирается в этом регионе.

4 Экспорт Китаем промышленного оборудования с 1993 по 2003 годы вырос почти в двадцать раз с $4,2 млрд. до $83 млрд., экспорт компьютеров и компонентов за тот же период вырос с $0,7 млрд. до $41 млрд., то есть в несколько десятков раз, экспорт электроники и телекоммуникационного оборудования вырос в семь раз с $12,3 млрд. в 1993 до $89 млрд. в 2003. Источник: Customs General Administration, People's Republic of China. Приводится по G. Gilboy. Op. cit. P. 39. И это только рост экспорта, внутреннее потребление тоже росло. На фоне таких данных разговоры об успехе или неуспехе реформ в России в 90-гг. теряют смысл.

5 Экономическая мощь оккупированной Японии представляет для США не больше угрозы, чем преуспевающая Калифорния или богатый и гордый Техас.

6 Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., Международные отношения. 2005. С. 163.

Американской политике следовало бы освободиться от идеологии и принять очевидное – другая страна становится угрозой не потому, что ее население мыслит иначе, чем американцы, а потому, что оно мыслит точно так же. Дело не только в ресурсах, которых не хватит на всех, но и в естественном стремлении людей к власти и господству. Если бы лишь два человека остались на планете, то и тогда они не смогли бы поделить землю, потому что каждому казалось бы, что он обделен и ему недодали. Когда Китай усилится в достаточной степени, он начнет вытеснять Америку из зон ее интересов, ожидать чего-то другого было бы весьма странно. А если он воспримет эффективную американскую систему правления, то делать это ему будет не сложнее, а проще. Американцы контролируют большую часть мира, оставаясь демократией, и странно думать, будто Китаю демократия помешает стремиться к тому же. Эффективная экономическая система, которую Китай уже перенял, также сталкивает его интересы с американскими в борьбе за рынки и сырье, чего раньше не было. Китайцев только в самом Китае на миллиард больше, чем американцев во всем мире. Поэтому если Китай воспримет не только действенную экономическую, но и эффективную политическую систему Запада, у Америки не остается шансов.

АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ СЛЕДОВАЛО БЫ ОСВОБОДИТЬСЯ ОТ ИДЕОЛОГИИ И ПРИНЯТЬ ОЧЕВИДНОЕ – ДРУГАЯ СТРАНА СТАНОВИТСЯ УГРОЗОЙ НЕ ПОТОМУ, ЧТО ЕЕ НАСЕЛЕНИЕ МЫСЛИТ ИНАЧЕ, ЧЕМ АМЕРИКАНЦЫ, А ПОТОМУ, ЧТО ОНО МЫСЛИТ ТОЧНО ТАК ЖЕ

С того момента, как потрясающий успех реформ в Китае оказался неоспорим в начале XXI века, превращение Соединенных Штатов во второстепенную державу стало вопросом времени при условии, если Китай сохранит территориальную целостность в переходный к демократии период. Целостность территории, в первую очередь, означает единый оборонный бюджет, пропорциональный размеру национальной экономики. Когда экономика Китая превзойдет по объему американскую, китайский военный бюджет превзойдет американский с очевидными последствиями[7].

Демократический Китай будет более склонен к проведению жесткой политики по отношению к США, чем коммунистический, поскольку китайские

7 По всей видимости, Китай сознательно не идет сегодня на масштабное увеличение военных расходов, что могло бы неблагоприятно сказаться на экономике. Правительство в Пекине понимает, что через 20–30 лет страна будет способна на осуществление колоссальных военных программ без особого труда благодаря увеличению объема экономики в несколько раз. Если по какой-либо причине китайские лидеры разочаруются в проводящейся сегодня прагматической политике и попытаются прибегнуть к более активным действиям, шансы Китая на успех значительно сократятся.

избиратели настроены весьма националистически, и разрыв демократического правительства с осторожной линией КПК вполне вероятен. Важно понимать ошибочность утверждения, согласно которому демократии не воюют друг с другом. Обычный аргумент в пользу миролюбия демократий — значительное влияние общественного мнения на политику, при этом молчаливо подразумевается разумный пацифизм большинства населения, нежелание нести тяготы большой войны. Все это, по правде говоря, ниоткуда не следует. Существующие зависимые от США демократии не являются полноценными государствами и их политику некорректно приводить здесь в качестве примера. А для США сегодня не существует реальной военной угрозы в лице какого-либо государства или группы государств, а потому готовность или неготовность американцев защищать свои интересы путем большой войны на самом деле неизвестна и не может быть выявлена путем опросов.

Особенность нынешней эпохи в развитии международных отношений не в том, что демократии перестали воевать друг с другом, а в том, что не существует демократического государства, равного по силе США и способного бросить им вызов. Экономика может служить причиной войны не хуже, чем идеология. В действительности война и была всегда одним из способов регулирования отношений в экономике.

СТРАТЕГИЯ

Цель США по отношению к Китаю понятна — региональный лидер, в которого он превращается, не должен стать региональным гегемоном и тем более — мировым лидером. Китаю ни при каких обстоятельствах нельзя позволить развиваться в направлении, которое дало бы ему возможность угрожать жизненно важным интересам США. Вопрос в том, как этого добиться. Основой американской политики по отношению к Китаю мог бы быть тезис, согласно которому Китай должен продолжать служить лишь сборочным цехом для западных компаний. С Китаем в виде своего рода промышленного придатка для размещения экологически опасных производств, казалось бы, еще можно смириться. Промышленное производство в формирующемся постиндустриальном мире уже не играет такой роли, как в индустриальном. Как в индустриальную эпоху состояние сельского хозяйства страны не сказывалось решающим образом на ее положении в мире, так и промышленность в постиндустриальную эру может утратить критическое значение. Главным экономическим фактором, имеющим политические последствия, становится доступ к высоким технологиям. Его-то Китай и не должен был бы получать. Подобную политику США в свое время весьма успешно применяли по отношению к СССР. Проблема отчасти решается созданием более благоприятных условий для лучших китайских ученых в США.

Однако этого мало. Затормозить продвижение Китая по пути прогресса можно, но остановить — нет. Это, кроме того, было бы преступной попыткой задержать развитие целого народа. Поэтому верную стратегию следует искать не в области экономики, а в области политики. Необходимо четко

представлять два ключевых противоречия, одно из которых уже осознано американской политической элитой, а другое, весьма болезненное для американского менталитета, еще предстоит осознать. Единственное решение служит ключом к обеим задачам.

Первое противоречие состоит в том, что экономическое развитие Китая в рамках современной мировой экономической системы, с одной стороны, выгодно США. Во-первых, тем самым создается обширный рынок, в том числе для американского экспорта, во-вторых, подрывается чуждая США идеология, основанная на власти КПК, так как появляется слой независимых частных собственников и облегчается доступ к мировым СМИ в Китае. С другой стороны, стремительное экономическое развитие Китая усиливает политический и военный потенциал государства, считающего Америку своим главным врагом[8].

Второе противоречие связано с тем, что отнюдь не любой вариант демократизации Китая выгоден Соединенным Штатам, поскольку просто принятие этой страной более эффективных политических механизмов приведет к новому рывку китайской экономики, который американская система безопасности в Восточной Азии не переживет.

Решение обоих противоречий так же легко найти, как сложно осуществить. Очевидно, что утративший государственное единство, но стремительно развивающийся Китай перестанет представлять угрозу Соединенным Штатам, как и демократизация образовавшихся на его месте стран. Никакого другого варианта остаться первой державой мира и сохранить нынешний уровень жизни у Америки, по-видимому, нет.

* * *

Было бы ошибкой воспринимать нынешний Китай как нечто единое. За фасадом коммунистического монолита скрываются обширные сепаратистские анклавы — Тибетский и Синьцзян-Уйгурский автономные районы[9]. Население юга страны не понимает речи северян. Живет своей жизнью Гонконг (Специальный административный район Сянган), которому мини-конституция гарантирует широкую автономию, вплоть до собственной валютно-финансовой системы, до 2047 года. Нищие внутренние провинции Китая имеют мало общего с преуспевающими приморскими, и не совсем ясно, почему последние должны их содержать. Недовольство Пекином наверняка существует в Шанхае, для населения которого экономическое преуспевание становится целью, а единое китайское государство лишь средством, а средства, как известно, могут меняться. Грамотная и всеобъемлющая американская стратегия по отношению к Китаю могла бы находить, поощрять, а затем и использовать эти естественные различия и противоречия.

8 Хотя для избежания неблагоприятной реакции Вашингтона Пекин часто делает предметом народного гнева тайно перевооружающуюся Японию.

9 В 1990 году около 3 тыс. уйгуров было убито китайской полицией во время волнений в регионе.

Допуск в Китай инвестиций мог бы увязываться с предоставлением широкой автономии и Синьцзяну и Тибету, а также отказом любых претензий на Тайвань. Первый регион преграждает доступ Китая в богатую ресурсами Среднюю Азию, уход из второго значительно ухудшает позиции Пекина в возможном конфликте с Индией, а независимый Тайвань стесняет доступ Китая в мировой океан, не говоря уже о налогах, которые он не платит в бюджет Народно-освободительной армии Китая. Следовало бы особо оговорить отказ Пекина от переселенческой политики в Синьцзяне и Тибете, иначе десятки миллионов этнических китайцев растворят в себе местное население, устранив, таким образом, основу для независимости этих регионов.

Даже между преуспевающими китайскими провинциями существует заметная рознь. Китайские компании избегают альянсов с фирмами из других районов, поскольку там действуют иные коррупционные и бюрократические связи, встраиваться в которые и сложно и опасно[10]. Сами китайские рынки фрагментированы. Подобная ситуация является следствием стремления КПК контролировать бизнес, а засилье бюрократии не ведет ни к чему, кроме коррупции.

Китайская красная бюрократия очевидным образом препятствует экономическому развитию страны[11] и в таком виде должна быть сохранена до того момента, когда демократизацию станет возможным осуществить в выгодном США виде. Коммунистическая партия Китая остается главным союзником Америки в Восточной Азии, поскольку сдерживает развитие нации, которая могла бы угрожать Америке по-настоящему. Лозунг «одна семья — один ребенок» лишнее тому подтверждение. Китайские коммунисты, желая сохранить власть и избежать нестабильности из-за роста голодного населения, преуспеванию которого они сами же препятствуют, проводят в собственной стране политику, которую нацистские стратеги намеревались осуществлять в завоеванных восточных землях. Это как нельзя более соответствует природе коммунистического режима — с одной стороны, и долговременным интересам США в Азии — с другой.

В действительности Соединенным Штатам было бы выгодно как можно более длительное пребывание как можно более консервативной части КПК у власти и направление процессов демократизации в то же русло сепаратизма

10 91 % из 800 учитывавшихся в исследовании китайских фирм, осуществлявших слияния и поглощения внутри страны, инвестировали в компании в своей собственной провинции, 86 % — внутри собственного города. Gilboy. Op. cit. P. 45.

11 Китайские компании опасаются рисков, связанных с нереформированной политической системой и воздерживаются от долговременных инвестиций в технологическое развитие, предпочитая импортировать иностранные технологии и компоненты. В Китае утвердилась особая культура бизнеса, ориентированная на краткосрочные выгоды от тесных связей с местной бюрократией. Развитие современных технологий — сложный процесс, зависящий не только от больших вложений капитала, но и от горизонтальной интеграции научных институтов, венчурных компаний, финансовых учреждений, фирм-поставщиков и т. д. Однако нереформированная политическая система Китая подавляет подобные независимы структуры, навязывая вместо них вертикальные отношения. Gilboy. Op. cit.

и стремления обменять политическое влияние на процветание, как это было сделано в СССР. Причем у китайских провинций есть все шансы не повторить судьбу России, утратившей влияние, но не добившейся процветания. В этом смысле американская политика может сохранить традиционный гуманистический пафос, поскольку простые китайцы в плане доходов выиграют от ликвидации коммунистического режима, децентрализации страны и получения гарантий безопасности со стороны США. Угроза большой войны исчезнет на несколько поколений, и мир станет более безопасен.

* * *

Политическое решение китайской проблемы эффективнее еще и потому, что Восточная Азия становится экономическим центром тяжести мира. Сворачивать американский бизнес там ради удушения Китая было бы самым абсурдным решением за всю историю существования мировой экономики. Однако это не значит, что интересы национальной безопасности должны игнорироваться. Децентрализация Китая, если и осуществится, все равно может занять много времени, а пока Америке следовало бы найти некий баланс, стремясь по возможности способствовать развитию в первую очередь тех стран региона, которые являются естественными политическими противниками Китая, в первую очередь Индонезии, Индии и России. Эти три государства, вместе с Японией, от которой, правда, уже никто не ждет экономических чудес, с четырех сторон блокируют экспансию Китая. Есть более мелкие страны, такие как Южная Корея, Тайвань, государства Индокитая, Малайзия, Сингапур, Филиппины, а также бывшие советские республики Средней Азии, многие из которых также привлекательны в отношении инвестиций. Правительству США следовало бы создать для американского бизнеса там более благоприятные условия, чем для предпринимателей, желающих работать в Китае. Можно было бы повлиять на европейских союзников и Японию. Китайскому капиталу станет сложнее проникнуть в страны, на политическое влияние в которых он хочет претендовать, если они будут развиваться не менее успешно, чем он сам. Кроме того, динамизм экономики может способствовать появлению у сопредельных с Китаем государств амбиций, уверенности в своих силах и чувства культурного превосходства, не говоря уже о пополнении их военных бюджетов. Все это существенно осложнит реализацию внешнеполитических планов Пекина.

Необходимо использовать и нерыночные способы давления, как это делалось в отношении Советского Союза и уже произошло в случае с «Юнокалом». В 80-е годы США предотвратили полную реализацию грандиозного советского энергетического проекта «Уренгой-6», согласно которому СССР должен был за счет помощи европейских стран построить газопровод из Западной Сибири в Европу и получать баснословные доходы. В случае реализации проекта в начале 90-х годов ежегодные поступления валюты должны были составлять от $15 до $30 млрд. в зависимости от конъюнктуры. Благодаря давлению Америки на Европу план не был осуществлен в пол-

ном объеме. Соединенные Штаты заставили европейцев сократить импорт советского газа и искать другие источники получения энергии, отменив законы свободного рынка ради очевидной политической необходимости. Подобную политику следовало бы проводить и в отношении Китая. Неизвестно, оказывала ли какое-либо давление американская сторона на выбор маршрута нефтепровода из России на Дальний Восток. По последней информации, он пойдет в обход Китая к российскому порту около Находки в Японском море, что не позволит Пекину контролировать важную энергетическую артерию, ему придется довольствоваться лишь ответвлением от нее. В любом случае, это удачное решение с точки зрения интересов США. Если американцы не принимали участия в обсуждении проекта, то в дальнейшем избегать такой вовлеченности будет опасно.

Можно было бы пересмотреть некоторые негласные положения американской внешнеполитической доктрины. Сегодня Соединенные Штаты фактически утверждают систему прямого вассалитета, когда, например, Украина и Россия являются государствами, чья политика в значительной степени зависит от Вашингтона. Косвенная система вассалитета означала бы, что Россия имела бы более тесные отношения с США, а Украина — с Россией. Опасность непрямого вассалитета, разумеется, заключается в том, что зависимое государство «первой ступени» благодаря влиянию на соседние страны может усилиться настолько, что перестанет следовать в фарватере политики верховного сюзерена. В каком-то смысле утверждение доктрины непрямого вассалитета свидетельствовало бы об ослаблении позиций США в мире. Однако такое утверждение не универсально, его нельзя применять автоматически. В отношении некоторых стран это говорило бы об усилении роли Америки. Если бы Тибет стал независимым государством, в действительности продолжающим находиться под контролем Пекина, учитывающего, в свою очередь, позицию США, то это, естественно, свидетельствовало бы об усилении Америки. Таким образом, применение доктрины непрямого вассалитета говорило бы об усилении позиций Вашингтона в прежде вовсе неподконтрольных ему зонах.

КИТАЙ ОСТАЕТСЯ СТРАНОЙ, НАПРЯМУЮ ЗАИНТЕРЕСОВАННОЙ В РАСПАДЕ РФ. ПРИЧЕМ У НЕГО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ, КАК И У ТУРЦИИ НА КАВКАЗЕ, ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЭТОГО ПЛАНА

Америке действительно следовало бы пересмотреть позицию по отношению к России, поскольку, перестав быть соперником США, она оказалась его естественным союзником в противостоянии с Китаем, который может претендовать на российские земли на Дальнем Востоке. Исторический прецедент проведения подобной политики имеется. К концу Первой мировой войны официальная позиция Вашингтона по отношению к Советской Рос-

сии основывалась на том, что ее распад нежелателен. Америка справедливо опасалась усиления Японии за счет аннексий в Сибири. Сегодня место главного соперника Америки в Азии занял Китай. Но аргументы в пользу сохранения единства России те же. Как и от большевистского правительства тех лет, от нынешнего российского США не ожидают возрождения страны и превращения ее в опасного соперника Америки. Поэтому единство России не обязательно должно представлять угрозу для США. Между тем, Китай остается страной, напрямую заинтересованной в распаде РФ. Причем у него на Дальнем Востоке, как и у Турции на Кавказе, есть возможности для реализации этого плана.

Усиление российской государственности положило бы конец той несуразной политике, которую российское правительство проводило по отношению к Китаю в последние годы. До сих пор она отражала интересы отдельных финансовых групп, имевших влияние на власть. Подобная ситуация сохраняется и сегодня. Наиболее ярким примером являются поставки в Китай современного оружия, хотя именно Китай может предъявить России наибольшие территориальные претензии и навязать свою волю силой. Не вполне ясно также, какую цель преследовал Кремль, передавая Китаю острова при заключении договора о границе. Непонятны те восторженные отклики, которыми сопровождалась ратификация соглашения со стороны ряда российских политиков. Трудно представить, чтобы экспансия государства с более чем миллиардным населением была остановлена небольшим кусочком бумаги. Российскому правительству следовало бы помнить, что история не знает ни одного договора, который не был бы нарушен, договоры о границе нарушаются первыми.

СООТНОШЕНИЕ СИЛ

Медлить с реализацией эффективной стратегии по отношению к Китаю не следует, поскольку соотношение сил меняется не в пользу США. Пока что Америка обладает неоспоримым превосходством над Китаем и в военном, и в политическом отношении, а также с точки зрения притягательности своей культуры. Это связано не только с тем, чего добились сами Соединенные Штаты, но и с рядом неблагоприятных факторов, влияющих на способность Китая усиливать свое политическое и военное влияние в мире. Нынешний подъем «Срединной империи» аналитики весьма удачно сравнивают с возвышением Германии в Европе в конце XIX века. Однако такое сравнение выявляет не только плюсы, но и минусы нынешнего положения Китая.

Главный недостаток положения Германии был обусловлен географией — страна оказалась стиснута в центре Европы другими великими государствами, зажата ими. Ей было некуда расти, некуда расширяться, доступ в мировой океан также был затруднен. Немцы открыто выражали опасения, что англичане в любой момент могут уничтожить их строящийся флот у берегов Северного моря. Германия могла победить в военном конфликте Францию

и Россию. Но к ним неминуемо добавлялась Великобритания — с тремя такими соперниками Германия, даже превосходя каждого в отдельности и двух вместе, справиться не могла. Безнадежной в XX веке ситуацию делало вмешательство США. Союзники Германии, которыми в разное время являлись Австро-Венгрия, Италия, Япония и несколько незначительных европейских стран были тогда слишком слабы, чтобы что-то изменить.

Геополитические позиции Китая в регионе также не вполне удачны. Для него характерна та же уязвимость, что и для Германии когда-то. «Любой военный сценарий, способный перерасти в столкновение с Соединенными Штатами, означал бы для Китая катастрофу, — считают эксперты. — При желании Соединенные Штаты могли бы установить блокаду вокруг Китая, полностью парализовав тем самым его внешнюю торговлю и поставки нефти в страну»[12]. Уязвимость азиатских держав с военной точки зрения вообще удивительна: «достаточно заблокировать несколькими магнитными минами подход к Шанхаю, Иокогаме или Бомбею (и еще к одному-двум портовым городам), чтобы буквально застопорить экономическую жизнедеятельность Японии, Китая или Индии»[13]. Экономика этих стран в значительной степени зависит от доставляемых морским путем грузов, в том числе импортируемой нефти, без которой их существование невозможно.

Очевидно также, что одной лишь силой навязать свою волю соседним Индии, Индонезии, Японии и России, окружающих его с четырех сторон, Китай не в состоянии. Никаким признанным культурным превосходством над ними он не обладает. Темпы его экономического роста достаточно высоки, однако их превышение над темпами роста экономик Индии, Индонезии, а теперь и России не является критическим, Япония же ушла слишком далеко вперед. Даже подчинение Вьетнама, весьма гордого государства, обладающего почти миллионной армией, стоило бы Китаю колоссальных усилий. Подобные попытки могли бы, несмотря на историческую враждебность, привести к соглашению между Вьетнамом и США, что приостановит китайское продвижение на полуострове, а также создаст ощутимые трудности к установлению Пекином контроля над Южно-китайским морем, к которому он стремится.

Японские острова, Южная Корея, Тайвань, Филиппины и Индонезия, связанные союзническими обязательствами с США, образуют единую линию, затрудняющую свободный доступ Китая в мировой океан. У Китая сегодня лишь три возможных направления экспансии — Индокитай, Средняя Азия и отчасти российский Дальний Восток. На двух последних направлениях Китай уже сделал ряд знаменательных, но все же небольших территориальных приобретений.

Соединенные Штаты могли бы воспользоваться нынешним положением дел для реализации в отношении Китая стратегии децентрализации, осуществление которой через пару десятилетий станет невозможным. Позиция

12 Бжезинский З. Указ. соч. С. 159.
13 Там же. С. 148.

по отношению к Тайваню является здесь важным прецедентом. Пока что и сам Китай слаб, и опереться ему в мире не на кого. Некогда великий соперник Америки и союзник Китая, Россия, отстала безвозвратно. Пока в 90-е шли споры о том, в каких отношениях должны находиться США и Российская Федерация, разрыв между ними увеличился настолько, что сам этот спор потерял актуальность в мировом масштабе. Дело не только в экономике, но и в населении. Если в начале 90-х в США жило порядка 260 млн. человек, а в России — 150 млн., то к настоящему времени население США составляет уже около 300 млн., а России — 143. Буквально за несколько лет разница в населении выросла почти на 50 (!) млн. Это на 10 млн. больше, чем население Испании.

Европейские же союзники США, некогда великие Великобритания, Франция, Германия, Италия, превратились в карликовые с военной и политической точек зрения, малозначимые государства с вымирающим населением. Надо ли говорить, что и союз таких карликовых стран, несмотря на экономическую мощь, останется политическим плебеем в мировом сообществе, союзу слабых уготована роль слабого союза.

* * *

Оценивая изменение в соотношении экономического потенциала КНР и США, не следует останавливаться на том, как выросла китайская экономика с 1979 года, и как преобразилось китайское общество. Было бы ошибкой упускать из вида колоссальные сдвиги, произошедшие в положении самих Соединенных Штатов. За прошедшие с кризиса конца семидесятых два с половиной десятилетия Америка пережила фантастический взлет, став из первой страны западного блока единственной сверхдержавой планеты.

Экономика США в 90-е годы не просто значительно выросла, она перестроилась качественно, технический уровень ее остается недостижимым для большей части человечества, причем разрыв этот продолжает увеличиваться. Но еще важнее другое. Америка не просто является лидером современной экономики, она определяет, что такое современная экономика. Поэтому Китай при грамотной американской политике на долгие годы обречен быть позади, несмотря ни на какие темпы роста.

Между тем существуют и тревожные тенденции. Доля США в мировой экономике сокращается, как и их затраты на научно-исследовательские разработки в отношении к мировым. Уже сегодня доля США в мировой экономике — меньше 20 %, Евросоюза — больше 20 %, Китай вскоре может выйти на 10 %. Баланс меняется самым опасным и, что хуже всего, вполне предсказуемым образом. Это напоминает драматический процесс утраты Великобританией промышленной монополии и, соответственно, политического влияния в мире в конце XIX века. В качестве одной из причин этого явилась чересчур либеральная экономическая политика Британии, отказ от протекционизма. В конечном итоге Британия стимулировала мировую эконо-

мику в ущерб собственной. Это касается и оттока капитала. В 1870–1914 гг. она инвестировала только 5–7 % ВНП внутри страны, а Германия и США — около 12 %. При этом заграничные инвестиции англичан выросли с 1,2 млрд. фунтов в 1870 году до 4 млрд. в 1914. Если бы эти деньги были направлены на модернизацию собственного производства, Британия не скатилась бы столь стремительно на роль второстепенной державы всего за несколько десятилетий.

США повторяют ту же ошибку. Вместо того чтобы стимулировать экономический рост в Китае, им следовало бы задуматься о том, что происходит дома. Вашингтон не хочет замечать, что энергия американских бизнесменов направляется в самое опасное русло из всех возможных — на дальнейшее усиление экономической мощи наиболее грозного и, по сути, единственного соперника Америки. Речь идет не просто об опасном равнодушии, а о действиях, угрожающих интересам США, и одобряемых американским правительством. Похоже, та часть американского бизнеса, которая заинтересована в сотрудничестве с Китаем, оказывает чересчур значительное влияние на выработку внешнеполитического курса Америки. А если учесть, что Китай является одним из крупнейших кредиторов США, и вспомнить разговоры о подкупе китайцами американских политиков, то ситуацию можно считать угрожающей.

ПОСЛЕДСТВИЯ БЕЗДЕЙСТВИЯ

Дальнейшее усиление Китая, происходящее во многом за счет недальновидной политики американского правительства, может привести к демонтажу американской системы безопасности в Восточной Азии. Ключевых пункта здесь три — Южная Корея, Япония и Тайвань. Сегодня эти государства фактически являются протекторатами США и образуют зону безопасности по периметру морских границ Китая. Если эти страны заявят о своем нейтралитете и потребуют вывода американских баз и разрыва договоров о военном сотрудничестве с США, западные границы Америки вновь окажутся открыты для вторжения, как это было в 1941 году. Однако теперь возможным противником США будет не Япония, значительно уступавшая США и по территории и по населению, а Китай, превосходящий Америку в обоих отношениях. Если Китаю будет позволено достичь некоего баланса с США, пусть даже поначалу лишь регионального, этим дело не закончится. Как раз тогда все по-настоящему и начнется.

Американские интересы в разных регионах мира окажутся под угрозой. Достаточно назвать Каспийское море и Персидский залив. Китайский флот в заливе — это кошмар, который рано или поздно начнет тревожить Вашингтон. Китай стремится к американскому уровню жизни, а население его в четыре раза больше, чем население США. Таким образом, ему понадобится в несколько раз больше природных ресурсов, чем Америке, вследствие чего установление контроля над Персидским заливом через 20 лет будет логичным, если к тому времени там еще что-то останется.

В 2004 году Китай оказался вторым в мире после США импортером сырой нефти, обогнав Японию, он покупает до 40 % потребляемой нефти. Пекин намеревается заключить соглашения о приобретении месторождений сырья и участии в их разработке в различных регионах мира с Индией, которая импортирует до 70 % потребляемой нефти. Все это не может не настораживать Соединенные Штаты, на долю которых приходится четверть общего потребления нефти в мире.

По оценкам экспертов, к 2015–20 годам доля Китая в мировом потреблении природных ресурсов может вырасти настолько, что это будет иметь политические последствия. «Было бы слишком поспешно говорить о новой эре китайского империализма в Третьем мире, — отмечает в связи с этим американский аналитик, — Но Китай будет определенно играть более влиятельную роль в отношениях со многими развивающимися странами»[14].

Китайская проблема не решится сама собой. Причем время работает отнюдь не на США. Историческая аналогия очевидна. Если бы западные страны приложили немного больше усилий к свержению большевиков во время интервенции в 1918–20 гг., то Холодной войны с ее кошмаром возможного уничтожения человечества в ходе ядерной войны не было бы. Во время Карибского кризиса только случай спас США от страшных разрушений и немыслимых людских потерь. Никто не ожидал от большевиков построения сильной империи, а нынешнее китайское руководство на это очевидно способно.

ЕСЛИ КИТАЮ БУДЕТ ПОЗВОЛЕНО ДОСТИЧЬ НЕКОЕГО БАЛАНСА С США, ПУСТЬ ДАЖЕ ПОНАЧАЛУ ЛИШЬ РЕГИОНАЛЬНОГО, ЭТИМ ДЕЛО НЕ ЗАКОНЧИТСЯ. КАК РАЗ ТОГДА ВСЕ ПО-НАСТОЯЩЕМУ И НАЧНЕТСЯ

Однако вместо активизации усилий по действительному решению китайской проблемы Соединенные Штаты переходят к классической британской политике сдержек и противовесов. Если Британия решала эту проблему в масштабах Европы, то США — в мировом масштабе. Особенно это касается Евразии, где Китай напоминает Германию периода быстрого подъема 1871–1914, Индия — республиканскую Францию того же времени, а Россия — распадающуюся Италию более ранней эпохи. Центрально-азиатский регион справедливо называют евразийскими Балканами. Япония не находит аналогии и является исторической аномалией по своему значению в экономике и отсутствию самостоятельной роли в политике. В какой-то мере, правда, ее можно было бы сравнить с Нидерландами конца XVII века, разгромленных англичанами в нескольких войнах, но обладавших тогда передовой экономикой.

Для США угроза вторжения вражеских армий с континента не так велика, как была для Британии, однако атомное оружие и современные сред-

14 David Hale. China's Growing Appetites. The National Interest. Summer 2004. № 76. P. 147.

ства доставки в значительной степени нейтрализуют это преимущество. Главное же отличие положения Соединенных Штатов от положения Британии в XIX веке — это то колоссальное превосходство в населении, которым обладает основной соперник Америки и которое грозит перерасти в значительное экономическое и военное превосходство, а затем и превосходство в решимости. В такой ситуации *политика сдержек и противовесов неприменима, поскольку Китай слишком велик, чтобы ему нашелся противовес, и слишком быстро развивается, чтобы его можно было сдержать.*

ВОЙНА

Относительно мирная дезинтеграция Китая в напряженный период перехода к демократии является наиболее предпочтительным, но не единственным вероятным сценарием. В случае если Китай сохранит государственную целостность, для США важно четко определить тот пункт или пункты, защита которых подразумевает возможность принятия решения о начале боевых действий, итогом которых может стать силовая децентрализация страны. Это должна быть та черта, переступив которую Пекин сможет действительно угрожать безопасности Америки.

История не дает ясного ответа на вопрос, где находится эта черта. Известно, что непосредственной причиной вступления Великобритании в войну против Наполеона стало поражение Австрии, которое обусловило переход Бельгии и Нидерландов под влияние Франции и тем самым создало предпосылки для использования этих близких к Британии территорий для нападения на нее с континента. В 1939 году Британия и Франция объявили войну Германии после того, как она напала на Польшу. Эти исторические примеры все же говорят о том, что существует рубеж, переходя который враг усиливается настолько, что способен либо на прямое вторжение, либо на военное давление. С какого момента Китай будет способен на нечто подобное в отношении США, и Америка будет вынуждена пойти на военный конфликт, совсем не очевидно.

Надо отметить, что речь здесь может идти о полномасштабной войне с сотнями тысяч убитых. Если Китаю удастся нанести ядерный удар по самим США, могут быть разрушены крупнейшие американские города, а часть территории станет непригодной для жизни. С другой стороны, война может быть неизбежной, а политика умиротворения позволяет лишь усилиться врагу и увеличивает ущерб, который он может нанести.

Аншлюс Китаем Тайваня может стать столь же грозным предзнаменованием, каким было присоединение Австрии к Германии в 1938 году. В этом отношении интересны совместные учения, проведенные российской армией и Народно-освободительной армией Китая в середине 2005 года. Официальная цель — прекращение этнического конфликта и борьба с террористами в некой стране, куда российские и китайские войска направляются по просьбе ООН. Военные аналитики отмечали, что в действительности речь идет об отработке операции по захвату Тайваня.

Является ли захват Китаем Тайваня угрозой, предотвращение которой стоит сотен тысяч жизней американцев? Демонстративное развертывание военно-морских сил США после спровоцированного Пекином кризиса в начале 1996, когда он перекрыл морские и воздушные пути в зоне поблизости от Тайваня, свидетельствует о наличии ответа на данный вопрос. Но это было почти десять лет назад.

Представляется весьма вероятным, что через 15–20 лет Соединенные Штаты не пойдут на полномасштабный военный конфликт с усилившимся Китаем, даже если будет поставлено под угрозу само существование нынешней системы безопасности в Восточной Азии. Иными словами, захват Китаем Тайваня, усиление влияния на Южную Корею, а также установление с Японией более близких отношений и вывод оттуда американских войск, вполне могут не вызвать начала военных действий со стороны Вашингтона уже через два десятилетия.

ПОСЛЕДНИЙ СОПЕРНИК АМЕРИКИ

Неприятная правда заключается в том, что Соединенные Штаты не смогут ни противостоять Китаю через 20 лет, ни сдержать его развития сегодня. При сохранении нынешних темпов роста китайцы неминуемо начнут выдавливать Америку из важных с точки зрения ресурсов регионов мира, в первую очередь это касается Каспия и Персидского залива.

Война с Китаем, каким он станет уже на протяжении жизни нынешнего поколения, представляется невозможной. Ответ на вопрос, что делать, зависит от поставленной цели и имеющихся возможностей. В действительности ключевым фактором являются возможности, в то время как цель определяется ими. Если целью Соединенных Штатов является сохранение хотя бы нынешнего уровня жизни, то дезинтеграция Китая была бы решением головоломки.

Ведь в конечном итоге, в противостоянии США и Китая будет только один победитель. Можно было бы возразить и привести пример европейских стран, которым, в конце концов, удалось помириться и интегрироваться. Однако европейские страны — это не независимые государства с собственными амбициями и намерениями, а лишь горстка американских протекторатов, активность которых все более угасает из-за вымирания населения и формирования пассивного европейского менталитета. Самостоятельными игроками они не являются уже шесть десятилетий, и все, что могут себе позволить — это капризы и истерика, как в случае с Ираком. Причем капризы это не детские, а старческие.

В отличие от них Китай и США остаются полностью независимыми, амбициозными, решительными и действительно великими нациями по своей территории и населению. То есть обладают качествами, которыми в совокупности не может похвастаться больше ни одно государство планеты. Противоречия между ними будут нарастать из-за усиления мощи Китая, которая,

начиная с определенного момента, вступит в явное противоречие с существующей в Восточной Азии американской системой безопасности.

Идеологический компонент в американо-китайских отношениях уже фактически отошел на второй план, противоречия между ними приобретают постоянный характер, не зависящий от формы правления в каждой из этих стран. Идеология в принципе вторична сегодня по отношении к политике. Никаких причин считать демократизированный Китай неопасным соперником для Америки нет. Зато есть основания думать, что будет как раз наоборот. Если Соединенные Штаты этого не осознбют, то совершат свою последнюю ошибку. Подобные заблуждения основаны лишь на отсутствии у США опыта серьезной конфронтации с равной им по силе демократической державой.

Именно после политической реформы в Китае необходимость учитывать мнение в значительной степени националистически настроенных китайских избирателей заставит новый политический истеблишмент в Пекине ужесточить противостояние с Америкой и отойти от нынешнего осторожного курса КПК. Стратегия раскола Китая в переходный к демократии период остается единственной альтернативой миру, в котором Америка окажется в тени Срединной империи.

Эндрю ГЛИН

НЕСБАЛАНСИРОВАННОСТЬ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ[1]

Теперь мало кто сомневается в том, что растущая международная интеграция и либерализация последних десятилетий стали своего рода прологом к эпохе неурядиц и неопределенности в глобальной экономике.[2] Рост и неустойчивость финансовых рынков, влияние их эксцессов на реальную экономику, разрушительные следствия резкого роста Китая, размер внешнего долга Америки и последствия усиления конкуренции на национальных рынках труда — все это свидетельствует о том, что нас ждут десятилетия нестабильности. Поэтому необходимо рассмотреть некоторые наиболее важные тенденции в мировой экономике сегодня и обозначить направления развития, на которые они могут указывать.

Начнем с Соединенных Штатов. Стоит напомнить, что еще в 1989 году Комиссия по промышленному производству Массачусетского технологического института, созданная для оценки угрозы, которую представляет для экономики Соединенных Штатов рост производительности в Европе и Японии, могла начать свой доклад с мрачного предостережения:

> Производительность — залог благосостояния нации. В последние годы многие наблюдатели отмечали, что ситуация с производительностью в американской промышленности оставляет желать лучшего. Если такие обвинения справедливы и тенденцию невозможно перебороть, то рано или поздно нам придется поплатиться за тот образ жизни, который мы ведем...
>
> Продукция, изготовленная в Соединенных Штатах, больше не считается самой качественной... Распространены представления о том, что американ-

1 Andrew Glyn, 'Imbalances of the Global Economy,' *New Left Review*, 34, July-August 2005, pp. 5–37.

2 В основу этой статьи положена одна из глав моей новой книги «Необузданный капитализм», которая будет опубликована в начале 2006 года издательством Оксфордского университета. Я благодарен Венди Карли, Сьюзен Коллинз, Джонатану Гарнеру, Джону Гралю, Джону Найту, Тао Ран, Мэри Робертсон, Бобу Роутому и Бобу Сатклиффу за помощь в получении информации, комментарии и советы при чтении чернового варианта этой статьи.

ские фабрики неэффективны, рабочая сила посредственна, а менеджеры стремятся снимать пенки, а не преследовать долгосрочные цели.[3]

Комиссия изучила ситуацию в восьми различных отраслях промышленности, включая автомобилестроение, компьютеры и бытовую электронику, и во всех них отмечалась серьезная конкуренция со стороны европейских и — чаще — японских компаний. Учитывая эйфорию, которая позднее возникла в связи с быстрым ростом «новой экономики» и гибких высокотехнологичных компаний, замечания Комиссии относительно этой отрасли кажутся поразительными: «Борьба велась между небольшими, занятыми производством одного единственного продукта, малоопытными и испытывающими нехватку финансовых средств новыми американскими компаниями и тяжеловесами японской промышленности. Давид не победил Голиафа».[4]

ДЕФИЦИТ ТЕКУЩИХ СЧЕТОВ

Потребительский бум конца 1990-х годов поглотил множество потребительских товаров, особенно китайского производства, причем объем импорта в Соединенные Штаты в 1995–2000 годах вырос на 75 %. В 2000 году на него 26 % американского рынка промышленных товаров, включая 80 % для кожи и обуви, 57 % для одежды, 51 % для компьютеров и электронного оборудования и 33 % для автомобилей.[5] В то же самое время слишком высокая стоимость доллара и крах бума высоких технологий, который привел к увеличению экспорта компьютеров, оказали негативное влияние на американский экспорт, который в 2000–2003 годах лишился 20 % своей доли на мировом рынке. Растущий дефицит текущих счетов отражал растущий дефицит в товарах. К 2004 году долги правительства Соединенных Штатов и американских фирм, находящихся за рубежом, превысили американские иностранные активы почти на 30 % ВВП. И даже тогда Соединенные Штаты продолжали получать определенную прибыль на свои инвестиции за рубежом (следует помнить, что речь здесь идет о весьма прибыльных «прямых» инвестициях американских компаний своим дочерним компаниям, находящимся за рубежом). Хотя в 1980-х годах и особенно во время бума «новой экономики» произошел значительный приток прямых инвестиций в Соединенные Штаты, значительная часть этих средств инвестировалась в существующие активы и приносила меньшую прибыль, чем та, которую американские транснациональные корпорации получали на свои прямые инвестиции за рубежом в новые производственные мощности. Тем не менее, если дефицит текущих счетов будет расти, а внешние долги будут и дальше накапливаться, прибыль на инвестиции неизбежно упадет, что приведет к еще большему дефициту текущих счетов. Постоянный дефицит текущих счетов в 5 % ВВП означает, что отношение внешнего долга выросло

3 Michael Dertouzos, Richard Lester and Robert Solow, *Made in America: Regaining the Productive Edge*, Cambridge, MA 1989, p. 1.

4 Dertouzos, *Made in America*, p. 10.

5 *Economic Report of the President*, Washington 2002, table 7.1.

до 100 % ВВП, тогда как основные темпы роста экономики составляют около 5 % в номинальном выражении (то есть 3,5 % на рост и 1,5 % на инфляцию).

Таким образом, в будущем долг будет расти до тех пор, пока не произойдет переход от модели потребления и импорта к модели экспорта. Винн Гудли говорит, что необходима реальная девальвация на одну треть по сравнению с уровнем 2002 года для того, чтобы привести США к разумному балансу.[6] По другим расчетам, номинальное падение курса доллара должно быть значительно больше «необходимого» реального изменения, так как некоторые конкурентные преимущества неизбежно будут утрачены вследствие ускорения инфляции в Соединенных Штатах и увеличения долларовой цены импорта. Но нам следует также учитывать долю инвестиций в основной капитал (инвестиции за вычетом амортизации), то есть в здания и оборудование американского бизнеса. В 2002 году дефицит текущих счетов, то есть средства, заимствованные за рубежом, соответствовал чистым производственным инвестициям. Сложилось такое положение, когда ограниченные американские сбережения были как бы поглощены дефицитом государственного бюджета и строительством, а *все* чистые производственные инвестиции в США финансировались за счет заимствования сбережений других стран, — положение, немыслимое для самой богатой страны в мире.

Соединенные Штаты брали огромные суммы в виде займов, но кто их предоставлял? В первом столбце Таблицы 1 показан средний дефицит текущих счетов, который в 2003 году превысил 5 % ВВП. Первым возможным источником финансовых средств были зарубежные компании, вкладывавшие капитал в новые предприятия в Соединенных Штатах или в покупку американских компаний больше, чем сами американские компании. Однако в этой категории «прямых инвестиций» (приток минус отток), остававшейся относительно небольшой на всем протяжении 1980–1990-х годов, с 2003 года наблюдался чистый отток, поскольку американские компании вкладывали больше капитала за рубежом, чем зарубежные компании вкладывали в США (см. вторую строку из Таблицы 1). Вторым источником были отдельные иностранцы и зарубежные финансовые институты, которые покупали американские облигации или акции американских компаний или вкладывали деньги в американские банки. И вновь проблема заключается в балансе между притоком и соответствующим оттоком средств американских граждан и финансовых институтов. На самом деле иностранный частный сектор в 1980–1990-х годах не играл значительной роли в финансировании дефицита текущих счетов Соединенных Штатов, но когда в 2000–2002 годах положение с дефицитом ухудшилось, возникла потребность в дополнительном финансировании (третья строка). Кажется удивительным, что крах американской фондовой биржи и завышенные ожидания, связанные с бумом «новой экономики», не помешали притоку значительных финансовых средств из частного сектора. Но с 2003 года особенно важным стал третий источник финансирования — приобретение иностран-

6 Wynne Godley, Alex Izurieta and Gennaro Zezza, 'Prospects and Policies for the us economy', *Strategic Analysis,* August 2004.

ными правительствами американских казначейских обязательств. До 2003–2004 годов долларовые авуары иностранных правительств были относительно незначительными, но затем азиатские правительства начали скупать доллары и продавать свою валюту (четвертая строка), чтобы не допустить повышения ее стоимости по отношению к доллару и снижения конкурентоспособности своего экспорта. В 2003–2004 годах краху американской валюты помешали только правительства стран Дальнего Востока, накопившие огромные долларовые активы. К концу 2003 года долларовые активы иностранных правительств составили 1474 триллиона долларов, что равняется 13 % американского ВВП.

Таблица 1. Финансирование дефицита платежного баланса США (% от ВВП)

	1980–1989	1990–1999	2000–2002	2003–2004
Текущие счета	–1,7*	–1,5	–4,3	–5,6
Прямые инвестиции (чистые)	0,3	–0,1	0,4	–1
Остальной частный капитал (акции, облигации, банковские депозиты)	0,8	0,9	3,7	3,2
Долларовые авуары иностранных правительств	0,4	0,7	0,6	3,2

* «–» означает дефицит или отток.

В 2005 году Банк международных расчетов отметил шаткость положения доллара:

> растущий дефицит текущих счетов Соединенных Штатов — серьезная и долгосрочная проблема. В конечном итоге, она может привести к резкому падению доллара, соответствующей неразберихе на других финансовых рынках и даже экономическому спаду. Вполне возможно также возрождение протекционистского давления. Немыслимый дефицит, скорость, с которой растет внешний долг, все более серьезная опора на официальный сектор с целью дефицитного финансирования и тот факт, что американские заимствования идут главным образом на потребление, а не на инвестиции, — все это свидетельствует о возможных проблемах. Более того, принимая во внимание взаимозависимость современных финансовых рынков, велика вероятность того, что проблемы не ограничатся одним лишь долларом.[7]

ВЗЛЕТ КИТАЯ

Вообще говоря, накопление капитала остается основной движущей силой экономики, несмотря на появление некоторой напряженности. Рост инве-

7 Bank for International Settlements, *Annual Report 2005*, p. 144.

стиций — это обычно наиболее динамичная составляющая в росте совокупного спроса, особенно в мировом масштабе, когда экспорт одной страны означает импорт другой.[8] Со стороны предложения рост основного капитала — это предпосылка для роста производства, а инвестиции симбиотически связаны с новыми технологиями, через которые они поступают в систему производства и которые делают их более выгодными. В Таблице 2 показано снижение нормы накопления в мировом масштабе с конца 1970-х годов. И сейчас накопление в индустриальных странах происходит медленнее, чем в мире в целом, а это означает, что в развивающихся странах оно происходит значительно быстрее. Курсивом в таблице выделены показатели нормы накопления крупных стран, более чем на 1 % превышающие средние мировые темпы роста. Снижение темпов роста основного капитала очевидно во всей Организации экономического сотрудничества и развития, поскольку эстафетная палочка «сверхнакопителя» перешла от Японии в 1960-х годах к Корее (и Тайваню) в 1970–1980-х, а затем к Китаю в 1990-х. В начале 2000-х годов рост основного капитала в Китае легко может составить 12 % или более.

Таблица 2. Накопление капитала: темпы роста основных фондов (изменения в % за год)

	Мир	Индустриальные страны	США	Европа	Япония	Корея	Китай	Индия	Бразилия
1960-е	5	5	4	4,6	12,5	8,9	1,9	4,5	5,8
1970-е	5,1	4,2	3,8	3,8	8,5	14,6	7,2	4,1	9,6
1980-е	4	3,1	2,8	2,9	6,1	11,2	8,4	4,9	4,1
1990-е	4	3,3	3	2,8	4	9,6	10,9	6,2	2,2
2000–2004	-	-	1,8	2,4	3,2	-	-	-	-

Чем объяснить такой взлет Китая? Прежде всего, несмотря на рост государственной занятости на протяжении ранних этапов периода высокого роста в Китае, включая очень динамичный и важный производственный сектор, с середины 1990-х годов здесь начался резкий спад. «В результате выкупа руководством и рабочими государственных предприятий и превращения их в частные, банкротств и серьезных сокращений на предприятиях, принадлежащих государству, количество рабочих мест на производстве в государственном секторе сократилось почти на три четверти по сравнению с наиболее высокими показателями в прошлом».[9] В последнее время накопление частного капитала в Китае преобладает над процессом роста.

8 См. недавнее исследование, показывающее при помощи эконометрических данных важность накопления для роста: Steve Bond, Arli Leblebicioglu, Fabio Schiantarelli, 'Capital Accumulation and Growth: A New Look at the Empirical Evidence', IZA Discussion Paper 1174, 2004.

9 Nicholas Lardy, 'Trade Liberalization and its Role in China's Economic Growth', www. imf.

Для быстрого роста основного капитала необходимо, чтобы значительная доля ВВП приходилась на инвестиции. Приведенные Мэддисоном официальные цифры свидетельствуют о том, что в 1978–1994 годах примерно треть китайского ВВП составляли инвестиции, что очень близко к показателям, достигнутым Японией и Кореей.[10] На самом деле, если рассматривать инвестиции в оборудование, которые часто считают основным движителем роста, то их доля составляла около 30 %, что почти на 6 % меньше, чем в Корее и Японии во время периодов максимального роста, и только на 3–4 % больше, чем в лучшие годы во Франции и Германии. И даже если учитывать последующий резкий рост инвестиций в 2003–2004 годах, во вложениях в производство в Китае нет ничего необычного. Но следует помнить, что, в отличие от остальных стран Азии, Китай обладал значительно большей излишней рабочей силой.

После некоторого снижения доходности в конце 1990-х годов прибыль китайской промышленности в денежном выражении выросла в 1999–2004 годах в пять раз, а в секторе распределения она росла еще быстрее. Традиционные расчеты нормы прибыли для акционеров показывают более высокую прибыль на капитал в 2004 году, чем в середине 1990-х годов. Финансируемые за счет внутренних инвестиций компании имеют значительно меньшую объявленную прибыль, чем принадлежащие иностранцам, причем наиболее прибыльными оказываются компании с собственниками в Гонконге, Макао и на Тайване (несмотря на стремление занижать прибыль с тем, чтобы платить меньше налогов). Компании, принадлежащие иностранцам, экспортируют почти третью часть выпускаемой ими продукции, то есть в три раза больше, чем компании с китайскими собственниками.

По оценкам, общая численность работающих в Китае составляет около 750 миллионов человек, что почти в полтора раза больше, чем во всей ОЭСР, и почти в десять раз больше, чем в Японии и Корее. Почти половина китайской рабочей силы по-прежнему занята в сельском хозяйстве. Таким образом, имеется огромный запас рабочей силы, способный перетечь из менее развитых внутренних областей страны на рынки труда промышленно развитого побережья. По оценкам, число тех, кто может оставить приносящее небольшой доход сельское хозяйство и занять рабочие места в промышленности и сфере услуг, составляет от 150 до 300 миллионов человек. Уже сей-

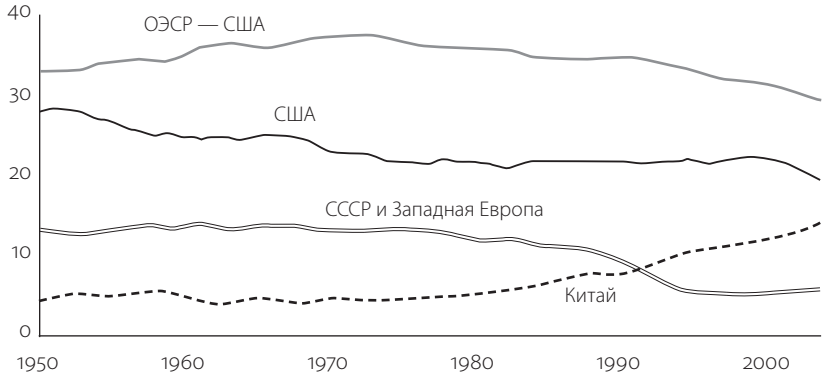
org, 2003, p. 12. Утверждалось, что уволенные по сокращению штатов с государственных предприятий с неохотой шли на работу на новые, ориентированные на экспорт заводы: «Говорят, что в городах, особенно на государственных предприятиях, рабочие свыклись с мыслью о том, что “рабочие – это хозяева” и что “при социализме нет эксплуатации”, поэтому они хотели получить работу “поблизости от дома, с высокой зарплатой, небольшой продолжительностью рабочего дня и не требующую больших усилий”». Hiroko Imamura, ‘Unemployment Problem and Unemployment Insurance in China’, *Far Eastern Studies*, March 2003, p. 59. О действительной оплате и условиях труда см. ниже.

10 Angus Maddison, *Chinese Economic Performance in the Long Run*, Paris 1998. Мэддисон не учитывает большие ремонтные расходы и военные инвестиции, которые обычно не относятся к инвестициям. Общая схема роста основного капитала для Кореи, Японии и Китая, приведенная в Таблице 2, согласуется с той, что была предложена Мэддисоном.

час многие заняты в неформальном секторе городской экономики, включая выходцев из сельской местности и работников, сокращенных с государственных предприятий. Они составляют дополнительную часть огромной китайской «резервной армии труда».

Очень быстрое накопление капитала привело к невероятному увеличению доли Китая в мировом ВВП — за четверть века она выросла почти втрое с 5 до 14 %. Китай восполнил падение доли бывшего Советского Союза и Восточной Европы и постепенное снижение доли Европы и Японии. На Графике 1 показано, что при сохранении нынешних тенденций в течение следующего десятилетия Китай сможет бросить вызов США как самой большой экономики мира.

График 1. Доля в процентах от мирового производства

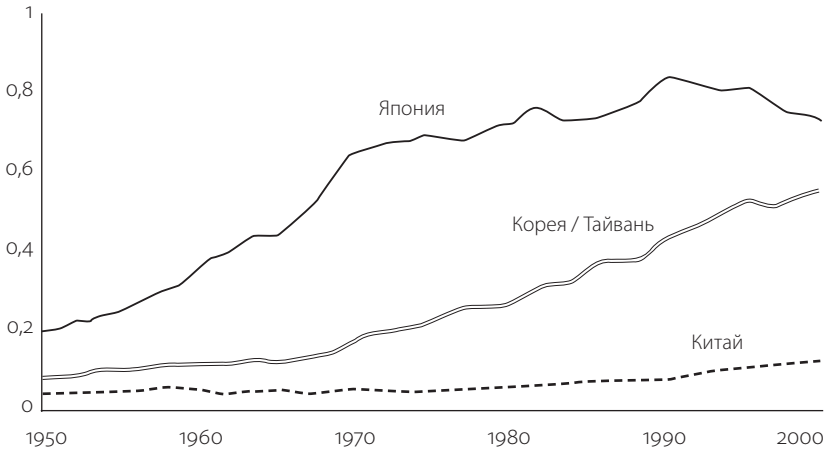


Пока превращение в крупнейшую экономику мира остается делом будущего, огромное население Китая означает, что доля ВВП на душу населения составляет в нем менее четверти американской. На Графике 2 показан рост Китая в долгосрочной перспективе азиатского подъема. Несмотря на удвоение за последние 20 лет показателей ВВП на душу населения, Китай по-прежнему серьезно отстает от США, как и Корея с Тайванем тремя десятилетиями ранее (быстрый рост в них начался именно в конце 1960-х годов); доля его ВВП по-прежнему значительно ниже уровня, с которого Япония начала свой рост в середине 1950-х годов.[11]

Очевидно, что по численности населения Китай намного превосходит остальные быстроразвивающиеся страны Азии. И у Китая имеется огромный потенциал для дальнейшего роста. Конечно, Китай не обязательно продолжит развиваться по своей нынешней траектории. Тем не менее, если все

11 По *абсолютному* уровню ВВП на душу населения, согласно оценкам Мэддисона, Китай находится на уровне Японии конца 1950-х и Кореи / Тайваня середины 1970-х годов. Такие оценки следует считать не более чем общими указателями.

График 2. Рост в Азии: ВВП на душу населения, США=1



останется так, как прежде, возникнут серьезные проблемы, связанные со значительными изменениями в структуре мировой торговли и производства.

Нынешнее и будущее развитие Китая способно помешать развитию всех остальных нынешних тенденций в мировой экономике. Например, Китай окажет большое влияние на сокращение неравенства в распределении дохода в мировом масштабе: реальные доходы большого числа китайцев заметно выросли. Несмотря на серьезный рост неравенства *в самом* Китае, улучшение уровня жизни многих миллионов людей оказало огромное влияние на сокращение разрыва в доходах в мировом масштабе.

ИЗМЕНЕНИЕ ДОЛИ В МИРОВОЙ ТОРГОВЛЕ

Из Таблицы 3 видно, что за последнюю четверть века доля китайского промышленного экспорта в мировом экспорте выросла в десять раз. После 1990 года этот рост превысил в абсолютном выражении рост девяти остальных крупнейших экспортеров промышленных товаров с низкооплачиваемой рабочей силой вместе взятых.[12] К несчастью для них, с 2000 года их совокупная доля экспорта упала, тогда как экспорт Китая стремительно вырос. Анализ влияния китайского экспорта на его азиатских конкурентов показывает, что страны, производящие потребительские товары и имеющие низкооплачиваемую рабочую силу, несли убытки, тогда как производители средств производства, например Корея, извлекали для себя огромную пользу от расширения рынка в Китае. Между 1980 и 2000 годами китайский экспорт в трудоемких секторах, наподобие производства одежды, товаров для путе-

12 Шесть азиатских стран, включая не такую уж «низкооплачиваемую» Южную Корею, плюс Польша, Чешская республика и Мексика.

шествий, обуви и игрушек, обеспечивался во многом за счет Кореи, Тайваня и Сингапура. До трети китайских товаров производится на предприятиях, принадлежащих иностранцам, главным образом японцам, что ведет к импорту японского оборудования и комплектующих, необходимых для поддержания экспортного производства. И если в случае с Соединенными Штатами имело место активное сальдо торгового баланса, то в случае с Японией, Кореей и Тайванем наблюдался заметный дефицит. Хотя принадлежащие иностранцам предприятия обеспечивают почти половину китайского экспорта, все большая часть их продукции продается на внутреннем рынке.

Таблица 3. Китайский экспорт

А. Процентная доля мирового экспорта промышленных товаров				
	1980	1990	2000	2003
Китай	0,8	1,9	4,7	7,3
9 других крупных стран с низкооплачиваемой рабочей силой	6,8	10,5	16,1	15

Б. Доля китайского импорта в Северную Америку, Европу и Японию по секторам						
	Северная Америка		Европа		Япония	
	1995	2003	1995	2003	1995	2003
Все отрасли	7,6	15,9	2,2	4,7	15,1	29,3
Игрушки	52,3	76,9	26	39,8	26,4	56,7
Одежда	14,9	16,9	7,9	12,2	56,6	80
Оргтехника	5,4	23,7	2,5	10	5,8	28

На Китай теперь приходится почти треть относительно небольшого (по сравнению с импортом в Европу и Северную Америку) промышленного импорта в Японию (Таблица 3Б, строка 1). Во всяком случае, за десятилетие доля Китая на рынке выросла более чем вдвое. Китай доминирует в импорте игрушек и имеет 40 % импорта одежды из стран с низкооплачиваемой рабочей силой. Его доля в оргтехнике стремительно растет. В 2002 году Китай обогнал ЕС и Мексику в качестве крупнейшего экспортера компьютеров, бытовой электроники и прочих товаров в Соединенные Штаты, хотя во многом этот экспорт связан со сборкой высокотехнологичных комплектующих, произведенных за рубежом.

Рост китайского участия в мировой торговле впечатляет, но — по крайней мере пока — в нем нет ничего уникального. Рост накопления в Китае следовал японской, а затем корейской схеме, и точно так же развивается его экспорт. Китайский экспорт еще не достиг доли мировой торговли, которую имели в 1980–1990-х годах Япония и азиатские новые индустриальные экономики. Хотя рост доли японского экспорта был более размеренным и про-

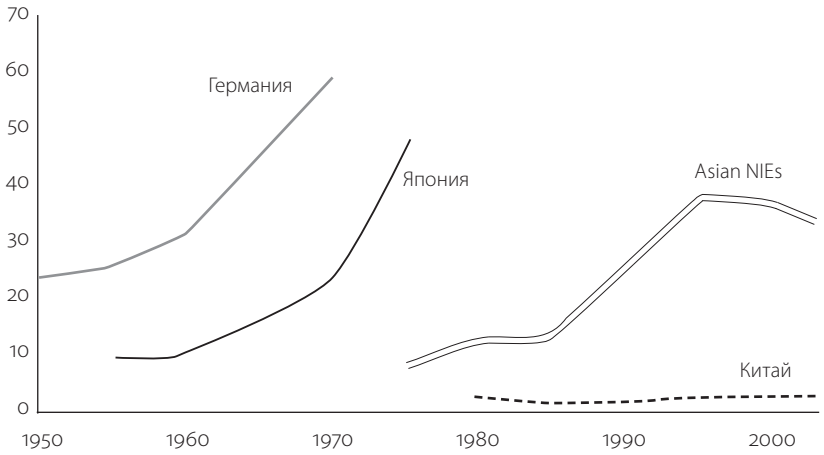
должительным процессом, чем у Китая, резкий подъем последнего начался вместе с ростом новых индустриальных экономик в 1980-х годах. Обострение конкуренции с Востоком оставалось неизменной тенденцией на протяжении последних 40 лет, так что рост китайского экспорта — это его самое последнее проявление, а не качественно новое явление.

Однако, как было отмечено ранее, размеры Китая и его нынешняя отсталость означают, что он обладает серьезным потенциалом для дальнейшего развития. Пара десятилетий китайского роста при сохранении нынешних показателей приведет к огромному росту китайского экспорта для покрытия растущих расходов на импорт продовольствия, материалов, топлива, полуфабрикатов, средств производства и даже потребительских товаров дорогих брэндов. Быстрый рост китайского экспорта все сильнее влияет и на его конкурентов с низкооплачиваемой рабочей силой, и на производителей в богатых странах, поскольку его доля в мировой торговле растет. Так, в 1980-х годах доля Китая выросла почти вдвое и составила 1,5 %; рост продолжился и в 1990-х годах, приблизившись к отметке в 3 %. И если рост ВВП на душу населения в Китае, который сейчас составляет 6 % в год, сохранится, то в следующем десятилетии удвоение доли китайского экспорта, вероятно, будет необходимо для оплаты растущих расходов на импорт. В результате, доля китайского экспорта вырастет еще по крайней мере на 6 %, а это уже больше, чем у азиатских тигров в 1980-х годах. К тому же, еще одно десятилетие роста ВВП на душу населения в Китае не приведет к исчерпанию возможностей дальнейшего быстрого роста, поскольку его производительность по-прежнему будет серьезно отставать от производительности богатых стран. Конечно, экономические кризисы вполне способны застопорить экономический рост, как это было, например, с Японии после сдувания «мыльного пузыря» или с Индонезией после азиатского кризиса. Но даже при наступлении длительного застоя Китай все равно сохранит серьезное влияние на структуру мировой торговли.

Дальнейший рост китайского экспорта, конечно, приведет к усилению конкуренции за рынки в странах ОЭСР, что станет серьезной проблемой для промышленности остальных южных стран, которые ведут борьбу за свою долю в них. На каком-то этапе цепочка начисления стоимости у Китая станет такой же, как и у Японии и азиатских новых индустриальных экономик; когда уровень заработной платы повысится, промышленность больше не сможет столь же действенно конкурировать с рынками с низкооплачиваемой рабочей силой. Исторический опыт свидетельствует о том, что на определенном этапе заработная плата начинает быстро расти. Однако в настоящее время заработная плата в Китае намного ниже, чем она была во время периодов бума в Японии и азиатских новых индустриальных экономиках, и пока не представляет угрозы положению Китая как производителя с низкооплачиваемой рабочей силой *par excellence* (см.: График 3).

В среднем темпы роста реальных доходов в городах в 1990-е годы составляли примерно 5 % в год, но при этом также быстро росли расходы на образование и здравоохранение. Кроме того, в этих оценках не учитываются

График 3. Заработная плата в промышленности во время быстрого роста, США=100



сельские мигранты, которые составляют значительную часть рабочей силы на заводах, работающих на экспорт. В провинции Гуандун, где расположены многие экспортные предприятия, средняя заработная плата составляет 80 долларов в месяц, а рабочее время может достигать 80 часов в неделю. Заработная плата в номинальном выражении почти не росла на протяжении десятилетия, а ее реальная ценность вследствие инфляции снизилась, несмотря на быстрый рост занятости, на 30 %, а это значит, что «процветание» города не коснулось рабочих. Мигрантам нужно пройти через сложные и дорогостоящие бюрократические процедуры, чтобы получить разрешение на работу в городах, и они часто сталкиваются с трудностями при переходе на другую работу. В Китае слишком жесткая трудовая дисциплина, особенно на корейских и тайваньских предприятиях, где иногда «рабочие даже ходят колоннами, обедают в общих столовых и спят в некоем подобии казарм».[13]

Независимые профсоюзы запрещены, рабочих часто сажают в тюрьмы за организацию забастовок, а официальная Всекитайская федерация профсоюзов (ВФП) «десятилетиями поддерживает тесные отношения с руководством, а не с рабочими».[14] Как объяснил глава провинциального отделения ВФП, профсоюз считает, что плохие условия «лучше, чем ничего»:

> Защита работников, условий труда и заработной платы зависят от уровня экономического развития страны. Конечно, нам хочется, чтобы работники были лучше защищены, но мы не можем себе этого позволить. Нам необходимы рабочие места. Нужно сделать так, чтобы у людей была еда.[15]

13 Anita Chan, 'A "Race to the Bottom": Globalization and China's Labour Standards', *China Perspectives*, March-April 2003, p. 46.
14 Neil Gough, 'Trouble on the Line', *Time Asia Magazine*, January 2005.
15 'Chinese Workers pay for Wal-Mart's Low Prices', *Washington Post*, 8 February 2004.

Иностранные предприятия, расположенные в промышленных парках, обнаруживают, что «на заводах нет никаких профсоюзов... Профсоюзы не вмешиваются в действия руководства и не имеют никакого влияния в том, что касается установления заработной платы». Но, несмотря на это, вебсайты регулярно сообщают о довольно крупных забастовках и других активных действиях рабочих, включая споры по вопросу о невыплаченной заработной плате и компенсациях за переработку. Ограничений на миграцию в города становится все меньше, и уже сейчас идут разговоры о нехватке рабочей силы в прибрежных областях, «впервые дающей швеям некоторую рыночную власть. Владельцы предприятий не могут выгнать недовольных работников так же легко, как они могли раньше; "дикие" забастовки способны остановить производство на несколько дней или недель. Постепенно рабочие начинают выбивать уступки».[16]

Если бум продолжится, а резервы рабочей силы сократятся, то на определенном этапе рыночные силы заставят отказаться от репрессивных мер, а заработная плата начнет расти и на экспортных заводах, как и в Японии и азиатских новых индустриальных экономиках. Более того, длительные успехи в экспорте приведут к росту юаня, что вызовет еще больший рост заработной платы в долларовом выражении и, следовательно, снижение конкурентоспособности. Рост издержек на заработную плату вынудит китайские фирмы перейти к производству и экспорту товаров, для которых нужна более квалифицированная рабочая сила. Это ослабит давление на остальных экспортеров с низкооплачиваемой рабочей силой, которые сейчас страдают от китайской конкуренции. Китай вступит в конкуренцию со странами Севера и азиатскими новыми индустриальными экономиками в производстве более сложных товаров.

Импорт товаров в Китай стремительно растет и теперь составляет около 5 % мирового импорта сельскохозяйственных продуктов (продовольствие и сырье) и полезных ископаемых (металлы и топливо), включая 12 % мирового импорта железа и стали.[17] Несмотря на многочисленные статьи в прессе о нехватке стали и постоянно растущих потребностях Китая в нефти и другом сырье, импорт промышленных товаров в Китай в настоящее время превосходит в четыре раза импорт сельскохозяйственных продуктов и полезных ископаемых. Импорт высокотехнологичных комплектующих (компьютеров, например) чрезвычайно важен для реэкспорта. Но все более существенным становится импорт средств производства для внутренних инвестиций и потребительских товаров для внутреннего потребления. Важно отметить, что Китай — это не только источник дешевого и потенциально опасного импорта, но и — во все большей степени — рынок для экспорта. Опять-таки, если нефтедобывающие страны Персидского залива или бразильские фермеры, выращивающие соевые бобы, получают более высокие доходы благодаря экспорту в Китай, они, в свою очередь, будут склон-

16 Gough, 'Trouble on the Line'.

17 Расчеты выполнены по: *WTO International Trade Statistics 2004*, tables iv.1 and a.19.

ны приобретать больше импортируемых товаров. Таким образом, прямо и косвенно Китай оказывает все более значительное влияние на экономики стран ОЭСР.

ПОТОКИ КАПИТАЛА И ВАЛЮТНЫЙ КРИЗИС

Следующим важным источником нарушения баланса был рост международных финансовых потоков, которому способствовал последовательный отказ всех стран ОЭСР от использования средств контроля над капиталом. В 1976 году пять из девятнадцати стран ОЭСР, включая США и Германию, были отнесены Международным валютным фондом к странам с открытыми рынками капитала. В 1980 году к ним присоединились Великобритания и Япония. К 1988 году только одна страна ОЭСР использовала средства контроля над капиталом, то есть ситуация коренным образом отличалась от той, что имела место в 1973 году, когда такими средствами контроля обладало более половины стран. В конце 1980-х годов и начале 1990-х все страны ОЭСР пережили либерализацию; последняя цитадель социал-демократии — Норвегия — пала в 1995 году.

В 2004 году мировая валютная торговля достигла 1900 миллиардов долларов в день, втрое превысив показатели 1989 года. Огромные двусторонние потоки средств создавали банки и другие институты для одновременного заимствования и предоставления займов за рубежом. По оценкам, общая ценность иностранных активов многих стран удвоилась в 1980–1995 годах с 36 до 71 % ВВП. С 1977 по 2003 год транзакции в иностранных ценных бумагах у американских резидентов выросли по отношению к ВВП в 60 раз.

Теоретически такая деятельность позволяет достаточно эффективно разделить риски и прибыль между держателями финансовых активов. При оценке ее действительного воздействия нам необходимо рассматривать влияние на платежный баланс: до какой степени высокая мобильность капитала позволяет странам регулировать дефицит платежного баланса на текущих счетах и способствует или препятствует стабильности и росту? Помогают ли потоки капитала валютным курсам быстро достичь нужного уровня или же они ведут к пере- и недооценке валюты, которая имеет серьезные последствия для реальной экономики?

Во время Бреттон-Вудской эпохи искусственно поддерживаемых валютных курсов, когда «серьезное нарушение баланса» могло произойти только в результате девальвации, текущий платежный баланс в целом считался ограничением, которое должно было учитываться во внутренней политике. Дефицит платежного баланса не был слишком большим. Но с начала 1980-х и особенно в 1990-х годах средний размер активного и пассивного сальдо торгового баланса заметно вырос в отношении к ВВП.[18] В более бедных стра-

18 Среднее отклонение текущего платежного баланса в середине 1980-х и начале 2000-х годов выросло примерно вдвое. (Olivier Blanchard and Francesco Giavazzi, 'Current Account Deficits in the Euro Area: The End of the Feldstein-Horioka Puzzle?', *Brookings Papers on Economic Activity*, 2, 2002, fig. 1).

нах, большой дефицит в которых вызван заимствованиями с целью вложения в производство, особенно если речь идет о странах, богатых природными ресурсами, последствия такого дефицита явно будут благоприятными. Но чаще дефицит связан с потребительским бумом. И если в конце 1990-х годов можно было говорить о связи роста американского дефицита с инвестициями, то в 2004 году, когда дефицит платежного баланса достиг 5 % ВВП, речь идет о простом финансировании потребления и военных расходов.

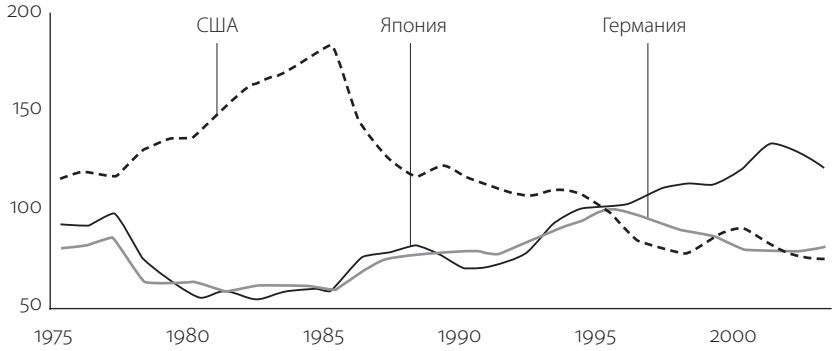
Считается, что полная мобильность капитала позволяет сгладить при помощи валютных курсов тенденции, влияющие на конкурентоспособность экспорта (например, рост заработной платы, когда она становится выше, чем у конкурентов). Это означает, что реальный валютный курс — номинальный курс, откорректированный с учетом цен или систематического роста издержек на рабочую силу, — будет поддерживаться или хотя бы постепенно регулироваться в ответ на долгосрочные изменения в конкурентоспособности. И здесь существующая картина противоречила теории свободного рынка. В среднем реальный валютный курс стран ОЭСР в 1960-х годах менялся примерно на 3 % в год, а затем — с приходом Бреттон-Вудской системы в упадок в 1970-х годах — и на 6 % в год. Колебания реального валютного курса несколько ослабли после 1970-х годов, а в 1990-х годах такие годичные колебания были вдвое слабее, чем в 1960-х. Будь они просто случайными колебаниями при благоприятных тенденциях, они вполне могли бы быть поглощены реальной экономикой и без непомерных затрат, а опыт участников финансовых рынков позволял застраховаться от колебаний номинальных валютных курсов. Но наложение таких годичных колебаний на долгосрочные колебания реальных валютных курсов могло оказать на структуру экономики и конкурентоспособность работающих экспорт секторов деформирующие влияние.

На Графике 4, отражающем развитие трех основных валют (доллара, иены и дойчмарки/евро), показана реальная ревальвация доллара на 70 % в первой половине 1980-х годов, за которой последовали сначала резкое падение, а затем — после 1995 года — резкий взлет. Евро и иена также привели к серьезным переменам в реальной конкурентоспособности. Такие колебания реального валютного курса могут быть крайне вредными для производительности экономики в среднесрочной перспективе из-за изменений (компании уходят с экспортных рынков; происходит сокращение рабочих мест), которые не так просто обратить в случае возвращения реального валютного курса к нормальному состоянию.[19] Внимательное рассмотрение американской промышленности показывает, что рост стоимости доллара привел к сокращению числа рабочих мест, но при падении доллара создания

19 Изменения реального валютного курса могут оказывать стабилизирующее воздействие, если они смягчают неблагоприятные реальные тенденции или «потрясения». Министерство финансов Великобритании попыталось, хотя и не очень убедительно, показать, что ситуация с британскими колебаниями была именно такой ('The Exchange Rate and Macroeconomic Adjustment: EMU Study', 2003).

новых рабочих мест не произошло.[20] Авторы также отмечают негативное влияние резкого роста курса валюты на сокращение рабочих мест: «Рабочим проще найти подходящую работу, когда сокращение рабочих мест происходит постепенно и диффузно, чем тогда, когда внешнее потрясение [например, повышение стоимости доллара] ведет к резкому сокращению рабочих мест и, следовательно, появлению множества уволенных работников, которые занимаются поиском рабочих мест одновременно».[21]

График 4. Реальные валютные курсы 1975–2004
(по индексу стоимости единицы выпущенной продукции)



Патологический случай колебания валютных курсов, глубокий «валютный кризис», условно определяется как время, когда сочетание изменений валютных курсов и валютных резервов превышает пороговый уровень. В недавнем исследовании пяти стран ОЭСР (четыре скандинавские страны и Испания) был сделан вывод о том, что каждая из рассмотренных стран пережила по крайней мере четыре валютных кризиса после 1970 года.[22] Как и серьезный дефицит бюджета, дефицит платежного баланса или «финансовые эксцессы» — это кризисы, вызванные неожиданными потрясениями на международных рынках капитала и спекулятивными атаками: «кризисы бывают и в экономиках с безупречными основами».[23] Число кризисов, в которых определяющую роль играла валютная составляющая, заметно выросло после введения в 1973 году плавающих курсов. По приблизительным расчетам Эйхенгрина, введение контроля над капиталом, направленного на предотвращение валютных кризисов, позволяет прибавить 100 миллиардов долларов в год к *росту* мирового ВВП. Однако, по его оценкам, издержки, связанные сокращением финансового посредничества, будут

20 Michael Klein, Scott Schuh and Robert Triest, 'Job Creation, Job Destruction and the Real Exchange Rate', NBER Working Paper 7466, 2000.
21 Klein, 'Job Creation', p. 29.
22 Graciela Kaminsky, 'Varieties of Currency Crises', NBER Working Paper 10193, 2003, table 4.
23 Kaminsky, 'Varieties of Currency Crises', p. 2.

на 50 % больше выгоды. Кажется маловероятным, что контроль, сосредоточенный на краткосрочных финансовых потоках, способен оказать такое неблагоприятное влияние на финансовую систему и, следовательно, на экономический рост. Но важно, что можно просчитать, кто пострадает, а кто получит выгоду от финансовой либерализации. По оценкам Всемирного банка, в результате азиатского кризиса 1997 года число бедняков в регионе выросло на 22 миллиона человек.

ФИНАНСОВАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ И ТОРГОВЛЯ

Помимо валютных кризисов, в последние десятилетия вновь начали происходить кризисы, связанные с банковской системой и почти прекратившиеся в 1950–1960-х годах. В результате обширного исторического исследования было установлено, что после 1987 года банковские кризисы стали столь же частыми, как и в межвоенный период. В Скандинавии, например, они вызвали спад производства, оцениваемый в 7 % ВВП, а там, где они сочетались с валютным кризисом, спад составил около 16 % ВВП.[24]

Банк международных расчетов в Базеле, отвечающий за поддержание стабильности финансовой системы, отмечал в своем годовом докладе, что «глобальной финансовой системе, по-видимому, придется пережить различные финансовые потрясения».[25] В недавнем докладе Банка указана «общая структурная нить», связующая все большее число финансовых кризисов:

> Все более частому принятию риска представителями частного сектора на финансовых рынках способствует дерегулирование финансового рынка и технологические изменения. Либерализованные финансовые системы, по-видимому, более подвержены периодическим финансовым кризисам, чем контролируемые финансовые системы.

Возросшая конкуренция, говорится в докладе, может привести к «обострению дилеммы. Финансовым институтам становится труднее поддерживать норму прибыли, когда акционеры требуют ее повышения». И, наконец, «современная финансовая система, по-видимому, страдает от множества различных проблем: сбои в работе, банкротства институтов, переменчивость рынка, неверные среднесрочные меры и распространение этих проблем на все страны и рынки».[26]

Отличительной особенностью процесса глобализации последних десятилетий, понимаемой как международная экономическая интеграция, является рост мирового экспорта относительно мирового производства. На деле отношении экспорта к мировому ВВП удвоилось с 1960 года почти на 25 %, причем во второй половине периода темпы роста были более медленными

24 Bordo et al, ‘Crisis Problem’, fig. 1, table 1 and pp. 55, 58.
25 BIS, *Annual Report 2005*, p. 5.
26 William White, ‘Are changes in financial structure extending safety nets?’, BIS Working Paper 145, 2004, pp. 1, 2, 24.

вследствие более высоких цен на нефть.[27] Во многом рост отражает увеличение доли экспорта в Европе и США; хотя в обоих случаях отношение экспорта к ВВП в 1913 году было превышено только в конце 1960-х годов. Однако Япония, в отличие от Китая, обнаруживает необычайную стабильность в торговле с конца 1950-х годов, если не учитывать влияние колебаний цены на нефть.

Влияние международной конкуренции в национальных экономиках лучше всего видно в степени проникновения импорта на внутренний рынок для промышленных товаров, которое показано в Таблице 4.

Таблица 4. Проникновение импорта на внутренние рынки для промышленных товаров 1913–2001 гг. (импорт в % от явного потребления)

	1913	1950	1974	1991	2001	С «Юга» 2001
США	3	2	6	14	21	10
Япония	34	3	5	7	12	7
Европа	13	6	17	28	39	8

Данные для Европы — это среднеарифметическое для Великобритании, Франции, Германии и Италии.

Проникновение импорта на внутренние рынки развитых стран становится все более ощутимым: после 1974 года доля импорта на европейском рынке выросла вдвое, а на американском — втрое. Хотя традиционно конкуренцию здесь составляли другие страны ОЭСР, за последние годы импорт с Юга стремительно вырос и теперь на него приходится 10 % внутреннего рынка Соединенных Штатов, причем далеко не последнюю роль здесь играет Китай.

Распространенное представление об усилении международной интеграции вследствие развития торговли, конечно же, связано с этим растущим проникновением импорта на внутренние рынки товаров обрабатывающей промышленности. Но в настоящее время в странах ОЭСР на производстве занято около 18 % трудоспособного населения (от 15 % в США до 24 % в Германии), что на треть меньше, чем в 1974 году. Способствует ли торговая интеграция обострению конкуренции в этом относительно небольшом, но весьма заметном секторе экономики?

На самом деле значение производства часто недооценивают вследствие его доли в занятости, поскольку другие сектора служат важными поставщиками сырья для производства товаров. И от международной конкуренции страдают сельское хозяйство, добывающая промышленность, энергетика,

27 *World Development Indicators*, 2003. Сравнение экспорта и ВВП часто производится в неизменных ценах. Однако экспорт промышленных товаров, как правило, ведет к снижению цен, поскольку рост производительности на производстве обычно происходит намного быстрее, чем в остальной экономике, вследствие чего доля рабочей силы, занятой непосредственно в экспорте, растет намного медленнее.

строительство, транспорт и финансовые и деловые услуги. Поэтому производственный сектор заинтересован по крайней мере в сохранении своей доли на внутренних и мировых рынках. Если принять во внимание услуги, оказываемые производственному сектору, и важность сельскохозяйственной продукции и полезных ископаемых, широко продаваемых во всем мире, то окажется, что около 30 % британской экономики, например, прямо или косвенно участвует в производстве продаваемых во всем мире товаров.

И так же продаются некоторые услуги. В конце 1990-х годов экспорт коммерческих услуг составлял около 20 % от общего экспорта для мира в целом и для стран с высокими доходами.[28] Но они сосредоточены в очень узко специализированной области (международный транспорт, международные финансы, консультационные услуги, центры обработки звонков и так далее); к тому же, импорт не оказывает практически никакого влияния на сектор значимых для общества услуг (распределение, образование и здравоохранение).

Не существует простого способа оценки степени интернационализации сферы услуг; но велика вероятность того, что международная торговая конкуренция слабо влияет на занятость в большинстве стран ОЭСР. Помимо сельского хозяйства, горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, лишь небольшая доля работников прямо или косвенно участвует в международной конкуренции, оказывая услуги сектору торговли. На оптовую и розничную торговлю, строительство, коммунальное обслуживание и личные и социальные услуги приходится около 60 % занятости в ОЭСР (для США этот показатель намного больше). Эти сектора в значительной степени изолированы от международной торговой конкуренции. По оценкам, вывод обслуживания за рубеж — например, центров обработки звонков или делопроизводства — имеет очень ограниченные последствия для занятости; в одном из отчетов говорится, что такой вывод рабочих мест за рубеж касается только 1 % занятости в США. За два последних десятилетия вывод за рубеж вычислительных и деловых услуг вырос в четыре раза, но на них по-прежнему приходится всего 0,4 % ВВП. И США, и Великобритания, широко практикующие вывод рабочих мест за рубеж, имеют в этих услугах значительное активное сальдо торгового баланса, а Япония и Германия — незначительный дефицит.

Влияние интернационализации посредством торговли было сложным. Для одних секторов экономики, включая обрабатывающую промышленность и поставщиков сырья для нее, а также некоторые специализированные анклавы в секторе услуг, международная интеграция на этом фронте заметно усилилась, и она продолжится в случае сохранения быстрого роста в Китае. Между тем, значительные сегменты экономики, в том числе и растущие, — социальное обеспечение, коммунальные услуги и розничная торговля — остаются весьма изолированными от международной торговли.

28 Ronald Findlay and Kevin O'Rourke, 'Commodity Market Integration 1500–2000', NBER Working Paper 8579, 2001, table 7.

Последствия этой интернационализации для рабочей силы Севера также не были одинаковыми: благодаря импорту из стран с низкооплачиваемой рабочей уровень жизни вырос, но при этом произошло существенное сокращение числа рабочих мест. На самом деле даже сбалансированная торговля между Севером и Югом ведет к значительному сокращению числа рабочих мест на Севере. В результате недавно проведенного всестороннего исследования выяснилось, что на каждое рабочее место на производстве, требующем высокой квалификации, созданном благодаря росту экспорта на Юг, приходится 6 рабочих мест, сокращенных вследствие промышленного импорта с Юга, не требующего высокой квалификации.[29] Такое неравенство отражает потенциальную «выгоду от торговли». Уточнение «потенциальную» очень важно, потому что получение этой выгоды зависит от предоставления сокращенным работникам новых рабочих мест. Исследование занятости в американском производстве в 1980–1990-х годах установило, что треть всех сокращенных рабочих мест приходилась на отрасли, наиболее уязвимые для иностранной конкуренции, включая производство игрушек, одежды и электроники. Почти 40 % занятых в этих отраслях лишились работы, а у половины оставшихся заработная плата сократилась на 15 % и более. За десять лет — с 1992 по 2002 год — 25 % всех сокращений в промышленности ЕС и почти 50 % в США были вызваны торговлей с Югом. Такое сокращение рабочих мест может иметь пагубные последствия, поскольку занятость в промышленности, как правило, географически сконцентрирована. Поэтому в тех областях, где основными работодателями являются промышленные предприятия, трудоустройство этих уволенных рабочих становится особенно трудной задачей.

ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ

Еще одной важной особенностью экономической интеграции последних трех десятилетий, особенно второй половины 1990-х годов, был быстрый рост прямых иностранных инвестиций. В Таблице 5 показано, что при сохранении нынешних тенденций около 13 % основного капитала в развитых и развивающихся странах будут принадлежать иностранцам. Эта доля прямых иностранных инвестиций превзойдет предыдущий исторический пик, который наблюдался в 1914 году. Среди развитых экономик прямые иностранные инвестиции имеют особенно высокие показатели в Европе, причем бо́льшая часть этих инвестиций приходится на ЕС. В случае с застойной японской экономикой дело обстоит несколько иначе: Япония привлекает очень немного прямых иностранных инвестиций, а японские предприятия осуществляют довольно скромные инвестиции за рубежом. Прямые иностранные инвестиции, привлекаемые американской экономикой, намного превышают инвестиции американских транснациональных корпораций за рубежом.

29 Bob Rowthorn and Ken Coutts, 'De-industrialization and the balance of payments in advanced economies', *Cambridge Journal of Economics*, vol. 28, no. 5 (2004), pp. 767–790.

Таблица 5. Прямые иностранные инвестиции, 1991–2003 гг. (% общих инвестиций)

	Мир		Развитые страны	США	ЕС	Япония	Развивающиеся страны	Китай
	1992–1997	1998–2003	1998–2003					
«Входящие»	5,2	12,7	12,6	9,1	23,5	0,7	12,5	11,6
«Исходящие»	5,5	12	14,8	7,7	30,1	2,7	3,7	0,7

Хотя китайские показатели для «входящих» инвестиций не выглядят исключительными, огромная доля валовых инвестиций в китайском ВВП, приблизившаяся к 50 % в 2004 году, означает, что приток прямых иностранных инвестиций был очень велик по отношению к ВВП. Значительные иностранные инвестиции в Китай поступают от китайских капиталистов, проживающих в других развивающихся странах Азии. По сообщениям прессы, значительный приток средств в Китай на самом деле исходил из самой КНР и принимал вид прямых иностранных инвестиций с целью получения налоговых льгот. Кроме того, западные транснациональные корпорации осуществили значительные инвестиции в отрасли наподобие электроники и автомобильной промышленности. Китайские компании также начали осуществлять инвестиции за рубежом, занимаясь поиском поставщиков энергоресурсов и другого сырья или торговых марок. И хотя на самом деле речь шла о реинвестировании незначительной части притока прямых иностранных инвестиций, это все равно вызвало фурор: вспомним попытку приобретения китайцами сравнительно небольшой американской нефтяной компании *UNOCAL*.[30]

В 1990-х годах около половины «исходящих» прямых иностранных инвестиций шло в сектор услуг. Инвестиции, конечно, могут осуществляться в некоторые сегменты сектора обслуживания, например в розничную торговлю или рестораны, которые невосприимчивы к прямой конкуренции со стороны импорта, как тогда, когда *McDonalds* или *Walmart* приходят в новую страну. Более половины притока иностранных инвестиций в страны ОЭСР связано со слияниями и поглощениями, а не с компаниями, создающими с нуля новые заводы или офисы. Но это по-прежнему может служить отражением обострения конкуренции за другие внутренние фирмы. Прямые иностранные инвестиции позволяют лучше оценить степень изоляции значительных сегментов сектора услуг в зоне ОЭСР от международной конкуренции. Возможно, наиболее важным аспектом прямых иностранных инвестиций является повышение мобильности компаний в богатых странах, поскольку такая мобильность позволяет ослабить позиции рабочих при обсуждении вопросов занятости и заработной платы.

Рынок труда — это, безусловно, наименее интегрированный из всех глобальных рынков. В Соединенных Штатах, несмотря на значительный рост в 1980-х годах, показатели иммиграции в 1990-х годах по-прежнему составляли только

30 См. об этом статью Максима Момота в настоящем номере журнала. — *Ред.*

треть от показателей 1900–1910-х годов.[31] По некоторым оценкам, за последние 30 лет доля людей, проживающих в странах, где они не были рождены, выросла с немногим более 2 % до немногим менее 3 % и почти на 10 % в Европе и Соединенных Штатах. Рост числа потенциальных иммигрантов в наиболее развитых странах сопровождался усилением контроля и принятием мер, ограничивающих приток неквалифицированных мигрантов. В странах, где безработица ныне относительно невелика, иммиграция квалифицированных и неквалифицированных работников привлекательна для предпринимателей, стремящихся не допустить повышения заработной платы.

МИРОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Дерегулирование выпустило наружу джина финансовой конкуренции и экспансии. Хотя сильнее всего негативные последствия отсутствия контроля над потоками капитала ощутили на себе азиатские страны, которые пострадали от кризиса 1998 года, было бы ошибкой считать, что более совершенные финансовые рынки в странах ОЭСР смогут избежать подобных трудностей. Реальные экономики Соединенных Штатов и Японии страдают от финансовых эксцессов, а беспрестанный поиск прибыльных ниш может причинить огромный вред всей системе. Попытки извлечь выгоду от либерализации, ограничив при этом возможные риски, сталкиваются со значительными трудностями, поэтому вероятность крупного глобального финансового кризиса, конечно, растет.

До 1980-х годов развивающиеся страны были нужны богатым странам только как поставщики товаров, прежде всего нефти. Никогда прежде Юг не играл такой важной роли в мировой экономике. Развивающиеся страны Юга никогда не были серьезными конкурентами для промышленно развитых стран Севера. Однако эти страны теперь решительно выходят на новый этап развития мировой экономики. С середины 1990-х годов большая часть мирового ВВП производится вне ОЭСР, а доля стран, входящих в нее, неуклонно сокращается — они перестают быть центром накопления капитала и движущей силой системы. И Север столкнется с множеством весьма противоречивых последствий.

Прежде всего, быстрый рост в остальном мире вызывает большой спрос на экспорт тех товаров, в производстве которых страны ОЭСР по-прежнему остаются лидерами. Это, в свою очередь, способствует накоплению капитала в этих отраслях и помогает поддерживать рост совокупного спроса. Чтобы сохранить такое преимущество перед лицом растущей конкуренции с Югом в производстве все более сложной продукции, валюты основных стран должны обесцениться. Это приведет к снижению реального дохода в странах ОЭСР, поскольку они больше не будут импортировать дешевые потребительские товары.

31 В долях от населения. См.: Barry Chiswick and Timothy Hatton, 'International Migration and the Integration of Labour Markets', in Michael Bordo, Alan Taylor and Jeffrey Williamson, eds, *Globalization in Historical Perspective*, Chicago 2003.

Избыток рабочей силы в Китае и других развивающихся странах означает, что, несмотря на постепенное повышение уровня образования рабочей силы, заработная плата на Юге по-прежнему будет оставаться сравнительно низкой. Доступ к этому дешевому труду может способствовать увеличению прямых иностранных инвестиций с Севера, что вызовет отток инвестиций от основной зоны. В мировом масштабе соотношение труда и капитала снизится на треть или более по мере включения обширных резервов рабочей силы в этих странах в глобальную экономику. В результате может произойти значительное сокращение доли заработной платы в странах ОЭСР, поскольку рыночная власть рабочих ослабнет. Но заработная плата играет двоякую роль в капитализме, и не следует забывать, что именно она служит источником массового потребительского спроса. В условиях оттока инвестиций с Севера и притока на Юг поддержание оживленного спроса на Севере будет зависеть от роста потребительского кредитования или увеличения государственных расходов. Такая модель кажется нестабильной с экономической точки зрения и весьма опасной с политической. Хотя в появлении новых источников предложения нет ничего нового, поскольку Китай и Индия во многом шли по пути Японии и затем азиатских новых индустриальных стран, отличительная особенность сегодняшней ситуации состоит в том, что многочисленное население этих стран обладает потенциалом для еще быстрого и, следовательно, еще более подрывного догоняющего развития.

Китай сам по себе может быть серьезным источником нестабильности. Его кредитная система известна своей неустойчивостью, что увеличивает возможность финансового кризиса и спада, который может оказать серьезное воздействие на Север. Рабочие могут потребовать серьезного увеличения заработной платы, и сдерживание конфликтов в промышленности окажется очень трудной задачей. Потребности Китая в энергоносителях и сырье могут заметно ускорить рост цен на них, поскольку рынки попытаются предугадать долгосрочные тенденции. Серьезный спад в Китае может наступить также в результате кредитного краха и перенакопления. В случае сокращения дефицита платежного баланса заметное замедление роста в Соединенных Штатах станет неизбежным, а без повышения налогов состояние бюджета только ухудшится.

Один из парадоксов недавнего прошлого заключается в том, что, несмотря на нестабильность финансовой системы и разрушения, причиненные переменами в мировой торговле, на протяжении прошлого десятилетия экономика богатых стран испытывала куда меньшие колебания в производстве, чем в течение любого другого сопоставимого периода. На самом деле нынешняя несбалансированность все еще может быть ослаблена при помощи «мягкой посадки» и с относительно небольшими потерями. Но если наступит кризис доллара или какое-то другое событие, которое обнажит глобальную финансовую неустойчивость, а рост Китая не прекратится, будущее капиталистической системы Севера будет выглядеть весьма туманно.

Перевод с английского Артема Смирнова

Руслан ХЕСТАНОВ

ЭСПЕРАНТО ВЫХОДИТ ИЗ МОДЫ

Никто не ожидал, что интеграционный эксперимент континентального размаха, который проводят нынешние европейские элиты, будет протекать ровно и без технологических сбоев. Провальные для европейской конституции референдумы во Франции и Голландии, а затем выборы в Германии и Польше, подтвердили и усилили едва наметившуюся циклическую тенденцию отката от основных интеграционных ориентиров.

Отчасти данный откат связан с изменением содержания глобальной политики вообще, которая характеризуется усилением региональной и национальной конкуренции. Националистическая риторика заметно потеснила модное эсперанто глобализации — данная тенденция заметна не только в Европе, США, Японии или Китае, но также и в нашей стране. Поэтому заметно поблекла «европейская надежда», на которую делали ставку западные просвещенные интеллектуалы и политики. Эта космополитическая надежда настойчиво вытесняется тем, что ранее казалось пережитком — экономическим протекционизмом и суверенизмом.

СТРАТЕГИЯ РАСКОЛА

Так называемый «левый поворот» Владимира Путина на поверку оказывается не совсем левым, поскольку связан не столько с усилением социальной политики, сколько с новым пониманием роли капитала. До недавнего времени злободневной была политическая дилемма между капиталом государственным и частным, теперь же все большее общественное признание получает иная политическая дилемма: между капиталом иностранным (оффшорным) и национальным (патриотическим). По крайней мере, именно с точки зрения этого выбора представил программу экономической стратегии России недавно организованный политический клуб «4 ноября», собравший близких Кремлю экспертов и политиков либерально-консервативного лагеря.

Признаки усиления роли государства и патриотической составляющей в кремлевской политике были замечены западными наблюдателями уже после ареста отечественного олигарха Михаила Ходорковского. Но тогда это новое движение воспринимались многими европейцами как сигнал воз-

рождения архаичного, типично русского национализма, как проявление неевропейской природы России, всегда далекой от ценностей просвещенного универсализма и демократии.[1] Масла в огонь подливали наши действительно дремучие националисты как во власти, так и в оппозиции, особенно во время цветных волнений на постсоветском пространстве.

Но русская экзотика значительно потускнела после того, как во Франции развернулась похожая правительственная кампания «экономического патриотизма». Президент Франции Жак Ширак понял послание своего народа, провалившего проект конституции ЕС, как однозначно патриотическое. Он сформулировал новую проблематику национальной политики: «Рассечение и нестабильность капитала некоторых крупных французских компаний — являются фактором риска безработицы и для промышленной мощи». Именно после этих слов президента премьер-министр Доминик де Вильпен призвал французов проявить «подлинный экономический патриотизм».

31 августа Франция устами министра финансов Тьерри Бретона объявила, что она собирается оберегать «стратегические» для национальной промышленности сектора от иностранных приобретений и поглощений. До сих пор полный список отраслей, которые правительство считает стратегическими, не был оглашен публично. Однако о некоторых из них стало известно прессе. По сообщению французской газеты деловых кругов *Les Echos,* под особый правительственный мониторинг подпадают предприятия оборонной, биотехнологической, космической и телекоммуникационной отраслей. Под протекционистский контроль подпадут также компании, связанные с разработкой новых технологий: криптографической защиты, безопасности интернета и пр. Интересно, что даже сеть казино вошла в этот список, поскольку ее зачастую используют для отмывания денег и вывоза капитала.

О таком же списке «стратегических отраслей», кстати сказать, заявила и российская власть, которая изначально предполагала, что его составлением займется Государственная Дума. Но, судя по всему, эта задача будет доверена правительству Фрадкова. Предпочтение в пользу келейного подхода определения списка стратегических отраслей, как во Франции, так и в России, приведет, по всей видимости, к тому, что итоговый список будет более длинным, чем изначально предполагалось. А значит, будут приняты и более масштабные протекционистские меры.

Если в России кампания по патриотическому воспитанию капитала проходила под флагом борьбы с олигархией, то во Франции она началась после распространения в печати слухов о том, что в стране намечается целая серия приобретений иностранцами крупных национальных компаний.

1 Еще в начале XX в. либеральные экономисты обратили внимание, что экономический национализм и протекционизм в своем крайнем проявлении приводит во внутренней политике к тому, что индивидуальные свободы отодвигаются на второй план, а рыночные силы оказываются уже не способными регулировать отношения обмена. Государство вынуждено прибегать к «волевым» решениям, а хозяйство подчиняется централизованному планированию. См.: Eric Boulanger. Le nationalisme economique dans l'oeillere liberale: de antithese au frere illegitime. Cahiers de recherché — CEIM. Montreal, 2005, p. 8.

Стало известно, например, что американская PepsiCo Inc. намерена приобрести Danone, что мощное американское предприятие розничной торговли Wal-Mart хочет прибрать к рукам сеть магазинов Carrefour. Используя давление прессы в качестве предлога, правительство предотвратило покупку отечественной фармацевтической компании Sanofi швейцарской Novartis.[2] «Патриотический ответ» правительства де Вильпена стал ответом на давление французских промышленников, ориентированных на внутренний национальный рынок, желающих сохранить за собой контроль над национальным потребителем.

Другим важным пунктом в программе «экономического патриотизма» Ширака-Вильпена стала задача охраны «энергетического суверенитета и безопасности» страны. Новая правительственная программа опирается на тезис премьера де Вильпена о том, что высокие цены на нефть — это надолго. Поэтому необходимо усиление государственного инвестирования в энергетику, прежде всего, в нефтедобывающую отрасль. Это хорошая новость для французской частной компании Total, которую Вильпен фактически призвал внести свой вклад в дело «экономического патриотизма» и интенсивно инвестировать в нефтепереработку.

Франция делает ставку на понижение зависимости страны от нефти и диверсификацию энергетики. Поэтому сделан особый акцент на увеличении потока инвестиций в ядерную энергетику. Примечательно, что многие тезисы энергетической программы, особенно по части диверсификации и вложений в ядерную энергетику повторил британский премьер Тони Блэр. Есть признаки того, что по этому же пути собирается пойти и Германия. Таким образом, экологические лозунги, которые были популярны, когда общий тренд глобализации был на подъеме, все больше отодвигается на второй план. А вместе с программой протекционизма первостепенную роль начинает играть энергетическая безопасность.

До сих пор трудно было с уверенностью говорить о том, что речь идет о циклическом возвращении к политике протекционизма. Казалось, что наблюдаются лишь досадные эпизоды проявления национального эгоизма. Еще до французов к протекционистским мерам прибегли США, когда конгресс воспрепятствовал Китайской национальной оффшорной нефтяной корпорации (CNOOC) приобрести американскую энергетическую компанию Unocal. Затем США и ЕС приняли меры против импорта китайского текстиля.

Протекционистские меры выглядели скорее как скандальные исключения. Как скандальные воспринимались также кремлевские призывы к патриотизму бизнеса. Но это — не в счет, поскольку многое в нашей стране воспринимается как евразийская аномалия. Но теперь, когда одна из стран

2 11 октября разразился новый скандал, когда Жак Ширак осудил Европейскую комиссию за нежелание реагировать на намерение Helwett-Packard, американского производителя компьютеров, уволить 1240 сотрудников, работающих на компанию во Франции. Он получил резкую отповедь от Брюсселя, в том числе от нынешнего главы ЕС Хосе Мануэля Барросо.

европейского «ядра» рискнула недвусмысленно сформулировать принципы новой политики «экономического патриотизма», — о такой программе протекционизма многие помышляли, но никто даже не заикался, — протекционизм стал восприниматься одними как серьезная угроза, другими как единственная панацея от экономических неурядиц.

Действия Франции дали импульс к подражанию. Целый ряд европейских государств теперь пытается создать аналогичные правительственные программы и предложить собственные списки стратегических отраслей. Цепная реакция политики протекционизма налицо — возможность скупки национальных активов стремительно ограничивается, что ставит непреодолимые барьеры мобильному капиталу. Глобальные рынки пока не отступают, но сталкиваются с организованным сопротивлением, а модель национального протекционизма получает все большую поддержку.

Естественно, наметившийся националистический тренд очень не нравится в Брюсселе. Европейские политики и чиновники хотят подвергнуть цензуре программы промышленного патриотизма не только Франции, но и Германии, Италии, Испании и других государств. Они, в частности, справедливо напоминают, что ослабление европейской солидарности и институтов Союза может привести к катастрофическому понижению международного веса не только ЕС, но и каждой страны в отдельности. Одним из наихудших следствий будет приостановка процесса европейской экспансии. По мнению двух видных европейских публичных интеллектуалов, Ульриха Бека и Антони Гидденса, «расширение является наиболее мощным инструментом в международной политике союза, средством, помогающим распространению мира, демократии и открытых рынков. Нет никакой реальной надежды на стабилизацию Балкан, например, если закрыть перспективу вступления в ЕС».[3]

МНОГИЕ ДОГМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА, К КОТОРЫМ АПЕЛЛИРУЮТ СТОРОННИКИ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ, ВСЕ ЧАЩЕ ВОСПРИНИМАЮТСЯ КАК ФИКЦИИ ИЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КЛИШЕ, ПРИКРЫВАЮЩИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ РАЗМАХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОЙН МЕЖДУ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ

Но многие догмы экономического либерализма, к которым апеллируют сторонники евроинтеграции, все чаще воспринимаются как фикции или идеологические клише, прикрывающие действительный размах экономических войн между национальными государствами. Возродившийся во Франции голлизм, немецкая социал-демократическая и консервативная тради-

3 *The Gardian*, 04.10.05

ции могут одержать победу над неолиберальным реформизмом и придать совершенно иной, более фрагментированный вид ЕС. Сегодня политические аналитики в Париже, как сообщает *Financial Times*, обсуждают возможные способы возрождения французского влияния в Брюсселе, создав внутри ЕС коалицию стран «ядра», дабы лишить влияния Европейскую комиссию. Это еще одно ясное проявление опасного раскола европейских элит.[4]

Переживаемая в ЕС метаморфоза отражается на европейском политическом ландшафте, который все меньше воспринимается в контуре общих границ Союза, но как полотно, нарочито сшитое из пестрых фольклорных фрагментов. Раскол между «Старой» и «Новой» Европой, который до недавнего времени казался главным, отодвинут на второй план. На него новым слоем накладывается раскол внутри политических элит практически всех без исключения европейских стран: между теми, кто еще верит и надеется в силу уже созданных европейских институтов, и теми, кто делает ставку на институты национального суверенитета.

ДЕФИЦИТЫ КООРДИНАЦИИ

Почему глобализаторы терпят одно поражение за другим, а программы сторонников национализма и протекционизма выглядят если не многообещающими, то, по крайней мере, спасительными? С появлением глобальных рынков капитала в XIX в. торговая политика государств колебалась между поддержкой либерализации и националистическим протекционизмом в зависимости от того, насколько выигрывали или проигрывали национальные интересы в международном соревновании. Но это самый общий ответ, который не объясняет, а только подразумевает существование механики приливов и отливов.

Комплекс проблем, с которым столкнулась интеграционная машинерия ЕС, можно описать под единой рубрикой — слабость координации. Европа вынуждена решать чрезвычайно разнородные проблемы на самых разных уровнях.

Первый уровень касается собственно политики и преобразования властных структур. Ведь строительство политического суверенитета ЕС не могло осуществиться как операция простого делегирования ряда полномочий от национальных государств — центру. Преобразуется не только образ власти и связанный с ним символический строй, сама система и иерархия господства, перераспределяются властные привилегии и компетенции. Объединяются не родственные структуры национальных государств, но государства, у которых была большая история силовых взаимоотношений, а потому, уже включенных в мировую и европейскую иерархию сил. Объединяются просто разные массы.

Второй уровень дефицита координации относится к экономике. Дело в том, что интеграция, проходившая в соответствии с принципами неоли-

4 *Financial Times*, 05.10.05.

берализма, связала не столько сложившиеся национальные рынки в единое органическое целое, но лишь центры «дальней торговли», сложившиеся благодаря географическому разделению труда внутри Европы. Единого монетарного пространства оказалось недостаточно для того, чтобы преобразовать органику автономных национальных рынков в рынок общеевропейский.

Третий уровень дефицита относится к социальной координации. Интеграция фактически игнорировала местные социальные уклады и интересы и свелась к программе, при которой не экономика приспосабливалась к национальным и региональным социальным связям, а сами социальные организмы вынуждены были встраиваться в глобальную сеть рыночных связей. Результатом стала социальная напряженность, которая чаще всего выражалась в национализме и ксенофобии.

В самой тяжелой ситуации оказались страны, недавно вступившие в ЕС. Польша, Чехия, Венгрия и др. осуществили программы интенсивной приватизации, причем силами иностранного капитала. Сейчас, когда обострилась проблема энергетического дефицита, правительства Восточной Европы почувствовали, насколько незначительны их ресурсы, чтобы запустить хоть одну значимую общенациональную программу. Иностранный капитал, господствующий в местных экономиках так просто не мобилизуешь для решения национальных задач, да и государственных ресурсов практически не осталось. Но правительства должны показать, что они исправно играют роль защитников своего населения. Поэтому у них всегда есть соблазн вывести за пределы своих границ энергию внутренних социально-политических конфликтов. А для этого есть лишь один инструмент — национализм: безопасней обличать злую волю соседей, а не разбирать собственные стратегические просчеты.

Прокладка Газпромом Балтийского газопровода в обход Польши, например, лишил эту страну последнего козыря, на который она могла ставить — географическое преимущество. Мы стали свидетелями парламентской предвыборной кампании, которую отличал яростный национализм не только под антироссийскими, но и под антигерманскими лозунгами. Когда глобальный рынок, как и общеевропейский, оказались бесполезными для решения национальных проблем, в ход пошли ресурсы географии, которыми та же Польша издавна пользовалась. Известный французский историк Фернан Бродель рассказывает: «Когда царь в 1558–81 годах прибрал к рукам Нарву, открыв себе таким образом “окно” на Балтику, у польского короля появились поводы для беспокойства по поводу действия Московита. Единственный способ обуздать его он видит в том, чтобы не выводить его “из состояния варварского невежества”». Поляки считали себя в праве задерживать английские и французские корабли, направлявшиеся «в Нарву». Поэтому Бродель называет граждан Данцига (Гданьска) «псевдо-корсарами».[5]

Стремление Польши контролировать торговые коммуникации на севере Европы в XVII в., как свидетельствует Бродель, было причиной мирно-

5 См. Фернан Бродель. Средиземноморье в эпоху Филиппа II. Т.2, стр. 264–267.

го характера польской политики на юге: поляки стремились избегать противоборства с Турцией. Этими же мотивами контроля была продиктована и польско-литовская уния 1569 г. Та же самая политическая игра с удивительной настойчивостью воспроизводится и сегодня, когда Польша пытается организовать своеобразный кордон с помощью стран Балтии, Молдовы, Украины и Грузии.

В новой политической игре нет ни правых, ни виноватых. Не врожденная психологическая порочность польского характера, а сама география и физика взаимодействий суверенных национальных государств порождает эту бесконечную политическую игру национальных эгоизмов и взаимной инструментализации. Голландские или бельгийские дипломаты теперь тихо шепчут российским: «Не надо складывать все яйца в одну немецкую корзину! Давайте проведем газопровод чуть дальше, до нашего крана...».

Показательный эпизод с балтийской трубой — наглядный образ того, каким может стать мир, Европа и Россия, когда безусловное господство обретет принцип национального протекционизма. Ценности атлантической и европейской солидарности будут неуклонно увядать, а конфликт европейских элит может завершиться победой суверенистов. По мере того, как будет утрачивать свое значение проблематика глобальных и общеевропейских рынков, у стран Восточной Европы, лишенных значительных капитальных и сырьевых ресурсов, будет оставаться только одна политическая возможность — путь клиентелистского национализма. Польша, например, может стать очень важным инструментом США, которые могут использовать ее, во-первых, против попыток Парижа и Берлина консолидировать европейское «ядро», во-вторых, в целях дальнейшего сдерживания России.

Если уже созданные структуры ЕС окажутся непрочными, возникнет опасность резкого изменения баланса сил, от которого может потерять и Россия, и многие ее трубы. Система международной безопасности может дать роковую трещину, если правительства окончательно станут пленниками своих национальных избирательных округов и популистского драйва, если они не пожелают или не смогут действовать в интересах более широких, чем узко национальные. Причина хрупкости нынешнего мирного равновесия заключается в порочной несовместимости двух основных политических движений — узкой рыночной перспективы космополитических элит и узкой националистической — суверенистов и государственников.

Найал ФЕРГЮСОН

«IMPIRE»: ЕВРОПА МЕЖДУ БРЮССЕЛЕМ И ВИЗАНТИЕЙ[1]

Европейская мечта теперь становится реальностью
Заголовок *International Herald Tribune*, 2001

ПРОТИВОВЕС?

Европейский Союз вполне способен играть роль партнера американской империи — стража мира и миротворца. Однако война в Ираке делает возможной совершенно иную роль для Европы — потенциального имперского соперника Соединенных Штатов. Такая роль кажется предпочтительной для большинства европейских политических лидеров. Президент Франции Жак Ширак, по словам его бывшего советника, желал «многополярного мира, в котором Европа служила бы противовесом американской политической и военной силе». Бывший германский канцлер Гельмут Шмидт заявил, что его страна и Франция «одинаково заинтересованы в том, чтобы не стать объектом гегемонии нашего могущественного союзника — США».[2] В октябре 2002 года комиссар ЕС по международным отношениям Крис Паттен открыто призвал Европу стать «серьезным игроком и серьезным противовесом Соединенным Штатам».[3] А итальянский премьер-министр Сильвио Берлускони объявил накануне принятия председательства в ЕС в июле 2003 года, что «Европа сможет перестать смотреть на Соединенные Штаты снизу вверх, только став великой Европой».[4] Даже наиболее проницательный британский комментатор Тимоти Гартон Эш недавно заговорил о необходимости принятия Европой более глобальной миссии. «Америка, — писал

1 Niall Ferguson, *Colossus: The Price of America's Empire* (New York: Penguin 2004), pp. 227–257.

2 Гленнон М. Совет Безопасности: в чем причина провала? // Россия в глобальной политике. Т. 1. № 3. 2003. С. 118.

3 Chris Patten, 'The State of the Euro-Atlantic Partnership', The Trilateral Commission, October 20, 2002.

4 George Parker and Daniel Dombey, 'Berlusconi Eyes Bigger E. U. Role on World Stage', *Financial Times*, July 1, 2003.

он в *New York Times* в апреле 2002 года, — обладает слишком большой силой, чтобы принести кому-то благо, включая ее саму».[5]

В течение следующих сорока лет Китай в экономическом отношении вполне может догнать Соединенные Штаты. Но пока с американским производством может сравниться только Европейский Союз. Решение, которое кажется благом для всех, но которое на самом деле является благом только для Европы, заключается в накоплении политической силы, соответствующей экономическому влиянию. Такие настроения все чаще начали проявляться после англо-американского вторжения в Ирак.

В глазах многих комментаторов именно в этом состоит цель нового конституционного соглашения Европейского Союза, проект которого был подготовлен комиссией под руководством бывшего президента Франции Валери Жискар д'Эстена и в июне 2003 года представлен на рассмотрение Совета Европа в Фессалониках. Посмотрим, что говорится в соглашении о европейской военной силе. В пункте 4 статьи I-11 открыто говорится: «Союз имеет право определять и проводить общую внешнюю политику, политику в области безопасности, а также — в дальнейшем — разработку общей оборонной политики». В пункте 3 статьи I-40 утверждается, что «государства-члены создадут гражданские и военные силы, позволяющие Союзу проводить общую политику в области безопасности и обороны» и что они также «предпримут дальнейшие усилия по повышению своего военного потенциала».[6] Хотя британские евроскептики предсказуемо сосредоточили внимание на криптофедералистских аспектах проекта соглашения, некоторые американские комментаторы сочли его наивысшим проявлением «антиамериканских» наклонностей Европы. С точки зрения обозревателя *Sunday Times* Эндрю Салливана, «сегодня единственным разумным основанием для такого предложения служит сдерживание американской силы». Когда сам Валери Жискар д'Эстен говорит, что он хочет, чтобы к ЕС «прислушивались и уважали как политическую силу, которая хочет говорить на равных с крупнейшими державами на планете», этот вывод кажется обоснованным.[7]

Конечно, у некоторых подобные разговоры не вызывают ничего, кроме насмешек. В своем известном полемическом выступлении по этому вопросу Роберт Кейган с презрением говорил об «относительной слабости» европейцев, в отличие от воинственного духа американцев. «Военная слабость Европы — утверждает Кейган, — породила вполне понятное нежелание прибегать к силе. Напротив, она пробудила в европейцах отчаянное стремление жить

5 Timothy Garton Ash, 'The Peril of Too Much Power', *New York Times*, April 9, 2002.

6 «Для определения оперативных требований, проведения мер для удовлетворения этих требований, содействия определению и — в случае необходимости — проведению мер, необходимых для усиления промышленной и технологической базы оборонного сектора, участия в выработке европейской политики вооружений и помощи Совету министров в оценке мер для улучшения военного потенциала будет создано Европейское агентство по вооружениям и стратегическим исследованиям». European Convention, 'Draft Treaty Establishing a Constitution for Europe', CONV 850/03, Brussels, July 18, 2003.

7 См., напр.: Andrew Sullivan, 'The Euro Menace: The USE vs. the USA', *Sunday Times*, June 16, 2003.

в мире, где сила не является аргументом... Отказ Европы от силовых методов, ее нежелание считать военные решения действенным инструментом международной политики были обеспечены присутствием американских войск на европейской земле».[8] Можно развить мысль Кейгана и дальше. Речь идет не просто об опыте двух мировых войн, которые превратили европейцев из выходцев с Марса в выходцев с Венеры. Речь идет также о том, что их континент теперь намного менее важен, чем он был в XIX веке. В 1820 году в Европе проживала половина всего населения планеты. Ее доля в мировом производстве снизилась сегодня до одной пятой по сравнению с одной третью в 1870 году. И кажется очевидным, что это относительное падение продолжится в обозримом будущем. Многие американцы считают Европу сегодня не стратегическим соперником, а местом туристических паломничеств.[9]

В 1820 ГОДУ В ЕВРОПЕ ПРОЖИВАЛА ПОЛОВИНА ВСЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПЛАНЕТЫ. ЕЕ ДОЛЯ В МИРОВОМ ПРОИЗВОДСТВЕ СНИЗИЛАСЬ СЕГОДНЯ ДО ОДНОЙ ПЯТОЙ. И КАЖЕТСЯ ОЧЕВИДНЫМ, ЧТО ЭТО ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПАДЕНИЕ ПРОДОЛЖИТСЯ В ОБОЗРИМОМ БУДУЩЕМ. МНОГИЕ АМЕРИКАНЦЫ СЧИТАЮТ ЕВРОПУ СЕГОДНЯ НЕ СТРАТЕГИЧЕСКИМ СОПЕРНИКОМ, А МЕСТОМ ТУРИСТИЧЕСКИХ ПАЛОМНИЧЕСТВ

Тем не менее, тезис Кейгана о слабости Европы американских исследователей разделяют немногие. Значительно больший отклик встретило описание Сэмюелем Хантингтоном европейской интеграции как «наиболее важного шага», позволяющего перейти от «однополярного» мира после окончания «холодной войны» к «подлинно многополярному» XXI веку.[10] Чарльз Купчан прогнозирует, что «Европа вскоре сравняется с Америкой в результате соединения огромных ресурсов и интеллектуального капитала, которым уже обладают входящие в нее государства. Политический союз Европы изменит глобальный ландшафт». Согласно Купчану, «сплоченная Европа» «дышит в затылок» Америке.[11] Проводя занимательную аналогию с древним миром,

8 Каган Р. Сила и слабость//Отечественные записки. 2003. №6. Ср.: Кейган Р. *О рае и силе.* М., 2004.

9 Наиболее популярна среди туристов Франция. В 2000 году на нее пришлось более 10% всех международных туристических путешествий. Вторыми по популярности являются Соединенные Штаты, а третье, четвертое и пятое места занимаются члены ЕС: Испания, Италия и Великобритания.

10 Samuel Huntington, 'The Lonely Superpower, 'Foreign Affairs, 78, 2 (March-April 1999), pp. 35–50.

11 Charles A. Kupchan, *The End of the American Era: US. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-first Century* (New York, 2002), pp. 119, 132.

он изображает Европейский Союз в виде «возникающего полюса, разделяющего Запад на американскую и европейскую половины».[12]

ЕС как новая Византия? Идея Купчана не так уж курьезна, как может показаться на первый взгляд. Классические аналогии также побудили британского дипломата Роберта Купера призвать к «новой разновидности империализма, приемлемого для мира прав человека и космополитических ценностей... империализма, который, как и все империализмы, направлен на создание порядка и организации, но который покоится сегодня на добровольном принципе». Примечательно, что Купер считает не США, а ЕС объединением, наиболее подходящим для превращения в такую постсовременную империю:

> Постсовременный ЕС предлагает идею общей империи, общей свободы и общей безопасности без этнического преобладания и централизованного абсолютизма, которым были подвержены империи прошлого, но и без этнической исключительности, которая является отличительной особенностью национального государства... Общая империя может служить остовом... общего правительства, в котором ни одна страна не преобладает и в котором правящим принципом является не этнический, а правовой. Власть империи исходит из центра; «имперская бюрократия» должна находиться под пристальным надзором содружества, отчитываться перед ним и служить ему, а не пытаться установить господство над ним. Такой институт должен быть предан свободе и демократии. Как и Рим, такое содружество должно давать своим гражданам некие законы, некие деньги и дороги.[13]

Но нет необходимости обращаться к истории Рима или Византии, чтобы Европа понять, что Европа способна нарушить односторонность Америки. Джозеф Най также считает, что Европа уже сравнялась с Америкой в экономической сфере, где «Соединенные Штаты не являются гегемоном и часто вынуждены вести переговоры с Европой на равных».[14] Несмотря на серьезную обеспокоенность подъемом Китая, Джон Миршеймер также обращает внимание на два возможных вызова американскому могуществу, которые, на его взгляд, исходят со стороны Европы: «Либо США оставят Европу, потому что они не должны сдерживать нового соперника, так как это сделает положение в регионе менее стабильным, либо США продолжат сдерживать этого серьезного соперника, когда обстановка станет опасной».[15] В этой связи историк Пол Кеннеди указал на демографический аспект европейской консолидации и расширения: «Даже сейчас, — писал он по поводу первой годовщины террористических нападений 11 сентября 2001 года, — Европа

12 «Вашингтон сегодня, как когда-то Рим, наслаждается превосходством, но начинает уставать от бремени гегемонии... А Европа сегодня, как когда-то Византия, становится независимым центром силы, разделяющим единый мир на два». *Ibid.*, pp. 131, 153.

13 Robert Cooper, 'The Postmodern State '. In: Mark Leonard (Ed.) Re-Ordering The World: The Long-Term Implications Of September 11th. (London: Foreign Policy Centre, 2002).

14 Най Дж. Новый Рим сталкивается с новыми варварами // Прогнозис. 2005. № 3. См. также: Nye, 'Lessons in Imperialism', *Financial Times*, June 16, 2002. Ср.: Fred Bergsten, 'America and Europe: Clash of the Titans?' *Foreign Affairs*, 78, 2 (March-April 1999), pp. 20–32.

15 John Mearsheimer, *The Tragedy of Great Power Politics* (New York / London, 2001), p. 385.

имеет значительно большее население, чем Соединенные Штаты... и примерно одинаковую или несколько большую долю в общем мировом производстве. Намерение увеличить число членов и расширить использование евро свидетельствует о существовании тенденции, которая никак не связана с событиями 11 сентября».[16] Успешное заключение соглашений о вступлении с десятью новыми государствами-членами, не говоря уже об устойчивом росте евро по сравнению с долларом, начавшемся после публикации статьи Кеннеди, по-видимому, подтверждает этот анализ. Об этом же, с точки зрения некоторых комментаторов, свидетельствует громкое, но не такое уж безрезультатное противодействие по крайней мере некоторых стран-членов ЕС американской политике в Ираке. Если у Соединенных Штатов и есть сегодня имперский соперник, то им, по-видимому, является Европейский Союз.

PRO

В каких отношениях Европейский Союз действительно служит противовесом (обойдемся здесь без громкого слова «угроза») Соединенным Штатам?

Демография

Как справедливо отмечает Кеннеди, численность населения Европейского Союза уже сейчас более чем на четверть превышает численность населения Соединенных Штатов. Одно из следствий неизбежного расширения союза заключается в еще более сильном расширении демографического разрыва — численность населения ЕС увеличилась до 450 миллионов, что почти в полтора раза больше численности населения Соединенных Штатов.

ВВП

С точки зрения ВВП, Европейский Союз — в зависимости от используемых единиц измерения — не сильно отстает от Соединенных Штатов. Согласно Всемирному банку, совокупный ВВП пятнадцати стран, входивших в состав ЕС до его расширения, в 2002 году составлял 8,6 триллиона долларов по сравнению с 10,4 триллиона долларов в Соединенных Штатах. Иными словами, европейская экономика составляла 82 % от нынешней американской. При оценке по паритету покупательной способности разрыв несколько сокращается (Европа отстает только на 6 %), но не исчезает полностью. И только когда производительность оценивается в постоянных ценах (выраженных в долларах 1995 года), можно говорить о том, что европейский ВВП выше американского.[17] Десять стран, вошедших в ЕС, не увеличат серьезно совокупные показатели.[18] Но по паритету покупательной способности ВВП ЕС-25

16 Paul M. Kennedy, 'What Hasn't Changed Since September 11th', *LA Times*, September 11, 2002.
17 Цифры взяты из базы данных *World Development* Всемирного банка.
18 В зависимости от используемых средств оценки, показатели ЕС вырастут на 3–9 %.

будет больше «США-50», хотя он по-прежнему будет на 15 % меньше в текущем долларовом выражении.

Производительность

Западноевропейские экономики потратили более полувека для того, чтобы догнать Соединенные Штаты в производительности. В 1950 году ВВП за час рабочего времени в Соединенных Штатах был втрое больше, чем в Германии; сегодня немецкая производительность отстает от американской всего на 23 %, а французская — на каких-то 2 %. В 1973–1998 годах среднегодовые темпы роста производительности в США составляли всего 1,5 % по сравнению с 2,4 % во Франции.[19]

Торговля

Соединенные Штаты страдают от огромного дефицита в своих внешних расчетах, независимо от того, что именно рассматривается — только «видимая» торговля или весь платежный баланс. В Европейском Союзе дело обстоит совершенно иначе. На ЕС не только приходится несколько бо́льшая доля всего мирового экспорта (20 % по сравнению с 18 %); у него имеется даже небольшой активный торговый баланс.[20] При этом ЕС не находится в такой зависимости от притока иностранного капитала, как Соединенные Штаты. По сути, Европейский Союз является чистым экспортером капитала.

Единая валюта

Немногие способны правильно оценить влияние европейского экономического и валютного союза на международный рынок капитала. Объем государственных облигаций в евро был очень велик даже до введения единой валюты: в 1998 году объем государственных облигаций, выпущенных правительствами еврозоны, составлял примерно половину государственных облигаций, выпущенных американским правительством.[21] Однако, как показывает быстрое сближение показателей процентного дохода по облигациям еврозоны, валютный союз заметно снизил то, что инвесторы называют «страновыми рисками», так что облигации всех членов еврозоны теперь считаются почти такими же надежными, как и немецкие. Создание Европейского валютного союза привело к быстрому росту на рынке европейских ценных бумаг. По данным Банка международных расчетов, около 47 % всех международных облигаций, выпущенных с первого квартала 1999 года, составляли облигации в евро по сравнению с 45 % в долларах. До введения евро соответствующие показатели составляли всего 29 % для валют, позднее

19 См.: Angus Maddison, *The World Economy: A Millennial Perspective* (Paris, 2001).

20 По показателям 1999 года из *Eurostat*.

21 J.-P. Danthine, F. Giavazzi and E. von Thadden, 'European Financial Markets after EMU: a First Assessment', *NBER Working Paper* 8044, December 2000, Secs. 1–3, table 2.2.

образовавших евро, и 51 % для доллара.[22] Кроме того, при всей своей грубости, Пакт о стабильности и росте налагает жесткие ограничения на финансовую политику стран еврозоны. По крайней мере в теории, пакт должен увеличить финансовое и валютное доверие к странам-членам.

Поэтому нельзя исключать возможность того, что инвесторы посчитают евро столь же надежным, как доллар, когда дело дойдет до приобретения ценных бумаг с низкой степенью риска. С февраля 2002 года доллар упал по отношению к евро на 27 %. И хотя проценты по американским облигациям долгосрочного займа на 0,1–0,7 % выше, чем проценты по облигациям еврозоны с 1997 года, они сейчас имеют самые низкие показатели за последние двадцать лет.[23] По прогнозам, прямые иностранные инвестиции в последующие пять лет в ЕС заметно вырастут по сравнению с прямыми иностранными инвестициями в США.[24] Опрос управляющих фондами, проведенный журналом *Economist* в апреле 2003 года, показал, что четверо из семи увеличили количество своих облигаций в евро, а пятеро из семи сократили количество своих облигаций в долларах.[25] Когда малазийский премьер-министр Датук Сери Махатхир Мухаммед предложил государственной нефтяной компании своей страны устанавливать цены на нефть и газ в евро, а не в долларах, он, несомненно, стремился заработать политические очки за счет США. Но его предложение, сделанное в конце июня, вовсе не было абсурдным.

Федеральная конституция

Очевидно, что проект европейского конституционного соглашения *не* предусматривает создания европейской федерации. Мы знаем об этом, потому что словосочетание «Соединенные Штаты Европы» было упомянуто комиссией по подготовке проекта только единожды и потому что слово «федеративный» было удалено из раннего варианта статьи I-1, пункт 1. Первоначальная версия выглядела так: «Выражая желание народов и государств Европы строить общее будущее, эта Конституция учреждает Союз, в котором политика государств-членов будет согласовываться и который будет решать общие вопросы на федеративных началах». Итоговая версия несколько отличалась: «Выражая желание граждан и государств Европы строить общее будущее, эта Конституция учреждает Европейский Союз, в котором государства-члены объединяют усилия для достижения общих целей. Союз будет согласовывать политику, при помощи которой государства-члены намереваются достичь этих целей, и будет решать совместным [*sic*] образом вопросы, которые они ему доверят».[26] Вопрос, конечно, состоит в том, насколько этот проект соглашения соотно-

22 См. об этом: Robert McCauley and William White, 'The Euro and European Financial Markets, 'B. IS. Working Paper (May 1997).

23 См.: Economagic, OECD.

24 *Economist*, April 12, 2003, p. 100.

25 *Ibid.*

26 European Convention, 'Draft Treaty establishing a Constitution for Europe', CONV 850/03, Brussels, July 18, 2003.

сится с практикой. На первом заседании Конвента в декабре 2001 года было объявлено, что его цель состоит в «создании политического союза» в дополнение к экономическому и валютному союзу, созданному в Маастрихте девятью годами ранее. В совместном заявлении перед встречей в Лаакене французский президент и немецкий канцлер высказали пожелание, чтобы конвент превратил ЕС в «федерацию национальных государств». В январе 2002 года греческий премьер пошел еще дальше и заявил о том, что «расширенный Европейский Союз должен развиться в полноценный политический союз с сильными институтами правления и федеральной политикой».[27]

Следует отметить, что в некоторых отношениях ЕС уже имеет квазифедеративный характер. Это наиболее заметно в правовой сфере. Законодательство ЕС сейчас составляет около половины всего нового законодательства Европы.[28] Статья I-10 проекта соглашения просто повторяет, хотя, возможно, также закрепляет, основополагающую идею, а именно — право ЕС выше внутригосударственного права. Европа уже имеет конвенцию по правам человека, за соблюдением которой следит независимый суд по правам человека в Страсбурге. Однако в проект соглашения входит «Хартия основных прав», толкованием которой будет заниматься Европейский суд, находящийся в Люксембурге и который станет Верховным судом Европы. Проект соглашения также предусматривает создание новой категории международных преступлений, входящих в компетенцию европейского прокурора, так что влияние ЕС распространится также на область уголовного права.

Пусть только на бумаге, но Европейский Союз уже имеет многие институты, которые должна иметь федерация: не только Верховный суд, но также и то, что немцы назвали бы бундесратом (Совет министров, представляющий правительства государств-членов), парламент, центральный банк и постоянную бюрократию. Основные институциональные изменения, предусмотренные соглашением Жискара, частично призваны придать этой протофедерации не только юридическое, но и фактическое своеобразие. Так, председательство в Совете Европы (глав государств) больше не будет переходить от одного государства-члена к другому через каждые шесть месяцев; его будет возглавлять один человек, избранный членами Совета, в течение пяти лет. Председатель Европейской комиссии, напротив, будет назначаться Советом Европы, но только после принятия его кандидатуры большинством в европейском парламенте. Какие посты станут главными? Почти наверняка последний, учитывая, что комиссия будет заседать намного чаще. Задачи министра иностранных дел, распределенные сейчас между двумя различными людьми, будут выполняться единым комиссаром.

Но наиболее федеративные по своей сути пункты проекта конституции относятся к соответствующим компетенциям ЕС, его государств-членов и их регионов и областей. До сих пор система «голосования квалифицированного большинства» в Совете министров ЕС применялась лишь к ограниченному

27 Michael Pinto-Duchinsky, 'All in the Translation', *Times Literary Supplement*, June 13, 2003.
28 'Snoring while a Superstate Emerges', *Economist*, May 10, 2003, p. 42.

числу областей политики (тридцати четырем, если быть точным). Для принятия решений в других областях требовалось единодушие — иначе говоря, здесь правом вето обладало любое из государств-членов. В проекте соглашения право вето не упразднено, но его использование ограничено решениями, имеющими отношение к внешней политике, обороне и налогообложению. Голосование квалифицированного большинства теперь будет применяться в семидесяти областях, включая иммиграцию и социальную политику. И в наиболее общих статьях проекта соглашения полномочия ЕС касаются не только внешней и оборонной политики, но и «координации экономической политики и политики занятости в государствах-членах» (статьи I-10 и I-14), а также «общей торговой политики» (статья I-12). Кроме того, ЕС разрешено собирать средства, которые считаются «необходимыми для достижения его целей и проведения его политики» (статья I-53). Подачки национальному суверенитету — «принцип предоставления полномочий» и «принцип субсидиарности» — кажутся довольно расплывчатыми по сравнению с этим прямым утверждением о фискальных полномочиях. И очень важно, что право предлагать законопроекты ЕС остается монополией Европейской комиссии. По одной из оценок, расширение и изменение голосования квалифицированного большинства на Совете министров существенно увеличит шансы законопроектов стать директивами.[29]

Поэтому в случае принятия проекта соглашения государствами членами Европейский Союз на деле вполне может стать чем-то вроде федеративных Соединенных Штатов Европы.

Культура

Сегодня почти ни у кого нет сомнений в том, что политическая культура Европы становится все более осознанно отличной от политической культуры Соединенных Штатов. По данным последних исследований, подавляющее большинство французов, испанцев, итальянцев и немцев теперь выступает за более независимую (от американского влияния) европейскую политику (см.: Таблица 1).[30] Это, несомненно, связано с широким общественным неприятием войны, которую американцы ведут против Ирака. В 1999–2000 годах не менее 83 % англичан «благожелательно» относилось к Соединенным Штатам; к марту 2003 года этот показатель упал до 48 %. Во Франции за тот же период число людей, поддерживающих Америку, сократилось вдвое — с 62 до 31 %. В Италии — с 75 до 33 %; в Германии — с 75 до 25 %; в Испании — с 50 до 14 %.[31] Непродолжительность военных действий и послевоенные разоблачения злодеяний режима Саддама Хусейна привели к частичной, но не полной смене тенденций.[32]

29 Richard Baldwin and Mike Widgren, 'Europe's Voting Reform will Shift Power Balance', *Financial Times*, June 22, 2003.

30 Pew Global Attitudes Project, 'Views of a Changing World', June 2003.

31 'America's Image Further Erodes, Europeans Want Weaker Ties', Pew Research Center, March 2003.

32 Число сторонников Америки сейчас составляет 70 % в Британии, 43 % во Франции, 60 % в Германии и 38 % в Испании.

Таблица 1. Общественное мнение об американо-европейском сотрудничестве, 2003 г.

	Американо-европейское сотрудничество должно оставаться тесным	Наша страна должна быть более независимой
Франция	23	76
Испания	28	62
Италия	37	61
Германия	42	57
Великобритания	51	45
Соединенные Штаты	53	39

Источник: Pew Global Attitudes Project, 'Views of a Changing World', June 2003.

И это не единственное свидетельство расхождения политических культур. Распространенные среди американцев представления о фундаментальном единстве «западной цивилизации» кажутся все более сомнительными с учетом резкого ослабления религиозности Европы (см.: Таблица 2). В Нидерландах, Британии, Германии, Швеции и Дании менее 10 % населения сейчас посещает церковь хотя бы раз в месяц. Только в католических Италии и Ирландии более трети населения ходит на службу раз в месяц или чаще.[33] Согласно проведенному в 1999 году исследованию религиозных взглядов, 49 % датчан, 52 % норвежцев и 55 % шведов признались в том, что бог не имеет для них никакого значения. Напротив, в Северной Америке 82 % респондентов заявило, что бог «очень важен» для них. И это не является особенностью Западной (или «старой») Европы. По данным *Gallup*, 48 % населения Западной Европы редко посещают церковь; в Восточной Европе этот показатель чуть ниже — 44 %. В бога как личность верят шесть из десяти жителей Северной Америки, тогда как в Восточной Европе только четверо из десяти. Почти две трети чехов — еще больше, чем в Швеции, — считают, что бог не играет никакой роли в их жизни.

Таблица 2. Отношение к религии в Северной Америке и Европе

	North America	Western Europe	Eastern Europe
% посещающих религиозные службы раз в неделю или чаще	47	20	14
% считающих бога важной или очень важной составляющей своей жизни	83	49	49
% атеистов	**2**	15	9
% согласных с тем, что в религии не содержится важной истины	6	17	11

Источник: Gallup International

33 'Contradictions', *Economist*, April 12, 2003.

Следствием такого растущего трансатлантического культурного раскола стал рост европейского самосознания. Только один из десяти европейцев считает сейчас членство в ЕС однозначно «плохой вещью». Даже в евроскептической Британии доля людей в этом лагере сократилась с 34 % в 1973 году до 21 % сегодня. Почти половина европейцев хочет, чтобы ЕС играл большую роль в их жизни. И почти треть европейцев в 2002 году считала, что ЕС должен иметь «больший вес в международных делах».[34]

Международные отношения

Наконец, не следует недооценивать потенциальное влияние Европейского Союза на международной арене. Несмотря на очевидное отставание европейских стран от Соединенных Штатов в высокотехнологичных вооружениях, они обладают значительным военным потенциалом. Оборонный бюджет Соединенных Штатов вдвое превышает все оборонные бюджеты пятнадцати стран-членов ЕС вместе взятые. В финансовом выражении Америка вкладывает в НАТО на 30 % больше средств, чем европейские члены. Но совокупные военные расходы стран, входящих в ЕС, по-прежнему намного превышают военные расходы России, Японии или Китая. На самом деле, с точки зрения численности вооруженных сил, страны ЕС сейчас опережают США (1,8 миллиона человек в ЕС против 1,5 миллиона в США) и отстают только от Китая (2,5 миллиона человек). Конечно, европейские армии не так хорошо подготовлены и оснащены, как Америка; и лишь небольшую часть военнослужащих можно назвать «готовыми к участию в боевых действиях». Но европейские вооруженные силы играют очевидную и важную роль, которая не требует от них владения всем диапазоном американских военных технологий, — роль силы, поддерживающей мир во все более многочисленных «постконфликтных ситуациях». В 2000–2001 годах войска стран-членов ЕС принимали участие в миротворческих операциях ООН в семь раз чаще, чем войска США.

ПОЧТИ ПОЛОВИНА ЕВРОПЕЙЦЕВ ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ЕС ИГРАЛ БОЛЬШУЮ РОЛЬ В ИХ ЖИЗНИ. И ПОЧТИ ТРЕТЬ ЕВРОПЕЙЦЕВ В 2002 ГОДУ СЧИТАЛА, ЧТО ЕС ДОЛЖЕН ИМЕТЬ «БОЛЬШИЙ ВЕС В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДЕЛАХ»

Страны ЕС также заметно опережают США в оказании помощи развивающимся странам. При рассмотрении официальных бюджетов помощи с учетом множества соответствующих факторов оказывается, что совокупные бюджеты помощи стран-членов ЕС почти втрое больше бюджета помо-

34 См.: http://europa. eu. int/comm/public_opinion/archives.

щи Соединенных Штатов.[35] Если прибавить к этим индикаторам множество других — открытость международной торговле, инвестиции в развивающиеся страны, открытость для легальной иммиграции и «ответственное» отношение к окружающей среде, — то в рейтинге из двадцати одной развитой экономики, выразившей свою «приверженность развитию», Соединенные Штаты займут позорное двадцатое место.[36] Заметим, что пятнадцать из девятнадцати стран, стоящих перед США, являются членами Европейского Союза.

Конечно, приверженность европейцев развитию связана с альтруизмом национальных правительств, а не с самим ЕС. Тем не менее, тот факт, что страны-члены ЕС делают намного больше в этих областях, чем Соединенные Штаты, должен иметь определенное геополитическое значение. Кроме того, ЕС играет все большую роль через Бюро гуманитарной помощи Европейской Комиссии, Европейское агентство по реконструкции и Европейский банк реконструкции и развития. И важно, что в занятом ООН Косово Орган по регулированию банковской деятельности и расчетов и Центральный финансовый орган находятся под контролем ЕС; и в сущности официальной валютой здесь является евро.[37]

Исследования общественного мнения показывают, что население развивающихся стран все более негативно относится к США и все более позитивно — к Европейскому Союзу. Чтобы ни подразумевалось под «мягкой силой», ЕС, по-видимому, намерен накапливать ее.

И поэтому Соединенные Штаты вполне могут считать Европейский Союз потенциальным, если не действительным соперником.

CONTRA

Тем не менее, здесь есть еще один важный аспект, который обычно игнорируется теми, кто говорит о возникновении трансатлантического соперничества, если не антагонизма. При рассмотрении этого аспекта становится понятно, что у американцев нет или почти нет никаких оснований для беспокойства. Не будучи новой соперничающей империей, замкнутый Европейский Союз лучше считать *impire* — образованием, которое направляет основные усилия на сохранение своего внутреннего равновесия, а не на проведение силовой политики за пределами своих границ.

Старение населения

Европа стареет. Средний возраст в Германии к 2050 году вырастет с сегодняшних 40 до 47 лет; средний возраст во Франции — с 28 до 45; средний

35 David Roodman, 'An Index of Donor Aid Performance', Center for Global Development, April 2003.

36 *Foreign Policy*, May, 2003.

37 Christopher Coker, 'Empires in Conflict: The Growing Rift between Europe and the United States', Whitehall Paper, 58 (London, 2003), pp. 38 и далее.

возраст в Венгрии — с 38 до 50. (Америка тоже стареет, но, конечно, не так быстро. В следующие пятьдесят лет средний возраст в Соединенных Штатах вырастет с 35 до 40 лет). Последствия этого будут очень и очень серьезными. По данным Европейской Комиссии, рост числа пенсионеров может привести к сокращению ежегодных темпов роста на 0,75 % к 2040 году — не так уж мало, если иметь в виду недавние низкие темпы роста ЕС (см. ниже).[38] Но проблема может оказаться еще более значительной. По оценкам поколенческого дисбаланса финансовых систем различных экономик мира, большинство членов ЕС срочно должно увеличить налогообложение или сократить государственные выплаты населению, чтобы избежать перекладывания огромного налогового бремени на следующее поколение. В случае Австрии, Финляндии и Нидерландов государственные выплаты должны быть сокращены на 20 % для достижения поколенческого баланса.[39] Не случайно, что споры о пенсиях в настоящее время отнимают так много времени у немецких и французских политиков. Реформы, необходимые для того, чтобы предотвратить крах систем социального обеспечения европейских государств, требуют незамедлительных жертв со стороны влиятельных заинтересованных групп.

Экономические показатели

С конца 1940-х годов избирателей уверяли, что европейская интеграция принесет только экономическую выгоду. Совпадение первой волны европейской интеграции и *Wirtschaftswunder* 1950–1960-х годов казалось подтверждением этого, хотя причинная связь между ними на самом деле была очень слабой.[40] Но в последнее время заявления о том, что интеграция способствует росту, стали явно неправдоподобными. Вряд ли кто-то станет оспаривать, что Закон о единой Европе (1986) и Маастрихтское соглашение (1992) привели к более высокой интеграции западноевропейской экономики. Нетарифные барьеры для торговли товарами и услугами заметно сократились. Создание единой валюты существенно облегчило сопоставление цен в границах двенадцати из пятнадцати стран-членов ЕС. Тем не менее, экономические показатели Европы после введения этих мер были, мягко говоря, неутешительными. В 1950–1973 годах среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения в Западной Европе составляли 4,1 %. В 1973–1998 годах этот показатель резко снизился до 1,8 %. В последний период не было никакой существенной разницы между ростом у членов Европейского экономического сообщества «первой волны», новых членов, вошедших в него после 1973 года, и не-членов.[41] Особенно поразительны низкие показатели стран, присоединившихся к валютному союзу в 1999 году. По данным Международного валютного

38 'Revitalising Old Europe', *Economist*, March 15, 2003, p. 91.

39 Niall Ferguson and Laurence Kotlikoff, 'The Degeneration of EMU', *Foreign Affairs* (March / April 2000), pp. 110–121.

40 См.: Milward, *European Rescue.*

41 См.: Maddison, *World Economy*, table B-22.

фонда, в 2000–2003 годах «разрыв в производстве» во всех экономиках еврозоны вырос и в настоящее время составляет около 2–3,5 % ВВП.[42]

В то же самое время американской экономике удалось достичь заметно лучших показателей. В течение последнего десятилетия среднегодовые темпы роста экономики ЕС отставали от темпов роста американской экономики. По данным Организации экономического сотрудничества и развития, в 1995–2001 годах реальные темпы роста американского ВВП составляли в среднем около 3,6 % в год. Для ЕС этот показатель был равен 2,1 %. В 1970–1983 годах безработица в Европе была значительно ниже, чем в США. Теперь она значительно выше. Во второй половине 1990-х годов безработица в ЕС превысила 10 %, тогда как американская безработица упала до 5 %. Несмотря на сокращение числа рабочих мест в Америке в течение последних трех лет, безработица в Европе по-прежнему была на 2–3 % выше американских показателей. В семи из пятнадцати стран ЕС в 2002 году безработица превышала 7 %. И нигде последствия неполной занятости для экономики не были столь значительными, как в Германии, которая в прошлом была гордостью и основным двигателем европейской экономики. С 1996 года немецкая экономика, по словам *The Economist*, была «больным европейцем», а средние темпы роста в ней составляли только 1,1 % — половину от средних показателей по еврозоне.[43] При этом ничто не предвещает улучшения ситуации. Количество безработных в Германии в середине 2003 года составляло 4,5 миллиона человек (10,6 % от рабочей силы); за первый и второй кварталы 2003 года темпы роста в экономики снизились на 0,2 %.

И хотя на протяжении всей послевоенной эпохи производительность в Европе, возможно, росла быстрее, чем в Америке, за последние семь лет ситуация изменилась. В 1995–2002 годах среднегодовые темпы роста американского ВВП за час рабочего времени составили около 2 %, тогда как в ЕС показатели приблизились к 1,2 %. И только одна страна ЕС — Ирландия — опередила Соединенные Штаты по росту производительности.

«Любовь к досугу» у европейцев

Неудовлетворительные экономические показатели Европы, *несмотря* на меры, призванные повысить экономическую интеграцию, вызывают очевидный вопрос: с чем это связано? Одно из распространенных объяснений заключается в том, что европейский рынок труда недостаточно гибок не только из-за очевидных языковых барьеров, но и из-за правил, введенных в ответ на требования профсоюзов.

Не так давно МВФ провел исследование европейского рынка труда, призванное ответить на простой вопрос: что стало бы с европейской безработицей в случае американизации рынка труда в Европейском Союзе? Если быть точным, исследование рассматривало:

42 International Monetary Fund, *World Economic Outlook* (October 2003).
43 'Europe's Heavyweight Weakling', *Economist*, June 7, 2003, p. 44.

— увеличение доли рабочей силы;

— сокращение нормы замещения (отношение пенсии к прошлому доходу);

— ослабление охраны труда;

— сокращение налогов на рабочую силу (проведение реформы налогообложения для устранения ловушек бедности);

— ослабление профсоюзов;

— децентрализацию переговоров о размере заработной платы (когда общенациональные коллективные соглашения явно вызывают большие различия в региональных показателях безработицы).

Таблица 3 показывает спрогнозированные кратко-, средне- и долгосрочные последствия проведения политики по трем основным направлениям. Суть ясна: только при одновременном принятии и проведении в жизнь соответствующих мер европейская безработица сократится до американского уровня — и то только в «долгосрочной» перспективе. Это означает, что реформа рынка труда будет трудной: необходимы радикальные преобразования, но польза от них проявится только со временем.

Таблица 3. Последствия «американизации» рынка труда для безработицы еврозоны

	Влияние на безработицу еврозоны		
	Краткосрочное	Через 3 года	Долгосрочное
Сокращение нормы замещения с уровня еврозоны до американского	– 0.26	– 0.62	– 1.24
Ослабление охраны труда до американского уровня	– 0.35	– 0.83	– 1.65
Сокращение налогов на рабочую силу до американского уровня	– 0.08	– 0.20	– 0.40
Совместный эффект всех трех направлений политики	– 0.69	– 1.65	– 3.29

Источник: International Monetary Fund, World Economic Outlook (2003).

Следующим различием между ЕС и США, не включенным в такие расчеты (и в стандартные оценки производительности), является растущий разрыв между тем, сколько времени работают американцы и сколько — западноевропейцы. Согласно недавнему исследованию, проведенному ОЭСР, среднестатистический американец работает почти 2000 часов в год (1976). Среднестатистический немец работает лишь 1535 часов — на 22 % меньше. Голландцы и норвежцы работают еще меньше. Даже британцы работают почти на 10 % меньше, чем их трансатлантические союзники. Примечательно, что этот разрыв образовался в основном за последние двадцать лет. За период

с 1979 по 1999 год американский производственный год вырос на пятьдесят часов или почти на 3 %. В то же самое время средний немецкий производственный год сократился на 12 %, а средний голландский год — на 14 %.[44] При таком относительно новом положении дел американцы имеют десять отпускных дней в году, а европейцы — тридцать.

На самом деле степень «любви к досугу» у европейцев здесь даже несколько занижена, поскольку необходимо учитывать также и то, что в американской экономике занята намного большая часть населения. В 1973–1998 годах занятость в Америке выросла с 41 до 49 %, тогда как в Германии и Франции соответствующие показатели упали до 44 и 39 %. Общий уровень занятости для трудоспособного населения в США составляет 73 %; в ЕС это только 64 %.[45] Уровень безработицы в большинстве стран Северной Европы также значительно выше, чем в Соединенных Штатах, — свыше 10 % в Бельгии и Испании, что вдвое больше американских показателей. И, кроме того, нельзя забывать о забастовках. В 1992–2001 годах испанская экономика теряла вследствие забастовочного движения в среднем 271 день на тысячу работников. Для Дании, Италии, Финляндии, Ирландии и Франции цифры колеблются от 80 до 120 по сравнению менее чем с 50 для США.[46]

Этим объясняется резкий рывок вперед американской экономики последних двух десятилетий. Дело не в том, что американцы намного более производительны. Дело не в эффективности. Дело в том, что американцы просто *больше* работают. И в том, что европейцы имеют более длительные отпуска и раньше выходят на пенсию. И в том, что намного больше европейских работников либо не имеют работы, либо бастуют. Европейские политические лидеры с запозданием начинают осознавать проблему. В июне 2003 года один немецкий политик без риска для своей карьеры заявил, что если его соотечественники будут иметь немного меньшие отпуска, немецкая экономика сможет расти быстрее. Такие взгляды перестали быть табу даже во Франции. Но сто лет европейской социал-демократии привели к созданию такого склада ума, который будет очень трудно сломить. С конца XIX века Социал-демократическая партия Германии выступала за сокращение рабочего времени. Для их французских соратников одним из важнейших достижений недавнего прошлого было введение 35-часовой рабочей недели. С такой традицией трудно бороться. Поразительная особенность проекта конституционного соглашения заключается в том, что он стремится сохранить в качестве «фундаментальных прав» многое из того, что делает население Европы куда менее активным, по сравнению с населением Америки. Британские промышленники встревожены тем, что статья II-27 гарантирует работникам право обсуждать с руководством работу компаний, которые их нанимают. В статье II-31 говорится: «Каждый работник имеет право

44 John M. Evans, Douglas C. Lippoldt and Pascal Marianna, 'Trends in Working Hours in OECD Countries'. *OECD Labour Market and Social Policy Occasional Papers*, No 45, Paris, 2001.

45 'Revitalising Old Europe', *Economist*, March 15, 2003, p. 91.

46 *Economist*, May 3, 2003, p. 108.

на ограничение максимума рабочего времени, на ежедневный и еженедельный досуг и ежегодный оплачиваемый отпуск».[47]

Общая сельскохозяйственная политика

Европа может гордиться своим активным торговым балансом, но одной из причин его является относительно медленный рост внутреннего спроса. Еще одним важным фактором является длительный протекционизм Европейского Союза, наиболее заметный в сельскохозяйственном секторе. Сейчас уже достигнуто соглашение о реформе общей сельскохозяйственной политики, на которую в настоящее время приходится почти половина бюджета ЕС. Система, связанная с выплатой фермерам субсидий в зависимости от объема производства, будет — хотя и не полностью — упразднена.[48] Фиксированные цены, по которым ЕС покупает сельскохозяйственную продукцию, будут снижены. Выплаты фермерам в десяти новых государствах-членах составят только четверть от выплат в старых государствах-членах.[49] Но эти реформы не предполагают снижения тарифов, установленных в настоящее время для сельскохозяйственного импорта в Европу. Американские предложения Всемирной торговой организации перед неудачной встречей в Канкуне включали постепенное сокращение субсидий на экспорт сельскохозяйственной продукции в течение пяти лет и сокращение субсидий на 5 % от стоимости этой продукции, а тарифов — на 25 %. Перед этой встречей ЕС выразил готовность сократить субсидии, которые до реформы составляли около 33 % стоимости продукции по сравнению с 21 % в США. Но без глобального соглашения о торговле эти субсидии продолжатся.[50] Такое положение дел просто недопустимо — и политически нецелесообразно, учитывая, что в сельском хозяйстве сегодня занято только 4 % рабочей силы ЕС.

Конечно, Соединенные Штаты тоже не образец в этом отношении.[51] Но об этой приверженности Европы сельскохозяйственным субсидиям и тарифам следует помнить, когда заходит речь о помощи ЕС развивающим-

47 European Convention, 'Draft Treaty Establishing a Constitution for Europe', CONV 850/03, Brussels, July 18, 2003.

48 Хотя ЕС прекратит выплачивать фермерам субсидии, связанные с производством, государства-члены при желании смогут продолжить выплату субсидий по установленным процентным ставкам в зависимости от прошлых выплат — до 25 % для зерновых культур: Rory Watson, 'E. U. Hails New Era of Healthy Food and Green Living', *The Times*, June 27, 2003. Общий объем выплат по общей сельскохозяйственной политике в случае ее продолжения к 2013 году составит около 50 миллиардов долларов: Tobias Buck, Guy de Jonquiires and Frances Williams, 'Fischler's New Era for Europe's Farmers', *Financial Times*, June 27, 2003.

49 Lea Paterson, 'Farm-fresh Chance for Reform in Enlargement', *The Times*, July 29, 2003.

50 *Economist*, May 27, 2003.

51 Субсидии американскому сельскому хозяйству, большинство из которых достается примерно 400.000 фермеров, выросли с 7,3 миллиардов долларов в 1996 году до 22,9 миллиарда долларов в 2000 году. Закон о сельском хозяйстве 2002 года восстановил связь между субсидиями и производством и привел к увеличению общих субсидий американскому сельскому хозяйству почти на 22 % по сравнению с 1996–2001 годами: Runge, 'Agrivation', pp. 86 и далее.

ся странам. Европа может быть более щедрой в своей политике помощи, чем Соединенные Штаты. Но пока существует общая сельскохозяйственная политика — даже в своем преобразованном виде, — ЕС будет одной рукой давать, а другой — забирать. На самом деле развивающимся странам предлагается зависимость от помощи, а не содействие экономическому развитию, основанному на сельскохозяйственном экспорте. Если ЕС преодолеет давление немногочисленного протекционистского лобби, выгода от этого — не только для развивающихся стран средиземноморской и славянской периферии — будет огромной. Это будет выгодно и самим западноевропейским потребителям. В проигрыше окажется лишь относительно небольшое число нерентабельных фермерских хозяйств, особенно во Франции. А те, кто возражает против этого, ссылаясь на то, что субсидирование сельского хозяйства приносит огромную пользу французской деревне в эстетическом отношении, должны задуматься: если проблема в облике галльского ландшафта, то, может, лучше платить фермерам за работу садовников, отвечающих за сохранение красот Франции, а не за производство продуктов питания, которые можно купить дешевле за пределами ЕС.

Европейский центральный банк и немецкий спад

Конечно, общая сельскохозяйственная политика обходится европейским семьям очень дорого: располагаемый доход сокращается не только из-за тяжкого бремени высоких налогов, но и из-за слишком высоких цен на продукты питания. Но это не основная причина недавнего замедления темпов роста европейской экономики. Намного более важно неумелое проведение валютной политики еврозоны с момента создания единой валюты в январе 1999 года.

Успех евро в качестве замены доллара в некоторых международных трансакциях скрывает его более глубокий провал. Этот провал состоит в систематической недооценке дефляционного давления на немецкую экономику со стороны валютной политики, направленной на достижение стабильности цен в двенадцати различных экономиках.[52] Отдельные признаки дефляции уже налицо в Германии. Хотя официальные показатели инфляции потребительских цен остаются (только) положительными, имеются основания полагать, что существует скрытая дефляция. Индекс цен производителя в 2002 году упал, а сельскохозяйственные цены начали падать еще с середины 2001 года. И среди всех западных экономик только в Германии в прошлом десятилетии цены на недвижимость упали на 13 % в реальном выражении.[53]

Проблема осложнялась тем, что немецкая финансово-бюджетная политика также была ограничена европейскими правилами. Названный так по недо-

52 Во время написания этой работы инфляция потребительских цен в Греции составляла 3,8 % в год — наивысший показатель в еврозоне, по сравнению со всего лишь 0,7 % в Германии (низший показатель).

53 'A Boom out of Step', *Economist*, May 29, 2003. Ср.: Posen, 'Frog in the Pot'; Martin Feldstein, 'Britain Must Avoid Germany's Mistake', *Financial Times*, April 22, 2003.

разумению Пакт о стабильности и росте, заключение которого было одним из условий создания валютного союза, предполагал, что Германия могла быть оштрафована ЕС, если — что кажется вполне вероятным — Берлин допустит дефицит, превышающий 3 % ВВП в течение трех лет (2002–2004 годы). В значительной степени этот дефицит просто отражал действие «автоматических стабилизаторов» во время спада. Возможность увеличения такого дефицита вследствие наложения штрафов (механизма, призванного дисциплинировать Италию и другие исторически расточительные страны-члены) является одним из наиболее нелепых непреднамеренных следствий валютного союза.

Один из способов, позволяющих выявить ошибки Европейского центрального банка, состоит в рассмотрении того, какой была бы сегодня немецкая процентная ставка, если бы немецкий центральный банк — Бундесбанк — не был лишен ряда своих полномочий. Принимая во внимание историю Бундесбанка, которая включает по крайней мере пять эпизодов снижения ставки в ответ на спад (в 1967, 1975, 1982–1983, 1987 и 1994–1996 годах), кажется разумным предположить, что ставка была бы несколько ниже. Если бы задачей Европейского центрального банка была борьба с инфляцией не только в Германии, но и в Греции и Ирландии, немецкие показатели, скорее всего, были бы ближе к американским, то есть ближе к 1, чем к 2 %. При таких обстоятельствах вряд ли стоит удивляться тому, что — после долгих размышлений и переговоров — британское правительство отказалось от вхождения в еврозону в ближайшей перспективе. Хотя одно из исследований, проведенных при подготовке объемного отчета министерства финансов в июне 2003 года, показало, что введение евро будет способствовать британскому экономическому росту, темпы этого роста были весьма скромными — в лучшем случае 0,25 % ВВП в год, а в худшем — 0,02 %.[54] И даже к таким расчетам (которые предполагают, что переход к евро облегчит торговлю со странами континентальной Европы, а это, в свою очередь, приведет к росту производительности) следует относиться с определенным скепсисом, помня об удручающе низких показателях еврозоны с момента ее создания.[55] Десять стран, готовящихся к вступлению в ЕС, также должны дважды подумать прежде, чем вводить у себя евро: потерять они могут больше, чем приобрести. И вряд ли экономикам, которые едва оправились от травматического «перехода» от советского планирования к рынку, легко будет соблюдать требования Пакта о стабильности и росте. В 2002 году общий дефицит бюджета в Польше, Венгрии и Чехии составлял более 4 %; на самом же деле венгерский дефицит приближался к 10 %, что более чем втрое превышало максимально допустимые показатели, предусмотренные Пактом о стабильности и росте.

Если расширение означает введение в слабых экономиках Восточной Европы западноевропейской системы социального обеспечения и западноевропейской валюты, его макроэкономические последствия вполне могут повторить последствия воссоединения Германии, когда миллионы восточ-

54 Anatole Kaletsky, 'How Blair Has Priced Britain Out of the Euro', *The Times*, June 12, 2003.
55 Martin Wolf, 'The Benefits of Euro Entry Will Be Modest', *Financial Times*, May 12, 2003.

ных немцев остались без работы. Показатели производительности в Чехии, Польше, Словакии и Венгрии составляют треть от французских показателей. Грубо говоря, это означает, что если заработная плата в этих странах будет составлять более трети от французской, их рабочие не смогут конкурировать со своими западноевропейскими коллегами. К сожалению, трудовое законодательство Европейского Союза призвано не допустить того, что западноевропейцы неискренне называют «социальным демпингом» — пейоративный термин для обозначения конкуренции со стороны экономик с низкооплачиваемой рабочей силой. В настоящее время жители Восточной Европы могут компенсировать свою низкую производительность, работая даже больше, чем американцы. Средний чешский рабочий работает более 2000 часов в год — показатель, который устойчиво рос после краха коммунизма, несмотря на сокращение количества рабочих часов в Западной Европе. Расширение ЕС, вероятно, приведет к полному изменению этой тенденции и заставит чехов работать меньше, предоставив юридическое право на более короткую рабочую неделю, более длительный отпуск, более сильные профсоюзы, более высокую минимальную заработную плату и, конечно, более хорошо финансируемую безработицу, вследствие чего они могут и вовсе лишиться работы из-за банкротства своих работодателей. Присоединение к Европейскому валютному союзу устранит последние остатки экономической гибкости: возможность обесценивания валюты.

Будущее национального государства

К чему приведет принятие федеральной конституции? Здесь, как всегда, необходимо различать риторику и реальность. Некоторые французские и немецкие политики поднаторели в риторике европейского федерализма. Тем не менее, реальность всегда отставала от нее по той простой причине, что те же самые политики, когда дело касалось действий, а не просто слов, последовательно отстаивали национальные интересы своих стран. В этой связи Алан Милвард справедливо заметил, что первый этап европейской интеграции больше был связан с «сохранением национального государства», чем со строительством федерации.[56] Нет никаких оснований полагать, что в случае принятия проекта конституционного соглашения ситуация коренным образом изменится. На самом деле при внимательном прочтении проекта соглашения — и комментариев, сделанных председателем Конвента во время его обсуждения, — выяснится, что его основная задача состоит в недопущении неизбежного оттеснения крупных европейских стран небольшими европейскими государствами по мере расширения Союза в восточном направлении.

Циник мог бы сказать, например, что новые должности председателя Совета Европы и министра иностранных дел ЕС словно специально созданы для французских высших чиновников. Валери Жискар д'Эстен предлагает заморозить число европейских комиссаров (15 человек) или, иначе говоря,

56 Alan Milward, *The European Rescue of the Nation-State*, 2nd ed. (London, 2000).

пересмотреть правило, по которому на каждое государство-член приходится по крайней мере по одному комиссару. Если этого не сделать, утверждает он, семь самых маленьких стран в расширенном ЕС, доля которых в ВВП Европейского Союза составляет менее 2 %, будут иметь больше комиссаров, чем шесть самых крупных стран, хотя доля последней группы в ВВП ЕС превышает 80 %. Также была выдвинута идея о создании более пропорционального представительства в Европейском парламенте. «Необходимо учитывать численность населения, поскольку мы опираемся здесь на принципы демократии», — заявил Валери Жискар д'Эстен в апреле 2003 года.[57] По всей вероятности, наиболее важные изменения коснутся системы квалифицированного большинства, голосующего на Совете министров: законы ЕС могут быть приняты при поддержке половины стран-членов, если они представляют по меньшей мере 60 % населения Европейского Союза.

Таблица 4 показывает, что в настоящее время в институтах ЕС действительно слишком велико представительство малых стран.

Таблица 4. Европейский союз в процентных показателях

	ВВП	Население	Места в Европейском парламенте	Голоса на Совете министров	Комиссары	Судьи в Европейском суде	Населения на голос в Совете министров
Германия	23,4	21,8	15,8	11,5	10	6,7	8 219 300
Великобритания	18,0	15,9	13,9	11,5	10	6,7	5 983 200
Франция	16,6	15,8	13,9	11,5	10	6,7	5 952 100
Италия	13,8	15,3	13,9	11,5	10	6,7	5 784 400
Испания	7,4	10,5	10,2	9,2	10	6,7	4 936 250
Нидерланды	4,8	4,2	5,0	5,7	5	6,7	3 196 600
Бельгия	2,9	2,7	4,0	5,7	5	6,7	2 052 400
Швеция	2,7	2,4	3,5	4,6	5	6,7	2 220 750
Австрия	2,4	2,2	3,4	4,6	5	6,7	2 030 250
Дания	2,0	1,4	2,6	3,4	5	6,7	1 783 000
Греция	1,5	2,8	4,0	5,7	5	6,7	2 102 200
Финляндия	1,5	1,4	2,6	3,4	5	6,7	1 727 000
Португалия	1,4	2,7	4,0	5,7	5	6,7	2 004 600
Ирландия	1,3	1,0	2,4	3,4	5	6,7	1 273 333
Люксембург	0,2	0,1	1,0	2,3	5	6,7	220 500

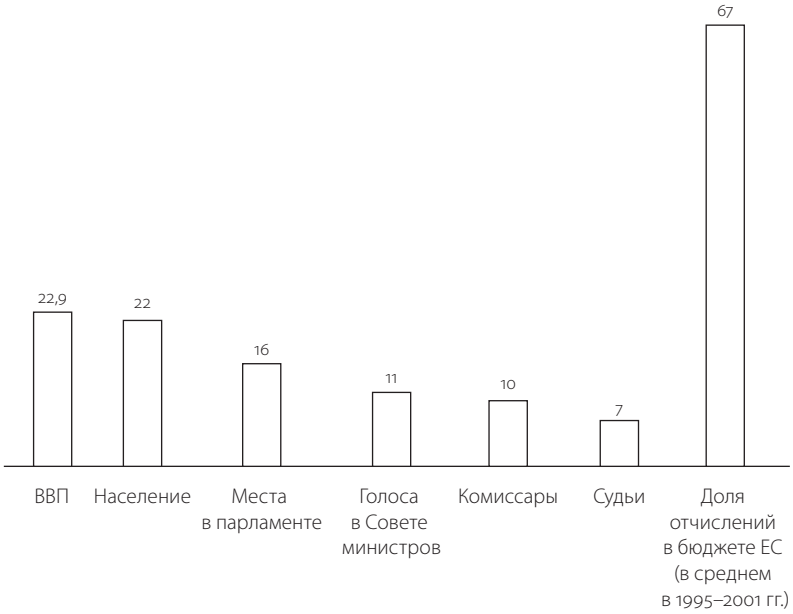
Источник: McCormick, Understanding the European Union; OECD.

57 'Giscard Plan for President Enters Most Divisive Phase', *Financial Times*, April 22, 2003.

Многие годы такое чрезмерное представительство малых и недостаточное представительство больших стран было связано с финансовым измерением. С самого начала в основе Европейского Союза — точнее, его предшественника в виде Европейского объединения угля и стали — лежало перераспределение ресурсов от более крупных и богатых стран к менее крупным и более бедным странам. В 1950-х годах неэффективная бельгийская угольная промышленность получала десятки миллионов долларов от других членов Сообщества, преимущественно Германии. После Римского соглашения бывшие колонии Франции (которые французам удалось изобретательно включить в Общий рынок) получили 380 миллионов долларов в виде помощи развитию от остальных пяти стран, подписавшихся под соглашением, — и вновь донором здесь выступала Германия.[58] Несколько лет тому назад общая сумма безвозмездных перечислений из Германии другим странам-членам преодолела — в номинальном выражении — пресловутый порог в 132 миллиарда марок, которые требовали от нее страны, одержавшие победу в Первой мировой войне.[59]

Тем не менее, непонятно, как такая система могла просуществовать так долго. Помимо всего прочего, расширение ЕС означает появление множе-

График 1. Доля Германии в ресурсах и институтах Европейского Союза (%)



58 Подробнее см.: Milward, *European Rescue*.

59 Niall Ferguson, 'The Cash Fountains of Versailles', *The Spectator*, August 14, 1993, pp. 14–16. В 1958–1994 годах Германия выплатила 163 миллиарда марок остальной Европе в виде отчислений в бюджет Европейского экономического сообщества/Европейского Союза: это больше (в номинальном выражении), чем общая сумма репараций, заявленная в Лондоне в 1921 году.

ства стран, намного более бедных в относительном выражении, чем любые другие «новые» члены Европейского Союза в прошлом. Во время прошлых расширений ВВП на душу населения самого богатого члена, которым всегда был и остается Люксембург, в 2–2,5 раза превосходил бюджет самого бедного нового члена (Ирландии в 1974 году, Греции в 1981 году, Португалии в 1986 году и Финляндии в 1995 году). Но вхождение бывших коммунистических экономик Восточной Европы — это намного более серьезный вызов. Средний гражданин Люксембурга примерно в пять раз богаче среднего гражданина Литвы. В Копенгагене была достигнута договоренность о том, что «максимальные выплаты, связанные с расширением», для десяти новых стран в течение трех лет (2004–2006) не превысят 40,8 миллиардов евро. Но кто именно предоставит такие средства? Трудно представить, что немецкие политики смогут и дальше оправдывать огромные отчисления в бюджет ЕС, особенно если сам ЕС угрожает Германии санкциями за нарушение Пакта о стабильности и росте. Конечно, альтруизм Германии играл важную роль в истории европейской интеграции с 1945 года. И все же должен быть какой-то предел. Немецкие налогоплательщики когда-нибудь откажутся платить «молчаливые репарации» остальной Европе.

Об этом мало говорят, но последние исследования Евробарометра показали, что существует огромный разрыв между количеством людей, считающих Европейский Союз благом вообще, и количеством людей, считающих его благом для своей собственной страны. Из данных, приведенных в Таблицах 5 и 6, видно, что этот разрыв можно объяснить работой бюджета ЕС. В странах, которые получают значительные суммы (в 1995–2001 годах Греция, Ирландия и Португалия получили суммы, превысившие 2 % ВВП), доля избирателей, считающих ЕС благом для своей страны, значительно больше тех, кто считает его благом вообще. Наоборот, во многих крупных странах-донорах — Германии, Бельгии и Люксембурге — число избирателей, считающих ЕС благом вообще, больше, чем избирателей, считающих его благом для своей страны.[60]

Таблица 5. Средние бюджетные отчисления Европейскому Союзу в процента от ВВП (1995–2001 гг.)

Получатели		Малые доноры		Крупные доноры	
Греция	3,86	Финляндия	–0,02	Австрия	–0,31
Ирландия	3,18	Франция	–0,07	Люксембург	–0,40
Португалия	2,68	Италия	–0,07	Нидерланды	–0,40
Испания	1,31	Бельгия	–0,08	Швеция	–0,41
Дания	0,11	Великобритания	–0,15	Германия	–0,48

Источник: http://europa. eu. int/comm/budget/agenda2000/reports_en. htm

60 Британия — исключение, которое подтверждает правило: избиратели, по-видимому, не заметили, что их страна перестала быть страной-донором в 1984 году, когда Маргарет Тэтчер добилась значительного сокращения британских отчислений.

Таблица 6. Ответы на вопрос Евробарометра: «ЕС — благо для моей страны» минус «ЕС — благо вообще» (2002 г.)

Получатели		Малые доноры		Крупные доноры	
Греция	12	Финляндия	1	Великобритания	–5
Ирландия	8	Швеция	–1	Нидерланды	–5
Португалия	8	Франция	–1	Бельгия	–5
Испания	8	Испания	–2	Германия	–9
Дания	8	Австрия	–2	Италия	–11
				Люксембург	–11

Источник: Eurobarometer, 57 (2002).

Пределы «европейскости»

При всем соблазне представить «европейские» установки все более «антиамериканскими» и все более осознанно европейскими это будет в лучшем случае карикатурой. Прежде всего, исследования ясно показывают, что большинство европейцев проводит четкое различие между администрацией Буша и американцами в целом. Не менее 74 % французов, отрицательно относящихся к Соединенным Штатам, считают, что «проблему» составляет «главным образом Буш», по сравнению с 21 % тех, кто считает, что все дело в «Америке в целом», и 4 % тех, кто обвиняет и Буша, и Америку. Схожее соотношение наблюдается также в Германии и Италии. Кроме того, — и в этом есть определенная ирония, — европейцы поддерживают некоторые аспекты внешней политики Буша. Три четверти французских, итальянских и немецких респондентов согласились с тем, что иракскому народу будет лучше без Саддама. Большинство населения всех крупных европейских стран по-прежнему поддерживает войну против терроризма, которую ведут Соединенные Штаты. Вообще говоря, в том, что касается экономической и культурной глобализации, нет никаких серьезных трансатлантических разногласий. Следует отметить, что антиамериканские настроения не мешают европейской молодежи учить английский. За исключением Великобритании и Ирландии, 92 % учащихся средних школ в ЕС учат английский язык, что почти втрое больше числа учеников, изучающих французский, и в семь раз больше изучающих немецкий.[61]

В то же самое время европейцы по-прежнему остаются не столько «европейцами», сколько французами, англичанами, немцами, итальянцами и так далее. Девять из десяти европейцев испытывают «определенную» или «сильную привязанность» к своим странам. Но менее пяти из десяти — 45 % — испытывают «привязанность» к ЕС. В некоторых странах — Швеции, Голландии, Англии и Финляндии — от 65 до 75 % граждан не испыты-

61 *Economist*, March 1, 2003.

вают сильной привязанности к ЕС. Лишь незначительная часть европейцев идентифицирует себя исключительно как «европейцев»; почти половина считает себя прежде всего представителями традиционных наций и лишь во вторую очередь европейцами. Кроме того, популярность членства в ЕС в «традиционных» пятнадцати странах-членах снижается: если в 1990 году более 70 % европейцев считали членство в ЕС благом, то последние исследования показывают снижение до 55 %. Лишь половина европейцев считает, что членство в ЕС имеет «столько же преимуществ, сколько и недостатков». В свете этих цифр европейская идентичность кажется чем-то совсем непрочным. Кроме того, иммиграция в Европу, которая почти наверняка будет продолжать расти, скорее приведет к ослаблению, чем к усилению европейской культурной сплоченности. Миллионы людей — экономических мигрантов, беженцев или этнических немцев — приехали в Европейский Союз в прошлом десятилетии. Предыдущий приток мигрантов из бывших колоний в метрополии пришелся на 1960–1970-е годы. По последним оценкам, 3–4 % населения Голландии, Германии и Англии сейчас составляют мусульмане; во Франции эта доля почти вдвое выше — 7,5 %.[62] Готовность некоторых европейских государств принимать беженцев приведет к росту численности в них иммигрантского населения. Больше всего иммигрантов в 1990–2000 годах приняли Дания, Германия, Нидерланды, Австрия и Швеция. В обозримом будущем в них наверняка возникнет глубокое противоречие между экономической потребностью в привлечении легальных иммигрантов в Западную Европу и политической враждебностью к вновь прибывшим, которые, как правило, начинают испытывать острое недовольство своей жизнью в бедных районах.

НЕЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ЕВРОПЕЙЦЕВ ИДЕНТИФИЦИРУЕТ СЕБЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО КАК «ЕВРОПЕЙЦЕВ»; ПОЧТИ ПОЛОВИНА СЧИТАЕТ СЕБЯ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ТРАДИЦИОННЫХ НАЦИЙ И ЛИШЬ ВО ВТОРУЮ ОЧЕРЕДЬ ЕВРОПЕЙЦАМИ

Было бы преувеличением описывать недавний успех политиков, стоящих на явно антииммигрантских позициях в качестве свидетельства возрождения крайне националистической или расистской политики в Европе. У этих политиков — от Жана-Мари Ле Пена до Йорга Хайдера и Пима Фортейна — слишком мало общего, и они добились довольно эфемерных успехов в завоевании протестных голосов с ксенофобским подтекстом. Тем не менее, враждебность к иммигрантам распространена очень широко. Исследование, проведенное в 2000 году, показало, что более половины европейцев считает, что этнические меньшинства злоупотребляют государ-

62 William Hitchcock, *The Struggle for Europe* (New York: Doubleday 2002), p. 419.

ственными системами социального обеспечения и что иммигранты способствуют росту безработицы. Почти две пятых считают, что даже легальные иммигранты должны вернуться в родные страны.[63] И в том, что бессовестные популисты потакают таким настроениям, нет ничего удивительного. Это вряд ли устроит тех, кто мечтает о федеральной Европе. В опросе Евробарометра о значении Европейского Союза для жителей Европы более 20 % опрошенных отметило, что их не устраивает «недостаточный контроль над границей». Кроме того, расширение ЕС будет способствовать миграции, создавая новые возможности для движения молодежи из Восточной Европы и Средиземноморья на Запад. Некоторые демагоги уже связывают враждебность к иммиграции с враждебностью к европейской интеграции.

Кроме того, есть еще и турецкий вопрос. Турки подали заявку на вступление в ЕС еще в 1987 году. До сих пор их заигрывания встречали отказ, главным образом на том основании, что в Турции слишком неоднозначна ситуация с политическими и гражданскими правами, а также правами человека; при этом подразумевалось, а иногда говорилось открыто, что Турция — преимущественно мусульманская страна. Однако экономические основания для членства стали более вескими. По некоторым оценкам, доход на душу населения в Турции выше, чем в Венгрии, Латвии или Литве, которые получили разрешение на вступление в ЕС, и он вдвое превышает доход большинства балканских государств. Религиозный аргумент вызывает затруднения, связанные с политкорректностью. И это в полной мере ощутил на себе Валери Жискар д'Эстен, необдуманно выдвинувший его в прошлом году. Представление о том, что Европа по определению является христианской больше не выдерживает критики: как мы видели, в ней слишком мало ревностных христиан и слишком много нехристианских иммигрантов. При этом больше нельзя говорить о том, что Турция не является работающей демократией. Умеренно исламистская партия пришла к власти в ней в результате свободных и справедливых выборов, а армия, в отличие от прошлых десятилетий, не стала вмешиваться в политику. Турецкий парламент отказался предоставить Соединенным Штатам плацдарм для вторжения в северный Ирак, что свидетельствовало о том, что его члены прочли и поняли Североатлантический договор, в котором отсутствуют какие-либо упоминания о допустимости упреждающей войны. Свергнув Саддама, Соединенные Штаты показали, насколько опасно быть «режимом-изгоем» на Ближнем Востоке. Но что может быть лучшей наградой для демократического и умеренно религиозного режима, чем принятие Турции в ЕС?

И в этом отношении представление Чарльза Купчана о Европе как о новой Византии можно считать (неосознанно) пророческим. Если Турция вступит в ЕС, а мусульманские общины в Западной Европе продолжат расти, появятся серьезные основания для проведения параллели между Брюсселем и Византией — или, скорее, османским Константинополем.

63 *Ibid.*

«Час Европы»

Хотя иммиграция во Францию не была особенно высокой по сравнению с другими странами ЕС, присутствие больших мусульманских сообществ во Франции — теперь уже в третьем поколении — позволяет объяснить успех лидера Национального Фронта Жана-Мари Ле Пена в первом туре президентских выборов во Франции 2002 года. Чтобы добиться победы во втором туре, Жак Ширак вынужден был дистанцироваться от позиции Ле Пена по иммиграции; и это, в свою очередь, позволяет объяснить, почему он столь решительно выступил против военных действий в Ираке в 2003 году.

Такие внутриполитические соображения — или, точнее, многообразие внутриполитических констелляций — являются основной причиной того, почему настолько трудно координировать дипломатию государств — членов ЕС. В теории общеевропейская внешняя и оборонная политика — весьма привлекательная идея; но ее осуществление на практике оказалось чрезвычайно трудным занятием. В случае с Боснией «час Европы» явно не пробил; тогда разногласия между странами ЕС привели к политическому параличу. В случае с Ираком в ЕС возник более глубокий раскол. Сможет ли создание поста министра иностранных дел ЕС изменить такую ситуацию? Едва ли.

* * *

Европа — это необычный союз: конфедерация, которая мечтает о федерации, но не собирается ею становиться. Она имеет исполнительные и законодательные органы, верхнюю палату, верховный суд, центральный банк, общую валюту, флаг и гимн. Но она имеет очень небольшой общий бюджет и голый остов общей армии. И по-прежнему слишком много решений — намного больше, чем предполагали ее создатели, — принимается национальными правительствами на заседаниях Совета Европы или межправительственных конференциях. У Европы нет общего языка, общей почтовой системы, общей футбольной команды и даже стандартизованной электрической розетки. Одни критики, наиболее известным из которых является, наверное, консервативный член Совета министров Николас Ридли, говорят об опасности возникновения «четвертого рейха»: речь идет не только о доминировании Германии, но и об онемечивании самой институциональной структуры. Другие, особенно профессор политических наук из Оксфорда Ларри Зидентоп, говорят, что именно французы на самом деле руководят Союзом при помощи своей менее подотчетной бюрократии, что мешает Европейскому Союзу пойти по американскому пути.[64] ЕС Зидентопа — это скорее третья бонапартистская империя, чем четвертый германский рейх.

64 См.: Зидентоп Л. *Демократия в Европе.* М.: Логос, 2004.

Наилучшей аналогией здесь может служить Швейцария — страна, где экономика важнее политики и где кантоны и провинции сильнее центрального правительства. И все же даже идея сверх-Швейцарии преуменьшает значимость двух явных недостатков демократии, характерных для ЕС. Первый недостаток известен — это слабость Европейского парламента по отношению к Комиссии, институту, которому недостает прозрачности и который кажется никому неподотчетным. ЕС может и не быть Византией, но его внутренняя деятельность, безусловно, византийская. Второй — менее очевидный, но, возможно, более важный — недостаток связан с тем, что голос немецкого избирателя обладает намного меньшим весом в европейских делах, чем голос избирателя-европейца в Люксембурге или Ирландии. И, вероятно, без этих недостатков ЕС не смог бы существовать, поскольку по-настоящему демократическая система способна выпустить наружу ксенофобию, которую испытывают многие рядовые европейцы, или привести к очередному обсуждению старого «германского вопроса» самими немцами и их соседями. Но при таких обстоятельствах ЕС вряд ли удастся добиться того увеличения легитимности, без которого общая внешняя и оборонная политика кажутся невозможными.

Уже сейчас предприняты важные шаги в направлении того, что эвфимистически называют «изменяемой геометрией». Только двенадцать членов ЕС в настоящее время приняли евро; не так давно в Швеции прошел второй референдум о членстве в Европейском валютном союзе, на котором граждане высказались против вступления в него и который, в сущности, предопределил результаты британского референдума по этому вопросу. Британия и Ирландия не подписали Шенгенское соглашение, ослабляющее контроль над границами ЕС. В 1989–1997 годах британцы также отказались присоединиться к Социальной хартии, одному из трех «столпов» ЕС, провозглашенных в Маастрихте. К тому же, новым членам ЕС не удастся сразу выполнить все необходимые условия и требования. Идея «конструктивного воздержания», прописанная в Амстердамском соглашении, и идея «расширенного сотрудничества» в проекте конституционного соглашения (статья I-43) приведут к увеличению таких *a la carte* мер. Никто всерьез не ожидает усиления ЕС. Чем больше «исключений», тем менее сплоченным будет Союз. Европа многих скоростей едва ли достигнет цели Римского соглашения — «тесного, как никогда, союза». Напротив, союз будет становиться все более слабым. Вместо этого возникнет множество мелких союзов: от Римского соглашения к политическому объединению частично пересекающихся «добровольных коалиций», преследующих свои собственные цели.

МИФЫ, ИСТОРИИ И ПАРАДЫ

Вывод из всего вышеизложенного очевиден. Соединенным Штатам не стоит опасаться расширения или углубления ЕС — и не в последнюю очередь потому, что эти два процесса противоречат друг другу. Разговоры о федеративной Европе, которая становится «противовесом» Соединен-

ным Штатам, основаны на совершенно ошибочном толковании происходящего. ЕС имеет большое население, но оно стареет. Его экономика велика, но она — вялая. Его показатели производительности совсем не плохи, но они перестают быть преимуществом при таком объеме досуга. У него все еще нет достаточно либерального таможенного союза. У него есть валютный союз, который замедлил, а не ускорил экономический рост его членов. И, конечно, у него есть правовой союз, но многие из его законов предлагаются неизбираемой и неподотчетной Комиссией, чтобы ослабляет их легитимность. Как политическое объединение, он, вероятно, останется конфедерацией в обозримом будущем. Слова де Голля, сказанные им в 1962 году, остаются верными и сегодня: «В настоящее время не может быть никакой иной Европы, кроме Европы государств, если, конечно, речь не идет о мифах, историях и парадах». И даже эти мифы не вызывают большого почтения. Несмотря на признаки общей европейской культуры, отличной от аморфного американского понятия «Запад», национальные идентичности по-прежнему преобладают, а иммиграция не способствует их ослаблению. Поэтому выработка общей внешней и оборонной политики кажется отдаленной и, возможно, недостижимой задачей.

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НИКАКОЙ ИНОЙ ЕВРОПЫ, КРОМЕ ЕВРОПЫ ГОСУДАРСТВ, ЕСЛИ, КОНЕЧНО, РЕЧЬ НЕ ИДЕТ О МИФАХ, ИСТОРИЯХ И ПАРАДАХ

Кому нужен противовес? В конечном счете, США и ЕС способны извлечь намного больше пользы из сотрудничества, чем из соперничества. Суть в том, что они нуждаются друг в друге и даже зависят друг от друга. Это наиболее очевидно в экономической сфере. Почти четверть экспорта ЕС идет в США, а пятая часть импорта ЕС поступает из США. В 1999 году 65 % прямых иностранных инвестиций в ЕС приходились на США; та же доля прямых иностранных инвестиций в США приходится на ЕС. Не менее 45 % общих прямых иностранных инвестиций приходится на ЕС. Значительная часть федерального долга Соединенных Штатов и долгов американских корпораций принадлежит европейским инвесторам и институтам. Поэтому замечание Ричарда Розенкранца об этих отношениях как о товариществе «Цезаря и Креза» имеет под собой определенные основания.[65] Но Европа и Америка имеют также общие культурные интересы: те, кто сетует на повсеместное распространение Макдоналдсов в Европе, не замечают множества французских и итальянских ресторанов в Соединенных Штатах. Как заметил глава компании *Disney* Майкл

65 Richard Rosecrance, ‘Croesus and Caesar: The Essential Transatlantic Symbiosis, ‘N*ational Interest*,
72 (Summer 2003), pp. 31–34.

Эйснер. «“Спящая красавица” — это культура, и она — французская; “Питер Пен” — английская; “Пиноккио” — итальянская; “Белый снег” — немецкая».[66] И нет никаких сомнений в том, что американцы и европейцы заинтересованы в борьбе с терроризмом. Попытки немногочисленных фанатиков совершить террористические акты на Манхеттене или в Момбасе можно предотвратить только совместными усилиями спецслужб и полиции Соединенных Штатов и Европы.[67] Проекты нациестроительства в Боснии, Косово, Афганистане и Ираке окажутся успешными благодаря трансатлантическому сотрудничеству.

Поэтому те, кто в Соединенных Штатах Америки выражает недовольство «возникновением» Соединенных Штатов Европы, должны расслабиться. И те, кто в Европе фантазирует о том же, должны вернуться к реальности. Брюссель по-прежнему — буквально и метафорически — далек от Византии.

Перевод с английского Артема Смирнова

66 Epitropoulos *et al.* (eds.), *Americanization*, p. 5.
67 Bobbitt, *Shield of Achilles*, pp. 677–695.

Калипсо НИКОЛАИДИС

СИЛА СВЕРХБЕССИЛЬНЫХ[1]

У Эзопа, самого известного древнегреческого баснописца, есть басня о лисе и ее прекрасном хвосте. Однажды, к ужасу лисы, охотник отстрелил ей хвост. Лиса не знала, что хуже — боль или стыд. Тогда она придумала план. Она с гордым видом вернулась к своим подругам и заявила, что избавилась от своего тяжелого и ненужного хвоста. И вскоре не осталось ни одной хвостатой лисы.

Не удивительно, что важная статья Роберта Кейгана встретила такой отклик в Европе, где после начала войны в Ираке комментаторы с невиданной страстностью принялись доказывать его неправоту.[2] Кейган утверждал, что европейцы, расхваливая свою внешнюю политику, отвергающую все проявления реальной силы, подобно лисе у Эзопа, просто делали из нужды добродетель. Утратившие силу и вкус к войне, привыкшие к расходам государства всеобщего благосостояния и неспособные собрать политическую волю в кулак, чтобы восстановить свою военную мощь, европейские лидеры выдают свою смиренную гражданскую или невоенную силу за некий идеал, а не единственную реально имеющуюся у них возможность. Соответственно, вместо того чтобы покорно и благодарно признать, что сохранение европейского кантианского рая в гоббсовском мире зависит от американской военной силы, они ошибочно полагают, что их наивное представление о международных отношениях может и должно преобладать, несмотря на огромную разницу в силе, которая существует теперь по обе стороны Атлантики.

1 Kalypso Nicolaidis, “The Power of the Superpowerless,” in Tod Lindberg (ed.), *Beyond Paradise and Power: Europe, America, and the Future of a Troubled Partnership* (New York: Routledge, 2004), pp. 93–120.

В основу этой статьи положен ряд недавних публикаций по схожим темам: Kalypso Nicolaidis and Robert Howse, “This Is My EU-topia: Narrative as Power,” *Journal of Common Market Studies* (October 2002); Kalypso Nicolaidis and Justine Lacroix, “Order and Beyond the Nation-States: Europe’s Competing Paradigms,” in *Order and Justice in International Relations,* ed. Rosemary Foot (Cambridge: Oxford University Press, 2003); Anand Menon, Kalypso Nicolaïdis, and Jennifer Welsh, “In Defense of Europe,” Working paper, 2003, ESC, Oxford University; Kalypso Nicolaidis, “Living with Our Differences,” in Nikos Kotzias and Petros Liacouras, eds., *EU–ES Relations: Repariing the Transatlantic Riff* (London: Palagrave, 2004).

Я бы хотела поблагодарить Тьерри Фабре, Роберта Хауза, Эндрю Харрелла, Димитрия Николаидиса, Мишеля Петру, Саймона Сандерса и Кейт Томпсон за их комментарии.

2 См.: Каган Р. Американская сила и кризис легитимности // Прогнозис. 2004. № 1.

Поэтому многие в Соединенных Штатах считают Европу не только слабой, безответственной и нерешительной, но еще и лицемерной.

Конечно, европейцы должны признать, что во многом точка зрения Кейгана справедлива: что успешное создание зоны мира на их континенте повлияло на их мировосприятие, что европейцы достигли этого мира под «зонтиком» американских гарантий безопасности во второй половине XX столетия, что окончание «холодной войны» принесло Европе дивиденды в виде мира, тогда как Соединенным Штатам приходится продолжать военное строительство, что иногда использование военной силы внешними участниками может быть легитимным и что разногласия по вопросу о том, что будет означать для них использование военной силы на практике, помешали европейцам выработать четкую военную стратегию.

Но что если, несмотря на все эти бесспорные факты, бесхвостая лиса все же была права? Что если европейская история построения мира более важна для остального мира, чем американская история либерального империализма? Что если *отказ от роли сверхдержавы* сам по себе служит объяснением международного влияния Европы? В Европе нет единого представления о содержании и способах осуществления этого альтернативного проекта. Напротив, в ней постоянно ведутся споры о новой европейской конституции, новой европейской армии, новой европейской сельскохозяйственной политике и, конечно, новом трансатлантическом соглашении. И нет никаких сомнений в том, что на заре третьего тысячелетия Европа заново открывает себя в качестве глобального участника.

Имеет место следующий парадокс: при всей его проницательности, Кейгану не удалось развить до конца основную логику своей статьи. Кейган полагает, что материальный базис определяет идеологическую надстройку: европейское представление о международных отношениях отражает, хотя и в искаженном виде, слабость Европы и ее место в балансе сил. Кроме того, в этой классической (марксистской реалистической) логике, европейское сознание не способно увидеть сами условия, которые привели к идее действенности права и переговоров в международных отношениях.[3] Тем не менее, в конечном итоге, Кейган призывает европейцев преодолеть свою психологию слабости и разделить бремя глобального силового лидерства с Соединенными Штатами.[4] И если считать, что свободная воля способна преодолеть детерминизм, здесь нет противоречия, на которое часто любят указывать его критики. Кейган признает, что идеологический разрыв между Европой и Америкой играет особую роль в объяснении этого раскола. Но если этот разрыв представляет собой следствие разницы в силе, возникает порочный круг: слабость обусловливает представления Европы, которые оправдывают ее слабость.

Почему, признавая важность психологии наций, нельзя принимать заявления европейцев всерьез? Почему причинная связь устанавливается только

3 Подробнее об этом см.: Etienne Balibar, *L'Europe, l'Amerique, la Guerre: Reflexions sur la mediation europeénne* (Paris: Editions La decouverte, 2003).

4 Такой призыв отчетливо звучит в расширенном и дополненном издании этой его статьи: Кейган Р. *О рае и силе.* М., 2004.

в одном направлении: представления европейцев о мире считаются следствием, а не причиной их военной слабости? И в случае, если верно последнее, каковы причины для того, чтобы отказывать европейцам в самосознании? Почему считается, что у философии и поведения Европы нет никаких иных оснований, кроме наличия или отсутствия силы? Почему считается, что после окончания «холодной войны» европейцам непременно захотелось бы, будь у них такая возможность, соперничать в военном отношении с Соединенными Штатами? И почему считается, что в остальном мире за пределами «Запада», мире, по-видимому, более слабом, чем сама Европа, материалистическая логика истории в целом преобладает над предлагаемой европейцами институционально-идеалистической логикой?

Когда двадцать лет тому назад Вацлав Гавел писал свою «Силу бессильных»,[5] он, наверное, и представить себе не мог, что в 1989 году произойдет «бархатная революция». Но он описал мировоззрение при репрессивной надстройке, когда способность устанавливать связи и общаться с другими, создавать сети понимания и знаки взаимного признания между бессильными формировала альтернативную реальность, недосягаемую для коммунистического государства. Не могли ли европейцы подобным образом отказаться от использования своего потенциала, став сверхбессильными?

Цель этой статьи состоит в том, чтобы показать, что, независимо от своих сверхдержавных амбиций, Соединенные Штаты могут извлечь огромную пользу из нового «разделения труда» с Европой, основанного на признании сравнительного преимущества, имеющегося у последней; вопрос в том, захочет ли сама Европа играть в эту игру. Это зависит от трех условий.

Во-первых, сегодняшняя Европа занимает кантианскую точку зрения не по необходимости, как полагают Эзоп и Кейган, а по собственному выбору. Углубление раскола между Соединенными Штатами и Европой нельзя связывать с неким возрождением наивных представлений европейцев о силе. Скорее разногласия носят одновременно и менее, и более острый характер. Они менее остры, потому что большинство европейцев не сомневается в значении силы — во всех ее проявлениях — для международных отношений. Напротив, большинство американцев верит в многосторонние институты. Б*о*льшая острота разногласий обусловлена тем, что Европейский Союз, который все сильнее определяет роль Европы в мире, коренным образом отличается от Соединенных Штатов.

Во-вторых, остальной мир, вовсе не будучи гоббсовским, тяготеет к этому европейскому выбору, потому что в международных отношениях важны и сила, и цели: легитимность делает силу действенной. В таком мире перспективы «европейского отличия» велики, и они зависят от легитимности идеи, которую Европейский Союз стремится претворить в жизнь. Речь идет о последовательности между его внутренним и внешним праксисом и дискурсом. Значение утопии ЕС простирается за пределы его собственного рая.

5 Гавел В. *Сила бессильных*. Минск, 1991.

В-третьих, возможно, результаты югославских войн, события 11 сентября, иракский конфликт и собственные европейские разногласия заставят европейцев, наконец, задуматься не только о том, каким образом использование военной силы отвечает *raison d'être* Европейского Союза, но и о значении силы для европейского проекта. Одна из важных заслуг Кейгана заключается в том, что он выразил неявные предрассудки, подразумеваемые посылки и неразрешимые противоречия, лежащие в основе европейских разногласий.

КАНТИАНСКИЙ ВЫБОР

Европейский Союз, как и Соединенные Штаты, возник как некая противоположность империи. Но, в отличие от Соединенных Штатов, у него было колониальное прошлое, прошлое образующих его стран-членов, которые с подозрением относились ко всем разговорам о цивилизующей миссии как основе для действий в мире. На самом деле колониальное представление о Европе как об авангарде, несущем остальному миру какое-то знание, было связано с дискурсом, основная задача которого заключалась в решении фундаментальной дилеммы европейской безопасности. Эта дилемма, внутренние соперничество и борьба за власть между основными странами, от которой Европа страдала на протяжении последних четырех веков, распространилась на весь мир — и в результате европейское пространство, считавшееся центром мира, стало основой для организации периферии.

Для решения дилеммы европейской безопасности потребовались две войны на континенте, которые переросли в мировые войны. С самого начала создание Европейского экономического сообщества предполагало создание институтов, призванных поддерживать мир между европейскими странами при помощи наднациональных ограничений, налагаемых на одностороннюю политику, и последовательного развития норм сообщества. Эти институты были кантианскими по своему духу — второго Канта, который выступал против призывов первого к созданию наднационального правительства во благо автономных республик, отношения между которыми отвечали принципу господства права. Постепенно новый союз сменил старую логику равновесия сил и привел к созданию того, что Карл Дойч называл сообществом безопасности: группы народов и государств, настолько тесно связанных друг с другом, что они начинают обеспечивать безопасность друг друга. За несколько десятилетий этот наиболее амбициозный из всех проектов предотвращения конфликтов сделал войну между европейскими государствами немыслимой. Но только с окончанием «холодной войны» и столкновений, произошедших при распаде Югославии, дилемма европейской безопасности была, наконец, разрешена. После этого основания для распространения конфликтов в Европе попросту исчезли.

Кто с этим спорит? Именно американский «зонтик» из обычных и ядерных вооружений позволил европейцам набраться сил и устранить барьеры. Без этой внешней защиты создание Европейского экономического сообще-

ства вряд ли было бы возможно, не говоря уже о развитии его в политический союз. Возникновение квазифедерации без коллективной безопасности в качестве движущей силы противоречило законам исторического развития и стало возможным во многом благодаря Соединенным Штатам. По иронии судьбы, именно тогда, когда европейцы избавились от своей внутренней дилеммы безопасности, они, по-видимому, вновь захотели научиться применять силу вовне — по отношению к европейской периферии и не только.[6] Но, в отличие от эпохи колониального соперничества, такое применение силы может быть объяснено и обосновано не потребностями в поддержании внутреннего равновесия сил, а потребностями и устремлениями Европы в целом. Что это за потребности? Достаточно ли существующих глобальных угроз для преодоления европейских исторических комплексов? Какими могут быть такие устремления, помимо обновленной разновидности *mission civilisatrice*? Можно ли оправдать применение силы ЕС такими устремлениями? Тот, кто считает европейцев наивными «безбилетниками», плывущими по течению, просто не понимает всей серьезности вопросов, которые лежат в основе сегодняшних споров.

И в результате постепенного развития во второй половине прошлого столетия «европейский ответ» перерос в особый европейский подход к международным делам. Европейский кантианский подход перестает казаться утопией или «вторым лучшим» и начинает пониматься как сознательный выбор, наиболее действенная стратегия, выработанная на основе непростого опыта. Короче говоря, Европа больше не является кантианской из-за своей слабости (в военном отношении); теперь она слаба из-за того, что она является кантианской.

В этом и состоит основное отличие нашей точки зрения от точки зрения Кейгана, и его значение не следует недооценивать. Исторически относительная слабость была условием, навязанным странам либо внутренним разладом, либо внешними силами, либо сочетанием того и другого, как в случае с падением Советского Союза. Напротив, европейские налогоплательщики имеют средства для создания мощных вооруженных сил; и они уже тратят на вооруженные силы вдвое больше на душу населения, чем любой другой силовой блок, за исключением Соединенных Штатов. И хотя отчасти военная слабость Европы, конечно, обусловлена давней верой в то, что «дядя Сэм» всегда готов придти на помощь, зачастую американцы переоценивают важность этого объяснения.

ГРАЖДАНСКАЯ СИЛА И ТРЕБОВАНИЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ

Вместо этого американцам необходимо понять, что европейцы пересматривают и обновляют свои коллективные представления о безопасности. Да, у европейцев есть проблемы с силой. Они беспокоятся об этом, но они

6 Я не хочу сказать, что окончание колониальных войн в 1970-х годах означало конец неоколониальной политики и войн.

не способны (сами по себе) или не готовы (сообща) использовать ее напрямую. Мы в Европе придумываем различные эпитеты для Союза, отражающие такую двойственность и сглаживающие такую прямолинейность: тихая сила, средняя сила, освободительная сила, постнациональная сила и, конечно, невоенная или гражданская (*civilian*) сила. Эти эпитеты не просто подтверждают торжество «мягкой» силы, по определению Джозефа Ная, над «твердой». И при этом они не являются понятиями, позволяющими приспособиться к психологии слабости. Почему европейцы должны остановиться на этом? О ком бы ни шла речь — о заносчивых французах, честолюбивых британцах, космополитичных скандинавах, торгующих по всему свету голландцах, идеалистичных немцах или испанцах и греках с их обширными диаспорами, — большинство европейских национальных государств не ограничивает свое самоопределение европейскими рамками. Европейская обеспокоенность силой является неотъемлемой составляющей важной и влиятельной идеи, которая продолжает развиваться: идеи союза постколониальных национальных государств, медленно и болезненно создающего совместными усилиями механизм своего коллективного примирения.

Уже в 1960–1970-х годах некоторые специалисты были уверены, что проект европейской интеграции приведет к созданию нового важного международного участника, отличного от двух сверхдержав, сила которого будет заключена в «гражданских формах влияния и действия», конструктивном присутствии и силе убеждения. Как сказал Франсуа Дюшене в 1973 году:

> Европа как целое вполне может стать первым историческим примером крупного центра равновесия сил, ставшего в эпоху его упадка не колонизированной жертвой, а образцом для подражания на новом этапе развития *политической цивилизации*. В частности, Европейское экономическое сообщество может служить примером того, каким влиянием можно обладать благодаря серьезному политическому сотрудничеству, основанному на гражданских формах силы.[7]

Конечно, возникает соблазн отвергнуть идею гражданской силы как оксюморон, основанный на мифе (мир через торговлю) и колониальной ностальгии и возникший вследствие болезненного осознания Европой своей неспособности стать третьей сверхдержавой во время «холодной войны». Тем не менее, идея, что Европейский Союз может служить «образцом для подражания» и показывать свою значимость для всего мира, прекрасно отвечала глобальным изменениям, например глобализации и окончанию «холодной войны».

Возможно, неоднозначность понятия невоенной силы объясняет его долговечность и его спорность. Оно является описывающим и предписывающим и продолжает служить целью, даже если она остается недостижимой.

7 Francois Duch ne, “The European Community and the Uncertainties of Interdependence,” in *A Nation Writ Large? Foreign Policy Problems before the European Communities,* ed. Max Kohnstamm and Wolfgang Hager (London: Macmillan, 1973).

Или же оно может относиться к средствам или целям — *гражданская* как *невоенная* по средствам (например, отказ от насилия) и как *цивилизующая* по целям (например, прививание традиции мирных изменений). Таким образом, даже если предполагаемая «смена источников силы» с военных на экономические вызывала — и по-прежнему вызывает — сомнения, сила Европы покоилась на ее высокой цели. Но эта цель также была неоднозначной или по крайней мере многомерной. С одной стороны, она была связана с ценностями, которых придерживались все страны-члены и которые продвигались Европейским Союзом как внутри, так и вовне. С другой стороны, она была связана с определенным процессом. Когда Дюшене называл Сообщество «гражданской формой влияния и действия», он не только говорил о его экономической, а не военной силе, или о приверженности его стран-членов демократии, но также и о его ценном и передаваемом опыте межгосударственного сотрудничества. Короче говоря, гражданская сила — это более широкое понятие, чем мягкая сила, и обладать ею может только группа государств. Она покоится на последовательности и даже неразрывной связи между *сущностью* Европейского Союза, его политической сутью, и его *поступками*, его внешними действиями.[8]

Изначальный замысел был довольно простым: идея европейской интеграции как образца для подражания для других регионов мира, стремящихся к тесному экономическому и политическому сотрудничеству. Позднее европейские притязания на всеобщую значимость подверглись жесткой критике ввиду явной исключительности этого предприятия, но затем они вновь укрепили свои позиции благодаря своему успеху на континенте с населением в полмиллиарда человек.

Соответственно, Европейский Союз — это объединение, которое имеет наиболее длительный и наиболее глубокий опыт учитывания коллективных предпочтений различных стран. Он представляет собой невероятный по своему масштабу эксперимент по объединению национальных государств, ищущих прочную основу для согласования интересов и обеспечения согласия сразу в двадцати четырех областях политики. И, несмотря на все разногласия, он работает. В таком случае, почему нельзя использовать европейские традиции сотрудничества и институты не только в других региональных контекстах, но и при решении глобальных проблем? Почему Европейский Союз нельзя считать микрокосмом, лабораторией по созданию новых разновидностей межгосударственных (и не только) отношений? И разве расширение ЕС с резким увеличением различий в размерах, благосостоянии и политической системе в Союзе не служит дополнительным свидетельством в пользу огромного потенциала для расширения, которым обладает модель ЕС?

8 См.: Kalypso Nicolaidis and Robert Howse, “This Is My EU-topia: Narrative as Power,” *Journal of Common Market Studies* (October 2002); ранние дискуссии после окончания «холодной войны» см.: Christopher Hill, “Power Bloc, Civilian Model — or Flop?” in *The Evolution of an International Actor – Western Europe’s New Assertiveness*, ed. Reinhardt Rummel (Boulder, Colo.: Westview, 1990).

Европейцы любят говорить, что их континент — это микрокосм, так как если европейские национальные государства колониальной эпохи экспортировали свои внутренние конфликты, то теперь Европа стала местом, где происходит кристаллизация и решение многих мировых проблем: притока беженцев и социально-этнических противоречий, транснационального экономического неравенства между Севером и Югом, разрыва между Западом и Востоком и призывов к перераспределению и достижению справедливости вне государства, сложностей в установлении равновесия между социальными нормами и либерализацией торговли и противоречий между либеральными и консервативными ценностями в организации системы обеспечения правопорядка и правосудия. У европейцев есть не только институциональный капитал, но и глубокое знание того, какие перемены нужны миру для достижения общего блага. И они также пользуются доверием.

Возможно, такое стремление служить образцом для подражания за пределами Европы позволяет избежать опасности чрезмерного замыкания Европейского Союза на себе. Но идея «образца для подражания» излишне прямолинейна и не способна ухватить дух гражданской силы, по крайней мере, в ее утонченной версии. Такой евроморфизм вызывает неприятие как в самой Европе, так и за ее пределами. Сложно провести грань между честолюбием и высокомерием, и высокомерие вызывает особые затруднения, когда сам образец для подражания страдает от множества недостатков. Как писал Клайд Престовиц, «хорошая мифология позволяет скрыть множество грехов».[9]

И как такая идея широкого распространения европейской модели согласуется с постколониальным характером проекта ЕС? Отчасти это возможно благодаря последовательному отказу от двойных стандартов, лежавших в основе колониалистского мышления, в том числе и у таких просвещенных людей, как Алексис де Токвиль. В «Трудах об Алжире» Токвиль, глубокий мыслитель, описавший условия, необходимые для построения подлинно демократического государства по обе стороны Атлантики, оправдывал уничтожение посевов, взятие заложников и массовый террор — короче говоря, «тотальное господство» и «опустошение» — в нецивилизованных странах, хотя и признавал такие меры необходимым злом. Более века спустя Европейское экономическое сообщество стало средством не только для решения внутренней дилеммы европейской безопасности, но и для исправления — поначалу довольно скромного — постыдных исторических поступков. Европейское экономическое сообщество унаследовало постколониальную вину своих стран-членов и обеспечило институциональные условия для искупления этой вины, которые сделали его менее уязвимым для обвинений в неоколониализме, в отличие от дипломатии отдельных стран-членов. Независимо от применимости модели ЕС к остальному миру, идея распространения европейского опыта, связанного с гражданской силой, отсылает к практике

9 Clyde Prestowitz, *Rogue Nation: American Unilateralism and the Failure of Good Intentions* (New York: Basic Books, 2003).

Европейского Союза и острой необходимости последовательного соблюдения норм внутренней и внешней деятельности. Дюшене считал, что *raison d'être* Европейского экономического сообщества состоит в «как можно большей *доместикации* отношений между государствами, включая отношения между странами-членами и странами, в него не входящими. Это предполагает внесение в международные отношения сознания общей ответственности, а также создание структур договорной политики, которые в прошлом почти полностью ассоциировались с "внутренними", а не с внешними (то есть иностранными) делами». Следование одним и тем же принципам во внутренних и внешних делах можно считать основной заслугой мышления в духе гражданской силы в эпоху после окончания «холодной войны».[10]

Требование последовательности позволяет выделить сходства и глубокие различия между европейской и американской исключительностью, соответствующим осознанием своего особого положения и призвания вести человечество к лучшему будущему. Это, конечно, обычная «западная программа» распространения политической модели, независимо от того, называется ее господство «концом истории» или нет. На самом деле историки любят отмечать, что трансатлантическое соперничество между Францией и Соединенными Штатами глубоко укоренено в схожем сознании поставленной перед ними задачи — насаждении в мире политических и философских моделей, восходящих к соответствующим революциям XVIII столетия. И Соединенные Штаты, и ЕС считают себя нормативными силами, распространяющими вовне свои внутренние нормы демократии и прав человека. Несмотря на существенные различия в соответствующих разновидностях этих норм, их представлениях об отношениях государства и общества, секуляризме или приемлемых пределах институционализированного насилия, например смертной казни, можно утверждать, что такие расхождения представляют собой простые варианты основных общих убеждений.[11]

Тем не менее, соперничество двух исключительных подходов принимает различный вид. Их соответствующие основные мифы — спасение от деспотизма и спасение от национализма, тирании сверху и тирании снизу — ведут к признанию принципа господства права. Но в Соединенных Штатах речь идет о внутреннем, а в Европейском Союзе о наднациональном праве; это означает создание сдержек и противовесов между различными ветвями власти в государстве с одной стороны и между различными государствами — с другой. И если Соединенные Штаты постепенно стали федеративным государством, то Европейский Союз, по-прежнему считающийся недостаточно развитым в политическом отношении, остается федеративным союзом национальных государств.[12] На протяжении двух последних десятиле-

10 Ian Manners, "Normative Power Europe: A Contradiction in Terms?" *Journal of Common Market Studies* 40, no. 2 (2002): 235–258.

11 См. об этом: Tod Lindberg, "The Atlanticist Community," in *Beyond Paradise and Power: Europe, America, and the Future of a Troubled Partnership*, ed. Tod Lindberg (New York: Routledge, 2004).

12 См.: Kalypso Nicola dis and Robert Howse, eds., *The Federal Vision: Legitimacy and Levels of Governance in the US and the EU* (Oxford: Oxford University Press, 2001).

тий, несмотря на наличие у Соединенных Штатов и Европейского Союза серьезных предпосылок для развития «субсидиарности» и многоуровневого правления, Европейский Союз самостоятельно нашел способы достижения этого без координации со стороны централизованного государства, используя методы, которые когда-нибудь могут быть применены к глобальному правлению. Американская исключительность — это национальный проект; европейская исключительность — постнациональный.

Как некогда существовало два Канта, так и сегодня существуют два Фукуямы, и европейцы ближе к тому, который настроен пессимистически: по-прежнему сохраняется потребность во взаимном признании и раздельном существовании. Реальное сравнительное преимущество Европейского Союза заключается не столько в техническом сближении политики его членов, сколько в его способности решать разногласия, существующие между странами. В сущности, Европейский Союз означает институционализацию терпимости между государствами. Символом европейского проекта может быть помощь, взаимопомощь всех участников системы. Именно поэтому, в отличие от Соединенных Штатов, Европейский Союз заинтересован не столько в «пакетном» экспорте демократии, сколько в поиске способов оказания помощи местным участникам в определении своей судьбы, даже если они могут ее загубить. И именно поэтому, хотя Европейский Союз не может рассчитывать на соперничество с Соединенными Штатами в действенности и решительности, он вполне может превзойти их в легитимности.

АМЕРИКАНЦЫ СЧИТАЮТ СВОЙ ПРИМЕР НАСТОЛЬКО УБЕДИТЕЛЬНЫМ, ЧТО ДЛЯ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ СОЛДАТ И ОРУЖИЕ. ЕВРОПЕЙЦЫ ЖЕ СЧИТАЮТ СВОЙ ПРИМЕР НАСТОЛЬКО УБЕДИТЕЛЬНЫМ, ЧТО ДЛЯ ЕГО ПРИНЯТИЯ НЕ НУЖНЫ НИ СОЛДАТЫ, НИ ОРУЖИЕ

Здесь мы возвращаемся к старому афоризму: средство и есть сообщение (*the medium is the message*). Американцы считают свой пример настолько убедительным, что для его осуществления можно использовать солдат и оружие. Европейцы же считают свой пример настолько убедительным, что для его принятия не нужны ни солдаты, ни оружие. В конечном итоге, от него можно отмахнуться, признав следствием слабости, но сначала нужно дать оценку самой этой европейской идеи. Развитие Европейского Союза позволяет ему влиять или стремиться влиять на международные отношения. Кроме того, такое развитие позволяет ограничивать способность государств к причинению вреда. И это связано с силой. Нет никаких сомнений в том, что это полувековое предприятие приучило европейцев считать, что объединение суверенитета с другими государствами ведет не только к огра-

ничению свободы действий, но и к усилению. Тем не менее, представление о Европейском Союзе как средстве вхождения Европы в поствестфальскую эпоху, не связанную с использованием силовой политики, скорее миф, чем реальность. В Европейском Союзе сила опосредована, но не упразднена. Институты, призванные преследовать общее благо, создавались для достижения равновесия в тех случаях, когда размер бюджета страны-члена, численность населения и армии имели значительный вес. И европейской многосторонности сложно обходиться без лидера, будь то франко-германская пара, Тони Блэр или Жак Делор.

В конечном итоге, Европейский Союз — это не столько пример для подражания, сколько испытательная площадка, лаборатория, где исследуются возможности надгосударственной политики, инструменты негосударственного правления и самые передовые достижения в области долгосрочного строительства межгосударственного сообщества. С этой точки зрения, Европейский Союз является одним из наиболее крупных институциональных механизмов для мирного урегулирования разногласий из тех, что когда-либо существовали; нет никаких оснований полагать, что этот опыт полностью непригоден для остальных регионов или мирового правления.

Это не значит, что европейцы должны выказывать моральную уверенность в своем «даре» миру. На самом деле их предприятие вызывает большие моральные и политические сомнения. Ибо требование последовательности между тем, «кто мы есть», и тем, «что мы делаем», трудновыполнимо, как поняли американцы, получив 11 сентября 2001 года асимметричный ответ на свои действия за рубежом.

И европейцы далеки пока от полного принятия этой постколониальной логики. Это значит, что внутреннее развитие Европейского Союза должно руководствоваться устремлениями, которые оно стремится создать. Это также означает, что каждое внутреннее решение должно проверяться и приводиться в соответствие со всеми внешними действиями, начиная с сельскохозяйственной политики. И это означает предоставление существенного влияния в наших делах тем, кого наши действия касаются больше всего, то есть использование на практике философии взаимного вмешательства и взаимного сотрудничества с нашими партнерами во всем мире. Это означает создание в глобальной политике прецедента взаимного признания.

В конечном итоге, от нас требуется полная последовательность в отношениях с другими, когда мы переходим от наших отношений с европейскими «другими» к нашим отношениям с неевропейскими «другими». Она основывается на космополитическом убеждении, что, несмотря на различия в степени общей неопределенности, с которой нам приходится сталкиваться и бороться, не существует никакого глубокого разрыва между национальным, европейским и всемирным сообществом судьбы. И европейцы — при помощи Европейского Союза — вполне способны навсегда отказаться от отношений господства и эксплуатации с остальным миром, которые существовали на протяжении большей части европейской истории.

ГРАЖДАНСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ И УЗЫ

На сегодняшний день внешние сношения Европейского Союза (в отличие от внешних сношений его стран-членов) больше похожи на биологию воспроизводства, инфицирование и осмос, нежели на физику силы, действия и противодействия, которой придерживаются Соединенные Штаты. Последовательность требует, чтобы Европейский Союз следовал своим руководящим принципам и за пределами своих границ: интеграция, предупреждение, посредничество и убеждение. Он пытается быть более или менее последовательным.

В арсенале ЕС ведение переговоров об интеграции через свободную торговлю — наиболее предпочтительный инструмент, но оно ведет и к другим типам интеграции — между инспекторами, судьями, администрациями, политическими партиями, профсоюзами и гражданскими обществами — и начинает опираться на них. Однако интеграция также означает оказание структурной помощи более бедным регионам для возмещения ущерба, вызванного приспособлением к общему рынку. Европейский Союз схожим образом структурировал свои внешние сношения. Все еще необходимые бюджет помощи, техническая поддержка и программы нациестроительства свидетельствуют о том, что, с точки зрения граждан, государство должно выполнять широкий спектр социально-экономических и политических задач, причем не только у себя, но и за рубежом.[13] Расширение — быть может, наиболее успешный пример внешней политики ЕС — основывалось на сочетании избирательной помощи и многоуровневого партнерства с возможными новыми членами. В своем так называемом более широком соседстве Европейский Союз стремится на деле применять свою модель многоаспектной интеграции, в том числе в странах средиземноморского региона, которые оказались неспособными урегулировать палестино-израильский конфликт. Кроме того, он участвует в преференциальной торговле, которая имеет огромное политическое значение, — от Ломейских соглашений, постоянно продлеваемых с 1960-х годов, до своей последней инициативы в области свободной торговли с наименее развитыми странами «Все, кроме оружия» (и, конечно, сельскохозяйственной продукции). И его подход к интеграции рынков через взаимное признание норм и правил получил широкое распространение во всем мире во многом благодаря его собственному прозелитистскому рвению и выделению для этих целей восьми триллионов евро.

Во-вторых, подобно Организации Объединенных Наций, Европейский Союз создавался как механизм для предотвращения конфликтов. На внешнем фронте это предполагало создание невоенных средств предотвращения и сглаживания последствий конфликтов, использование дипломатии в сочетании с экономической и технической помощью в предотвращении

13 Соединенные Штаты могут тратить на оборону в четыре раза больше, чем европейцы, но европейцы (страны-члены и в целом ЕС) тратят на помощь в развитии в семь раз больше, чем Соединенные Штаты.

кризисов (поскольку самым лучшим признаком будущих конфликтов служат прошлые конфликты, последние могут считаться составляющей общей стратегии предотвращения). Невоенная составляющая оборонной политики ЕС — обеспечение правопорядка, господства права, гражданского управления и защиты граждан — представляет собой сложную попытку удовлетворения требований нациестроительства в регионах, подверженных конфликтам. Надзорные действия ЕС позволяют успешно предотвращать конфликты, независимо от того, связаны они с торговлей оружием, оружием массового поражения или отмыванием денег.

В-третьих, репутация ЕС в качестве гражданской, а не военной силы, делает его посредником в миротворческом процессе. Его притязания на беспристрастность (хотя и не всегда на нейтральность) заслуживают большего доверия, учитывая, что европейские государства зачастую оказывали поддержку различным сторонам, принимавшим участие в конфликте, в отличие от Европейского Союза, который, как принято считать, сумел преодолеть такие разногласия. Кроме того, эта репутация подкрепляется ростом влияния и доступом к принятию решений со стороны «развивающихся» неправительственных организаций в Европейском Союзе (который финансирует три тысячи таких организаций), а также утверждениями, что вмешательство за рубежом отвечает этическим требованиям и требованиям устойчивого развития. В прошлом десятилетии представители ЕС разработали новые подходы к низовым национальным процессам примирения во многих раздираемых войнами обществах от Балкан до Центральной Америки и больших озер Центральной Африки посредством финансирования создания институтов и действий неправительственных организаций в немыслимом прежде масштабе.

Наконец, с его культурой компромисса и дебатов, иногда ведущей к нерешительности, Европейский Союз стремится действовать путем убеждения. Даже во внутренних делах он все чаще использует публичные средства, а не принудительные нормы (процесс, известный как «открытый метод координации»). Точно так же во внешних делах убеждение лежит в основе конструктивного участия. Например, в последние годы Европейский Союз занимался установлением норм посредством кампаний по убеждению, используя финансовые средства для того, чтобы наделить влиянием транснациональное гражданское общество, как, например, в случае успешной кампании за отмену смертной казни.

Очевидно, что всеми этими политическими инструментами вполне могут пользоваться и другие страны. Зачастую отношения Европейского Союза с остальным миром отражают не асимметрию в силе, а космополитический этос, требующий значительных жертв во имя глобальной солидарности. При этом все более важная роль ЕС в качестве посредника и миротворца отражает представление о том, что права человека во всем мире теперь должны ставиться выше прав государств. Тем не менее, Европейский Союз уникален именно тем, что его отношения с миром построены на основе множества исторических и культурных связей различных стран-членов. Поми-

мо множества инструментов невоенной силы, притязания ЕС на роль нормативной силы могут быть избавлены от колониальных коннотаций, если основной нормой, распространяемой при помощи договорной интеграции и посредничества, станет мирное сосуществование различных групп или наций.

ГОББСОВСКИЙ МИР?

Между тем, не стоит обвинять американцев в том, что они отказываются принимать Европейский Союз всерьез, если к европейским лидерам только сейчас начало приходить понимание того, какой может и должна быть действенная европейская внешняя политика. И было бы наивно полагать, что стратегий интеграции, предотвращения, посредничества и убеждения достаточно.

В трагически реалистическом ключе Кейган утверждал, что соблюдение последовательности в том, каковы мы внутри, и тем, что мы делаем вовне, представляет собой роскошь, которой располагают лишь те, кто покинул этот гоббсовский мир, мир, в котором использование двойных стандартов, например Соединенными Штатами, — вопрос выживания. В таком мире единственный полицейский не может пользоваться одними только гражданскими средствами. Переговоры уступают место принуждению, а многосторонний подход — одностороннему. Сторонники такого подхода гордятся своим реализмом, своей способностью видеть и понимать происходящее в нем. Но европейский подход не менее реалистичен; просто он основывается на ином представлении о мире и отношении к нему.

Справедливости ради, стоит отметить, что Кейган не является приверженцем абсолютизма. Он понимает обоснованность соответствующих мировоззрений сильных и слабых держав. На самом деле американцы и европейцы расходятся в оценке характера угроз, а не только способов отношения к ним, как наивно полагают некоторые. Европейцы действительно могут недооценивать угрозы, сознавая свое бессилие избавиться от них. Европейцы склонны уделять больше внимания несостоятельным государствам, а Соединенные Штаты — государствам-изгоям. Но означает ли это, что здесь нечего обсуждать? Означает ли это, что ни одна из сторон не готова доказать обоснованность своих представлений о мире? Релятивизм Кейгана не простирается так далеко. Мир существует не только в глазах наблюдателей. В конечном счете, нужно признать, что Соединенные Штаты занимаются реальными угрозами для всех нас: «гвозди следует забивать молотком».

Существует альтернативная либерально-институционалистская точка зрения, которая не является исключительно европейской. В соответствии с ней, нынешнее американское правительство стало — в духе Шмитта — заниматься одними исключениями, то есть тем относительно небольшим числом государств, которые полностью пренебрегают нормами международного права. И хотя Ирак, Северная Корея и Зимбабве часто попадают

в заголовки газет, очевидно, что число стран, которые отказываются признавать принцип господства права, заметно сократилось после «холодной войны». Наш мир — это не гоббсовский океан, омывающий кантианский европейский остров и наполненный государствами-изгоями, стремящимися погубить цивилизованный Запад. Напротив, демократизация, пусть и несовершенная, пусть и нелиберальная (как будто демократия — это только массовые выборы!), была главным лозунгом прошлого десятилетия.[14] Многие страны в мире согласны с доводами Европы, особенно в том, что касается важности международных институтов и международного права. В отношениях с ними нужно соблюдать презумпцию невиновности. Короче говоря, в третьем тысячелетии многие в мире придерживаются буржуазной политики, политики без насилия, и по мере сил стараются следовать ей. Медленная, но верная социализация правящих элит, а также рост взаимосвязей между гражданскими обществами во всем мире, означали сосуществование зон демократии и демократического мира с зонами хронической неустойчивости. На самом деле конфликты и неустойчивость в этих зонах намного чаще бывают вызваны бездеятельностью и отчаянием, подстегиваемым хронической бедностью, безработицей и коррупцией, поэтому они в большей степени связаны с несостоятельными государствами, а не провокациями государств-изгоев. Бунт отверженных, свойственный нашей эпохе, как и многим другим, не может быть подавлен силой оружия.

Конечно, угрозы терроризма и оружия массового поражения не становятся менее реальными. С точки зрения нынешней американской администрации, эта шмиттовская сосредоточенность на исключениях оправданна, потому что наибольшую опасность для человечества сегодня представляют немногочисленные сложные случаи, которые при необходимости могут быть разрешены Соединенными Штатами при помощи силы. Очевидно, что европейцы должны открыто признать необходимость решения проблемы государств-изгоев и других гоббсовских проблем. Но их нельзя решать изолированно. Наученные собственным историческим опытом, европейцы опасаются отрицательных последствий и распространения конфликта не меньше, чем ценят положительные последствия и распространение сотрудничества. Они рассматривают возможность развития таких сценариев, как, например, в случае Ирака, когда сами наши действия способствуют расширению гоббсовских зон. Поведение с учетом того, что мы живем в гоббсовском мире, может быть самоисполняющимся пророчеством, что увеличивает вероятность его исполнения. Иногда опасения европейцев бывают неуместными, но они отнюдь не нереалистичны. Прогнозы о том, что после войны в Ираке Ближний Восток захлестнет волна насилия, оказались несостоятельными, но американцы создали почву для терроризма.

Кроме того, даже при решении проблем государств-изгоев, терроризма и оружия массового поражения гражданские инструменты имеют особое значение. Несостоятельные государства часто становятся государствами-

14 Закария Ф. *Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами*. М., 2004.

изгоями, когда к власти в них приходят диктаторы, и они вновь становятся несостоятельными государствами после падения диктатуры. Как показывает ситуация в послевоенном Ираке, для переустройства общества одной военной силы недостаточно. И здесь опыт Европейского Союза, создания широких федераций и концепции ограниченного суверенитета, совершенствовавшиеся теми же государствами, которые четыреста лет тому назад изобрели суверенитет, может оказаться полезным в реконструкции проблемных стран и регионов.

В этом споре подозрения в ложном сознании могут быть перенесены на Соединенные Штаты. Не переоценивают ли американцы (или по крайней мере кое-кто в Соединенных Штатах) новую террористическую угрозу и гоббсовские черты мира вследствие утраты (после окончания «холодной войны») своего «другого», который был необходим для их собственного единства? Не недооценивают ли они действенность международных институтов вследствие того, что классический внешний суверенитет — это единственный коллективный вопрос, относительно которого они могут достичь согласия? Как получается, что преследование моральных норм не противоречит американским экономическим и геостратегическим интересам? Мир действительно может выглядеть по-разному, если смотреть на него сквозь призму силы или слабости, но силой не купить ясность взора.

МИР ДЕЙСТВИТЕЛЬНО МОЖЕТ ВЫГЛЯДЕТЬ ПО-РАЗНОМУ, ЕСЛИ СМОТРЕТЬ НА НЕГО СКВОЗЬ ПРИЗМУ СИЛЫ ИЛИ СЛАБОСТИ, НО СИЛОЙ НЕ КУПИТЬ ЯСНОСТЬ ВЗОРА

ОТ ВОЕННОЙ СИЛЫ К СИЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

По-прежнему остается вопрос: когда европейцы настаивают на ведении войны? Их версия может отличаться от американской версии гоббсовского мира. Но войны в Югославии и за ее пределами в прошлом десятилетии служили явным напоминанием о гоббсовских проявлениях, которые Европейский Союз не может игнорировать. В результате, окончание «холодной войны» привело к глубокому переосмыслению идеи невоенной силы, которое сделало ее предельно гибкой и двусмысленной и вдохнуло в нее вторую жизнь.

Здесь, как и везде, не следует преувеличивать перемены. Отдельные страны-члены, например Франция, Великобритания или Греция, никогда не отказывались от военной силы, которая была им по плечу. Постколониальное эхо — в Африке и на Ближнем Востоке — привело к сохранению торговли оружием и военным соглашениям со странами во всем мире, включая даже Германию. В прошлом десятилетии оборонный истэблишмент в европейских столицах стремился использовать вооруженные силы во время

гуманитарных операций в несостоятельных государствах наподобие Сьерра-Леоне или Кот-д'Ивуара. И он поддержал американский курс на борьбу с терроризмом, как показало обращение к пятой статье Устава НАТО после 11 сентября.

По-настоящему *новой* задачей для европейцев сегодня является общий проект после окончания «холодной войны», основной лозунг ЕС. Европейский Союз придерживается иной логики, чем страны-члены, даже если она является результатом взаимодействия между ними. Во время «холодной войны» Европа была тесно связана с Соединенными Штатами, обеспечивавшими спокойствие в регионе. Канализируя существующие разногласия между странами-членами (как правило, Франции со всеми остальными) относительно степени, в которой Европа должна довольствоваться ролью второй скрипки в отношениях с Соединенными Штатами, она повышала предсказуемость внешней политики стран-членов, обеспечивая не только европейские, но и трансатлантические связи. Однако мы подошли к историческому моменту, когда эта логика полностью переворачивается, и именно существование Европейского Союза делает перспективу Европы как автономной силы вполне возможным решением. Новое конституционное соглашение Европы — еще один небольшой шаг в этом направлении. И как на все это должен смотреть Вашингтон?

Конечно, отсутствие в Европе единого мнения относительно необходимости предоставления ЕС возможности защищать себя без помощи НАТО — европейская пятая статья — обусловлено не только тем, что большинство европейских правительств по-прежнему считает, что Соединенные Штаты остаются и должны оставаться европейской силой, но и тем, что непосредственные угрозы территории европейских государств кажутся слишком отдаленными. В то же самое время многие политические силы в Европе (даже формально нейтральные страны-члены) призывают к большей самостоятельности в том, что касается военных вмешательств во всем мире, — и такую точку зрения разделяет большинство в европейском общественном мнении. На самом деле с 2003 года Европейский Союз начал самостоятельно предпринимать — пусть и не очень удачные — силовые действия, о чем свидетельствует присутствие в Македонии и Конго.

Поэтому еще более важным, чем вопрос о том, каким образом более широкая гражданская миссия Европейского Союза может ограничить способность государств причинять вред другим, восходящая к истории первой половины XX столетия, может оказаться вопрос о совместимости этой миссии с использованием силы в XXI веке. И этот вопрос стал особенно острым в отношениях Европы и Соединенных Штатов после событий 11 сентября.

Очевидно, что пока европейцы не пришли к коллективному ответу и вряд ли придут к нему в ближайшее время. Тем не менее, сами споры не сводятся к старым разговорам об автономии и необходимости противодействия новым сторонникам Соединенных Штатов в Европе. Большинство поляков, поддержавших Соединенные Штаты в войне в Ираке, приветствовало бы создание европейской оборонной политики, учитывая, что многие

европейцы выступают против войны из пацифистских, а не антиамериканских соображений.

Возможно, наиболее важный раскол в Европе сегодня проходит между теми, кто предан невоенной силе и с подозрением относится к любому европейскому военному вмешательству, не связанному с обеспечением мира, и теми европейскими элитами, особенно в Британии и Франции, которые отталкиваются от зарождающейся сегодня общей политики безопасности и считают, что Европейский Союз не должен ограничиваться невоенной силой: *l'Europe puissance* или сильная Европа. Что касается последней, то, по Кейгану, невоенная сила была всего лишь «вторым лучшим», и Европейский Союз должен теперь научиться вести себя как военная держава и увеличивать мощь своих стран-членов, причем независимо от того, направлена она на дополнение и сдерживание (Великобритания) или на уравновешивание (Франция) американской силы.

Нет ли третьего пути? Может ли возросшая военная сила быть совместимой с невоенной силой? На самом деле создание серьезной военной силы едва ли возможно без возникновения некой коллективной исключительной идентичности, иерархии власти и единого централизованного руководства, то есть всего того, чего европейский проект до сих пор старательно избегал. Европа никогда не была и не собиралась становиться единым государством. Но многие в Европе до сих пор смешивают свое *exigence d'Europe* с такой целью. В этом отношении нынешние конституционные шаги по созданию должности президента Европейского Союза свидетельствуют о стремлении повторить национальную модель в европейском масштабе и поместить на ее вершину *directoire* больших государств в духе де Голля: стремление, вызывающее беспокойство у малых стран Европейского Союза, а также у тех из нас, кто отстаивает особый, негосударственный характер союза.[15]

И все же, во многом подстегиваемые расколом в Европе по Ираку, все стороны в споре признали необходимость попытки создания сегодня общей стратегии ЕС в качестве ответа на ежегодную «Стратегию национальной безопасности» Соединенных Штатов. «Будучи союзом 25 государств с населением, превышающим 450 миллионов человек и обеспечивающим четверть мирового ВВП, — говорилось в первом тексте стратегии безопасности ЕС, — Европейский Союз неизбежно должен быть глобальным участником... он должен быть готовым разделить ответственность за безопасность в мире» и заняться основными угрозами нашей эпохи, а именно — «терроризмом», быстрым распространением оружия массового поражения, региональных конфликтов, несостоятельных государств и организованной преступности. Хотя в конечном варианте упоминание о «упреждающих действиях» было заменено более умеренным словосочетанием «превентивные действия», новая стратегия свидетельствовала о явной неготовности ЕС отказаться

15 См.: Nicolaidis and Weatherill, *Whose Europe: National Models and the EU Constitution* (Oxford, 2003). Хавьер Солана, отвечающий за внешнюю политику ЕС, следовал инициативе греческого президента. Текст — в его первоначальной версии, был одобрен главами европейских государств в июне 2003 года.

от силового вмешательства. В документе отстаивалось расширение задач ЕС в дополнение к задачам Петерсберга (поддержание мира и реконструкция), включая «совместные действия по разоружению, поддержку третьих стран в борьбе с терроризмом и реформу безопасности в более широком контексте создания институтов».

Наиболее важным оказывается отсутствие «военных целей» или военных задач *per se* у сегодняшних европейцев. Вместо этого военная сила должна использоваться для увеличения способности международного сообщества преследовать гражданские цели, как в случае с Косово, когда все остальные средства уже использованы. Именно это имеют в виду европейцы, говоря о силе как о «последнем средстве». Европейские разногласия по Ираку стали отражением различных представлений среди европейских наций об американской силе. Они также стали отражением различных представлений о том, когда можно переходить к «последнему средству»: были ли использованы все остальные средства? Если война — единственное оставшееся средство, то в чем состоит цель? Не будет ли более легитимным сделать такое вмешательство гуманитарным, даже если в международном праве пока отсутствуют соответствующие нормы?

Одни из нас никогда не смогут примириться с тем фактом, что другие участники спора не считали войну с Ираком по-настоящему вынужденным решением. Тем не менее, уроки из этого кризиса будут извлекаться и дальше по мере проявления последствий этой войны. Насколько трансатлантическое сближение может быть связано с использованием силы? Могут ли две стороны согласиться с тем, что использование военных средств оправданно, когда (для европейцев) и если и только если (для американцев) они представляют собой единственный способ создания пространства для значительного невоенного присутствия и преследования целей, разделяемых местным и международным сообществом, и что решение о применении этого последнего средства должно приниматься международным сообществом для того, чтобы обеспечить его независимость от узких геополитических или экономических интересов?[16] ЕС должен строго следить за выполнением основного условия, от соблюдения которого Соединенные Штаты отказались в случае с Ираком: согласие Соединенных Штатов с ограничением влияния в обмен на легитимацию.

И даже если бы американцы признали невозможность ведения «освободительной» войны и установления мира в одиночку, европейцы и дальше стали бы бороться за изменение мира без смены режима, несмотря на страдания жителей Ирака. Были ли европейцы правы, выводя бескомпромиссную антивоенную позицию из вполне разумной идеи, что демократия не может быть навязана силой, а должна вырасти «снизу»? Или, напро-

16 Интересным вариантом было бы создание объединения демократических государств, которое занималось бы рассмотрением точек зрения относительно легитимности использования силы против тиранического правительства или обращалось бы в Гаагу, причем не для замены, а для поддержки ООН. См.: Stanely Hoffman, *L'Amerique vraiment Imperiale? Entretiens sur le vif avec Frederic Bozo* (Paris: Audibert, 2003).

тив, война создавала возможность для возникновения демократии и господства права? Так или иначе право — и даже обязанность — вмешательства слишком важны, чтобы можно было ограничиваться пусть даже весьма обоснованным недоверием американским мотивам.

Но если для европейцев важно не применение силы *per se*, а его законность с точки зрения международного права, то они должны сделать что-то с правом, а не с силой. И в этом смысле сочетание прав человека и органов безопасности Организации Объединенных Наций, признающее необходимость использования силы в обстоятельствах, которые нельзя было предусмотреть в 1945 году, станет важным пунктом в будущей глобальной повестке дня для Европы. На самом деле европейцы должны открыто выступить за полный пересмотр вестфальских принципов суверенитета под эгидой ООН, наподобие того, что был произведен ими самими под эгидой Европейского Союза. Но согласятся ли американцы с институционализацией идеи ограниченного суверенитета, которую они всегда считали неприемлемой для себя? И обратится ли международное сообщество к этой повестке дня? Европейскому Союзу придется бороться за это в одиночку.

ЕВРОПЕЙЦЫ ДОЛЖНЫ ОТКРЫТО ВЫСТУПИТЬ ЗА ПОЛНЫЙ ПЕРЕСМОТР ВЕСТФАЛЬСКИХ ПРИНЦИПОВ СУВЕРЕНИТЕТА ПОД ЭГИДОЙ ООН, НАПОДОБИЕ ТОГО, ЧТО БЫЛ ПРОИЗВЕДЕН ИМИ САМИМИ ПОД ЭГИДОЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В сущности, такая перспектива вряд ли удовлетворит европейцев. Многостороннего вмешательства недостаточно для того, чтобы можно было назвать его неимперским. В этом и состоит основной вопрос. Чтобы быть по-настоящему антиколониальными, европейцы должны поддерживать симметричные отношения, созданные вмешательством — военным или финансовым, — и систематически очищать такое вмешательство от элементов господства. Чтобы европейский ответ на американский либеральный империализм стал силой освобождения, цель которой состоит в том, чтобы позволить народам, проживающим за пределами Европы, самостоятельно строить свою судьбу, она должна определить (или переопределить) силу как способность оказывать помощь другим.

И вновь наиболее глубокий раскол между европейцами и американцами связан не с ограничениями на использование силы, а с обладанием ею. Сегодня точно так же, как европейцы соглашаются с американской оценкой серьезных угроз, американское правительство перешло к объявлению плана дальнейших действий после преодоления угроз. Европейцы спрашивают: является ли это путь, которым можно достичь согласия относительно общей ответственности за глобальную безопасность? Разве выход из Договора о запрещении испытаний ядерного оружия, Договора по противоракетной обороне или Договора о нераспространении ядерных воору-

жений — это лучшее средство, которое позволяет избежать возобновления гонки вооружений? Трансатлантическое сообщество безопасности, олицетворяемое НАТО, по-прежнему должно служить основой мирового порядка. Но, с точки зрения европейцев, его основы расшатывает не их желание некой скромной автономии, а американское настаивание на своем особом положении.

ЖИТЬ С РАЗЛИЧИЯМИ

Вопреки заявлениям многих американцев, сделанным после начала войны в Ираке, европейцы не забыли Вторую мировую войну. Но, с точки зрения неамериканцев, существует разница между справедливой силой эпохи Рузвельта и самоуверенной силой Джорджа Буша-младшего. По крайней мере, администрация Клинтона прекрасно понимала важность стиля, риторики и соответствующих процедур. Не менее важны и справедливые указания исполненных благих намерений либералов по обе стороны Атлантики на общие ценности и интересы, позволяющие продолжить трансатлантическое сотрудничество по всем направлениям. Но европейская история невоенной силы также показывает, что различия между Европой и Соединенными Штатами необходимо старательно сглаживать и смягчать, чтобы ответить на вызовы, которые возникнут перед нами в последующие десятилетия.

В географическом отношении нельзя недооценивать глобальное воздействие постоянно расширяющейся зоны мира и процветания в Европейском Союзе. Европейский Союз не должен ограничиваться локальной ролью: и Соединенные Штаты, и Европейский Союз — это глобальные участники с региональными стратегиями. И перспектива членства Турции в ЕС служит наиболее явным свидетельством того, что Европейский Союз — это мировой партнер, который не станет отвергать мусульманский мир как «другого» Европы. И Европейский Союз, граничащий с Ираком и Россией, не может не играть важной роли в обеспечении порядка в мире. Кроме того, для народов, проживающих на побережье Средиземного моря, весьма полезно создание объединения стран средиземноморского бассейна при условии сохранения решающей роли Соединенных Штатов в поддержании мира на Ближнем Востоке в непосредственном будущем.

В функциональном отношении европейцы прилагают усилия для реконструкции и стабилизации, когда Соединенные Штаты отказываются заниматься этим. Практика «плохой полицейский — хороший полицейский» может быть действенной, поскольку она способна завоевать сердца и умы. Между ними вполне возможно своеобразное разделение труда: американцы занимаются «пыльной» работой, а европейцы — «уборкой». При благоприятном исходе Соединенные Штаты могут создать достойных получателей конструктивной помощи от Европы. При неблагоприятном исходе они создадут еще больше противников, порывы которых придется сдерживать Европейскому Союзу.

Очень важно, что Соединенные Штаты и Европейский Союз имеют также различные временные горизонты. Европейцы — черепахи, американцы — зайцы. Длительный временной горизонт — сравнительное преимущество Европейского Союза, и продолжительные превентивные действия представляют собой его ответ на американскую стратегию упреждающего удара. В отличие от несдержанных американцев, европейцы очень терпеливы (на Ближнем Востоке признают, что именно долгосрочное присутствие европейцев подготовило почву для Четырехстороннего комитета и американской публичной дипломатии). Поскольку степень успеха в области предотвращения оценить невозможно, эта стратегия вряд ли получит большую поддержку. Точно также микроучастие и помощь, требующие владения детальным локальным знанием, кажутся непривлекательными и сложными. Но менее демократичный Европейский Союз может позволить себе медленное, но верное продвижение к поставленной цели. Действие его механизмов зависит не от краткосрочных избирательных циклов во всем союзе, а от долгосрочного следования невоенной логике. И поскольку Европейский Союз с течением времени становится все более ответственным, европейское общественное мнение может остаться более терпеливым.

Что означают такие различия? Каково их политическое значение? Возможно, при решении этих вопросов лучше занять внешнюю точку зрения. Тогда при взгляде на остальной мир трансатлантический раскол покажется чем-то совсем незначительным.

Конечно, никакого единого «остального мира» не существует. Но разумно предположить, что большинство стран знает, какими бы они *не* хотели видеть американо-европейские отношения: всеобъемлющее соперничество или западная гегемония. Острое и продолжительное соперничество между ними привело бы к глобальной нестабильности. Оно ослабило бы влияние международных организаций — прежде всего, ООН, — которые Соединенные Штаты перестали бы принимать в расчет. И если дело касается конкретных проблем, большинство стран выражает недовольство, когда их просят занять ту или иную сторону, как в случае с Международным уголовным судом.

Ничего привлекательного для развивающегося мира нет и в «западной гегемонии», наступившей с расцветом неолиберализма. Совокупная экономическая мощь этих двух сторон уже превосходит остальной мир. И хотя Соединенные Штаты способны обойтись без ЕС в военных вопросах, укрепление последнего имеет большое значение для НАТО. Перспектива американо-европейского «сближения» на основе исключительных трансатлантических экономических соглашений или отстранения ООН от роли глобального полицейского силами НАТО ведет к созданию мира, полностью отвечающего «западным» интересам.

Европейская стратегия должна исходить из императива избегания этих двух ловушек: разрушительного соперничества и гегемонистского высокомерия. Но многообразие проблем и соответствующих действий делает невозможной выработку волшебной формулы, содержащей такую среднюю

стратегию. Вероятно, европейская стратегия, которая неизбежно возникнет в ближайшем будущем, будет колебаться между двумя полюсами европейской стратегии — назовем это шизофренией, амбивалентностью или просто дифференциацией. С одной стороны, наше давнее трансатлантическое партнерство будет основываться на многоаспектном разделении труда между двумя сторонами, опирающемся на наши сильные стороны и наклонности. С другой стороны, Европейский Союз должен стать альтернативой Соединенным Штатам со своими особыми методами, политическими заботами, приоритетами и подходами к созданию друзей и врагов. Он должен стать параллельным, а не противостоящим Соединенным Штатам «портом захода». В лучшем случае такая альтернатива обеспечит знания и ресурсы для осуществления альтернативных подходов к социальному, экономическому и политическому управлению, как это имеет место сегодня в случае со спорами о генетически модифицированных продуктах во Всемирной торговой организации. Европейскому Союзу выгоднее выступать не в качестве самостоятельной силы, а в качестве вмешивающейся стороны, глобального партнера и «исчезающего посредника».

Вряд ли можно сомневаться, что две эти стратегии продолжат существовать в Европе наряду с соблазнами соперничества и западной гегемонии. Они будут сосуществовать не только потому, что некоторые государства тяготеют к той или иной крайности, или потому, что на самом деле выбор между ними будет зависеть от конкретных проблем, а сам акцент в немалой степени зависит от позиции Соединенных Штатов. Во всяком случае участники, которые формируют роль Европейского Союза в мире, далеки от того, чтобы четко озвучить суть этой «европейской альтернативы», глобальной роли для ЕС, направленной не на воспроизводство традиционных параметров силы. И здесь европейцы должны отталкиваться не от американских оценок, а от своей способности следовать избранному курсу в мире, независимо от того, нравится это или нет американской гегемонии. Не менее важна и поддержка ценностей плюрализма и многосторонности в современном мировом порядке.

Тем не менее, американцы, увлеченные идеей нового американского века, на сей раз предполагающего осуществление неограниченной глобальной силы, могут на время остановиться и задуматься о хитрости своих европейских союзников. Что если новое трансатлантическое разделение труда основывается на той же логике, что и американское присутствие в Европе во время «холодной войны»: формирование надгосударственных институтов правления и правосудия под американским «зонтиком» безопасности, но теперь уже за пределами Европы? То есть речь идет о превращении — сознательном или нет — нового американского либерального империализма в инструмент распространения европейской модели в остальном мире: пока Соединенные Штаты занимаются изгоями на окраинах системы, Европейский Союз постепенно становится альтернативной силой, относясь ко многим своим партнерам как к равным и обсуждая с ними все детали глобального правления во Всемирной торговой организации, Совете Безопасности

ООН или Международном уголовном суде. К счастью, даже самые мессиански настроенные европейцы не готовы озвучить такой сценарий!

Более прагматичным будет простое утверждение, что, если они смогут научиться жить со своими различиями, использовать свою взаимозависимость и улаживать разногласия, Соединенные Штаты и Европейский Союз только выиграют от этого. Политикам в Соединенных Штатах следует не хулить, а благодарить своих европейских коллег за то, что они не пошли по американскому пути после окончания «холодной войны». Американцев и европейцев не должен удивлять иракский кризис. И нет ничего необычного в том, чтобы иметь различные мировоззрения. Если американцы пали жертвой привлекательности силы, то европейцы должны будут и дальше выбирать Венеру или силу привлекательности.

Перевод с английского Артема Смирнова

Фиона ХИЛЛ

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ

НЕФТЬ, ГАЗ И ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ[1]

ВВЕДЕНИЕ

Россия возвращается на стратегическую и экономическую карту мира. Будучи одной из самых богатых энергоресурсами стран мира, Россия с 1999 года извлекла огромную пользу от сочетания международной обеспокоенности энергетической безопасностью, нестабильности на Ближнем Востоке и резкого роста цены на нефть. Она вернула себе важное место на мировых рынках энергоресурсов, которое она занимала в 1970–1980-х годах, когда СССР, а не Саудовская Аравия, был основной нефтедобывающей державой в мире. В результате Россия превратилась из несуществующей больше военной (хотя по-прежнему ядерной) сверхдержавы в новую энергетическую сверхдержаву. Российская экономика также сделала резкий рывок вперед на волне высоких цен на нефть и увеличила добычу нефти.[2] Хотя она может по-прежнему находиться в «низшей лиге» наряду с бразильской и мексиканской экономиками, ее энергетические ресурсы, по-видимому, позволят ей в будущем вырваться в «высшую лигу», особенно если цены на нефть останутся высокими. [3]

Поразительный рост экономики с 1999 года привел к изменению характера и формы осуществления российской силы. Хотя Россия сохранила мно-

1 Fiona Hill, *Energy Empire: Oil, Gas, and Russia's Revival*. London, UK: The Foreign Policy Centre, 2004.

2 В 2003 году реальный рост российского ВВП составил 7,3 %, а в 1999–2003 годах среднегодовой рост ВВП составлял 6,7 %. Правительство с гордостью заявляло о накопленных за четыре года значительных бюджетных излишках, равных 2,4 % ВВП. Кроме того, в 2003 году активное сальдо торгового баланса достигло 11 %, а в феврале 2004 года резервы превысили 86 миллиардов долларов.

3 В 2003 году, по данным аналитической службы журнала *Economist* ('Country Report: Russia', June 2004), объем российского ВВП составил 433,5 миллиардов долларов, вплотную приблизившись к бразильскому (492 миллиарда долларов). Хотя в 2003 году по паритету покупательной способности российский ВВП на душу населения составлял 8 280 долларов по сравнению с 9 220 долларов в Мексике, общий российский ВВП был меньше мексиканского (626,1 миллиарда долларов) на 44 % (см. отчеты *EIU Viewswire* по соответствующим странам).

гие признаки «жесткой» силы, включая ядерное оружие и обычную массовую армию, а теперь восстанавливает позиции СССР на рынках энергетического сырья, она больше не является сверхдержавой в старом смысле слова. Новые доходы от продажи сырья не пошли на увеличение военных расходов или восстановление оборонной промышленности России в ущерб остальным секторам, как это было в советскую эпоху.[4] Нефтяное богатство превратилось в «масло» вместо «пушек».

ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

С 2000 года Россия постепенно начала отделяться от старого советского подхода, придававшего особое значение поддержанию и развертыванию военной мощи для обеспечения своего геополитического положения. В своей региональной политике Москва пошла в направлении наращивания, а затем и использования своих экономических ресурсов для установления более прочных связей с сопредельными государствами. Наряду с ростом российской экономики, сохранение русского языка как регионального *lingua franca* — языка торговли, работы и образования — для многих государств бывшего Советского Союза, множество новых российских потребительских товаров и бурное распространение популярной культуры при помощи спутникового телевидения, киноиндустрии, рок-музыки, российских популярных романов и возрождение выдающихся достижений российской художественной традиции — все это сделало Россию сегодня более привлекательным государством для жителей региона, чем в 1990-х годах. За последние несколько лет Россия стала миграционным «магнитом» для Евразии. Миллионы людей наводнили Москву, Санкт-Петербург и другие российские города: они приехали в них с Кавказа и из Средней Азии в поисках работы и лучшей жизни.

В настоящее время, несмотря на войну в Чечне, постоянные противоречия с Грузией на Кавказе и недавнюю демонстрацию силы в спорах по вопросу о Керченском проливе с Украиной, ни одно региональное государство не рассматривает всерьез возможность российского военного вторжения. Вместо Красной Армии силами проникновения России на Украину, Кавказ и Среднюю Азию теперь являются российский природный газ и гигантская газовая монополия Газпром, российское электричество и огромная энергетическая компания РАО ЕЭС, а также российская культура и потребительские товары. Газпром — основной поставщик газа в евразийские государства, и он смог восстановить свои позиции на рынках, наподобие грузинского, на которые

4 Рост оборонных расходов в течение последних двух лет был направлен главным образом на решение важных и прежде оставлявшихся без внимания задач — таких, как повышение заработной платы и улучшение жизненных условий — особенно жилищных — для военнослужащих; развитие военного образования и подготовки специалистов; сокращение численности вооруженных сил и покрытие расходов на новые пенсии для военных; а также поддержка научных и опытно-конструкторских разработок новых систем вооружения. Из-за высоких издержек, связанных с переходом к современной, полностью добровольной и профессиональной армии, Россия по-прежнему сохраняет призыв в вооруженные силы, унаследованный от Советского Союза.

в конце 1990-х годов вышли другие компании. РАО ЕЭС точно так же расширило свои рынки, особенно на Кавказе и в Средней Азии, где приватизация энергетики проводилась при участии иностранных инвесторов.[5] Частные компании, наподобие российской Вимм-Билль-Данн, установили господство на региональных рынках молочных продуктов и фруктовых соков. В 2002 году совокупные инвестиции России в Белоруссии, Молдове, Армении, на Украине и в Казахстане составили почти 1 миллиард долларов. При этом с января по сентябрь 2003 года российский товарооборот с соседними странами СНГ вырос почти на 30 % по сравнению с тем же периодом 2002 года, причем экспорт намного превысил импорт. Как сказал глава РАО ЕЭС Анатолий Чубайс в своем интервью российским журналистам в конце 2003 года, «российский бизнес уверенно перешагивает через границы». Россия может быть не в состоянии соперничать с Соединенными Штатами по характеру и глобальному охвату «мягкой силы». Гарвардский профессор Джозеф Най говорит об этом в своей новой работе, посвященной меняющемуся характеру государственной силы, исходящей из трех источников: «культуры [государства] (там, где она привлекательна для других), его политических ценностей (там, где действуют в соответствии с ними — у себя в стране и за рубежом) и его внешней политики (там, где она легитимна и имеет моральный авторитет)».[6] Но Россия стоит на пути к восстановлению мягкой силы, которой обладал СССР в сфере своего непосредственного влияния.[7] Это возрождение становится все более очевидным для осторожных наблюдателей в Евразии.

Если приток мигрантов продолжится, если российские инвестиции в соседних государствах будут расти и дальше, если молодежь в регионе и дальше будет смотреть российское телевидение и фильмы, покупать российские компьютерные программы, CD и DVD и другие потребительские товары, и особенно если жесткая рука Москвы будет устранена из внешней политики, а вместо нее начнет действовать рука торговли, Россия сможет установить в Евразии такое экономическое и культурное господство, которым обладают Соединенные Штаты в обеих Америках. Однако для того, чтобы использовать ресурсы мягкой силы в созидательной политике, требуется определен-

5 Например, летом 2003 года РАО ЕЭС выкупило 75 % электросети грузинской столицы Тбилиси и электростанции у американского инвестора AES, установив контроль над электроэнергетической системой Грузии. Тогда же ЕЭС получило от Армении Севан-Разданский каскад гидроэлектростанций и Разданскую тепловую электростанцию в обмен на долги за ядерное топливо. Позднее компания приобрела акции и получила право на управление атомной электростанцией Армении, а также разрешение на производство и продажу электроэнергии в этой стране.

6 Joseph Nye, *Soft Power: The Means to Success in World Politics* (New York: Public Affairs, 2004), p. 11.

7 Най также отмечает в своем введении, что «некогда Советский Союз обладал значительной мягкой силой... Советская мягкая сила слабела, несмотря на рост экономических и военных ресурсов. Из-за своей грубой политики жесткая сила Советского Союза на самом деле подкосила его мягкую силу» (p. 9). Най рассматривает объем и упадок мягкой силы СССР в третьей главе своей книги и отмечает, что: «Закрытая система, отсутствие привлекательной популярной культуры и жесткая внешняя политика означали, что Советский Союз никогда не был серьезным соперником Соединенным Штатам в мягкой силе во времена “холодной войны”» (p. 75).

ный навык, свидетельством чему служит нынешняя неспособность США извлечь выгоду из своей бесспорной мягкой силы и нарастание антиамериканских настроений в мире.[8] И, конечно, нельзя быть уверенными в том, что растущая мягкая сила России окажет положительное влияние.

ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СЕКТОРА

Положительные сдвиги наметились в 1999–2000 годах с выходом российской экономики из кризиса. Всемирный банк и другие наблюдатели обычно называют множество ключевых факторов в стимулировании российского экономического роста после краха 1998 года: исправление относительных цен и падение реального валютного курса, которое привело к замещению импорта и создало стимулы для внутренних производителей потребительских и промышленных товаров; сокращение реальной заработной платы и недостаточная загрузка производительного капитала и рабочей силы в результате спада в российской промышленности в 1990-х годах; и ряд реформ, проведенных правительством после кризиса, которые привели к повышению эффективности и реструктуризации промышленности. Однако наиболее важным фактором из всех было повышение мировых цен на сырую нефть с примерно 10 долларов за баррель в декабре 1998 года (со среднегодовой ценой в 11,8 доллара в 1998 году) до почти 33 долларов за баррель в сентябре 2000 года. Это обеспечило основной приток средств в экономику страны.

Высокие цены на нефть также были важным фактором в восстановлении нефтедобывающей промышленности в России, которая пострадала от краха СССР и вступила в длительный период спада в 1990-х годах. После 1993 года в отрасли постепенно произошел передел и была проведена частичная приватизация. Было создано множество вертикально интегрированных нефтяных компаний, каждая из которых занималась разведкой, добычей, переработкой, распределением и продажей нефти, причем одни из них существовали на региональной основе, а другие сохранили статус государственной собственности. Приватизация и передел нефтедобывающей отрасли сделали возможным вхождение в этот сектор новых экономических игроков. Десятилетие было отмечено появлением новых российских нефтяных баронов или «олигархов», наподобие Михаила Ходорковского (ЮКОС) и Романа Абрамовича (Сибнефть). Они не были связаны с прежней советской нефтедобывающей промышленностью, но у них были доступ к финансовому капиталу частных банков, которыми они владели и которые они контролировали, и тесные связи с российским правительством.

На протяжении большей части 1990-х годов новые энергетические олигархи в России вели свою деятельность таким образом, чтобы сократить налоговые отчисления государству и вывести значительную часть капитала

8 Joseph Nye, 'The Decline of America's Soft Power', *Foreign Affairs*, Volume 83, Issue 3, May/June 2004.

в оффшоры, поскольку добыча нефти в России во многом была нерентабельным занятием. В 1990–1995 годах внутренний спрос на нефть упал более чем на 40 % вследствие сокращения энергоемкой обрабатывающей промышленности и огромных расходов на нефть для вооруженных сил, унаследованных от советской эпохи. Это привело к перенасыщению внутреннего рынка. Экспорт нефти был ограничен пропускной способностью советской системы трубопроводов. Реальную прибыль приносила только переработка. В период с 1988 по 1998 год добыча нефти в России снизилась почти на 50 % с более чем 11 миллионов до примерно 6 миллионов баррелей в день, что в значительной степени было обусловлено резким сокращением бурения и незначительными инвестициями (или полным отсутствием таковых) в новые месторождения или в технологии для увеличения отдачи истощенных месторождений. Стимулов для того, чтобы добывать больше и лучше, почти не было.

Неожиданный приток средств от роста мировых цен на нефть в по сути застойную отрасль изменил основную структуру стимулов. Повышение цен на нефть привело к увеличению доходов компаний без роста добычи, а девальвация рубля в 1998 году заметно снизила стоимость затрат в долларовом выражении (в том числе и на рабочую силу) для российских производителей. После 1999 года низкая стоимость затрат и высокие цены на нефть оказались выигрышным сочетанием. Таким образом, у российских нефтяных компаний появился внутренний капитал для повышения эффективности добычи без вливания новых внешних инвестиций. У новых нефтяных баронов появились причины для реструктуризации и улучшения управления своими активами. Вновь начали эксплуатироваться неиспользуемые скважины, было закуплено новое оборудование, заработали новые технологии. К концу 2001 года российская добыча нефти выросла почти на миллион баррелей в день и составила более 7 миллионов баррелей в день. Для увеличения экспортных возможностей на запланированные 12 % была создана новая инфраструктура, в том числе Балтийская трубопроводная система и новый нефтяной терминал в Приморске на Финском заливе. Разрабатывались планы дальнейшего расширения экспортной сети. К 2004 году российская добыча нефти выросла до 9 миллионов баррелей в день со среднесрочным потенциалом для роста по крайней мере до 11 миллионов баррелей в день (приближаясь к самому высокому уровню добычи советской эпохи) и экспортом, превышающим 4 миллиона баррелей в день.

Экспортные возможности России выросли не только благодаря новым трубопроводам и портам, но и благодаря тому, что внутренний спрос на нефть оставался низким вследствие длительного спада в тяжелой промышленности. В отличие от российского газа, лишь треть которого идет на экспорт, почти половина добытой в России нефти доступна для экспорта. Большая часть российского газа используется для производства электроэнергии, отопления домов и в промышленных нуждах. Если нефть обеспечила приток средств из-за рубежа, то газ сохранил российскую экономику на плаву внутри страны, послужив средством для развития отечественной промышленности и домашних хозяйств. В отличие от нефтедобывающей отрасли, газовый

сектор не был разделен в 1990-х годах и по-прежнему управляется монополией Газпрома с преобладанием государства, экспортные доходы которого также выросли после повышения цен на энергоносители.

Высокие цены на нефть и резкий рост добычи нефти в России после 1999 года были чрезвычайно полезны для российского федерального бюджета. Природные ресурсы составляют около 80 % российского экспорта, а нефть и газ составляют 55 % всего экспорта, что делает бюджет особенно зависимым от энергетического сектора. 37 % доходов бюджета обеспечиваются за счет налогов на нефть и газ. Недавнее исследование, проведенное Всемирным банком и МВФ, показало, что увеличение стоимости барреля нефти марки Urals повышает доходы федерального бюджета на целых 0,35 % ВВП. Нефтяной сектор обеспечивал 80 % всех государственных доходов в 1999–2001 годах. В то же самое время изменение мировых цен на нефть обеспечивало 60–75 % доходов от продажи нефти в 1998–2001 годах.

Короче говоря, в результате резкого взлета цен на нефть и возрождения российской энергетической отрасли экономическое благосостояние России заметно улучшилось. И вместе с экономическим ростом у России внезапно появилось нечто большее, что она могла предложить своим соседям, чем угрожающий кулак. Постепенно она стала более привлекательной страной, с которой можно было вести дела.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ — РАСПРОСТРАНЕНИЕ РОССИЙСКОГО ВЛИЯНИЯ ВОВНЕ

Недавние события в соседних с Россией странах показывают, что Москва может получить большее влияние в приоритетных областях, используя ресурсы мягкой, а не жесткой силы и превратить Россию в экономический магнит для стран СНГ. Например, в июне 2004 года Москве удалось преодолеть негативные тенденции в отношениях с двумя ключевыми странами Средней Азии — Таджикистаном и Узбекистаном. В случае Таджикистана правительство в Душанбе требовало вывода из республики российских войск с баз, оставшихся с советских времен, и российских пограничников, находившихся на границе с Афганистаном. Несмотря на бряцание оружием, обеим сторонам довольно быстро удалось достичь взаимоприемлемого соглашения. Россия отстояла свои войска и военные сооружения, включая собственность стратегического центра космической разведки, в обмен на прощение части долга Таджикистана России и инвестиции в энергетику (которые также позволят РАО ЕЭС, в конечном итоге, получить в собственность гидроэлектростанцию). Наиболее важным для Таджикистана было соглашение о въезде трудовых мигрантов в Россию.[9]

9 По оценкам, в 2003 году денежные переводы от таджикских трудовых мигрантов в России составили примерно 1,2 миллиарда долларов, сумма, намного превышающая общие доходы государственного бюджета, а по данным Международной организации миграции (МОМ), более 600.000 таджикских мигрантов (почти 10 % таджикского населения) в настоящее время живут в России.

С Узбекистаном Россия подписала новое соглашение о стратегическом партнерстве. Тем самым был положен конец десятилетию отдаления ташкентского правительства от Москвы — отчасти из-за плохих личных отношений между прежним российским президентом Борисом Ельциным и узбекским президентом Исламом Каримовым — и налаживания более тесных политических и экономических связей с Соединенными Штатами. В новом соглашении особое внимание придавалось не только военным вопросам, включая решение о вооружении и обучении Москвой узбекских военных, но и масштабным проектам прихода Газпрома, Роснефти, Лукойла и других российских компаний в узбекский энергетический сектор. Лукойл, например, пообещал инвестировать один миллиард долларов в один из газовых проектов. Реверансы Ташкента перед Москвой за несколько недель до заключения соглашения отчасти были вызваны ухудшением отношений с Соединенными Штатами вследствие нарушений прав человека и неготовности Узбекистана провести экономическую либерализацию. Но все же основным фактором была привлекательность огромного объема потенциального инвестиционного капитала российского энергетического сектора.

Соглашение с Таджикистаном, заключенное в июне 2004 года, особенно важно, потому что оно свидетельствует о растущем значении миграции и трудовых мигрантов в российской экономике и в отношениях России со своими соседями. Россия теперь является для жителей региона полюсом притяжения, а не отталкивания, каким она была в 1990-х годах. Российский экономический рост с 1999 года означал увеличение числа потребителей и новые рабочие места в сфере обслуживания и других секторах для мигрантов, а также для русских. За последние пять лет миллионы экономических мигрантов, не только из Таджикистана, но и из других стран Средней Азии, прибыли в Россию в поисках работы.[10] Региональные предприниматели и торговые компании начали выводить свои товары на российские рынки. Они признали Россию основным развивающимся рынком после того, как ее потребительский рынок вырос почти на треть с 1999 по 2003 год и составил 280 миллиардов долларов.

Но движение идет в обоих направлениях. Рост в странах СНГ и расширение торговли в СНГ способствует развитию производства и стимулирует российскую экономику, поскольку растет спрос на экспортные российские товары, удобрения и химикалии, не производимые в сопредельных странах. Иммигранты из СНГ заполняют растущие ниши в наиболее низкооплачиваемых секторах российской сферы услуг, сельского хозяйства и строительства, поскольку продолжающийся демографический спад в России вызыва-

10 Согласно недавнему исследованию Международной организации труда (МОТ), в настоящее время число нелегальных трудовых мигрантов, главным образом из стран СНГ, в России превысило 3,5 миллиона человек (что составляет почти 5 % рабочей силы). По вполне правдоподобным оценкам других аналитиков, число иммигрантов достигает 6 миллионов человек. Более низкие цифры соответствуют показателям нелегальной иммиграции в Соединенных Штатах.

ет долгосрочную нехватку в рабочей силе. Наконец, в результате широкого экономического взаимодействия последних пяти лет русский язык вновь превратился в региональный *lingua franca* и актив для тех, кто не является этническими русскими, облегчающий получение работы в России. Русский язык перестал восприниматься в качестве инструмента прежнего имперского доминирования и политического давления, как это было в 1990-х. Все это означает, что даже традиционно неровные региональные отношения с государствами, наподобие Грузии, с расширением российского рынка могут меняться. Большинство грузинских трудовых мигрантов и так уже едет в Россию. Денежные переводы от этих мигрантов играют ключевую роль в обеспечении существования грузинского населения и, по расчетам Международной организации миграции (МОМ), могут составлять до 20 % грузинского ВВП. Россия также является основным рынком для потребительских товаров грузинских компаний, например, ведущей компании по производству минеральной воды «Боржоми», которая является основным экспортером потребительских товаров из Грузии, одним из основных работодателей и основным источником долларовых поступлений в Грузию.

Решившись на невероятный поступок, новый грузинский президент Михаил Саакашвили 1 июня 2004 года назначил одного из крупных российских бизнесменов Каху Бендукидзе — этнического грузина, но давнего жителя России — своим министром экономики. Саакашвили поручил Бендукидзе проведение программы радикальных экономических реформ с привлечением большого объема инвестиций российского бизнеса в Грузию. Этот шаг не только признавал «близость» и «экономическую мощь» России, как отметил ведущий грузинский политический аналитик Александр Рондели, но и означал, что Грузия готова была вести дела с Россией и более тесно сотрудничать, если в двусторонних отношениях торговля и взаимная экономическая выгода станут важнее споров о безопасности.

Во многих отношениях благодаря ограничению приоритетов своей внешней политики пределами СНГ Россия оказалась сегодня в более благоприятном положении, чем Советский Союз, с точки зрения использования ресурсов мягкой силы для достижения положительных результатов. Отчасти привлекательность связей с СССР для некоторых членов советского блока — Кубы, Афганистана, стран Ближнего Востока и Африки — объяснялась его торговым потенциалом, инфраструктурными субсидиями, технической помощью и программами обучения в советских университетах. Но возможность переброски вооружений и неприятие советской военной мощи всегда отодвигали такие выгоды на второй план. Сегодня в СНГ Россия может сосредоточить большее внимание на культурных, языковых и других связях, которые сохранились в регионе с советской эпохи, и опереться на них. Но, в конечном итоге, способность России влиять на положение в Евразии зависит от энергоресурсов. Способность России использования ресурсов мягкой силы и расширение ее экономического и политического влияния напрямую связаны с ее нефтяными богатствами. Рост доходов от высоких цен на нефть и газ с 1999 года способствовал экономическому росту России,

позволил провести некоторые важные реформы и стать «новой Россией» у себя в стране и за рубежом, причем не только в пределах СНГ. Нефть и газ сделали Россию важной силой на сегодняшней глобальной сцене.

ВАЖНАЯ СИЛА: РОССИЯ И ГЛОБАЛЬНАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В настоящее время российский энергетический сектор представляет государственные интересы России во всем мире. Российское правительство оказывает помощь российским энергетическим компаниям в выходе на международную арену. С 1999 года присутствие Газпрома и нефтяных компаний, наподобие Лукойла, стало особенно заметным в регионах, имеющих стратегическую важность для России, в том числе на Ближнем Востоке, соседних государствах Восточной Европы и в Соединенных Штатах, где появились бензоколонки Лукойла — около 2000 по всей стране, в том числе в Вашингтоне, округ Колумбия, — что стало совершенно новым опытом для американских потребителей, незнакомых с российскими продуктами. Россия — основной поставщик энергоресурсов для Европы. Например, в 2001 году российский газ составлял более 20 % западноевропейского газового рынка, а российская нефть — около 16 % потребления нефти Европейского Союза, причем Россия планировала серьезно увеличить экспорт нефти и газа в Европу. Россия заняла серьезные позиции на Востоке, в Китае и Японии, после почти полной утраты политического и экономического влияния в азиатско-тихоокеанском регионе в 1990-х годах. Огромный китайский спрос на энергоресурсы ведет к новому соперничеству между Китаем и Японией за доступ к региональным запасам нефти и за экспортные трассы трубопровода от российских месторождений нефти и газа в Восточной Сибири.

Большая часть нынешней российской добычи нефти и газа осуществляется в Западной Сибири вдали от экспортных маршрутов в Восточной Азии. Но открытие в 1990-х годах богатых нефтяных и газовых месторождений на острове Сахалин вблизи от побережья Китая и Японии и перспективы разработки потенциально богатых месторождений в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке заставили обратить внимание на этот регион и на азиатские экспортные рынки. Китай обсуждал с Россией строительство экспортного трубопровода из Ангарска вдоль озера Байкал к китайскому нефтеперерабатывающему комплексу в Дацине, который в будущем станет снабжать сибирской нефтью промышленные районы северо-востока Китая. Со своей стороны, Япония предложила альтернативу — более длинный и более дорогой трубопровод от Байкала через Дальний Восток к Находке на тихоокеанском побережье России для перевозки нефти танкерами в японские порты. И Китай, и Япония заявили о готовности покрыть часть расходов на строительство этих трубопроводов. Несмотря на проведение анализа экономической целесообразности для трубопровода Ангарск-Дацин, никаких решений относительно экспортной трассы трубопровода российским правительством принято не было, что отчасти было обусловле-

но сомнениями насчет оптимизации экспортных позиций России в Восточной Азии. И хотя трасса трубопровода Ангарск-Дацин позволила бы обойтись без дополнительного (и дорогостоящего) крюка к тихоокеанскому побережью России, она превратила бы Китай в монополистического покупателя восточносибирской нефти, чего Москве хотелось бы избежать. Хотя маршрут Ангарск – Находка позволил бы России экспортировать нефть помимо Японии и другим государствам более широкого тихоокеанского региона, для его строительства потребовались бы высокие политические и материальные затраты со стороны России и Японии.

Принимая во внимание озабоченность энергетической безопасностью и увеличение спроса растущих экономик Азии, будущие перспективы России в энергетике кажутся в высшей степени многообещающими. Благодаря росту добычи нефти с 1999 года Россия теперь является главным мировым поставщиком нефти, не входящим в ОПЕК и не имеющим отношения к Ближнему Востоку и Персидскому заливу. Как отметил Питер Дэвис, ведущий экономист British Petroleum, в своем выступлении в июне 2004 года о перспективах развития энергетической отрасли в мире, благодаря своему быстрому росту в добыче нефти в 1998–2003 годах «Россия в одиночку обеспечивает 46 % *мирового* роста потребления нефти... и 23 % растущего китайского потребления... У России имеется материальная база и потенциал для увеличения добычи и экспорта нефти и газа, чтобы удовлетворить значительную долю растущего мирового спроса... Россия способна обеспечить – и обеспечит – значительную часть растущих энергетических потребностей Азии».[11]

Подобные выводы и готовность России бросить вызов решению ОПЕК ограничить добычу и экспорт в конце 2001 года превратили Россию в 2002–2003 годах в новую большую надежду западной энергетики в деле диверсификации американских и мировых поставок нефти, не связанных с Ближним Востоком и Персидским заливом. Американские политики и наблюдатели называли Россию «отдельным слагаемым энергетического уравнения» и «следующей после Хьюстона глобальной энергетической столицей». В статье ведущего американского журнала *Foreign Affairs* за 2002 год два специалиста в области энергетики даже сказали, что Россия может вскоре вытеснить Саудовскую Аравию и ОПЕК на нефтяных рынках в США, Европе и Азии.[12] И крупные международные нефтяные компании, наподобие Shell, ExxonMobil, BP и Chevron, занялись расширением инвестиций в российский энергетический сектор и созданием новых предприятий. В конце мая 2002 года во время встречи на высшем уровне в Москве США и Россия объявили о начале стратегического энергетического диалога о выводе б*о*льших объемов российской нефти на мировые рынки и расширении коммерческого сотрудничества в энергетическом секторе. Крупные российские нефтяные компании, наподобие ЮКОСа, утверждали, что при ожидаемом росте про-

11 Peter Davies, Energy in Focus: 2004 BP Statistical Review of World Energy', presentation, Washington, DC, June 17, 2004.

12 Edward L. Morse and James Richard, 'The Battle for Energy Dominance', *Foreign Affairs*, Volume 81, Number 2, March/April 2002, pp. 16–31.

изводства Россия способна была в конечном итоге обеспечить Соединенным Штатам 1 миллион баррелей в день, то есть значительную долю американского потребления нефти, составляющего 20 миллионов баррелей в день.[13]

К сожалению, такие громкие заявления в разговорах об энергетическом потенциале России, как правило, опережают реальность. Даже с запланированным через какое-то время ростом добычи Россия не может надеяться на вытеснение ОПЕК или Ближнего Востока в глобальных расчетах нефтяных поставок или замещение Саудовской Аравии в качестве главного поставщика нефти в мире. Международных инвесторов и потенциальных партнеров в российских энергетических проектах также заставили задуматься серьезные изменения, произошедшие в российской энергетической отрасли в 2003–2004 годах. Речь идет об аресте, заключении под стражу и суде над главой ЮКОСа Михаилом Ходорковским и некоторыми его партнерами по обвинению в уклонении от уплаты налогов; проверке соблюдения ЮКОСом условий лицензий на разработку ключевых месторождений нефти и его возможном распаде на несколько менее крупных компаний вследствие споров о налогах; а также законодательных изменениях в соглашениях о разделе продукции для иностранных нефтяных компаний, работающих в России; и аннулировании в январе 2004 года важного для ExxonMobil тендера по разработке одного из сахалинских месторождений. Все это свидетельствует о стремлении российского государства вернуть контроль и преобладание в нефтедобывающей промышленности и ее доходах и о пересмотре им роли частного сектора — отечественного и иностранного — в будущем российской энергетики.

АМЕРИКАНСКИЕ ПОЛИТИКИ И НАБЛЮДАТЕЛИ НАЗЫВАЛИ РОССИЮ «ОТДЕЛЬНЫМ СЛАГАЕМЫМ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО УРАВНЕНИЯ» И «СЛЕДУЮЩЕЙ ПОСЛЕ ХЬЮСТОНА ГЛОБАЛЬНОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СТОЛИЦЕЙ»

Даже с такими проблемами и неясным будущим частного сектора в энергетической промышленности Россия кажется намного более надежным производителем и поставщиком нефти, чем Ближний Восток, учитывая растущую нестабильность и опасения насчет серьезного перерыва в поставках из Саудовской Аравии и Персидского залива вследствие возможной катастрофической террористической атаки. Поэтому кажется неизбежным, что

13 В настоящее время американские закупки нефти из России очень невелики — всего лишь около 1–2 % общего импорта (в зависимости от того, включаются продукты переработки в общий объем поставок вместе с сырой нефтью или нет). Импорт сырой нефти в США из России сопоставим с долей американского импорта из Анголы. Значительная доля российского экспорта нефти — намного больше 80 % — идет в Европу, включая страны-члены ЕС и восточно-европейские страны бывшего советского блока. Подробнее об американском импорте см.: *2004 BP Statistical Review of World Energy*.

США и другие ведущие импортеры нефти искали способы включения России в свои расчеты, связанные с энергетической безопасностью, и пытались сделать так, чтобы на мировой рынок поступало все больше российской нефти. Хотя Россия не способна конкурировать с Саудовской Аравией с точки зрения общих запасов нефти или возможностей добычи, в своем энергетическом уравнении она может предложить не только нефть.

БУДУЩЕЕ В ГАЗЕ

Через двадцать лет реальный энергетический потенциал России может быть сосредоточен не в нефти, а в газе. Растущий спрос на энергоресурсы в Азии, особенно в стационарном производстве электроэнергии ведет к увеличению спроса на природный газ. Китай прилагает особые усилия для перехода от угля к газу, учитывая значительный ущерб, причиняемый китайский городам сжиганием угля. Китай, Япония и соседняя Южная Корея будут удовлетворять свои потребности в энергоресурсах посредством увеличения спроса на газ для ослабления зависимости от ближневосточной нефти. В ответ произойдут перемены на мировых газовых рынках. Газ теперь составляет более 20 % мирового потребления энергии, а к 2020 году, по прогнозам, составит 30 % мирового потребления энергии.[14] Энергетический сектор во многих странах по-прежнему нуждается в серьезных структурных изменениях и масштабном развитии инфраструктуры для перехода к большему потреблению газа, но продажи газа растут в глобальном, а не только в локальном масштабе. Более четверти газа, потребляемого глобально, пересекает международные границы либо по трубопроводам, либо в сжиженном виде.

В частности, сжиженный газ и его транспортировка за границу представляет собой важный долгосрочный потенциал для России, включая экспорт в Соединенные Штаты. Россия опережает Саудовскую Аравию и другие страны, занимающиеся добычей энергоресурсов, в газе. Ее газовые запасы составляют треть разведанных мировых запасов, намного превосходя запасы любой другой страны. И Газпром как компания единолично держит 25 % мировых запасов газа. Благодаря Газпрому Россия уже является ведущим экспортером газа в мире. При сохранении нынешних тенденций в потреблении газа в Европе Россия станет главным, если не единственным, поставщиком газа в Европу в последующие десятилетия. Россия лучше подготовлена для экспансии на будущие азиатские рынки в природном газе, чем в нефти. Контракты по поставкам сжиженного газа уже заключены для сахалинского газа. И Китай, и Южная Корея ведут переговоры о строительстве газопровода из Иркутска на озеро Байкал с российско-британским совместным предприятием ТНК-ВР, которое вместе с Газпромом разрабатывает крупное месторождение газа Ковытка. Начинается новая эпоха российского газа.

14 *2004 BP Statistical Review of World Energy*. См. также о растущем значении газа в мировом потреблении энергии: Daniel Yergin and Michael Stoppard, 'The Next Prize', *Foreign Affairs*, Volume 82, Number 6, November / December 2003.

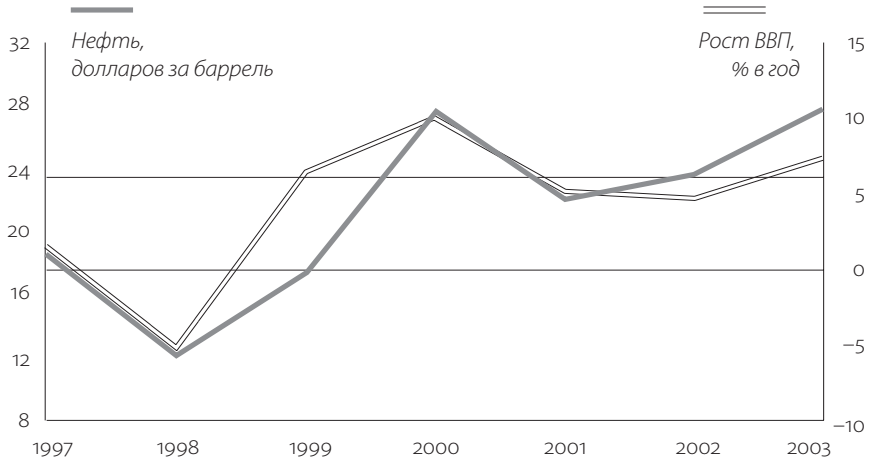
ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ НЕФТИ

Хотя будущий энергетический потенциал России остается значительным, нынешние высокие цены на нефть таят в себе серьезную опасность, которая может проявиться в будущем. Российская экономика не так здорова, как может показаться на первый взгляд, и некоторые ее слабости могут, в конечном итоге, подорвать способность России извлекать выгоду из своих новых ресурсов мягкой силы. Хотя российские энергетические компании реструктуризировались, повысили свою эффективность и благополучно вышли из цикла нефтяного спада, российское государство реструктуризировалось в обратном направлении. Оно стало *больше* зависеть от цен на нефть, чем прежде. При пристальном рассмотрении экономического роста России с 1997 года обнаруживается четкая корреляция между экономическим ростом и повышением мировых цен на нефть.

Это особенно опасно, потому что мировые цены на нефть в настоящее время намного превышают «нормальные», а нефть является товаром, который подчиняется хорошо описанным циклам взлетов и падений. На протяжении нескольких десятилетий средняя мировая цена на нефть составляла около 18 долларов за баррель. После 1999 года Россия привыкла ценовому режиму, намного превышающему этот уровень. При средней цене прирост ВВП мог бы быть незначительным или отсутствовать вовсе, а при значительном снижении цен мог бы даже начаться резкий спад. В 1998 году падение мировых цен на нефть до почти 10 долларов за баррель совпало с самым глубоким экономическим кризисом в России и крахом рубля.

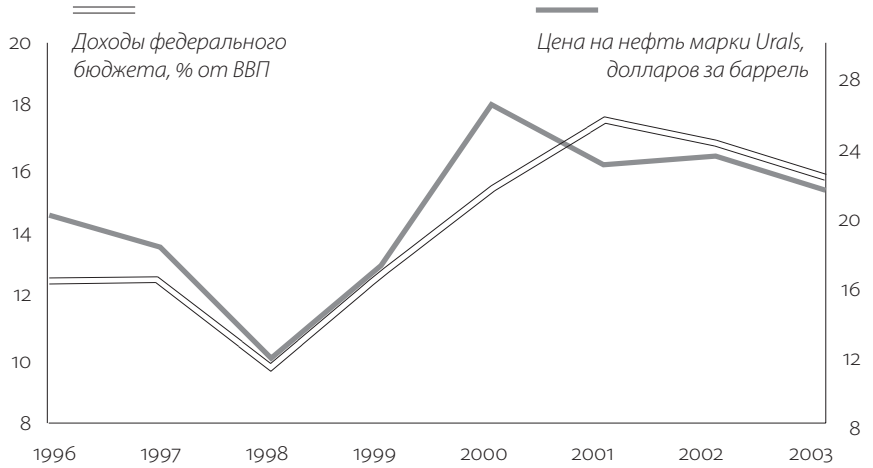
Как уже отмечалось, российский федеральный бюджет также испытывает серьезные затруднения. Доходы бюджета росли и падали вместе с мировыми ценами на нефть. Российское правительство может теперь иметь очень зна-

Рост мировых цен на нефть
и российский экономический рост, 1997–2003 гг.



чительные бюджетные излишки после десятилетия огромного дефицита, но, по расчетам Квона Гухуна из МВФ, чувствительность российского бюджета к ценам на нефть выросла в пять раз по сравнению с 1998–1999 годами.[15] Ведущие российские экономисты признают, что основной задачей российского правительства будет поиск способов смягчения таких нефтяных «ударов» для экономики и бюджета. В марте 2004 года путинский министр экономики Герман Греф заявил президенту, что, по его оценкам, три четверти роста российского ВВП зависели от высокого уровня мировых цен на нефть. Он отметил, что при падении цен произойдет и снижение роста ВВП. Греф предупредил, что для стимулирования других секторов экономики у России может оказаться слишком мало времени. Однако Путин не согласился с пессимизмом Грефа. Он ответил, что цены на нефть вряд ли снизятся в обозримом будущем, и подчеркнул, что стимулировать развитие промышленности и рост потребительского рынка в России должна налоговая реформа, а не крупная реструктуризация секторов.[16]

Доходы федерального бюджета и цены на нефть



ИЗЪЯТИЕ ГОСУДАРСТВОМ ДОХОДОВ ОТ ПРОДАЖИ НЕФТИ

Во многих отношениях связь роста ВВП и доходов бюджета с высокими мировыми ценами на энергоресурсы свидетельствует о значительном успехе российского правительства. Самым большим достижением Владимира Путина с 2000 года можно считать обеспечение максимально возможного поступления доходов от высоких цен на нефть в государственную казну, а не в руки

15 Goohoon Kwon, 'The Budgetary Impact of Oil Prices in Russia'. График предоставлен Клиффордом Гэдди, Институт Брукингса, 2004 год.

16 Григорьева Е. Оптимист Путин и пессимист Греф // Известия. 20 марта 2004 года.

олигархов. До 2000 года дело обстояло иначе. Сверхприбыль от высоких цен на нефть оставалась у олигархов, наподобие Михаила Ходорковского из ЮКОСа и Романа Абрамовича из Сибнефти. Они накопили ошеломительные личные состояния и повысили стоимость своих компаний, отыскивая лазейки для уклонения от налогов, манипулируя отпускными ценами (включая создание ряда оффшорных торговых компаний для покупки нефти по низкой цене у производителей и перепродажи ее через посредников) и используя другие методы. По подсчетам аналитиков, только ЮКОСу и Ходорковскому удалось укрыть 5 миллиардов долларов доходов, и российское правительство требует от ЮКОСа выплаты 3,4 миллиарда долларов налоговой задолженности за один только 2000 год.

Он также пытался проложить частные трубопроводы, которые позволили бы обойтись без находящейся под контролем государства системы экспортных трубопроводов для газа и нефти. Ходорковский и ЮКОС открыто вели переговоры с китайским правительством о строительстве трубопровода от Ангарска до Дацина. И он обсуждал с американскими чиновниками строительство нового трубопровода к порту Мурманска, который облегчил бы экспорт добытой ЮКОСом нефти в Соединенные Штаты. ЮКОС также открыто и громко заявлял о поставках сырой нефти в порт Хьюстон в Соединенных Штатах летом 2002 года, чтобы показать, что он способен удовлетворить в будущем потребности Соединенных Штатов в энергоресурсах. А в 2003 году Ходорковский заявил о готовности продать значительную часть ЮКОСа американскому гиганту ExxonMobil, что значительно увеличило стоимость акций ЮКОСа и его личное состояние.

Путину, в конечном итоге, удалось справиться с этой тенденцией и вернуть доходы от нефти государству благодаря жесткой фискальной политике, принуждению российских энергетических олигархов размещать заказы на оборудование в важных отечественных отраслях и поддерживать ключевые, но оставшиеся без финансовой поддержки области российской науки, благодаря прямому давлению на них, как в случае расследования против Ходорковского и ЮКОСа. Вслед за арестом Ходорковского в октябре 2003 года российское правительство перешло к новому этапу реформы налогообложения российского бизнеса, особенно в энергетическом секторе. По предложению правительства, российские нефтяные налоги были подняты и приведены в соответствие с мировыми ценами на нефть. В качестве составляющей нового пакета реформ российский министр финансов Алексей Кудрин также предложил поднять дивидендный налог на доходы от продажи нефти.

Еще одним важным элементом стратегии российского правительства по изъятию доходов от продажи нефти по высоким ценам было создание финансового стабилизационного фонда за счет налогов от экспорта сырой нефти марки Urals по ценам, превышавшим 20 долларов за баррель.[17] Фонд должен защитить федеральный бюджет от колебаний цены на нефть, создав

17 Подробнее об этом фонде и его создании см.: *OECD Economic Survey of the Russian Federation 2004,* 'The Challenge of Sustaining Growth', pp. 4–5 (Box 1.5), http://www.oecd.org.

запас, покрывающий текущие расходы российского правительства по внутреннему и внешнему долгу и выплате процентов, а также социальным обязательствам, при падении цены на нефть ниже 20 долларов за баррель. Российское руководство теперь утверждает, что оно подготовило российский бюджет и, следовательно, экономику к будущему циклу падения цен на нефть, накопив достаточно средств, чтобы пережить 2–3 года низких цен на нефть. Однако в случае снижения цен на нефть российскому правительству придется заняться не только покрытием внешнего долга и социальных обязательств. Влияние цены на нефть на остальную экономику сильно недооценивается как российскими экономистами, так и многими западными аналитиками.

ВЛИЯНИЕ ЦЕНЫ НА НЕФТЬ

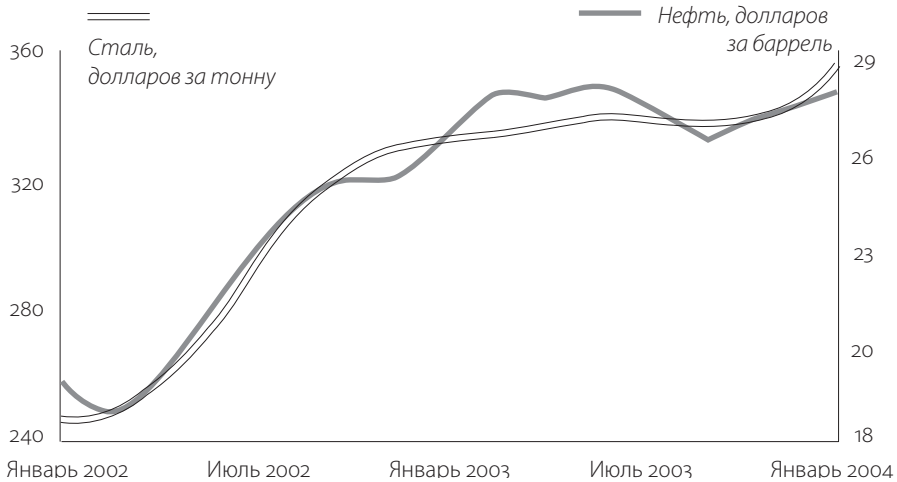
Результаты недавних исследований, проведенных несколькими организациями (Всемирный банк, МВФ, экономист Клиффорд Гэдди из Института Брукингса и Пека Сутела из Института экономик переходного периода Банка Финляндии), показывают, что рост производственного сектора и сферы услуг в России может быть напрямую связан с высокими ценами на нефть. Вместо нисходящего влияния нефти на остальную российскую экономику, произошел огромный приток средств, приведший к буму в строительстве, производстве и транспорте. Рост в российском машиностроении и обрабатывающей промышленности, например, связан с ростом производства железнодорожных вагонов (и в России, и в богатом нефтью соседнем Казахстане) для перевозки возросшей добычи нефти на рынки в Европе и Азии (в том числе и в Китай). Строительство новых экспортных трубопроводов неспособно было удовлетворить экспортные потребности. Рост производства в строительстве и оборонной промышленности также отвечал потребностям нефтяного и газового секторов.

В каком-то смысле можно даже утверждать, что вся российская промышленность попала в зависимость от цен на нефть. Некоторые важные сектора промышленности, несвязанные с нефтью, в настоящее время работают так, словно они тоже испытывают влияние цены на нефть. Одним из факторов, вызвавших к жизни этот феномен, является Китай и его быстрое экономическое развитие. Китай поглощает огромные объемы основных товаров (в том числе нефть, газ, уголь, сталь, металлолом и древесину), что ведет к росту цен на них. Мировые цены на сталь, например, отражают рост мировых цен на нефть. Россия — крупный производитель и экспортер стали, металлолома и древесины в Китай, и рост китайского спроса принес огромную прибыль российской экономике.

РОСТ ПЕРЕКОСОВ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

К сожалению, выгода для российской экономики была распределена неравномерно. Влияние цен на нефть на производство продукции только углубило уже существовавший в российской экономике разрыв между про-

Мировые цены на нефть и сталь, 2002–2004 гг.
(6-месячные скользящие средние)



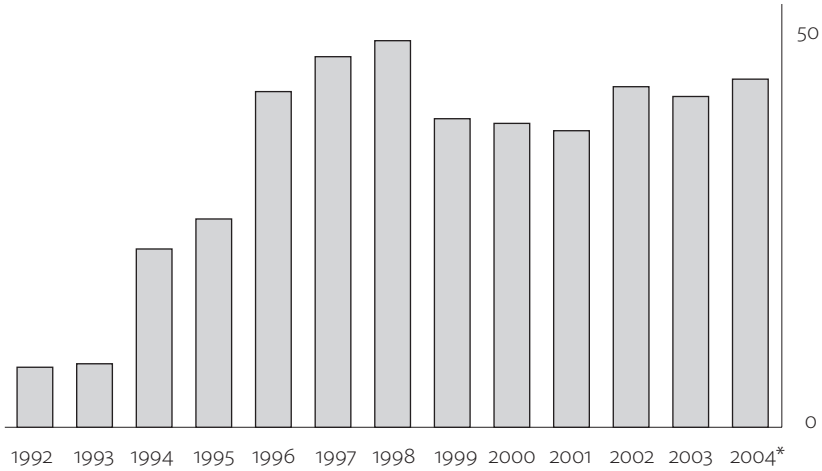
мышленностью, ориентированной на внутренний рынок, и промышленностью, ориентированной на экспорт. В экспортных отраслях, как правило, господствуют олигархи; они связаны с ресурсами и высокими заработками, но они создают только ограниченное число рабочих мест. Например, в 2002 году в нефтяном секторе, по данным Всемирного банка, был занят только 1 % общей численности российских рабочих.[18] Сейчас растет разрыв между теми отраслями, которые могут извлекать выгоду от притока средств, связанного с высокими ценами на нефть и энергетическим сектором, и теми, которые этого делать не могут. В какой-то степени этот разрыв является секторальным, но во многих отношениях он также является региональным.

Предприятия, связанные с нефтяной промышленностью в регионах, где производится добыча энергоресурсов, извлекали пользу из личных связей на высоком уровне и контактов между директорами предприятий и энергетическими баронами. И предприятия, считавшиеся стратегически или социально значимыми (крупные оборонные или градообразующие предприятия), также получали заказы от энергетического сектора под давлением центрального правительства. Там, где такие связи и соображения отсутствовали, значительная часть российской обрабатывающей промышленности, не связанной с производством товаров на экспорт и машиностроением, жила не так хорошо. Высокий процент предприятий — около 40 % в 2001–2003 годах — работал в убыток, а многие заводы до сих пор используют бартер.

Помимо некоторых отраслей тяжелой промышленности, наподобие машиностроения/вагоностроения, и промышленности, производящей товары на экспорт, ключевым показателем здоровья российской экономики и важным

18 The World Bank, From Transition to Development, p. 68.

Процент работающих в убыток промышленных предприятий в России, 1992–2004 гг.



* данные за первый квартал

признаком более широкого роста многие аналитики называли рост потребительских расходов. В последние четыре года потребительские расходы росли экспоненциально, особенно начальные уровни потребления.[19] Но это опять-таки в значительной степени вызвано ростом мировых цен на нефть и последующим притоком средств в российскую экономику и бюджет. Как отметил в своем докладе о российской экономике в марте 2004 года экономист Клиффорд Гэдди из Института Брукингса, факторы, наподобие инвестиций и потребления, «не являются независимыми двигателями [российского] бума. Они являются всего лишь приводными ремнями или конвейерными лентами, которые передают импульс цены на нефть экономике в целом».[20]

Еще одна проблема, которую необходимо иметь в виду при рассмотрении потребительских расходов в России, состоит в том, что, как и в США и Великобритании, расходы у людей здесь высоки, а уровень сбережений — мал. Поскольку значительная доля расходов все еще покрывается российским правительством, российские потребители склонны тратить все имеющиеся у них наличные средства. Тот факт, что российское правительство имеет от нефтяных доходов достаточно средств, чтобы платить заработную плату

19 Об этом см.: Patricia Kranz and Jason Bush, 'Putin's Game. Westerners Think the Russian President is Turning Back the Clock. The Reality is Much More Complicated', *BusinessWeek*, June 7, 2004. Авторы рассматривают рост в России расходов на товары, наподобие мобильных телефонов, билетов в кино, ноутбуков и иномарок, а также экспансию международных розничных торговцев, наподобие шведской фирмы Ikea, занимающейся производством и продажей мебели, во всей Российской Федерации.

20 Clifford Gaddy, 'It's All Oil', выступление на брифинге в Американском институте предпринимательства, посвященном российским президентским выборам, «Еще четыре года Путина?», Вашингтон, округ Колумбия, 15 марта 2004 года.

бюджетникам и пенсии, продолжать субсидировать жилищно-коммунальное хозяйство и общественный транспорт, побуждает людей тратить больше, чем они могли бы при иных обстоятельствах. В то же время предложенные реформы в будущем могут изменить существующие модели расходования средств. Уровень потребительских расходов в России не столь высок, если рассматривать его с точки зрения более развитой потребительской экономики, где распространено использование кредитных карт и закладных, но он по-прежнему имеет значительный потенциал для роста сферы услуг, если не произойдет резкого падения цены на нефть.

Однако, как и в случае обрабатывающих отраслей в России, потребительская картина неоднородна. Не все в России охвачены потребительской лихорадкой, и недавние опросы показали, что большинство тратит б*о*льшую часть своих доходов на покупку продуктов питания. Различия в уровне жизни в России выросли, особенно на региональном уровне. Меньше чем за поколение российские граждане перешли от ситуации почти полного равенства — немногочисленная верхушка коммунистической партии, конечно, была равнее других — к ситуации растущего неравенства. Хотя жизнь во всей России заметно улучшилась, Москва намного опережает остальную Россию с точки зрения экономического роста, уровня жизни, возможностей получения образования и работы, строительства нового жилья и даже продолжительности жизни (особенно для мужчин). В этом отношении картина в регионах, наподобие Карелии, находящейся на границе с Финляндией, Урала, Северного Кавказа и огромных пространств Сибири, кажется особенно безрадостной.

В случае сокращения российского бюджета и прекращения субсидий жителям самых отсталых областей различия в уровне жизни и неравенство заметно усилились бы.

На 10 из 89 регионов России приходится более половины российской экономики. Помимо Москвы, самыми богатыми регионами с точки зрения валового регионального продукта на душу населения являются регионы, связанные с добычей нефти или производством других товаров на экспорт. Как сообщается в недавнем российском исследовании региональных различий, несмотря на то, что в двух богатейших регионах России — богатой нефтью Тюмени и Москве — проживает менее 10 % населения, на них теперь приходится почти треть ВВП. У простых жителей России есть серьезные подозрения, что реформы социального сектора, проводимые правительством, — окажутся нежизнеспособными в случае падения цены на нефть и последующего сокращения доходов центрального правительства.

ПАДЕНИЕ ЦЕН НА НЕФТЬ И ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТРУДНОСТИ

Если учитывать возможность будущего снижения цены на нефть (хотя сейчас, с нестабильностью на Ближнем Востоке и долгосрочным ростом спроса в Китае и Азии, это кажется маловероятным), перспективы российской экономики могут оказаться весьма скромными. Нам есть от чего отталкиваться при рассмотрении этого потенциального будущего. В начале пер-

вого президентского срока Путина на короткий период с октября 2001 года по март 2002 года цены упали до 15 долларов за баррель. Реформы во многих регионах пошли медленнее. На Урале и в Сибири выросла экономическая и политическая напряженность. Российские промышленные компании, которые за год до этого были прибыльными, заявили об убытках вследствие отмененных заказов от нефтяного и газового секторов.

К счастью для Путина и для российской экономики, с марта 2002 года мировые цены на нефть вновь пошли вверх. С тех пор высокие цены на нефть и бюджетные излишки облегчили российскому правительству реструктуризацию экономики и проведение трудных реформ, поставленных на повестку дня путинской экономической командой — реформ естественных монополий, жилищно-коммунального хозяйства, образования и здравоохранения, финансового сектора, государственной службы и государственного управления, а также реформы социальных налогов и налогов на корпорации. Многие из этих реформ были давно запланированы, но так и не были проведенными в жизнь. Располагая огромными бюджетными излишками, правительство все еще может поддерживать работу слабых областей экономики и институтов российского государства.

Однако есть несколько проблем, решение которых правительством кажется чрезвычайно сложным даже при наличии средств, — проблем, которые будут лежать тяжким бременем на российской экономике в обозримом будущем. Одна из них — Чечня. Доходы от высокой цены на нефть позволили России возобновить в 1999 году разорительную войну в Чечне, отложив трудные решения и политические компромиссы, на которые в иных условиях пришлось бы пойти Москве. По оценкам российских военных комментаторов, только дополнительные выплаты военным в Чечне в 2000 году обходились российскому правительству почти в 110 миллионов долларов в месяц. Если прибавить остальные военные расходы, то, даже по самым скромным подсчетам, ведение войны в 2000 году обошлось в 2,2 миллиарда долларов. По другим оценкам, первые два года войны стоили России 10 миллиардов долларов, что составило почти треть официальных расходов федерального бюджета за тот же период.[21]

Еще более сложным является бремя издержек, связанных с унаследованным от Советского Союза неразумным пространственным распределением российского населения и индустриальных ресурсов. Вследствие индустриализации советской эпохи и массового заселения Сибири население России теперь рассеяно по обширной территории в больших и не очень городах со слабыми физическими связями между ними. Треть населения несет дополнительное бремя жизни и работы в особенно неблагоприятных

21 Pavel Felgengauer, 'Paying for the War in Chechnya', *Moscow Times*, April 26, 2001; Miriam Lanskoy, 'The Cost of the Chechen War', *Central Asia Caucasus Analyst*, Biweekly Briefing, November 7, 2001. Однако к этим цифрам следует относиться с некоторой осторожностью, поскольку не следует забывать об инфляции и о том, что значительная часть средств, выделенных Чечне федеральным правительством, направлялась коррумпированными чиновниками на другие цели.

климатических условиях. Десятая часть населения живет и работает в почти невыносимо холодных и больших городах Сибири, построенных после Второй мировой войны. Из-за своего местоположения эти города во многом зависят от субсидий центрального правительства на топливо и продовольствие. Они также зависят от льготных тарифов на перевозки, поскольку нехватка авто- и железных дорог, воздушных и иных коммуникаций мешает развитию межрегиональной торговли и рынков. Стоимость жизни в этих городах почти в четыре раза выше, чем в других местах Российской Федерации, а затраты на промышленное производство иногда еще выше. Именно здесь расположены многие убыточные российские предприятия.

Россия страдает от издержек, связанных с ее территориальной протяженностью и зимними холодами сильнее любого другого крупного государства в северных широтах, наподобие Соединенных Штатов, Канады или скандинавских стран. В результате миллионы людей в России просто не смогли бы выжить в огромных городах и при суровом климате, если бы у них не было доступа к дополнительной энергии по низкой цене. Пользуясь преимуществом высоких цен на энергоносители за рубежом, внутри страны российское правительство продолжало регулирование цен на природный газ, сохраняя их искусственно низкими. Это стало причиной основных разногласий с Европейским Союзом и Китаем по вопросу о вступлении России в ВТО, хотя российское правительство недавно согласилось на постепенное повышение внутренних цен на газ с примерно 27–28 долларов за кубометр до 49–57 долларов к 2010 году. С учетом доходов от высокой цены на нефть у российского правительства может появиться соблазн начать масштабные инфраструктурные проекты по улучшению доступа к далеким и холодным городам Сибири и Дальнего Востока вместо того, чтобы направить усилия на облегчение бюджетного бремени, например, на долгосрочные проекты поощрения трудовой миграции в другие российские регионы.[22]

РОССИЙСКИЕ ЭНЕРГОРЕСУРСЫ: БЕДА, БЛАГО ИЛИ НИ ТО, НИ ДРУГОЕ

Основная задача, которая стоит перед российским руководством, заключается в использовании себе во благо обширной территории России, ее огромной базы природных ресурсов и особенно ее нефтяных и газовых запасов мирового класса. Многие аналитики, рассматривая зависимость российской экономики и российского федерального бюджета от доходов с продажи нефти и газа, считают, что Россия сталкивается с классической «бедой природных ресурсов» — в том смысле, что эти сектора развивались в ущерб другим, что сосредоточенность на энергоресурсах тормозила развитие других более дорогостоящих обрабатывающих и экспортных отраслей и что долгосрочный экономический рост невозможен на такой основе. Однако, как свидетельствует недавнее исследование Гэвина Райта и Джесси

22 См.: Хилл Ф., Гэдди К. Снос потемкинской России // Прогнозис. 2005. № 1. С. 166–183.

Кзелуста, горнодобывающий и энергетический сектора являются наукоемкими и передовыми в технологическом отношении областями в экономике многих стран. Как пишут Райт и Кзелуста, «инвестиции в науки, связанные с полезными ископаемыми, служат важной составляющей дальновидной программы экономического развития».[23] Благодаря природным ресурсам многим странам удалось добиться долгосрочного экономического роста и технологического прогресса на различных этапах своей истории. К ним относятся Великобритания, Соединенные Штаты, Австралия и Норвегия. Поэтому логично, что российской энергетике придается особое значение в экономике и что она обеспечивает основной приток государственных доходов. В этом и заключается сравнительное преимущество России.

Нынешняя проблема России состоит не в развитии ее нефтяных ресурсов *per se*, а в излишней расслабленности, вызванной доходами от высокой цены на нефть, и неверном понимании слабостей российской экономики. Отсюда еще одна опасность: соблазн взять жизненно важный инвестиционный капитал из энергетического сектора и направить его на поддержку и развитие других областей промышленности, что может нанести вред здоровью всей экономики.[24] В настоящее время на российское правительство оказывается серьезное давление с различных сторон — в том числе со стороны бывшего премьер-министра, а ныне председателя Торгово-промышленной палаты Евгения Примакова — с тем, чтобы использовать сверхприбыль от продажи нефти в российском государственном бюджете и стабилизационном фонде для стимулирования производства и развития новых высокотехнологичных отраслей промышленности, а также для запуска масштабного строительства и инфраструктурных проектов.

Как отмечают Райт и Кзелуста, «экономисты утверждают, что неразумно делать большие расходы во время периодов быстрого роста доходов, словно этот рост можно экстраполировать на неопределенное будущее».[25] Они добавляют, что страны должны сознавать временный характер бума и строить соответствующие планы для лучшего использования полученной прибыли. Причем энергетика (нефть и газ) на самом деле является реальным «высокотехнологичным» сектором России и ее научно-производственной базой. Как будет показано ниже, энергетический сектор требует значительных капиталовложений для поддержания и увеличения своего нынешнего высокого уровня производства и рентабельности на десятилетия вперед. Энергетический сектор прекрасно приспособился к специфическим трудностям российской окружающей среды. В отличие от других производственных секторов, для него больше важны технологии, чем рабочая сила. Небольшое число работающих в нем в действительности является важным

23 Gavin Wright and Jesse Czelusta, 'Mineral Resources and Economic Development', (Stanford University Center for International Development Working Paper, October 2003), p. 3.

24 Райт и Кзелуста описывают последствия перенаправления средств из энергетического сектора на примере Венесуэлы. См.: Wright and Czelusta, 'Mineral Resources and Economic Development', pp. 16–18.

25 Wright and Czelusta, p. 17.

активом с точки зрения работы в суровых климатических условиях и отдаленных областях.

Политические институты и правительственная политика представляют собой более важную долгосрочную проблему для поддержания роста российской экономики, чем разработка природных ресурсов. Как отмечают стэнфордские исследователи: «в правильно управляемых ресурсных экономиках производство и резервы продолжали расти. Многие другие ресурсные экономики имели плохие экономические показатели не потому, что они придавали слишком большое значение полезным ископаемым, а потому, что они не сумели развить свой потенциал полезных ископаемых при помощи соответствующей политики».[26]

Помимо призывов вывести инвестиции из энергетического сектора, некоторое беспокойство вызывают также недавние события в российской внутренней политике. Одним из негативных следствий укрепления российского государства при Владимире Путине стал заметный отказ от достижений гражданского общества 1990-х годов и устранение некоторых сдержек и противовесов для исполнительной власти. Конечно, не все ограничения центральной власти были положительными, если вспомнить создание феодальных региональных владений и рост политического влияния немногочисленных олигархов, обогатившихся во время ранней дикой приватизации. Но в 1990-х годах, когда при президенте Ельцине государство было слабым и бедным, политические партии, независимые средства массовой информации и гражданское общество в форме неправительственных организаций в России процветали. Теперь приток нефтедолларов в российский федеральный бюджет, по-видимому, позволяет российскому государству укрепляться за их счет.

Сегодня один из наиболее заметных олигархов Михаил Ходорковский находится в заключении. Либеральные партии лишились представительства в парламенте, не сумев предложить заслуживающей доверия альтернативы «путинизму» — сильной России с государством, вернувшим свои позиции у себя в стране и за рубежом; стабильности и предсказуемости в экономике; и вовремя выплачиваемым заработным платам, пенсиям и долговым обязательствам. Независимость СМИ заметно ослабла, а роль неправительственных организаций и объединений гражданского общества в будущем развитии России открыто была поставлена под сомнение в ежегодном послании российскому парламенту в мае 2004 года. В сочетании с правительственными попытками налогообложения и восстановления контроля над доходами энергетического сектора это, по-видимому, ведет к увеличению государственного контроля в экономической, политической и гражданской жизни. Многие иностранные и некоторые российские наблюдатели полагают, что самоуверенность государства, вызванная доходами от высокой цены на нефть, сделала его излишне властолюбивым. Укрепление государства на протяжении последних пяти лет воспринималось как усиление авторитаризма.

26 Wright and Czelusta, p. 3.

Эти события, в конечном итоге, могут оказать отрицательное воздействие на экономический рост, если они закрепят представление о России как о все менее открытом обществе, задушат независимую инициативу и спугнут отечественных и иностранных инвесторов. Суд над Ходорковским вызвал опасения в России и на Западе насчет общего пересмотра — не только в энергетическом секторе — результатов приватизации. Других инвесторов преследуют не на федеральном, а на региональном уровне, а государство получает контроль над частной собственностью. В июне 2004 года в редакционной статье *International Herald Tribune* даже было сделано утверждение о том, что в деле Ходорковского Россия судит саму себя.[27] Очевидно, что вопросы, связанные с потенциальным разделом ЮКОСа и существующими правами собственности, могут отрицательно сказаться на российской энергетике. Безопасность прав собственности важна для привлечения отечественных и иностранных инвесторов, в том числе и для обновления сектора природных ресурсов. Наблюдатели в соседних с Россией странах, а не только в Европе и Соединенных Штатах, опасаются, что более сильная и жесткая рука внутри страны вскоре может протянуться за рубеж.

ГОСУДАРСТВО, ПОСТРОЕННОЕ НА НЕФТИ

Короче говоря, возрастание значения энергетики в России таит в себе и опасности, и большие возможности. Иллюстрацией здесь может служить история СССР. Как и российская экономика, позднесоветская экономика также покоилась на нефти. Одна из распространенных теорий, объясняющих крах советской экономики, который, в конечном итоге, привел к краху СССР, говорит о том, что он был ускорен снижением добычи нефти в сочетании с резким падением мировых цен на нефть после рекордных отметок 1970-х годов и неразумным руководством и распоряжением нефтяными ресурсами.[28] Советская статистика показывает, что длительный период роста добычи нефти после Второй мировой войны резко оборвался в 1976 году, когда в СССР начался экономический кризис.[29] У этого сокращения добычи было много причин, в том числе длительное невнимание к российским месторождениям нефти в 1960-х годах, в то время как другие секто-

27 'Russia on Trial', *International Herald Tribune*, June 15, 2004.

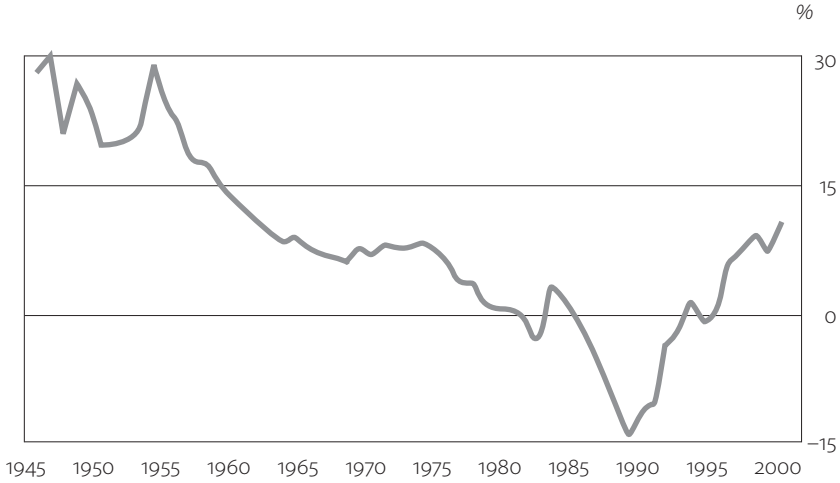
28 См., напр.: Stephen Kotkin, *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000*, (New York: Oxford University Press, 2001), pp. 15–16. Коткин пишет, что «без открытия сибирской нефти Советский Союз мог бы пасть на несколько десятилетий раньше... Нефтяные деньги... шли на оплату наращивания вооружений, что позволило стране достичь примерного паритета с Соединенными Штатами. И они помогли покрыть издержки войны в Афганистане, начатой в конце 1970-х годов... Нефть сохранила Советский Союз в 1970-х годах, но она просто отсрочила наступление неизбежного... Все дело в том, что советские заводы потребляли энергию в невероятно огромных количествах, словно она ничего не стоила. Затем в 1983 году добыча сибирской нефти начала сокращаться... Положение ухудшилось, когда в 1986 году цены на нефть резко упали... до одного из самых низких уровней в послевоенную эпоху... Доходы от продажи нефти по высокой цене, которыми Советский Союз пользовался в течение многих лет, внезапно испарились».

29 График предоставлен Клиффордом Гэдди, Институт Брукингса, 2004 год.

ра энергетики (уголь, газ, гидроэлектроэнергия) начали бурно развиваться в 1970-х годах; увеличение издержек, связанных с добычей и транспортировкой, вследствие перехода в более сложные и удаленные области Западной Сибири; а также недостатки технологии и нехватка оборудования.

На самом деле на снижение роста советской нефтедобычи повлияло множество различных факторов. Речь идет об огромном промышленном и инфраструктурном буме в Сибири, на Дальнем Востоке и на Крайнем Севере. В 1970–1980-х годах в Сибири были запущены грандиозные долгосрочные проекты, включая строительство самого большого в мире алюминиевого завода, крупных дамб и электростанций, а также Байкало-амурской

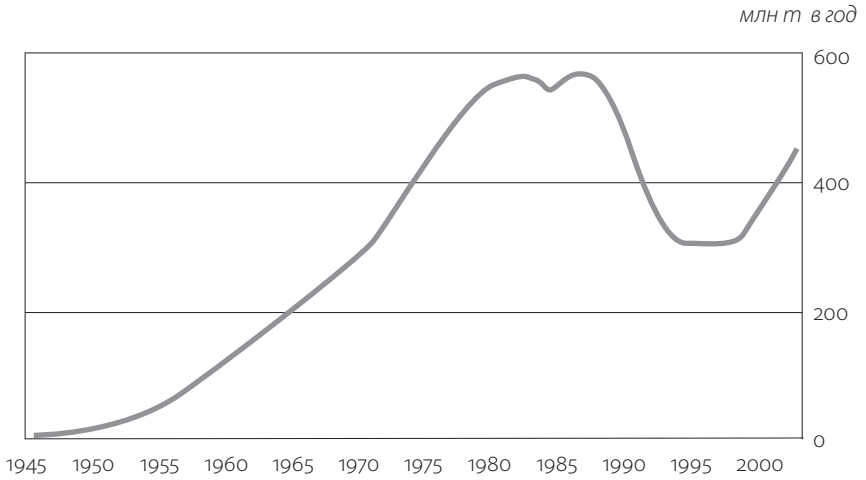
Российская нефтедобыча: темпы роста, 1946–2004 гг.



магистрали. И все это сочеталось с ростом разработки нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири. Эти проекты были беспрецедентными по своим масштабам и использованию капиталовложений. Климат в регионах, где велось строительство, и огромные расстояния, которые необходимо было преодолеть, чтобы привезти строительные материалы, рабочую силу и продовольствие, означали рост затрат более чем 50 % по сравнению с теми, которые потребовались бы в другом регионе Советского Союза. Эти проекты поглощали огромные объемы энергии, трудовых ресурсов и капитала. Стремительно рос внутренний спрос на энергоресурсы. Возрастание внутреннего спроса на нефть и падение темпов роста нефтедобычи привели к сокращению потока нефтяного экспорта на Запад именно тогда, когда необходимо было увеличить доходы в твердой валюте для финансирования индустриализации и строительного бума. Советский Союз попал в пресловутый порочный круг, последствия которого стали очевидными, когда в 1986 году произошло резкое падение мировых цен на нефть, а советская нефтедобыча достигла максимума перед десятилетием спада.

Чрезмерная зависимость от доходов от продажи энергоресурсов — лейтмотив советской и постсоветской эпохи. Несмотря на то что Россия в настоящее время придает большее значение экономическому росту, по-прежнему существует опасность повторения советского опыта. Причем к изменениям мировых цен на нефть и сокращению нефтяных доходов уязвима не только российская экономика. Вследствие новых ресурсов мягкой власти регион вокруг России становится все более зависимым от ее экономического роста. Поэтому будущее Евразии может зависеть от высоких цен на нефть и дальнейшего преуспевания российского энергетического сектора. Российский экономический спад с падением цен на нефть, который приведет к сокращению миграции и внешнеторговых потоков в Россию, будет иметь более широкие негативные последствия. С конца 1990-х годов жители Евразии привыкли считать, что в России всегда можно найти работу, даже если в странах, где живут они сами, уровень безработицы очень высок. Если мигранты вынуждены будут вернуться в государства Южного Кавказа и Средней Азии, а новым мигрантам не удастся найти работу в России, проблема не ограничится одним только сокращением денежных переводов. Многие окажутся в ловушке бедности, не имея перспектив экономической или социальной вертикальной мобильности у себя в стране. Замедление регионального экономического роста также скажется на внешнеторговых потоках товаров и услуг в Россию.

Российская нефтедобыча, 1946–2004 гг.



Во многих отношениях важнейшим вкладом России в безопасность и стабильность своих уязвимых южных соседей было не присутствие военных баз, развертывание войск или договоры о безопасности и продаже оружия, а поглощение избыточной рабочей силы из этих стран, создание рынков для их товаров и перемещение средств в форме денежных переводов (а не в виде иностранной помощи). Социальные последствия возвращения

из России многочисленных трудовых мигрантов особенно опасны для среднеазиатских государств. Эта миграция стала предохранительным клапаном и позволила избежать социальных конфликтов и региональных разногласий, которые привели к губительной гражданской войне в Таджикистане в 1992–1997 годах. Региональные эксперты и чиновники всерьез озабочены тем, что в случае снижения добычи нефти в России и прекращения экономического роста может начаться возвращение мигрантов.

ДОБЫЧА НЕФТИ – ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Пока аналитики с оптимизмом смотрят на рост добычи нефти в России. Президент Путин, конечно, пользуется этим, надеясь на высокие цены на нефть и приток нефтедолларов в страну. Но если не планировать заранее, Путин вытрясет нефтяную копилку и в будущем Россия многого недосчитается. Положение российского энергетического сектора не так уж безоблачно. У России есть очень небольшая форточка возможностей для решения стоящих перед ней задач и сохранения потока нефти (и газа).

Американский географ Лесли Дайнес отмечает в своей статье, основанной на длительном и глубоком изучении российской нефтедобывающей промышленности, что, несмотря на огромные нефтяные и газовые ресурсы России, «нынешний нефтяной бум носит временный характер, поскольку *новая* нефть встречается нечасто». Дайнес подчеркивает, что «большинство данных свидетельствует о том, что недавний рост нефтедобычи связан главным образом с нефтью, не выкачанной в хаотичные годы экономического спада, а также нефтью, сохранившейся из-за отсталых методов добычи 1980-х годов». Новая технология позволила добыть эту нефть, но лишь немногие российские нефтяные компании осуществляли серьезные инвестиции в новую разведку, бурение и заканчивание скважин после 1999 года, что означает, что Россия серьезно отстала в развитии своего нефтяного потенциала.

Например, ЮКОС, который был ведущей российской энергетической компанией до того, как российское правительство начало расследования в отношении нее, ее руководства и владельцев, выжимала из существующих скважин все возможное, чтобы добиться значительного роста добычи и прибылей, которые привлекли бы внимание западных инвесторов. Она выкачивала нефть, которая была наиболее легкодоступной, и использовала высокие прибыли для достижения краткосрочных коммерческих целей. Будучи второй по величине российской нефтяной компанией, в 2000 году ЮКОС ввел в действие всего 22 новые скважины (менее 2 % от общенационального числа новых скважин). И это серьезная проблема, поскольку разведанные запасы нефти в 1990-х годах сократились (отчасти из-за пересмотра прежних неверных оценок). Запасы в Западной Сибири – основном российском нефтедобывающем регионе – неуклонно сокращаются.[30] По большинству

30 В апреле 2004 года отчасти вследствие ошибок в классификации и различий в оценках запасов между советскими и российскими специалистами и западными представителями

прогнозов, нынешняя добыча нефти в Западной Сибири достигнет своего пика в 2005–2010 годах, задержится на одном уровне, а затем пойдет на спад, если не начнется разработка новых месторождений. Несмотря на наличие огромных запасов нефти в Восточной Сибири, они являются более сложными в геологическом отношении и более удаленными и от существующих центров нефтедобычи, и от основных рынков энергоресурсов. Чтобы начать добычу новых запасов в Восточной Сибири, необходимы время и инвестиции. К тому же, нет никаких гарантий, особенно в нынешних условиях, что это удастся сделать прежде, чем начнется снижение добычи в Западной Сибири. Похожая ситуация сложилась и в газовом секторе, где добыча в западносибирских месторождениях газа начала снижаться и Газпром занялся разведкой и разработкой новых месторождений на Востоке.

В последние несколько лет развитие инфраструктуры для экспорта нефти отставало от темпов роста нефтедобычи. И, несмотря на экстенсивное развитие альтернативных транспортных маршрутов (включая железные дороги и речные баржи), России по-прежнему недостает новых трубопроводов для азиатских потребителей, наподобие Китая и Японии. Железнодорожные перевозки на большие расстояния в Азию могут оказаться нерентабельными из-за снижения в будущем цены на нефть. Для выхода из этого тупика России, вероятно, потребуются внешние инвестиции,[31] так что возникнет вопрос о роли международной энергетики и гарантиях для нее — и это тогда, когда российское государство ясно дало понять, что оно намерено преобладать в этом секторе и направлять его развитие.

Хотя российские энергоресурсы вряд ли закончатся в скором времени, без серьезного перераспределения усилий отрасли в сторону разведки, разработки новых месторождений нефти и газа и строительства новой инфраструктуры для транспортировки энергоресурсов Россия в скором времени может столкнуться с трудностями наподобие тех, что возникли у Советского Союза в 1970–1980-х годах. При переходе в области Восточной Сибири, вести разработку в которых намного труднее, снижении темпов роста добычи в Западной Сибири, рост затрат на добычу и транспортировку неизбежен. Наконец, как и в советскую эпоху, следует принимать во внимание внутренний спрос в России. Если российская обрабатывающая промышленность будет и дальше расти, если будут построены новые транспортные сети и запущены новые масштабные инфраструктурные проекты (благодаря значительным субсидиям и инвестициям из российских государственных фондов, созданных благодаря высоким ценам на нефть), то внутренний

российское правительство решило объявить информацию о нефтяных запасах государственной тайной, что только усилило сомнения насчет способности России восстановить нефтяные запасы в течение следующих двух десятилетий.

31 По оценкам ЕС от 2000 года, в течение следующих двух десятилетий российскому нефтяному и газовому сектору для выполнения долгосрочных экспортных обязательств (включая обязательства перед ЕС) потребуются инвестиций в размере 460–600 миллиардов долларов. Европейские аналитики полагают, что без финансовой поддержки иностранных инвесторов России не удастся увеличить свой объем экспорта и даже сохранить его на нынешнем уровне

спрос на нефть также вырастет. Как и в советскую эпоху, рост внутреннего спроса может привести к сокращению российских экспортных возможностей, если не удастся сохранить высокие темпы роста добычи нефти и газа. Государству потребуется больше доходов от экспорта нефти и газа для развития и завершения таких честолюбивых инициатив.

Поэтому сама энергетическая отрасль нуждается в б*о*льших инвестициях и в более целенаправленной политике для наращивания своего долгосрочного, а не только краткосрочного потенциала стимулирования российского экономического роста. Российскую нефтедобывающую промышленность не нужно пытаться поставить на службу политическим или иным экономическим интересам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на необходимые предостережения об опасности придания слишком большого значения доходам от высоких цен на нефть, энергоресурсы останутся основой российской мощи в обозримом будущем. Это укрепит российскую экономику и внутреннюю стабильность, усилит политические и экономические позиции России в Евразии и вернет России былой статус сверхдержавы — по крайней мере, энергетической сверхдержавы, сделав ее важным игроком в Азии и Европе и повысив ее привлекательность для Соединенных Штатов. Энергоресурсы способны сделать Россию новой державой XXI века, отличной от той, что существовала в XX веке (хотя это, конечно, связано с крахом СССР, завершением ядерного и военного противостояния с Соединенными Штатами и ограничением геополитических амбиций России). Сегодняшняя Россия — это не Советский Союз прошлого. Российская нефть больше не подпитывает огромную военно-промышленную мощь и военную машину.

И это можно считать одним из наиболее важных событий этого десятилетия, особенно если вспомнить о развитии Германии и Японии после Второй мировой войны. Подпитываемая нефтью и газом, Россия может пойти тем же путем после окончания «холодной войны». Она может стать доминирующей державой для своих непосредственных соседей благодаря своему экономическому росту и новому ресурсному потенциалу мягкой силы, а не благодаря старой жесткой силе, которая позволила в прошлом совершить вторжение, завоевание и колонизацию этой территории. Подобное господство России в Евразии было бы намного более приемлемым даже для традиционных ястребов в США и для Запада, который, в конечном итоге, прекрасно приспособился к экономическому влиянию Германии и Японии на своих непосредственных соседей.

Россия также не обязательно должна пасть жертвой «беды природных ресурсов» вследствие своего значительного вклада в энергетику. Может, Россия и унаследовала серьезные проблемы Советского Союза, но она также унаследовала знания и емкий в технологическом отношении энергетический сектор, который способен двигать вперед и поддерживать долгосрочное развитие страны. Нефтегазовые ресурсы России — это не беда. Но они не обязательно

являются благом в смысле гарантии успеха. Основная дилемма России заключается в том, каким образом следует использовать ее энергетическое богатство экономически и политически для достижения наилучшего результата. Российская экономика по-прежнему нуждается в реструктуризации и создании механизмов, смягчающих негативное влияние от снижения цены на нефть, и России необходимо избежать ловушки перенаправления инвестиций с развития своего энергетического сектора на химеру «более сбалансированной» экономики и запуска строительства дорогостоящей инфраструктуры и новых индустриальных проектов. Российское правительство также должно принять трудные решения относительно собственности и иностранных инвестиций в нефтяной сектор, а также его регулирования и налогообложения, для максимизации возможностей его роста.

В политическом отношении потенциал мягкой силы России не будет осуществлен, если жесткая сила станет определять развитие экономических отношений России с СНГ при помощи старой силовой тактики продвижения интересов Москвы. Между сторонниками мягкой и жесткой силы сохраняется серьезная напряженность. Внешняя и внутренняя политика взаимосвязаны. Более жесткая, более авторитарная линия во внутренней политике России может сказаться и на ее внешней политике, если в Москве возьмут верх силовики.

Имеются основания для некоторого оптимизма относительно экономического будущего России и ее новой роли в регионе и мире, но нет никаких оснований для того, чтобы спокойно сидеть, сложа руки. Российским партнерам следует побудить Москву предпринять шаги для расширения и усиления энергетического сектора и соответствующего использования его доходов. Эта проблема чрезвычайно важна не только для России, но и для намного более широкого региона в Евразии, а также для основных потребителей российских энергоресурсов в Европе, Азии и во все большей степени в Соединенных Штатах.

Сокращенный перевод с английского Артема Смирнова

Алексей ХАЙТУН

КОНКУРЕНТНОСТЬ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ РОССИИ НА РЫНКАХ ЕВРОПЫ

1. ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена анализу конкурентности России на Европейском рынке энергоресурсов, однако вначале требуется определиться: а возможен ли, в принципе, европейский рынок энергоносителей в классическом понимании — то есть такой рынок, цена на котором определяется соотношением «спрос — предложение», открытый для поставщиков, конкурентный для различных компаний, независимо от их национальной и блоковой принадлежности? Главное — **возможно ли в обозримой перспективе формирование цен на нефть и природный газ, основанное на свободной конкуренции?**

Наше исследование исходит из постулата о том, что, в конечном счете, пусть и на длительном участке времени, но и рынок энергоресурсов подчиняется общим правилам конкуренции, а потому интегральная цена нефти и природного газа будет складываться на основе себестоимости через соотношение «спрос — предложение».

В настоящее время базовая цена определяется, как известно, по картельному соглашению стран ОПЭК, и существует мнение, что такой порядок сохранится минимум до 2010 года. Причина тому чисто политическая: «страны-потребители нефти согласны договариваться с производителями. Они не хотят рисковать своим финансовым и макроэкономическим благополучием».

Федеральную резервную систему США (ФРС, руководитель — Алан Гринспен) — которая отвечает за макроэкономическое равновесие на территории этой страны, волнует то, что есть мировые силы, влияние которых, по мнению А. Гринспена, уже перешло энергетические границы. «Бизнес начинает учитывать высокие цены на нефть в своих инвестиционных решениях». Рынок уже не верит в падение цен. Спрос растет, а предложение хорошо контролируется.

Впрочем, возникает вопрос: а был ли когда-либо рынок нефти в чистом виде (по А. Смиту)? По признанию самого А. Гринспена, мировой рынок нефти почти не был свободным, просто раньше цены на нем устанавливали американцы. (При возникновении нефтяного рынка — 19 век — квотами на производство в США фактически управляла комиссия по железным дорогам штата Техас — параллели с нынешней российской «борьбой за трубу» вполне очевидны.) На смену американцам пришел ОПЕК, в результате прошлое десятилетие стало периодом власти производителей над рынком.

Россия, хотя и не входит в ОПЕК, получает все выгоды от новой системы коллективной нефтяной безопасности. Кроме одной — в этой балансировке сил у нее право лишь совещательного голоса. Это означает, что нефтяные ресурсы России не смогут полноправно участвовать в формировании европейской цены.

Вместе с тем, каждая страна имеет свою «экономическую нишу», а успех ее долгосрочной стратегии зависит от того, насколько реалистично определены ограничения и адекватна ли им экономическая политика. В таком ракурсе перспективы данного исследования представляются не совсем безнадежными, однако вначале требуется определить: что может предложить Россия на европейский рынок энергоносителей.

В политическом аспекте экспорт природного газа и нефти (последнее — в меньшей степени) — главный, по мнению многих специалистов в экономической политике — практически единственный инструмент, позволяющий стране участвовать в определении стратегии развития современной Европы. К этому в концентрированном виде сводится позиция сторонников экспорта энергоресурсов, к которым относятся разработчики проекта основополагающего документа — Энергетической Стратегии России.

Эта позиция находит поддержку и на Западе. По мнению Уильяма Рамсея, исполнительного директора Международного энергетического агентства, «Россия продолжает играть ключевую роль на мировых энергетических рынках. Сегодня Российская Федерация уже является крупнейшим в мире экспортером природного газа и занимает второе место по экспорту нефти, уступая лишь Саудовской Аравии. Основываясь на анализе макроэкономической конъюнктуры и внутренних процессов в российской экономике, специалисты МЭА пришли к выводу, что Россия сохранит подобную роль на мировом рынке вплоть до 2030 года. С учетом обширных ресурсов России этим агентством прогнозируется значительное увеличение производства энергопродуктов как на экспорт, так и для внутреннего потребления»[1].

Подобный консенсус впечатляет, однако неясны экономические механизмы достижения целей, поставленных Энергетической Стратегией и принятых МЭА. Это очевидно и для субъектов указанной стратегии — нефтяных корпораций. К примеру, на пленарном заседании 1-го Российского нефтегазового конгресса (Москва, июнь 2003 г.). Г. И. Шмаль спрашивает: «почему мы пыта-

1 У. Рамсей, зам. исполнительного директора Международного энергетического агентства. (Нефть. Обзоры. 12.01.2004. — http://www.rusoil.ru/reviewtext/review/id/725492.html

емся называть «стратегией» документ, никоим образом не раскрывающий рыночные инструменты и механизмы, с помощью которых и следовало бы добиваться поставленных целей?.. Добыча углеводородного сырья становится все более трудоемким занятием. Сегодня фактически вся перспектива развития нефтяной отрасли на период до 2010 года в России базируется на старых, освоенных районах, где доля трудноизвлекаемых запасов составляет уже около 60 %. Возобновление энергоресурсов в нашей стране в XXI веке может происходить только за счет освоения минерально-сырьевых ресурсов Сибири, Дальнего Востока, шельфов арктических морей. Это очень дорогостоящие проекты, требующие не одного десятка миллиардов долларов. Естественными условиями долгосрочных капиталовложений становятся гарантии окупаемости вложений и обеспечения приемлемой рентабельности проектов. Стратегической политикой должны предусматриваться соответствующие механизмы, но их нет.»[2]

Противники установки на расширение экспорта энергоресурсов вопрошают: «а что будет с экономикой России, когда и если нефть кончится, и будут исчерпаны Западно-Сибирские месторождения газа?». Приводится известный тезис о неэффективности использования сырой нефти: «топить можно и ассигнациями» (Д. Менделеев).

Впрочем, и противники, и сторонники экспорта энергоресурсов в своей массе принимают как аксиому постулат о том, что Россия в силу географического положения, обилия месторождений на обширной территории, высокой потребности современного мира в углеводородном топливе занимает выгодную позицию. А потому — имеет возможность диктовать потребителям объемы поставок или, как минимум, полноправно участвовать в формировании мировой, а тем более европейской, цены. Если принять такой тезис без доказательств, тогда объемы экспорта энергоресурсов ограничены лишь долгосрочной стратегией: что будет делать страна за пределами сроков обеспеченности данным видом ископаемых («что оставим потомкам?»). А также и экологическими ограничениями.

Между тем с самого начала ясно, что Россия в исторической перспективе диктовать на Европейском рынке энергоресурсов не может. Хотя бы потому, что на ее долю приходится примерно 13 % доказанных мировых запасов нефти и газа, тогда как на страны Аравийского полуострова — до 40 %.

Условия добычи и стоимость транспорта нефти на рынки Европы из Саудовской Аравии и из Тюмени также не в нашу пользу. По газу — эффективность транспортировки, по-видимому, относительно высока в силу вполне специфических причин: в советский период была создана мощнейшая система магистральных газопроводов «Западная Сибирь — Европа», инвестиции в которую по правилам «плановой» экономики уже «списаны» и не отягощают себестоимости экспортируемого газа. Но и здесь необходимо анализировать текущие транспортные издержки, а также закладывать резерв для восстановления

2 См.: http://www.rasoil.ru/reviewtext/review/id/719632.html.

магистральных газопроводов за пределами относительно близкого срока окончания их безаварийной эксплуатации.

Имеются и более общие соображения по проблеме конкурентности экспорта российских энергоресурсов (а более широко — полезных ископаемых) в Европу.

Суть этой концепции в том, что Россия неконкурентоспособна на мировом и европейском рынках энергоресурсов по определению, в силу своих географических и природно-климатических условий. Хотелось бы добавить, что эта неконкурентоспособность продукции северных регионов уже давно предопределена недальновидной стратегией развития Севера России, а именно там находится большинство энергоресурсов и более того — основные полезные ископаемые Евразии.

Начиная с тридцатых годов прошлого века, проводилась государственная политика заселения северных и дальневосточных районов. Ставилась задача — создание в Сибири форпоста против потенциальных агрессоров, а также и плацдарма для распространения империи. Были созданы ненужные в столь суровых районах города, размещена избыточная промышленность. Естественно, экономическая эффективность просчитывалась чисто формально, а о конкуренции на мировом рынке никто и не думал[3].

Например, удельная стоимость газопровода Ямал — Восточная Германия длиной 4200 км в 6 раз выше, чем транскавказского нефтепровода Баку — Поти длиной 920 км — 1,8 и 0,3 млн долл. за километр соответственно[4].

2. СТРУКТУРА ПРОИЗВОДСТВА И ИМПОРТА ГАЗА В ЕВРОПУ

Спецификой западноевропейского рынка является ограниченное количество поставщиков газа в лице одной-двух национальных компаний («Газ де Франс» — Франция; «Газюни» — Нидерланды; «Рургаз» и «Вингаз» — Германия; «Снам» — Италия и др.). Компании-поставщики газа (государственные или с участием государства) во всех западноевропейских странах занимают монопольное положение. Вследствие чего на внутренних рынках стран Западной Европы практически отсутствует конкуренция типа «газ-газ». Цены на газ формируются преимущественно под влиянием цен конкурентных энергоносителей (угля, электроэнергии и пр.). Реализация газа осуществляется на основе долгосрочных контрактов. Пока рынок Европы открыт для экспорта российского природного и сжиженного газа, но предполагать, что традиционное монопольное положение Газпрома сохранится сколь угодно долго, было бы опрометчивым. Сейчас ситуация следующая:

- Европа собственной добычей обеспечила 60,4 % спроса на газ. В 1995 году этот показатель составлял 62,4 %. В течение последних 8 лет рост спроса опережал темпы увеличения добычи.

3 А. Д. Хайтун. Социально-экономические проблемы освоения новых нефтяных и газовых районов страны. «Плановое хозяйство», 1977, № 9.

4 А. П. Паршев «Почему Россия не Америка» (М., 2003).

- Основные производители газа в регионе — Великобритания (105,8 млрд м^3 в 2001 году), Нидерланды (61,4 млрд м^3) и Норвегия (57,5 млрд м^3). Эти же три страны экспортируют добываемый газ в другие европейские страны, суммарно 108,5 млрд м^3 в 2001 году. За пределы Европы газ европейских месторождений не вывозится.
- Почти 40 % потребляемого в Европе газа поступает из других регионов мира, преимущественно из России (126,9 млрд м^3 в 2001 году) и Алжира (54,6 млрд м^3). Еще 10 млрд м^3 газа в сжиженном виде (СПГ) по долгосрочным контрактам поставляют Ливия, Нигерия и Тринидад. Страны Ближнего Востока и Азии, традиционно работающие на азиатском рынке СПГ, продают излишки газа в США и Европе, по краткосрочным и разовым сделкам.

Таким образом, **Россия обеспечивает 26 % суммарного потребления газа в Европе и 66 % доли импорта из всех регионов.** Попробуем спрогнозировать европейское потребление газа на 2005 год (табл.1).

Таблица 1. Динамика и прогноз спроса на газ в Европе

	1990	1995	2000	2004	2010 (оценка)	
	Факт				Умеренный вариант	Ускоренный вариант
Спрос, млрд м^3	348,5	396,9	476,7	483,9,	550	570
Среднегодовой рост за предшествующий период, %	2,5	2,8	4,02	1,5	3,1	4

Источник: 1990–2001 гг. — BP Statistical Review of World Energy.

Следующим шагом станет определение того, какие объемы природного газа могут быть получены из месторождений самой Европы. По оценкам специалистов, в 2005–2010 годах Великобритания и Норвегия будут находиться на пике добычи газа, которая составит соответственно 125 млрд м^3 и 79 млрд м^3, а суммарная добыча в остальных странах региона снизится с 130 млрд м^3 в 2004 году до 105 млрд м^3. Поскольку производственные мощности — показатель достаточно объективный, суммарное производство газа в Европе в 2010 году составит 310 млрд м^3.

В 2005–2010 годах Западной Европе сверх собственной добычи потребуется импортировать из других регионов 240–260 млрд м^3 газа.

3. ПРОГНОЗ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА РЫНКЕ ПРИРОДНОГО ГАЗА И СПГ ЕВРОПЫ

Сколько газа — помимо России — могут сейчас предложить альтернативные экспортеры? По трубопроводам, кроме России, газ в Европу транспортирует только Алжир — по двум газопроводам суммарной мощностью 34 млрд м^3 в год.

Намечается строительство нового газопровода, и с 2007 года, по североафриканским трубопроводам в Европу может поступить 46–54 млрд м³ газа (см. табл. 3 и 4 — «Экспортные мощности»).

Неопределенность роста поставок газа в Европу в основном обусловлена сжиженным природным газом — СПГ. Связано это с бурно развивающейся торговлей СПГ по краткосрочным сделкам и разовым поставкам. Полной определенности, куда и в каком количестве «поплывет» производимый сжиженный газ, быть не может, так как новые мощности в последнее время создаются без жесткой увязки с конкретными долгосрочными контрактами, именно с расчетом на возможность краткосрочных сделок.

Таблица 3. Экспортные мощности: Атлантический рынок (Европа и США), млрд м³

	2002 г. факт	2005 г. С учетом проектов на стадии строительства (ввод к 2006 г)	2010 г. Оценка с учетом проектов на продвинутой стадии развития (ввод после 2005 г)	Потенциальные рынки
ТРУБОПРОВОДЫ				
Алжир	34	38–46	46	Европа
Ливия	—	8	8	Европа
СПГ				
Алжир	31	31	31	Европа, США
Ливия	3,5	3,5	3,5	Европа
Египет	—	6,7	11,7	Европа
Нигерия и др.	11,6	24,5	44–65	Европа, США
Всего трубопроводы и СПГ	80,1	111,7–119,7	145–165	

Источники: Доклады международной конференции LNG-13 (Сеул, 2001); данные Cedigaz, Oil&Gas Journal, EIA, BP Statistical Review of World Energy

В 2001 году, например, свободные мощности СПГ оценивались в 17 млрд м³, масштаб торговли по разовым сделкам к 2005 году вырос на 47 % и достиг рекордного уровня почти в 13 млрд м³. Наиболее активные участники на рынке спот — Катар, Алжир, Индонезия. Основные поставки направлялись в США, Японию, Южную Корею и Европу (больше всего в Испанию).

Что касается разовых поставок, то их оценка очень осторожна: они зависят от расширения и строительства приемных терминалов (активно строящиеся, например, в Испании) и увеличения танкерного флота.

Не следует забывать о том, что транспортная мобильность рынка СПГ и краткосрочность контрактов на поставки позволяет быстро переориентировать потоки энергоресурсов данного вида с Тихоокеанского на Европейский рынок. Впрочем, возможность гипотетическая — пока спрос на энер-

Таблица 4. Экспортные мощности СПГ: Азиатский рынок, млрд м³

	2002 г. факт	2005 г. С учетом проектов на стадии строительства (ввод к 2006 г)	2010 г. Оценка с учетом проектов на продвинутой стадии развития (ввод после 2006 г)	Потенциальные рынки
Катар	19,8	28,5	41,8	Азия, спот Европа, США
Оман, Абу-Даби	17,2	17,2	22,8	Азия, спот Европа, США
Малайзия	21,6	31,1	31,1+	Азия, спот Европа, США
Австралия	10,5	16,4	16,4–23,4	Азия, спот Европа, США
Индонезия, Бруней	51,2	51,2	51,2–72,2	Азия, спот Европа. США
Всего	120,3	144,4	162–190	

Источник: Доклады международной конференции LNG-13 (Сеул, 2001); данные Cedigaz, Oil&Gas Journal, EIA, BP Statistical Review of World Energy

гоносители на Тихоокеанском рынке опережает предложения, но для целей настоящей работы важно помнить, что данная часть рынка энергоресурсов — поставки СПГ — наиболее отвечает критериям свободного, а не монополизированного, рынка.

Сопоставление рынков природного газа и СПГ позволяет выполнить расчеты фактического экспорта газа в Европу.

По расчетам, после 2005 года поставки газа в Европу из других регионов, помимо России, составят 111,2–139,2 млрд м³, в том числе примерно 56–75 м³ СПГ. *Потребность в импорте из России – 120–130 млрд м³ (табл. 5).*

За пределами 2010 года потребности Европы в поставках газа из России останутся примерно на нынешнем уровне (130 млрд м³). На перспективу указанные потребности могут быть снижены или – лучший для России вариант – стабилизированы.

Таблица 5. Консолидированный итог спроса — предложения на газ в Европе, млрд м³

	2010 г. (оценка)	
	Умеренный вариант	Ускоренный вариант
Спрос на газ в Европе	550	570
Добыча газа в Европе	310	310
Потребность во внешнем импорте	240	260
Импорт из других стран	120	140
Спрос на импорт из России	120–130	120–150

Евросоюз ставит своей задачей создать в ближайшие десятилетия на всем европейском пространстве единую энергосистему, которая будет включать и Россию.

Природный газ станет основным источником энергии в Евросоюзе. К 2030 году ЕС будет удовлетворять 55–60 процентов своей потребности в природном газе за счет импорта. В этой связи сохранится роль России как стратегического энергетического партнера Евросоюза. Хотя стоимость прокачки одной тысячи кубометров на 100 км по России вырастет в обозримой перспективе на 1 доллар США (это будет означать практически двукратное увеличение ставки), российские эксперты полагают, что долгосрочные контракты на поставки природного газа из России в страны Евросоюза сохранятся.

Причина, по-видимому, политическая: чем более нестабилен мусульманский мир, тем выше значимость российского природного газа для обеспечения энергетической безопасности Европейского союза. Именно поэтому Союз ставит своей задачей создать в ближайшие десятилетия на всем европейском пространстве единую энергосистему, которая будет включать и Россию.

4. ТРАДИЦИОННЫЕ ПОСТАВЩИКИ НЕФТИ В ЕВРОПУ

Европа импортирует 70 % (530 млн тонн) от объема потребления нефти, 30 % (230 млн тонн) – покрывается за счет собственной добычи, в основном, в Северном море. Импорт составляет 26 % от общего объема импорта нефти в мире. По источникам поступления импорт нефти в Европу распределяется следующим образом:

- Ближний Восток – 38 % (200 млн т/год);
- Россия, Казахстан, Азербайджан – 28 % (147 млн т/год);
- Африка – 24 % (130 млн т/год);
- другие – 10 % (53 млн т/год).

Потоки нефти западносибирских месторождений России пока заполняют около 24 % рынка Европы, однако этот источник постепенно истощается, а новые нефтедобывающие области все более смещаются в другие регионы (Тимано – Печора, Восточная Сибирь, север Западной Сибири и Сахалин). От Европы это далеко, транспортной инфраструктуры там нет, поэтому надеяться на полноценное и своевременное замещение западносибирской нефти российскими же объемами не приходится.

Северное море тоже перестало быть надежным источником сырья. Ныне на его месторождениях ожидается пик добычи, но далее очевидна тенденция к ее сокращению. В свете изложенной ситуации неудивительно, что в последние годы *Европа прилагает немало усилий, чтобы гарантировать себе стабильные объемы нефти и обеспечить их диверсификацию.*

В настоящее время объем *добычи нефти странами ОПЕК* составляет примерно 25,7 мб/д, что происходит на фоне низкого уровня запасов, падения производства в Ираке и Венесуэле. Прирост добычи наблюдается в Нигерии и Анголе, где суммарное производство возросло на 500 кб/д.

Решить свои проблемы одним махом Европа теоретически могла бы после снятия санкций с Ирака, экспортный потенциал которого — 120 млн т в год. Но иракская нефть по качеству во многом соответствует российской экспортной смеси Urals, поэтому для замены малосернистой североморской нефти сорта Brent не вполне подходит.

4.1. Каспийский нефтяной проект

Суммарные доказанные запасы нефти в Казахстане и Азербайджане по разным оценкам составляют до 15 млрд т. При определенных условиях экспортный потенциал этих стран уже к 2010 году мог бы составить 120–140 млн т в год. Разумеется, этот прогноз аналитической группы по энергетическим ресурсам США (выполнен в 2001 году) оптимистичен: он не учитывает политические традиции региона, которые в наибольшей степени и ограничили его реализацию. Но для предварительного анализа условий конкуренции нефти на рынке Европы проект можно рассматривать как цель мирового сообщества и ЕС, в частности, цель, которая может быть достигнута, а процесс завоевания рынка Европы каспийской нефтью имеет перспективы.

Особенностью ситуации является то, что участниками проекта выступают также страны-потребители — Грузия, Армения, через которые могут быть проложены трубопроводы, а также Киргизстан и Таджикистан, запасы которых сейчас незначительны, а геологическая разведка практически не ведется.

Если же рассматривать Каспийский регион в целом, как основного конкурента тюменской и татарской нефти — главных российских экспортеров нефти, то цифры будут следующими.

Таблица 6. Добыча и экспорт нефти в Каспийском регионе, млн т в год

Страна	Добыча нефти (1990 г.)	Добыча нефти (2000 г.)	Прогноз добычи нефти (2010 г.)	Экспорт нефти (2000 г.)	Прогноз экспорта нефти (2010 г.)
Азербайджан	11,9	13,3	55,2	6,7	46,0
Казахстан	27,7	30,3	92,0	25,3	78,2
Туркменистан	5,7	6,9	9,2	4,6	6,9
Узбекистан	4,0	7,8	9,2	0,9	2,3
Россия*	6,6	0,5	13,8	0,3	13,8
Всего	55,9	58,9	179	38	147

* *Включены Астрахань, Дагестан и Северный Кавказ. Источник:* United States Energy Information Administration

Поскольку нефть Каспия интересна Европе, прежде всего, по своим качественным показателям, ее не следует смешивать с высокосернистой тюмен-

ской нефтью. Каспийская нефть сорта Tengiz малосернистая, с высоким содержанием светлых фракций. Поэтому встает задача формирования новых транспортных маршрутов.

Мощности магистральных нефтепроводов сейчас удовлетворяют потребностям ее перевалки из Каспийского в Черное море: пропускная способность нефтепровода Баку-Супса — 6 млн т с возможностью увеличения до 15 млн т в год, Баку-Новороссийск I — до 15 млн т в год; Тенгиз-Новороссийск (1-я очередь) — 28 млн т в год с дальнейшим ее наращиванием до 67 млн т в год. «Выход» из Черного моря к Средиземному *лимитирует пролив Босфор*: пропускная способность пролива недостаточна, а экологические требования все более ужесточаются. Преимущество маршрута: он полностью сохраняет качество нефти, тогда как нефтепроводы «Алытау-Самара» и система нефтепроводов «Дружба» работают только в составе российской смеси Urals.

Полноценной альтернативы Босфору пока не существует. Более того, каспийское направление ограничено квотой со стороны России в 3,5–4 млн т в год, тогда как добыча тенгизской нефти уже сегодня достигает 10–12 млн т в год.

Неудивительно поэтому, что сразу несколько стран разрабатывают проекты по «разгрузке» пролива. Румыния предлагает строить нефтепровод «Констанца — Триест», Болгария — «Бургас — Александропулис» и «Бургас — Албания», Турция — «Баку-Джейхан» и Украина — нефтепровод «Одесса — Броды». Все же наиболее перспективным представляется транспорт прикаспийской нефти в Европу по магистральным нефтепроводам через Грузию и Турцию: этот маршрут по эффективности существенно превышает показатели традиционных коридоров через Россию и Украину. Основным препятствием для реализации проекта выступает политическая нестабильность Закавказского региона.

5. ОБЩАЯ ОЦЕНКА РЫНКА НЕФТИ И ГАЗА

Таким образом, можно согласиться с разработчиками Энергетической стратегии России, что «рынок стран Западной и Центральной Европы останется для России одним из крупнейших в предстоящие 20–25 лет.»

Следует отметить принципиальные различия экспортных условий для нефти и природного газа. Первая поставляется на относительно свободный рынок, где конкурентность энергоресурса довольно тесно связано с объемом продаж. Газовый рынок, как указывалось, монополизирован и ограничен не столько уровнем цен, сколько мощностями газотранспортных систем.

Помимо степени мобильности европейских рынков нефти и газа, имеется принципиальное отличие степени вхождения в рыночные отношения работающих по капиталистическому принципу российских нефтяных корпораций и государственных корпорации «Транснефть», концерна ОАО «Газпром».

1. Как известно, мировой рынок энергоносителей претерпел в 1999 году крупномасштабные изменения, причины которых были чисто политическими, а сутью стал диктат картеля, в основном, арабских стран в форме регу-

лирования цены на нефть через квотирование. В любом случае, от энергетической промышленности России условия «игры» зависели слабо, если вообще зависели.

Приватизированные нефтяные компании России нашли ответ на вызов рынка — они увеличили за четыре года производство нефти на 45 %, а экспорт — на 60 %. ОАО «Газпром» за тот же период увеличил производство лишь на 10 %, а экспорт сократил на 10 %. Разумеется, имеется существенное технологическое различие между указанными отраслями: газовая жестко зависит от пропускной способности и конфигурации трубопроводного транспорта, т. е. изменения экспорта по направлениям или объёмам перекачки требуют крупномасштабных инвестиций, которых государственная корпорация, естественно, не имела. Кроме того, требовался прирост внутреннего потребления газа для компенсации экспорта нефти. Тем не менее, существенное различие в степени адаптированности к мировому рынку имеется, и оно указывает на стратегическую правоту приватизации нефтяной отрасли нашей страны.

Впрочем, регулирование налогов на экспорт нефти привело к тому, что нефтяным компаниям стали безразличны колебания цен на нефть. В частности, они не прореагировали на рекордный скачек цен на нефть, поскольку при цене выше 30 долл. за баррель государство все равно изымает разницу в виде налогов и пошлин. Главную ставку компании делают на объемы экспорта. То есть, нефтяные компании были вынуждены отказаться от стратегии в пользу решения вопросов текущего момента.

2. Нефтяная отрасль так же, как и газовая, зависит от состояния нефтепроводных трасс, обеспечивающих экспортные поставки в страны СНГ, Центральную и Западную Европу. Главная проблема — неудовлетворительное состояние транспортной инфраструктуры нефтеснабжения:

- *основные нефтепроводы*, по которым осуществляется доставка нефти в Европу, *принадлежат государству*. Основная идея такого метода управления транспортной инфраструктурой — осуществлять контроль над частными компаниями-экспортерами нефти, что и выполнялось вполне по «постсоветской» модели и с ожидаемыми экономическими последствиями;
- мощность системы трубопроводов достаточна для доставки нефти из месторождений Тюмени, Татарстана и Башкирии, но не обеспечивает транспортировку высококачественных сортов нефти Прикаспия;
- застарелая *экономическая* проблема была реанимирована по политическим мотивам: Прикаспийский проект, отношения между странами СНГ, споры по поводу транзита энергоресурсов через эти страны и пр.

6. ЗАПАСЫ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ РОССИИ

Запасы полезных ископаемых в России вполне соразмерны территории, однако не существует консенсуса по их коммерческой оценке. Используются различные методики; а результаты расчетов — содержание, качество, расчетные затраты на извлечение запасов и иные факторы капитали-

зации полезных ископаемых являются государственной и коммерческой тайной. Например, серьезные специалисты, принадлежащие к школе РАН, предупреждают[5]:

> К настоящему времени выявлены, разведаны и предварительно оценены крупные запасы полезных ископаемых, потенциальная денежная ценность которых в текущих мировых ценах составляет около 30 трлн. долл. Из них 32,2 % приходится на долю газа, 23,3 % — на уголь и горючие сланцы, 15,7 % — на нефть, 14,7 % — на нерудное сырье, 6,8 % — на черные металлы, 6,3 % — на цветные и редкие металлы и 1,0 % — на золото, платину, серебро и алмазы.

Данная оценка — одна из многих. Это обусловлено разными обстоятельствами, в том числе и таким очевидным, как подверженность мировых цен на минеральное сырье резким и часто непредсказуемым изменениям. Значительно выше (140,2 трлн. долл.) оценивается прогнозный потенциал. В его структуре полностью доминирует твердое топливо (79,5 %), далее следуют газ (6,9 %) и нефть (6,5 %). На долю всех остальных видов полезных ископаемых приходится в совокупности 7,1 %. Такое разительное отличие от структуры балансовых запасов обусловлено в первую очередь колоссальными прогнозными запасами углей на азиатской территории России.

Необходимо подчеркнуть, что собственно величина запасов, даже подготовленных к промышленному использованию, играет довольно ограниченную роль: рост внутренних издержек на освоение и эксплуатацию месторождений неизбежно ведет к уменьшению балансовых запасов.

Ориентировочные сведения об **обеспеченности запасами** основных энергоресурсов Российской Федерации, исходя из уровня добычи 1991 г., приведены в табл. 7.

Таблица 7. Обеспеченность России запасами энергоресурсов

Ископаемые	Количество лет обеспеченности
Нефть	35
Природный газ	81
Уголь	60–180

Имеются и еще менее оптимистические расчеты: вполне возможно, что разведанные запасы сейчас уже правильнее оценивать в 5–10 трлн. долл., а прогнозные — не дороже разведанных. По сообщению Российского Министерства природных ресурсов (уже не существующего), основанному на анализе проектных документов нефтяных компаний, *планируемая добыча нефти обеспечена запасами только до 2010 года.*

«В нынешнем году российские компании планируют добыть 440 млн тонн нефти, а прирост запасов может оказаться вдвое ниже. Более того, с каждым

5 Путь в XXI век / Под ред. ак. Д. С. Львова. — М., Экономика, 1999.

годом геологи обеспечивают разведку все меньших объемов. Если в 2001 году прирост запасов составил 375 млн т, в 2002 году — 254 млн т, то в 2003 году, по предварительным оценкам, лишь 240 млн т». Хотя данные по разведанным запасам считаются государственной тайной, различные эксперты периодически делают оценки. Большинство сходятся на величине 6–7 млрд т нефти. Пессимисты ориентируются на «подтвержденные» величины — 3–3,5 млрд т. Оптимисты полагают, что Север, Восточная Сибирь и морской шельф таят еще несколько десятков миллиардов тонн сырья. Правда, и они согласны, что эта величина никакими полевыми исследованиями не подтверждена.

Практически все разведанные запасы нефти страны распределены между российскими компаниями. В распоряжении государства осталось всего около 8 % запасов в основном трудно извлекаемой нефти в местах с плохой инфраструктурой. Готовые к разработке, даже средние по запасам, месторождения в государственном резерве отсутствуют. Тем не менее, при сочетании благоприятных внутренних и внешних условий (иначе — при высоких ценах и налоговой стабильности) добыча нефти в России может составить порядка 490 млн т в 2010 году и возрасти до 520 млн т к 2020 году. При условии: в течение примерно 10 лет компаниям необходимо инвестировать только в геологоразведку порядка 30 млрд долларов, тогда, как в 2003 году, по данным МПР, на эти цели выделено в общей сложности около 45–46 млрд рублей (чуть больше 1,5 млрд долл). Из них 7 млрд руб. потратило государство.

Таким образом, расхождения по запасам горючих углеводородов составляют разы, и зачастую оптимизм или пессимизм оценок запасов (а тем самым, долгосрочных перспектив экспорта) российских энергоносителей зависит от политической конъюнктуры. Яркий пример: рекордный скачек мировых цен на нефть, напрямую связанный с неустойчивостью положения не Ближнем Востоке, вызвал поиск средств давления на монополиста — Саудовскую Аравию. В результате последовало заявление о том, что запасы энергоресурсов России недооценены — более правильно их увеличить минимум в три раза. Что эти запасы значительно превышают ближневосточные, и в будущем наша страна станет основным мировым поставщиком нефти и особенно газа. Пока же она имеет возможность увеличить поставки нефти в Европу «без ущерба для будущих поколений».

Но, как говорилось выше, степень разведанности новых нефтяных районов России невысока, требуются многомиллиардные иностранные капиталовложения в проекты с длительностью реализации порядка десятков лет. Разумеется, в современном мире все возможно, но пока никто не рассматривал экономическую составляющую столь оптимистических утверждений.

Данные о том, что средняя себестоимость добычи российской нефти уже сейчас втрое выше ближневосточной (соответственно, 2 и 6 долл. / баррель *без учета транспортной составляющей),* приводятся в прессе как малосущественные.

Продолжает ухудшаться структура разведанных запасов нефти. Происходит опережающая разработка наиболее рентабельных частей месторождений и залежей. Вновь подготавливаемые запасы сосредоточены, в основном,

в средних и мелких месторождениях, причем в значительной части трудноизвлекаемы. В целом, объем сложных для добычи запасов составляет более половины разведанных ресурсов страны.

Структура **запасов газа** в России ухудшается медленнее, однако увеличивается доля сложных запасов, в том числе на шельфах территориальных морей. Запасы Западной Сибири — сейчас основного газодобывающего региона страны (Медвежье, Уренгойское, Ямбургское) — выработаны на 55–75 процентов и перешли, либо перейдут в ближайшие годы, в стадию падающей добычи. Главные проблемы — сокращение находящихся в промышленной разработке высокопродуктивных, залегающих на небольших глубинах запасов, сложные природно-климатические условия и удаленность будущих районов добычи газа (Восточная Сибирь, Дальний Восток, полуостров Ямал, Баренцево и Карское моря) от сложившихся центров развития газовой промышленности, перспективы появления в ближайшие годы значительных запасов низконапорного газа. Увеличение в разведанных запасах доли жирных, конденсатных и гелийсодержащих газов, требующих газоперерабатывающей инфраструктуры.

На весь период до 2020 года **главными районами** прироста углеводородного сырья будут Западно-Сибирская, Лено-Тунгусская и Тимано-Печорская нефтегазоносные провинции. Поиск и освоение нефтяных и газовых месторождений на шельфе арктических, дальневосточных и южных морей также являются перспективными направлениями.

Начальные суммарные извлекаемые ресурсы углеводородов морской периферии России составляют, по оценкам, около 100 млрд т в пересчете на нефть (из которых 16 млрд т нефти и более 82 трлн м^3 газа). Основная часть этих ресурсов (около ⅔) приходится на шельфы северных (Баренцево и Карское) морей. Штокмановское газоконденсатное месторождение на шельфе Баренцева моря обладает запасами около 3,2 трлн кубометров газа.

Изученность российского шельфа, как правило, не превышает 10 %; лишь ресурсы нефти Балтийского моря разведаны почти на 14 %, газа на шельфе Каспийского моря — почти на 20 %.

В среднесрочной перспективе предполагается обеспечить ускоренный рост подготовки к извлечению углеводородов в Баренцевом, Карском и Охотском морях, а также в российском секторе Каспийского моря.

7. ТРАНСПОРТНЫЕ УСЛОВИЯ ПО ОСИ «ВОСТОК — ЗАПАД»

В Энергетической стратегии России на период до 2020 года[6] однозначно указано, что «в целях поддержания энергетической и экономической безопасности необходимо стремиться диверсифицировать направления экспорта энергоресурсов с развитием северного, восточного и южного направлений экспортных потоков». Рассмотрим, каковы условия и перспективы создания транспортных коридоров.

6 Российская бизнес-газета, 30 сентября и 07 октября 2003 г.

Примерно 35 % общих запасов **нефти** в России находятся в отдаленных регионах, с экстремальными транспортными условиями: район Арктики и шельфы северных морей. Районы нефтедобычи расположены в акватории Баренцева моря, в Тимано-Печорском регионе, в северной части Западной Сибири. К перспективным районам нефтедобычи относятся шельфы Карского, Восточно-Сибирского, Чукотского морей и моря Лаптевых, а также северной части Восточной Сибири. Транспортировать нефть придется на судах ледового класса для перевозки сырья.

Средняя дальность транспорта нефти по Северному морскому пути из регионов Севера Европы и Западной Сибири до Европы превышает 3500 км.

Подавляющая часть **газа** из основных газодобывающих районов в Коми и на севере Западной Сибири — Ямала, Ямбурга — будет прокачиваться в районы-потребители по трубопроводам. Однако проектируется и перевозка сжиженного газа с помощью судов — газовозов, стоимость постройки которых, впрочем, значительно выше, чем танкеров для перевозки нефти.

Если учесть удорожание судов и водных транспортных перевозок в связи с ледовой обстановкой и мелководностью морей, а также необходимостью строить сверхмощные всесезонные ледоколы, то стоимость перевозок энергоносителей по сравнению с транспортировкой супертанкерами из стран ОАЕ увеличивается в два-три раза. Помимо этого, в стране не имеется месторождений, расположенных непосредственно вблизи морских портов, пусть замерзающих и не очень глубоководных. Необходимо строить трубопроводы «порт — месторождения», поскольку перевозки по рекам проблематичны. Дешевых незамерзающих водных путей по рекам в России нет: российские реки мелководны и замерзают на полгода. В последние годы прекратилось движение судов по многим рекам, фарватеры которых не чищены несколько лет по «экономическим соображениям».

Наиболее часто (может быть в силу своей экзотичности) — обсуждается глобальный проект океанских перевозок по Северному Ледовитому океану.

Россия начала интеграцию Северного морского пути в мировую транспортную систему с того, что с 1991 г. официально открыла СМП для международного судоходства. Реально же перевозки в Арктике снизились за последнее десятилетие в 3–4 раза (с 6,6 млн т. в 1987 г. до 1,4 млн т. в 1998 г.) ввиду высоких расходов по транспортировке грузов; ледокольный флот, являющийся федеральной собственностью, с 1991 г. стал убыточным и дотируется из государственного бюджета.

Однако намечаемое освоение месторождений Тимано-Печорской провинции и полуострова Ямал позволяет проектировщикам рассматривать перспективы развития СМП по направлению к Европе.

Прогнозируемый объем перевозок в Арктике: в 2005 г. — 4 млн т., в 2010 г. — 12 млн т., в 2020 г. — 50 млн т. Кроме того, СМП может стать в ближайшем будущем важным коммерческим связующим звеном между Европейским и Азиатско-Тихоокеанским экономическими центрами. Очевидное географическое преимущество СМП — более короткие расстояния по сравнению

с южными маршрутами (через Суэцкий и Панамский каналы). На эталонном международном маршруте Иокогама — Гамбург плавание по СМП короче на 37 %[7]. Существенно сократить дальность транзитного плавания по Северному Ледовитому океану позволит использование высокоширотных трасс так называемой «арктической дуги большого круга»[8].

Следует отметить, что в указанных материалах не рассматриваются вопросы цены перевозок. Удорожание связано со многими факторами: капитальные вложения в сооружение мощных всесезонных ледоколов; строительство и оборудование аналогичных портов; относительная мелководность прибрежных морей Ледовитого океана позволяет проход лишь танкеров меньшей вместимости.

Сейчас поставки российской нефти на европейские и мировые рынки ограничены мощностями трубопроводной монополии — «Транснефти». В среднем российские компании экспортируют по трубе 35–40 % добываемой нефти (в прошлом году — около 150 млн т). Железнодорожным и речным транспортом вывозится за рубеж 5,3 млн т (2005 г.).

Имеющиеся сейчас мощности *магистральных газопроводов большого диаметра из Западной Сибири* в целом достаточны для экспортных поставок газа в Европу и поиск новых путей трубопроводного транспорта, по общему мнению, обусловлен чисто политическими причинами.

Необходимо подчеркнуть, что дискутируемые сейчас крупные проекты по трубопроводному транспорту нефти и газа, относятся, в основном, к направлению «Север-Восток» и имеют целью выход в Китай и (или) к морским портам для транспортировки в Тихоокеанский регион.

Что касается рассматриваемого нами направления «Восток-Запад», то здесь магистральные нефте- и газопроводы проектируются и строятся, исходя из следующих целей:

а) для перекачки топлива в обход стран СНГ,

б) по дну Балтийского моря для поставки в Европу в обход стран Балтии, Польши, Украины и Белоруссии,

в) по Черному морю для выхода в Европу параллельно с морским транспортом нефти для разгрузки Босфорского пролива;

г) через Каспийское море в Турцию и далее в Европу (впрочем, газ, подаваемый сейчас в Турцию, полностью расходится на внутреннее потребление).

«Газпром» поставляет газ в 25 европейских государств и ревниво относится ко всяким попыткам разрушить эту монополию: по оценкам «Газэкспорта» валютная выручка компании в 2003 году составила 16,5 млрд долл. Сейчас транспортные пути российского газа на европейский рынок проходят прежде всего через Украину и Белоруссию.

Перед компанией «Газпром» стоит стратегическая задача — уменьшить зависимость экспортных поставок российского газа в Европу от стран-тран-

7 Кроме того, плавание через Суэцкий и Панамский каналы также сопряжено с рядом ограничений не только политическим, но и по размерам и осадке судов и очереди на проход.

8 Транспортные связи России. Глава 4. Северный морской путь: путь к развитию евро-азиатских связей (Сайт *Agency Business Press*. http://www.bpress.ru/free/transport/2/44.htm).

зитеров, территориально расположенных между Россией и платежеспособными европейскими потребителями.

Как попытку компании вырваться из полной зависимости от Украины и Белоруссии следует считать уникальный по сложности проект «Голубой поток» — напрямую из России в Турцию (2001 г., стоимость — почти 4 млрд долл. США). Этот газопровод состоит из небольших сухопутных участков на территории двух стран, а основная его часть проложена по дну Черного моря. Трубопровод рассчитан на ежегодную поставку до 16 млрд кубометров газа, однако Турция стала практически монопольным потребителем газа, поступающего по этому газопроводу.

Готова также первая ветка газопровода Ямал — Европа, однако основная его часть проходит по территории Белоруссии и Польши, и не может функционировать автономно.

8. ПРОГНОЗ ПОСТАВОК НЕФТИ И ГАЗА В ЕВРОПУ

Рассмотрим сводный прогноз параметров европейского рынка углеводородов на 2015 год.

Мы полагаем, что основной тенденцией энергетической политики ЕС станет стремление к диверсификации источников поставок энергоресурсов, в конечном счете — обеспечению энергетической безопасности союза. Методом регулирования станет усиление рыночных механизмов, создание предпосылок для относительно свободной конкуренции. «Относительно», потому, что разработка месторождений — процесс длительный, сооружение магистральных газопроводов также сопряжено с многолетними и дорогостоящими проектами. Поэтому основными игроками данного рынка останутся крупные картели и корпорации. Вопрос в том, в какой мере конкуренция этих картелей и корпораций независимо от их формы собственности и национальной (наднациональной) принадлежности будет освобождена от оперативного политического управления и будут ли обеспечены элементарные правила состязательности?

Объем поставок по направлениям принят нами с учетом тенденций формирования потоков энергоресурсов из основных экспортирующих территорий и источников и с учетом формирующихся ныне крупнейших инвестиционных проектов. Мы полагаем, что для Европы перспективны Прикаспийский и Африканский проекты добычи нефти, Североморский — природного газа.

Транспортные коридоры по доставке нефти и газа, по-видимому, будут формироваться с учетом стоимостных показателей и дальности доставки. Для России важно, что принятая ЕС идеология диверсификации источников энергоресурсов добавляет к этому также и намерение получать центрально-азиатские и прикаспийские газ и нефть в обход российской (и украинской, и белорусской) территории.

Сводные показатели прогноза поставок нефти и природного газа в Европу на 2015 год приведены в таблице 8.

Итак, по нашему мнению, среди эвентуальных поставщиков энергоресурсов на рынок Западной и Восточной Европы наша страна займет следующие позиции.

Нефть.

По поставкам нефти в Европу Россия разделит 4–5 место со странами Прикаспийского региона.

По себестоимости добычи и транспорта нефти — пятое место, причем удельные экономические показатели себестоимости добычи и транспорта более чем в 2 раза превысят цифры по странам Ближнего Востока.

Удельная потребность в инвестициях на поддержание экспорта — самые высокие и в более, чем 2 раза превышают показатели инвестиционных проектов Ближнего Востока.

Газ.

По поставкам газа в Европу — второе место после поставок природного газа из Северного моря.

По себестоимости добычи и транспорта — пятое, удельные показатели себестоимости добычи и транспорта превышают показатели главного конкурента — месторождений Северного моря на 30–40 %.

Удельная потребность в инвестициях на поддержание экспорта российского газа — превышают показатели месторождений Северного Моря не более чем на 20 %.

Инвестиционные проекты.

Для поддержания экспортных возможностей на европейском рынке нефти и природного газа в последующие 10–15 лет России потребуются крупномасштабные инвестиции в освоение новых месторождений, поддержание и развитие транспортной инфраструктуры (в первую очередь, на капитальный ремонт и строительство магистральных трубопроводов): в газовую промышленность — примерно 2.3–2.5 млрд долл. в год; в нефтяную промышленность — примерно 3.5–4 млрд долл. в год.

Таким образом, по поставкам нефти основным экспортером останется Ближний Восток, по поставкам природного газа — Северное море. Основным конкурентом России по поставкам нефти в Западную Европу, вытесняющим её из занятой экономической ниши, могут стать страны Северной и Центральной Африки и Прикаспийского региона.

Для иллюстрации данной таблицы на карте-схеме (рис. 1) намечены основные коридоры и направления поставок ресурсов нефти и газа по оси «Восток — Запад».

9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы полагаем результатом работы предварительную оценку конкурентоспособности и связанных с ней перспектив экспорта российских энергоносителей на рынок Западной Европы. Ставилась цель обозначить ориентиры для выработки стратегии развития данного сектора экономики нашей страны.

Таблица 8. Поставки нефти и газа в Европу к 2015 году (прогноз)

Регион экспорта	Объём годовых поставок (нефть — млрд т, газ — м^3)	Доля в потреблении, %	Способ транспортировки***и дальность, тыс. км	Себестоимость у потребителя (оценка), долл. (нефть — за барр., газ — за тыс. м^3)	Оценка потребности в инвестициях на поддержание добычи и развитие проекта, млрд долл.
1. Ближний Восток и Иран			4 — через Суэц, 20 — вокруг Африки		
нефть	300	36,6	танкеры, труба	10–12	65–70
газ	40	5,5	труба	50–55	45–50
2. Северное море			1,5–2		
нефть	150	18,4	танкеры, труба	16–18	55–60
газ	310	45	труба	55–60	
3. Африка			0,7–2.5		
нефть	130	15,6	Танкеры, труба	14–16	45–50
газ	130	18	труба	50–55	45–50
4. Прикаспийский регион и страны СНГ Центральной Азии			3–4		
нефть	120	14,6	труба	16–18	40–45
газ	70	9,5	труба	45–50	25–30
5. Россия			5–6		
нефть	120	14,6	труба	22–24	55–60
газ	170		труба	75–85	35–40

* включая СПГ;
** для европейской территории России и Западной Сибири;
*** транспорт нефти из Ближнего Востока — океанические танкеры; транспорт СПГ — танкеры

1. Россия на рынке энергоносителей Западной Европы участвует поставками *нефти – как один из значащих партнеров, природного газа – ведущий; сжиженного газа (СПГ) – гораздо менее значащий партнер.* Что касается основных по запасам энергоносителей — каменного и бурого углей, — то по условиям размещения эффективных месторождений добычи в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке и транспортным ограничениям — эти энергоносители на данном рынке практически отсутствуют и вряд ли имеют хорошие перспективы в будущем. Аналогично обстоит с экспортом в Западную Европу электроэнергии.

2. Хотя европейский рынок **нефти и нефтепродуктов** регулируется крупнейшим картельным соглашением мира — ОПЕК, все же на него допущены и независимые производители. Россия в известной мере может воздействовать на данный рынок, однако не имеет ни сейчас, ни в долгосрочной перспективе возможности существенно влиять на уровень цен: ее доля в совокупном европейском нефтяном импорте не превысит 14–15 %.

На текущий период нехватки энергоносителей и монопольно завышенных цен на нефть, продукция российских компаний вполне конкурентна во всех странах и регионах ЕС. Однако ожидается нарушение равновесия рынка в связи с вводом в эксплуатацию месторождений стран Магриба — в первую очередь Ливии и Алжира, — новых залежей Северного моря, а также Прикаспия и с восстановлением промышленности Ирака. В этом случае возможны два варианта.

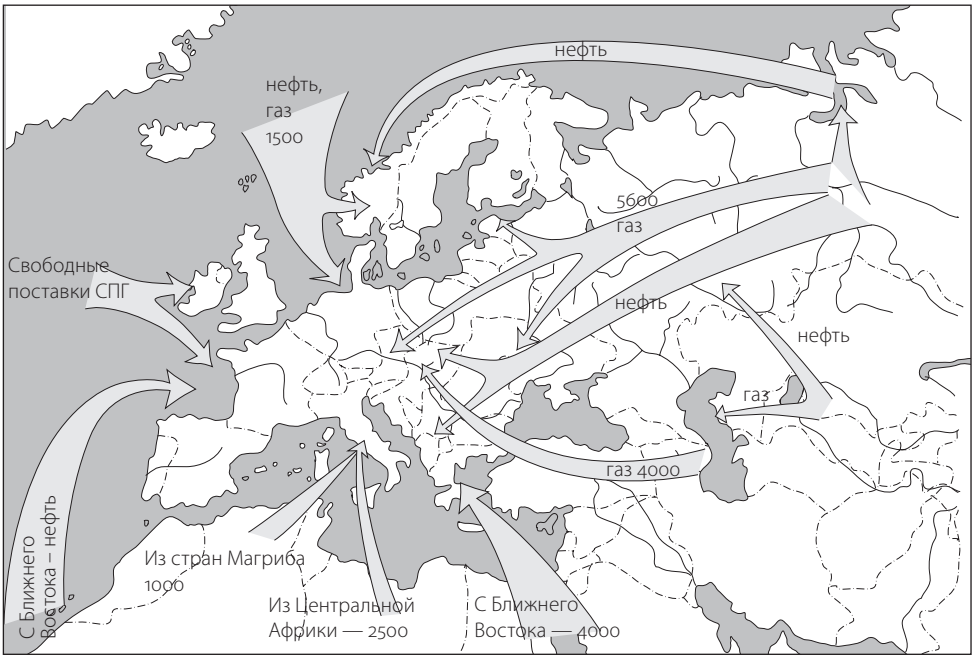
- новое картельное соглашение стран ОПЕК и ЕС о стабилизации и квотировании поставок. Тогда цены будут покрывать себестоимость и включать прибыль и рентный фактор по средним параметрам добычи и транспортировки доставки. Это автоматически ограничит развитие месторождений Тюмени и старых месторождений европейской части России. Все же объем поставок российской нефти в Западную Европу останется существенным, а основным конкурентом России станет нефть прикаспийских месторождений;
- картельного соглашения достичь не удастся, или оно будет заключено без учета экономических условий экспорта российской нефти: страны-экспортеры будут иметь такое совокупное превышение предложения над спросом, что станут настаивать на соблюдении условий «свободы конкуренции». Тогда российская нефть может быть вытеснена с европейского, более того — с мирового рынка.

Себестоимость добычи нефти на Ближнем Востоке и в Ливии составляет 2–6 долл. США за баррель при глубине залегания до 2 км. Нефть расположена вблизи океанских портов, что резко сокращает транспортные издержки.

В России себестоимость добычи нефти оценивается в 6–14 долл. США за баррель при неполном учете затрат на создание и поддержание инфраструктуры, и при крайне низкой заработной плате. При выравнивании уровня заработной платы со стандартами развитых стран, доведении производственной и социальной инфраструктуры районов добычи до приемлемого минимума можно ожидать увеличения средней себестоимости добычи действующих месторождений в полтора раза. Себестоимость нефти с новых месторождений ввиду увеличения глубины залегания пластов достигнет 22–24 долл. США, даже если не полностью учитывать удорожание инфраструктуры.

Стоимость транспорта российской нефти в несколько раз выше транспортировки ближневосточной: средняя дальность доставки по нефтепроводам превышает 3000 км (Ливия — 600 км, Норвегия — 1000 км); часть поставок производится на морских судах и железнодорожном транспорте, тогда как

Рис.1. Поставки углеродов в Европу к 2015 году (прогноз)



Примечание: цифры обозначают расстояние от поставщика до центра Европы в км.

основную массу мировых поставок нефти из Ближнего Востока осуществляют океанские суда (в десятки раз дешевле железнодорожного транспорта). Таким образом, конкурирующие страны и регионы имеют вдвое-втрое меньшую дальность доставки по трубопроводам; практически не используют железные дороги. Основной транспортный поток формируют океанские (в обход каналов) или крупнотоннажные морские танкеры (через Суэцкий канал).

В целом, относительное по сравнению с основными конкурентами удорожание по транспортной составляющей в себестоимости нефти из России достигает 2 и более раз. В связи с этим возможное (но, как указывалось выше — на ближайшие годы маловероятное) снижение мировых цен на нефть ниже уровня 20–22 долл. США за баррель сделает экспорт российский нефти невыгодным.

3. Европейский **рынок газа** монополизирован и управляется долгосрочными контрактами, в которых активно участвует Газпром. Некоторый элемент рыночной конкуренции вносят поставки сжиженного природного газа (СПГ) по краткосрочным контрактам.

В настоящее время Россия обеспечивает 26 % потребления и 66 % импорта природного газа в страны ЕС. На перспективу российская доля импорта природного газа может сократиться до 24 %. Но даже и в этом случае на ближайшие десять лет цена газа, по-видимому, обеспечит эффективность экспорта из действующих месторождений. Однако полной уверенности в том,

что будет обеспечена реконструкция магистральных газопроводов и освоение новых газовых провинций в Западной Сибири, и, главное, шельфов северных морей пока нет.

4. Среднее транспортное плечо для газа по России — 2200 км, а при экспорте (если учесть страны СНГ) — порядка 3700 км. Средняя цена транспортировки: стоимость прокачки из России одной тысячи кубометров на 100 км в обозримой перспективе вырастет до 2 долл. США, что будет означать практически двукратное увеличение ставки.

Себестоимость российского газа на скважине 4 долл. США за 1000 кубометров. Это последний относительно «дешевый» газ: себестоимость газа со Штокмановского месторождения на берегу Охотского моря по расчетам Газпрома поднимется до 5,7–6,0 долл. США за 1000 м^3.

5. Поддержание уровня газового экспорта в Европу путем освоения новых месторождений Восточной Сибири и шельфов северных морей проблематично: сдвиг месторождений на Север и Восток ухудшает условия транспорта газа и разработки месторождений и тем самым резко увеличивает цену экспорта. По расчетам Газпрома граница предельной зоны, где еще рентабелен экспорт газа из Западной Сибири, уже сейчас идет по середине Франции. Далее, к западу континента, экспорт газа нерентабелен.

Сильным конкурентом выступают новые газовые месторождения Прикаспия, Ливии и Алжира, а также Центральной Африки, транспортные плечи которых существенно короче, а условия добычи, как минимум, не хуже. Вместе с тем, имеется уверенность в масштабном экспорте на Европейский рынок больших количеств российского природного газа при условии, что рынок энергоносителей не претерпит коренных изменений.

10. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Значительная часть разведанных ресурсов России, а тем более перспективных — это низкосортный уголь Восточной Сибири, заведомо не имеющий внутреннего потребителя и неконкурентный на мировом и, особенно, европейском рынках. В России не так уж много месторождений энергетических ресурсов, пригодных для разработки в условиях свободного мирового рынка, а тем более — конкурентных на рынках Европы.

2. На начальной стадии исследования мы оцениваем долгосрочные перспективы обеспечения конкурентности российских энергоносителей на рынке **Западной Европы** как не вполне надежные. Это может препятствовать крупномасштабным долгосрочным инвестициям западных стран в развитие энергетического сектора России.

Вместе с тем экономическая «ниша» для поставок российского газа в Западную Европу сохранится, хотя объемы поставок и доля в совокупном потреблении может уменьшиться.

3. Поставки энергоносителей в **Центральную Европу** могут быть конкурентны предложениям из прочих регионов: хотя себестоимость добычи российских энергоносителей объективно выше, чем на Ближнем Восто-

ке, но транспортные схемы более эффективны. Условием для обеспечения устойчивого экспорта является рационализация деятельности нефтяных компаний и ОАО «Газпром», а также снижение издержек на основе принципиального изменение концепции освоения и эксплуатации месторождений Севера.

4. Сохранение экспортных позиций по поставкам природного газа и нефти на рынок Европы обусловлено успехом реализации крупномасштабных инвестиционных проектов.

Общая стоимость таких проектов на период до 2015 года оценивается:

по газовой промышленности — 35–40 млрд долл. США;

по нефтяной промышленности — 55–60 млрд долл. США.

Поскольку позицию России на мировом и европейском рынках энергоносителей нельзя назвать доминирующей, отечественным и иностранным инвесторам потребуются серьезные государственные гарантии. Важнейшее условие — доверие мирового капитала к устойчивости политической стратегии России.

5. Альтернативным вариантом является инвестирование российского капитала в эффективные программы Прикаспия, содействие Черноморскому проекту Украины, и, при наличии условий, в развитие нефтяных и газовых месторождений Центральной Африки и Магриба: отечественная нефтяная и газовая промышленность накопили огромный кадровый потенциал, и при соответствующей реконструкции инжиниринговых компаний нефтяного сектора возможно обеспечить выполнение этих проектов на отечественном же высококачественном оборудовании.

6. Предварительные, выходящие за рамки данной темы, проработки показывают, что для российской экономики логично основное внимание уделить инвестированию проектов освоения энергоресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока с ориентацией экспорта на рынки Китая и Японии.

7. Сохранение на длительную перспективу существующего «мирового энергетического порядка» — а именно картельного раздела мирового рынка энергетических ресурсов — и фактическая ликвидация экономической конкуренции в этом секторе — отменяет выводы настоящей работы. Будут действовать иные правила распределения мировых энергетических ресурсов.

Впрочем, автор придерживается оптимистической точки зрения: как реакцией на государственно-монополистический раздел европейского рынка газа стала конкуренция иных энергопроизводителей — атомных электростанций и СПГ, так и диктат нефтяных картелей ускорит поиск альтернативных источников энергии, среди которых эксперты называют, в первую очередь, синтез водорода.

Клиффорд ГЭДДИ

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ НЕФТИ[1]

На фондовой бирже происходил громкий бум и, как и все бумы, он должен был закончиться.

Джон Кеннет Гелбрейт,
Великий крах 1929 года

«Как и все бумы», российский нефтяной бум должен когда-то закончиться. Важно понять: когда и как скоро? Однозначно ответить на эти вопросы не просто. Но нам есть от чего отталкиваться.

Становится все более очевидным, что российский нефтяной сектор был и будет служить в обозримом будущем основой экономического развития страны. С 1997 года рост российского ВВП был тесно связан с уровнем мировых цен на нефть (см.: График 1). Это, конечно, не случайно. Все согласны с тем, что в последние годы высокие цены на нефть стали для России неожиданной удачей, даже если наблюдатели расходятся в оценке влияния высокой цены на нефть на экономический рост.[2] Иногда не учитывается степень влияния резкого роста добычи нефти, который составлял почти 9 % в год на протяжении последних пяти лет (см.: График 2). Как сказал один из авторов последнего отчета ОЭСР о состоянии российской экономики, российский рост — это «рост выкачивания» (Ahrend, 2004).

Угрозу этому росту со стороны всякого серьезного падения цены на нефть признают все, но нас интересует другой, более серьезный вопрос: не «выдохнется» ли Россия при таких ценах?

Лесли Дайнес рисует мрачную картину. Он отмечает, что в основном рост добычи после 1999 года был связан со «старой нефтью», то есть нефтью,

1 Clifford Gaddy, «Perspectives on the Potential of Russian Oil», *Eurasian Geography and Economics*, 2004, 45, No. 5, pp. 346–351.

2 Такие оценки заметно разнятся. По оценкам Всемирного банка (World Bank, 2003), повышение цены на нефть на 10 % вело к росту российского ВВП на 0,7 %. По подсчетам Раутавы (Rautava, 2002), влияние цены на нефть было втрое сильнее, а в недавнем отчете ОЭСР приводятся результаты исследования, которое показало, что оно было вдвое слабее, чем полагал Всемирный банк.

График 1. Мировые цены на нефть
и российский экономический рост, 1997–2003 гг.

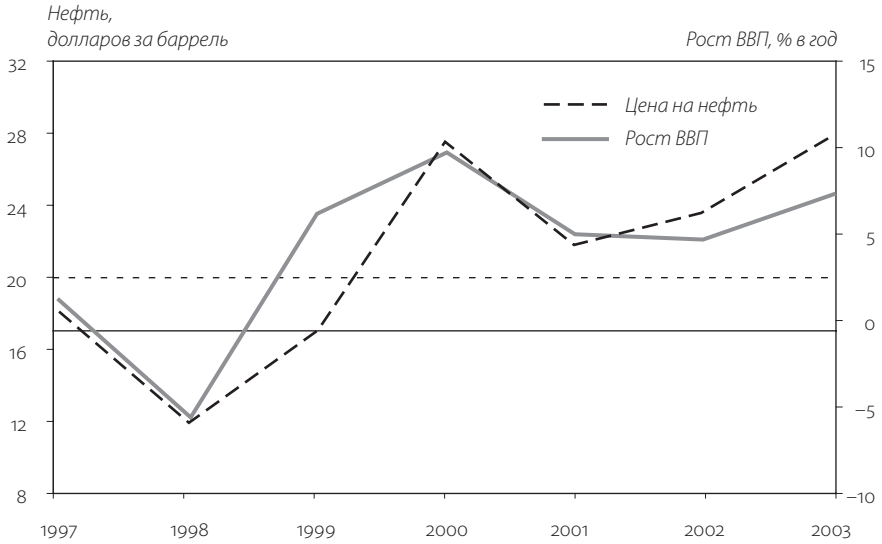
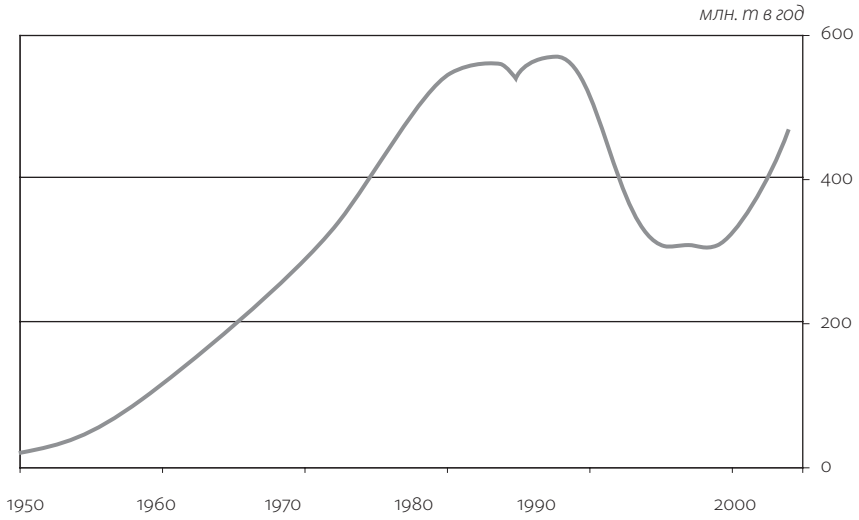


График 2. Российская добыча нефти, 1950–2003 гг.



которая либо не была выкачана в 1990-х годах вследствие постсоветской экономической неразберихи, либо была законсервирована в 1980-х годах вследствие бездумной добычи последних лет существования Советского Союза. Но дни этой относительно легкой нефти сочтены. Сегодня к «геологии и географии» подходят с лучшими технологиями и новыми рыночными отноше-

ниями. Однако извлечь новые запасы будет намного труднее: они расположены в худших, то есть более холодных и отдаленных областях.

Поэтому нынешняя тенденция роста добычи российской нефти носит временный характер. Добыча не достигнет пика советской эпохи (569 миллионов тонн в 1987 и 1988 годах) даже в случае вливания иностранного капитала и использования новых технологий. Такой прогноз имеет серьезные последствия для России. За последние пять лет многое было сделано благодаря нефти. Но не менее важно, что различные участники и группы интересов в стране строили свои предположения и расчеты исходя из того, что нынешний нефтяной бум продлится неограниченно долгое время. Но больше всего бросаются в глаза экономические амбиции: вспомним поставленную президентом Путиным задачу удвоения ВВП за восемь-десять лет. Но амбиции не ограничиваются одной лишь экономикой страны. Фиона Хилл убедительно показывает, что российские лидеры отводят своей стране новую глобальную роль «энергетической сверхдержавы» (Хилл, 2005).

Нечто подобное уже было в истории России. В начале 1970-х годов поставки огромных новых запасов сибирской нефти и резкий скачок цены на нефть в 1973 году из-за арабо-израильского конфликта стали тем, что один историк назвал «величайшим экономическим благом из тех, что Советский Союз когда-либо имел» (Kotkin, 2001, p. 15). На новые деньги появилось множество претендентов. Военные занялись разработкой новых дорогостоящих видов вооружений, а элиты коммунистической партии (и в меньшей степени промышленный рабочий класс, на который они опирались) попытались увеличить производство отечественных потребительских товаров. Деньги также использовались для увеличения субсидий Восточной Европе и поставок оружия новым клиентам в более отдаленных частях света. В начале 1980-х годов они были использованы для оплаты дорогостоящей войны в Афганистане.

Сегодняшние замыслы не требуют таких больших затрат. Но они по-прежнему зависят от нефти, и если пузырь лопнет, последствия будут очень серьезными.

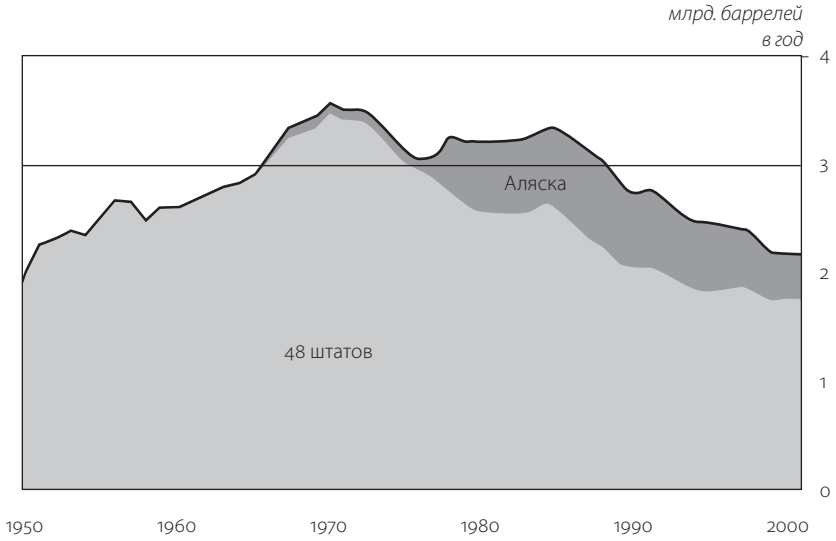
ПИКИ, ПЛАТО И ПАДЕНИЯ

Нынешний нефтяной бум поднимает два важных вопроса. Первый: сколько имеется нефти на самом деле? То есть сколько можно качать и по какой цене (учитывая текущие издержки на добычу и перевозку и капиталовложения)? Не менее важен и второй вопрос: сколько времени? То есть когда будет достигнут пик добычи; как долго она сохранится на этом уровне; и насколько резким будет падение?

Российская кривая добычи вскоре достигнет наивысшей точки в 450–500 миллионов тонн в год, а затем пойдет вниз. Но как «скоро»? Возможно, через год или два. С учетом показателей России в начале 2004 года и при сохранении нынешних темпов роста она достигнет уровня ежегодной добычи в 450 миллионов тонн в год уже к концу этого года, а 500 миллионов тонн — к концу 2005 года.

Что потом? Как долго Россия сможет поддерживать добычу на максимальном уровне? Рассмотрим опыт страны, которая уже пережила пик, плато и падение, — опыт Соединенных Штатов. Соединенные Штаты занимались добычей нефти с 1859 года. Они постепенно повышали уровень добычи на протяжении следующих ста лет, достигнув абсолютного пика в 1970 году. Благодаря месторождениям на Аляске, Соединенные Штаты смогли поддерживать добычу на одном уровне в течение пятнадцати лет. Но уже в 1985 году новая нефть с Аляски не смогла восполнить сокращение добычи в 48 континентальных штатах. Затем началось постепенное сокращение общей добычи, которое продолжается и по сей день (сейчас она составляет только половину максимальной добычи 1970 года, что даже меньше, чем в 1950 году), как показано на Графике 3.

График 3. Добыча нефти в Соединенных Штатах, 1950–2002 гг.



Нефть с Аляски продлила американское плато. Может ли нечто подобное произойти с новыми российскими месторождениями в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке? Здесь нет повода для оптимизма. Ожидать в следующем десятилетии поставок новой нефти, достаточных для того, чтобы возместить исчерпание нефтяных месторождений, оставшихся от позднесоветского и постсоветского периодов, не приходится. Это значит, что плато будет очень коротким. Когда Россия достигнет своего пика в добыче нефти, спад не замедлит наступить.

В конечном итоге, проблема состоит не столько в общем объеме нефти, который можно рентабельно добывать в России, сколько во времени. Пик продлится недолго, затем наступит короткое плато, а потом произойдет резкое падение. В конечном итоге, время зависит не столько от технологиче-

ских проблем, сколько от институциональной и политической среды — короче говоря, от отношений между российским государством и российскими (и иностранными) нефтяными компаниями.

ДВЕ КОРПОРАТИВНЫЕ МОДЕЛИ

На самом деле на протяжении последних пяти лет в российском нефтяном секторе проходили апробацию две корпоративные модели. Первая связана с группой нефтяных компаний, контролируемых инсайдерами (Сургутнефтегаз и Лукойл). Вторая представлена группой компаний, контролируемых и управляемых финансистами, из которых особого внимания заслуживают Юкос и Сибнефть. Последние проводили политику максимизации нынешней добычи. Они сосредоточили усилия на выкачивании того, что осталось во время периода «неразберихи в отрасли» 1992–1999 годов, ничего не вкладывая в развитие. Юкос наиболее полно воплотил этот подход «добыча — сейчас». Отсутствие внимания Юкоса к разработке новых месторождений не может не вызывать удивления. Из всей российской нефтедобычи в 2000 году на новую нефть у Юкоса приходилось только 0,3 %.

ОТСУТСТВИЕ ВНИМАНИЯ ЮКОСА К РАЗРАБОТКЕ НОВЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ НЕ МОЖЕТ НЕ ВЫЗЫВАТЬ УДИВЛЕНИЯ. ИЗ ВСЕЙ РОССИЙСКОЙ НЕФТЕДОБЫЧИ В 2000 ГОДУ НА НОВУЮ НЕФТЬ У ЮКОСА ПРИХОДИЛОСЬ ТОЛЬКО 0,3 %

Первая группа компаний инвестировала в разведку и разработку новых месторождений. Но, с другой стороны, добыча у них выросла ненамного. Кроме того, они почти ничего не сделали для своей реструктуризации и сокращения издержек. Они по-прежнему следовали затратной патерналистской практике градообразующей компании советской эпохи, предполагавшей решение проблем занятости и социального обеспечения.

Подходы двух групп, таким образом, были в корне различными.[3] Можно сказать, что ни один из подходов сам по себе не был идеальным для России

3 К сожалению, сейчас у нас нет возможности рассмотреть более подробно интересный вопрос о том, почему две группы компаний вели себя так по-разному. Но здесь стоит сделать небольшое замечание. Некоторые аналитики связывают недальновидность Юкоса с его исключительной заботой о рыночной капитализации компании. Но в нефтяной отрасли, по крайней мере на Западе, капитализация выводится не из максимального уровня текущей добычи. Все дело в максимальных размерах будущих запасов, что иногда приводит к фальсификации статистических данных. Уровень запасов важнее текущей добычи. Более убедительным объяснением отказа Юкоса вкладывать средства в развитие служит неопределенность с правами собственности. Зачем вкладывать средства в получение будущей прибыли, когда нет никаких гарантий, что она останется у тебя? Напротив, «инсайдеры» — владельцы и руководство Сургутнефтегаза и Лукойла — могут чувствовать себя более уверенно вследствие своих особых отношений с государственными чиновниками. Эти отношения

в течение последних пяти лет. Скорее оптимальным было именно сочетание этих двух подходов. Если бы Юкосу не удалось столь успешно максимизировать текущую добычу, центральное правительство Путина не смогло бы получить от нефтяного бума столько, сколько оно получило. С другой стороны, если бы все компании следовали примеру Юкоса, в будущем вполне буквально не осталось бы никакого замещения резервов, вследствие чего после достижения пика кривая добычи резко пошла бы вниз.

Но теперь положение изменилось. Эпоха простого выкачивания остатков нефти завершилась. И если, с точки зрения Кремля, Юкос и другие частные компании подходили только для этого, то, возможно, теперь, когда они уже выполнили свою задачу, вполне разумно убрать их со сцены. Вероятно, что не только Ходорковский, но, возможно, и все остальные компании, контролируемые финансовыми группами, вскоре окажутся не у дел. Но что дальше? Смогут ли государство и «квазигосударственные» компании со всей своей заботой о будущем совладать с ситуацией и отсрочить упадок отрасли? Некоторые аналитики полагают, что их усилий будет недостаточно. Скорее всего, потребуется значительное участие иностранных нефтяных компаний.

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТОРЫ ПРИ ПУТИНСКОМ «УПРАВЛЯЕМОМ КАПИТАЛИЗМЕ»

На самом деле именно на это может быть нацелена путинская модель. Когда он пришел к власти в 2000 году, он полагал, что сможет договориться с ведущими отечественными олигархами. Они должны были обсуждать с ним все важные стратегические решения. Они не должны были выдвигать свою повестку дня, используя корпоративные каналы либо оказывая влияние на политику. Взамен они могли сохранить свой бизнес и продолжить получать от него прибыль.

Михаил Ходорковский решил не участвовать в этой сделке. Он намеревался играть ведущую роль и собирался стать новым лицом с обложек журналов. Такое поведение Ходорковского могло привести к краху описанного негласного соглашения. Он не обсуждал свои важные решения с Кремлем. Он даже попытался купить влияние в Думе, чтобы создать законодательство для энергетического сектора независимо от Кремля.

Кажется, что после поражения Ходорковского Путин может придти к новому устройству своего «управляемого капитализма». Вместо полной опоры на ненадежных российских олигархов, которые хотят проводить свои собственные политические и экономические программы, Путин может

составляют своеобразный актив, который Барри Айкс и я называем «капиталом связей» (Gaddy and Ickes, 2002). Сегодня в России никто не имеет по-настоящему гарантированных прав собственности. Чтобы спокойно вести дела, инвестируя в физический и финансовый капитал, собственник также должен обладать капиталом связей и инвестировать в него. Различие в поведении Лукойла и Юкоса связано с различными объемами такого капитала, которым обладали собственники этих компаний. И этим объясняются различия в политике компаний, хотя руководство преследовало одну и ту же цель — максимизацию прибыли.

попытаться сделать некоторые иностранные компании (например, *BP*) своеобразными стюардами на командных высотах экономики. Основные правила для иностранных компаний не будут отличаться от тех, что предлагались российским олигархам: повышать эффективность и прибыльность в отрасли, но оставаться вне политики и ставить интересы российского государства (в понимании Кремля) над частными и корпоративными интересами.[4]

Путин не отказывается от своей первоначальной модели российской корпоративной системы. Он только видоизменяет ее. Лояльные и надежные отечественные олигархи продолжат играть свою роль, хотя даже их будут держать в узде.[5] В какой степени иностранные компании будут готовы играть по таким правилам, покажет время. Но одно очевидно. Анализ будущего российской нефтяной отрасли делает недавние баталии между российским государством и его деловыми кругами, главным образом дело Юкоса, особенно трагическим. При всем ущербе, нанесенном этим делом имиджу Путина (и России) за рубежом, не в последнюю очередь в деловых и инвестиционных кругах, картина напоминает пресловутую перестановку кресел на палубе «Титаника». Отстранение Ходорковского не может изменить геологию и географию.

Перевод с английского Артема Смирнова

Ahernd, Rudiger, «Pumping GDP Growth», *Moscow Times*, July 16, 2004.

Dienes, Leslie, «Observations on the Problematic Potential of Russian Oil and the Complexities of Siberia», *Eurasian Geography and Economics*, 45, 5: 319–345, July-August 2004.

4 Любопытно, что путинская модель очень похожа на модель, предложенную в начале 1920-х годов большевиком Юрием Лариным. Ларин, человек, которого Ричард Пайпс называет «основателем советской плановой экономики», с самого начала убеждал Ленина перенять систему экономического управления, которая существовала в Германии в годы Первой мировой войны. Ларин называл ее «государственным капитализмом». Создатель этой немецкой системы Вальтер Ратенау столкнулся с той же дилеммой, что и Путин: как создать систему, сочетающую максимальную эффективность частного руководства с общим государственным контролем? Прямая государственная собственность и государственное микроуправление промышленностью ведут к обратным результатам. Но при соблюдении соответствующего баланса убеждения и принуждения частные собственники будут действовать так, как надо. Ленин, конечно, отверг идею Ларина, хотя она и заставила его задуматься. И то, что Ларин предлагал ранней советской экономике, через четверть века весьма успешно было претворено в жизнь в самой Германии. Когда Гитлер назначил Альберта Шпеера министром военной промышленности, шпееровский план действий, описанный им позднее в письмах из тюрьмы Шпандау, заключался в возрождении системы, созданной в Германии во время Первой мировой войны Ратенау. Он отказался от идеи высокоцентрализованной и контролируемой сверху донизу экономики и вместо этого предложил координировать работу промышленности при помощи совместных органов, включающих представителей государства и различных отраслей. Промышленники должны были получать стратегические указания и нести ответственность за их исполнение. Шпеер называл это «собственной ответственностью» промышленности. Сегодняшняя модель Путина очень похожа на нее.

5 Вспомним недавнее решение резко ослабить независимость Российского союза промышленников и предпринимателей, который должен стать инструментом Кремля.

Gaddy, Clifford G. and Barry W. Ickes, *Russia's Virtual Economy*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2002.

Kotkin, Stephen, *Armageddon Averted. Soviet Collapse, 1970–2000*. New York, NY: Oxford University Press, 2001.

OECD (Organization for Economic Co-operation and Development), *Economic Survey of the Russian Federation 2004*. Paris, France: OECD, 2004.

Rautava, Jouko, *The Role of Oil Prices and the Real Exchange Rate in Russia's Economy*. Helsinki, Finland: Bank of Finland, BOFIT Discussion Paper No. 3, 2002.

World Bank, *Russian Economic Report No. 6: August 2003*. Washington, DC: World Bank, August 2003.

Хилл, Фиона, «Энергетическая империя: нефть, газ и возрождение России», См. статью в этом номере *Прогнозиса*.

Рассел ХАРДИН

ПЕРЕХОД К КОРПОРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ?[1]

При изучении нынешнего перехода Восточной Европы от коммунистической автократии к либеральной демократии нам необходимо рассмотреть два вопроса. Во-первых, что требуется для совершения демократического перехода? Во-вторых, к чему приведет переход эти страны? Ответ на первый вопрос кажется намного менее трудным, чем полагают различные политические теоретики. Некоторые восточноевропейские страны уже совершили этот переход с поразительной быстротой. Ответить на второй вопрос намного труднее. Отчасти озабоченность вызывает то, станут ли эти государства похожими на западные либеральные демократии. Этот вопрос куда более сложен, чем может показаться на первый взгляд, потому что западные демократии, олицетворением которых в нашем случае будут служить Соединенные Штаты, сами по себе далеки от либерального идеала, который, как принято считать, они воплощают. Они все более походят на корпоративные демократии (суть этого понятия будет разъяснена ниже).

Западу не удается соответствовать этому либеральному идеалу именно потому, что его практически невозможно достигнуть, так как он не отвечает действительным устремлениям реальных граждан или выборных лиц. Одной из основных проблем стимулирования является коренное различие между стимулами в экономике и стимулами в политике. Политическая власть способна создавать и уничтожать индивидуальное и корпоративное богатство. Поэтому бизнес играет очень важную роль в политике. Отчасти разрушению либерального идеала способствует само сочетание демократии и рыночной экономики. К тому же, на поведение избирателей серьезное влияние оказывают эпистемологические проблемы и проблемы стимулов. И, имея дело с такими проблемами, вряд ли можно быть большим оптимистом (Hardin 2002b).

Я намерен изложить либеральную модель, рассмотреть сложности, связанные с ее применением в реальном мире, а затем обратиться к оценке

1 Russell Hardin, «Transition to Corporate Democracy?» in Janos Kornai, and Susan Rose-Ackerman (eds.), *Building a Trustworthy State in Post-Socialist Transition* (New York: Palgrave Macmilan, 2004), pp. 175–197.

перехода к либеральной демократии на Востоке. Я буду исходить из того, что основной задачей модели либеральной политики и рыночной экономики (тоже либеральной в историческом отношении) является благосостояние граждан. Я не стану вдаваться в анализ возможных средств оценки благосостояния, а просто предположу, что в данном случае достаточно нескольких простых критериев, например размера ВВП на душу населения и некоторых гражданских свобод.

Предполагая, что идеальное либеральное правительство заботится прежде всего о благосостоянии своих граждан, мы сразу же сталкиваемся с проблемой того, каким образом можно побудить наших правителей стать благосклонными по отношению к нам. Династия Цинь в Китае XVIII века называла свое правление «благосклонным» (Rowe 2001: 447). Конечно, его благосклонность была обусловлена его представлениями об организации общества и тем, какие роли должны играть люди различных статусов в этом обществе. И, конечно, представители правительства следили за тем, чтобы оно отвечало их интересам. Точно так же европейским королям не нужно было высокомерно заявлять *«L'etat c'est moi»*, чтобы думать и действовать так, как если бы их собственные интересы в значительной степени отражали интересы их подданных.

Основные проблемы современной американской либеральной демократии связаны с количеством избирателей и соответствующими проблемами представительства и знания граждан о политике (Hardin 2002b). Некоторые восточноевропейские страны вполне могут справиться с этими проблемами, потому что численность населения в них намного меньше, хотя кажется маловероятным, что государства, в которых проживают миллионы граждан, даже если речь идет лишь о нескольких миллионах, способны избежать этих проблем. Важным преимуществом здесь также может стать бóльшая дифференциация политических партий, но говорить об этом пока рано: в партийных системах этих стран до сих пор царит хаос (Carothers 1999). Американские партии больше нельзя называть правыми и левыми — в традиционном американском смысле — по отношению к экономической политике, и теперь различия между ними не так заметны. Гражданам становится труднее понимать происходящее, так как партийная принадлежность кандидатов утрачивает былое значение вследствие широкого признания необходимости свободного развития рынка без какого-либо серьезного центрального руководства (Hardin 2000; 2004). Многие восточноевропейские партии, по-видимому, согласны с подобной экономической политикой, хотя иногда они предпочитают не говорить о том, что они делают на практике.

Для начала мы рассмотрим проблемы современной американской демократии, а затем вернемся к стандартному набору утверждений о том, что либеральная демократия отчасти является следствием жизнедеятельности гражданского общества. В некоторых работах, посвященных гражданскому обществу, утверждается, что политический переход в Восточной Европе может быть достаточно трудным, но некоторые имеющиеся примеры этого перехода, напротив, кажутся удивительно быстрыми и вполне успешными.

На самом деле распространенность вражды и распрей в политике многих этих странах, возможно, ниже, чем в Соединенных Штатах в течение первого десятилетия своего существования, когда внеконституционные действия против политических противников не были большой редкостью. Например, по совершенно неконституционным Законам об иностранцах и подстрекательстве 1798 года, политических противников можно было сажать в тюрьмы. С точки зрения одного историка, к американскому публичному политическому дискурсу 1790-х годов вполне применим эпитет «паранойяльный» (Morgan 1994: 11).

В этой связи возникает гоббсовская проблема политического перехода. Основная проблема такого перехода, с точки зрения Томаса Гоббса, заключается в его угрозе социальному порядку. Он утверждает, что даже умеренная агитация в пользу реформы грозит упразднением правительства и возвращением анархии (Гоббс 2001: 228). Вопреки традиционным гоббсовским представлениям, распространенным в политической философии, переход в Восточной Европе оказался удивительно легким. В частности, во многих восточноевропейских странах практически не возникло серьезных проблем с поддержанием социального порядка. В некоторых странах наблюдался общий рост преступности, возможно, особенно заметный в России с ее квазимафией и вооруженными захватами недавно приватизированных предприятий (Volkov 2004).[2] Но в нормальном уголовном праве не было особенных недостатков, в отличие от договорного права (см., напр.: Radaev 2004b). Кроме того, напыщенные социальные теоретики, неспособные понять свои собственные общества, утверждают, что социальный порядок зависит от широкого консенсуса относительно ценностей. Вопреки таким утверждениям, порядок в странах Восточной Европы сохранялся задолго до перехода, во время перехода и продолжает сохраняться сейчас. Но при этом вряд ли можно говорить о каком-то прочном консенсусе относительно ценностей.

Первый вывод, вытекающий из всего этого, состоит в том, что нынешний восточноевропейский переход противоречит многим стандартным представлениям политической теории, представлениям, которые часто, как принято считать, опираются на серьезный опыт. Некоторые из этих представлений должны быть теперь отброшены, так как они не смогли пройти проверку в Восточной Европе. Речь идет о двух важных и взаимосвязанных, но не тождественных тезисах о том, что демократическое общество нуждается в консенсусе относительно ценностей (Дюркгейм 1996: 226–229 и далее; Парсонс 2002: 89–94; и многие коммунитаристы, напр.: Etzioni 1993; но см.: Hardin 1999: ch. 1, 1995: ch. 7) или что оно нуждается в существовании различных элементов гражданского общества (Арато и Коэн 2003; Токвиль 2002; Патнэм 1996; Putnam 2000). Об этом написаны тысячи страниц, но в основном они содержат утверждения о настоятельной необходимости консенсуса или гра-

2 Законодательство, разрешавшее такие действия, было принято в 1998 году, через два года после первого силового захвата (Алексей Миллер, беседа в Коллегиум Будапешт, 25 ноября 2002 года).

жданского для сплоченности или нормального функционирования демократического общества. Например, многие утверждают, что без гражданского общества и особенно его посреднических организаций полноценная демократия невозможна. Джин Коэн даже говорит о «символическом измерении гражданского общества и роли, которую оно играет в производстве консенсуса... и, следовательно, консолидации общества» (Cohen 1999: 214).

КОРПОРАТИВНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

В эпоху демократического представительного правления было бы ошибкой полагать, что избранные представители власти и бюрократы считают правительство своим точно так же, как его считали своим правители династии Цинь или французские монархи. Но в начале XX века избранные представители власти стали составлять отдельный класс, и складывается впечатление, что многие их действия служат удовлетворению их особых интересов как должностных лиц, иногда вступая в противоречие с интересами их избирателей или граждан (см.: Hardin 2003b). Отчасти они заинтересованы в простом сохранении своих должностей и власти, но нельзя упускать из виду также заинтересованность в извлечении материальной выгоды (включая дальнейший карьерный рост) и получении привилегий, которыми при иных обстоятельствах обладали бы только наиболее влиятельные служащие крупных корпораций или очень богатые люди. Так, Андрас Сайо иронично замечает: «Аморальность властей часто бывает совершенно законной, но она по-прежнему остается неэтичной, например, когда чиновник проводит отпуск на Мадагаскаре, утверждая, что целью поездки было изучение работы государственной службы этой страны» (Sajo 1998: 38). Интересно было бы познакомиться с отчетами о расходовании казенных средств на такие привилегии корпоративным демократам. Но об этих расходах говорят так же мало, как и об огромных окладах исполнительных директоров корпораций. В прошлом аристократические правители обладали такими привилегиями благодаря своему семейному состоянию, а не государственным финансам.

Адольф Берли и Гарднер Минс отмечают, что возникновение корпоративных форм организации частных фирм нарушило связь между собственностью и управлением, создав тем самым возможность конфликта интересов между собственниками и профессиональными управленцами (Berle and Means 1932: 119–125 и далее; см. также: Means 1959). Они описывают три правовые формы, которые может принимать собственность в корпоративной форме. Первая представляет собой аналог чистых прав собственности с управленцами, действующими в качестве агентов владельцев акций корпорации, которые сохраняют полные права собственности на имущество. Вторая имеет сходство с тем, что исторически наблюдалось во многих корпорациях, в том числе в последние годы во время невероятного раздувания «мыльного пузыря» на фондовой бирже 1990-х. Эта форма создает «новые отношения, предоставляя группам полномочия, которые

являются абсолютными и не ограничиваются какими-то предполагаемыми обязательствами относительно их использования». Благодаря своему полному контролю над корпорацией управленцы «могут использовать его в своих интересах и могут направить часть [дохода корпорации и активов] для своих собственных целей», и мы сталкиваемся с возможностью «корпоративного разорения» (Berle and Means 1932: 354–355). Недавно мы наблюдали, что такой серьезный конфликт между управленцами и собственниками в этих двух соперничающих моделей собственности вполне возможен, когда руководство многих честолюбивых фирм в Соединенных Штатах разоряло фирмы, доводя до банкротства собственников, например, тех, чьи пенсионные сбережения практически полностью сгорели в результате последующего краха фирм.

Третья форма корпоративного правления, возможно, связана с тем обстоятельством, что они писали в эпоху, когда были широко распространены представления о превосходстве коммунизма или социализма над капитализмом (Stein 1989). Они предполагали, что корпоративная форма разовьется в то, что теперь принято называть социально сознательными институтами. Это крайне оптимистическое представление противоречит предложенному ими же трезвому анализу того, что уже вылилось в корпоративное правление. Они приводят точку зрения Вальтера Ратенау, высказанную в 1918 году, суть которой состоит в том, что «частое предприятие преобразуется в институт, напоминающий по своему характеру государство» (Berle and Means 1932: 352). По иронии судьбы, они и Ратенау оказались правы по причинам, совершенно противоположным тем, которые приводили они. Корпорации не стали походить на государство в работе на благо общества; скорее, государство стало похожим на корпорации, собственность и управление в которых четко разделены.

КОРПОРАЦИИ НЕ СТАЛИ ПОХОДИТЬ НА ГОСУДАРСТВО В РАБОТЕ НА БЛАГО ОБЩЕСТВА; СКОРЕЕ, ГОСУДАРСТВО СТАЛО ПОХОЖИМ НА КОРПОРАЦИИ, СОБСТВЕННОСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ В КОТОРЫХ ЧЕТКО РАЗДЕЛЕНЫ

Вопреки Ратенау, представительное правление представляет собой форму организации, которая в каком-то смысле аналогична корпоративной форме управления предприятием. Избранные представители власти действуют как «профессиональные» управленцы от имени граждан, которые являются «собственниками» государства. В основном эти представители власти сами следят за собой, если вообще следят, а граждане лишь изредка напоминают о себе, главным образом, во время выборов. Сайо отмечает, что «основополагающий миф парламентского народного суверенитета сегодня, а именно — что члены [парламента] представляют народ или нацию, доказать невозможно» (Sajo 1999: 118). Чиновники — это такие же совладельцы,

как и граждане, но то, что они получают за управление, зачастую намного превышает все, что они могут получить в качестве своей доли общего блага, создаваемого правительством, точно так же, как корпоративные управленцы из *Tyco*, *WorldCom* и *Enron* получали намного больше от разорения этих фирм, чем от действительного увеличения стоимости акций, которыми они владели. На самом деле они, как и предсказывали Берли и Минс (Berle and Means 1932: 296–297), манипулировали рыночной стоимостью этих акций через предоставление искаженной бухгалтерской отчетности с целью собственного обогащения. Контроль над руководством корпораций осуществляли корпоративные советы, члены которых назначались, а многие в этих советах также получали фондовые опционы.

В принципе, избранные представители власти подвергаются большему контролю, но на деле, если их поведение не становится вопиющим, их могут контролировать только их противники во власти. Даже если я не одобряю поведение отдельных представителей своей партии, то всякое действие, которое может быть предпринято мной для отстранения их от власти, будет выгодно не другим, более достойным представителям моей партии, а кандидатам от соперничающей партии, которые получат еще меньшее одобрение с моей стороны, чем нечистые на руку представители моей собственной партии. Демократов, которые голосовали за Ральфа Нейдера, обреченного на проигрыш, справедливо обвиняли в том, что они помогли стать президентом Джорджу Бушу-младшему. Я не откажусь от поддержки своей партии, пока ее представители не вызывают открытого недовольства и не выказывают заботы исключительно о собственных интересах в ущерб мне и моим согражданам.

Если бы при правлении Эндрю Джонсона (1865–1869), Ричарда Никсона (1969–1974) и Билла Клинтона (1993–2001) их партии имели большинство мест в Конгрессе, они вряд ли бы столкнулись с серьезной процедурой импичмента.[3] И только аномалия так называемого смешанного правительства в Соединенных Штатах делает возможным возникновение такой угрозы. Например, во время кампании против Клинтона интересы большинства представителей демократической партии в парламенте, как демократов, заключались в его защите, а интересы республиканцев, как республиканцев, в нападках на него. И закономерно, что почти все демократы считали его прегрешения недостаточными для отстранения от власти, а почти все республиканцы считали такие прегрешения достаточными. В случае Эндрю Джонсона один из радикальных республиканцев, выступавших против него, в случае отстранения Джонсона занял бы пост президента и назначил бы многих других представителей своей партии на должности в органах государственной власти. Непросто отделить личные интересы от позиций, занимаемых всеми этими людьми, но трудно поверить, что их личные интересы как представителей власти не были важным фактором.

3 Джонсон был избран с Авраамом Линкольном, но он опирался не на республиканскую партию, радикальное крыло которой контролировало конгресс во время импичмента и суда над ним. Он не был отстранен, потому что голосование в сенате не смогло набрать необходимые две трети голосов.

Разница между законодателями и избирателями заключается в том, что первые становятся сведущими в политике и даже законодательстве и управлении благодаря специализации своих ролей. Кроме того, они занимаются разработкой ресурсов, позволяющих им оставаться у власти. Наши представители, по определению Бернарда Манина, даже становятся аристократами в том смысле, что им приходится обладать относительно высоким уровнем компетентности и иметь большие заслуги для того, чтобы занимать свои должности (Manin 1997: ch. 4). Как отмечал американский конституционалист Бенджамин Раш, писавший под псевдонимом Нестор, правление не может быть хорошим, когда его осуществляют люди, «тратящие три года на овладение профессией, которой сразу же после этого им запрещают заниматься» (Nestor 1786; см: Hardin 1999: 225). Кроме того, на самом деле избранные представители власти явно не представляют своих избирателей в том смысле, что они имеют с ними много общего. Например, в современных демократических правительствах трудно найти представителей рабочего класса, а в американских законодательных органах очень велико представительство юристов. Представительство групп часто осуществляется через так называемое активное представительство людьми, которые сами не разделяют интересы групп, представляемых ими. Например, сенатор от штата Массачусетс Тэд Кеннеди часто представляет интересы членов профсоюзов и бедняков, хотя он в жизни не принадлежал ни к одной из этих групп.

Очевидный, но неприятный вывод из всего вышесказанного заключается в том, что представители власти пользуются значительными преимуществами, которых нет у простых граждан. И это относится не только к Сильвио Берлускони, который использовал свою официальную власть для принятия выгодных для него законов. Например, он предложил и протолкнул законодательство, позволившее изменить место суда над ним за взяточничество таким образом, чтобы процесс велся в суде, более дружественно настроенном по отношению к нему (Bruni 2002, 2003). Для этого ему нужно было принять общее законодательство, но вряд ли были те, кто считал, что он заботился о всеобщности законодательства.[4] Более важно, что законодатели пользуются значительными преимуществами, которых нет у простых граждан, в том смысле, что и без таких откровенных действий, как у Берлускони, избранные представители в правительстве могут паразитировать на остальном обществе, становясь богаче, чем они могли бы стать, занимаясь любой другой деятельностью, создавая для себя привилегии, по сравнению с которыми их обычное жалованье кажется жалкими крохами, и обеспечивая себе и даже своим родственникам места во власти. Как правило, они поддерживают те или иные законы в расчете на получение вознаграждения от тех, кому такое законодательство выгодно, а не потому, что оно полезно для экономики. Благодаря использованию таких средств, позво-

4 После принятия нового законодательства апелляция Берлускони относительно рассмотрения дела о взяточничестве в другом суде (и, следовательно, существенной отсрочки его рассмотрения) была отклонена судами (Bruni 2003).

ляющих им оставаться у власти, они становятся аристократическим классом, существующим отдельно от общества, которым они правят и которое они представляют.

К таким выводам приводят даже самые утонченные мэдисоновские или юмовские представления о человеческой природе. Роберто Михельс (Michels [1911] 1949) утверждал, что демократическое правление политических партий — особенно европейских социалистических партий его времени — неизбежно должно было привести к созданию аристократии, обладающей большей властью над рядовыми членами. Это утверждение применимо и к демократическому правлению вообще, хотя в последнем случае, как правило, лучше следят за тем, чтобы не допустить худших эксцессов олигархической власти. Как выразился Михельс, «кто выступает за организацию, тот выступает за олигархию». Теперь можно сказать, что тот, кто выступает за выборную представительную демократию, точно так же выступает за олигархию.

В рассуждениях Манина и Михельса об аристократии руководства проблему составляют не отдельные избранные представители власти, а их класс. Как отмечал Джон К. Калхун, «пользы от обладания властью в правительстве и, следовательно, всеми подобающими почестями и наградами самой по себе, даже если не брать в расчет все остальные соображения, достаточно для раскола... общества на две большие враждующие партии» (Calhoun [1853] 1992: 16). Как класс, политическая аристократия паразитирует на обществе, которому она якобы служит и которое избирает ее. Хотя некоторые представители могут поддерживать тесную связь со своими избирателями, референтной группой для многих представителей, скорее всего, будут служить их коллеги-«аристократы», а не их избиратели, при условии, что они уделяют достаточно внимания определенным проблемам, особенно тем, что важны для избирателей. И будто бы могущественные граждане со своей способностью избирать представителей власти не в состоянии отказаться выбирать всех их; иногда они могут отвергнуть явно зарвавшегося. В Соединенных Штатах они редко выступают против должностных лиц.[5] Эдмунд Берк считал, что граждане должны с почтением относиться к своим аристократическим лидерам. Сегодня трудно найти того, кто сможет привести доводы в пользу такого общественного почитания, но при этом многие с невероятным почтением относятся к избранным представителям власти и к их известности. Такова особенно уродливая черта современных демократий, которая, возможно, еще более уродлива и более широко распространена в Соединенных Штатах, чем в остальных развитых демократиях.

5 Рассмотрим выборы в американский конгресс в 2002 году. Только четверть мест в палате представителей (состоящей из 435 членов, все из которых избираются раз в два года) досталась тем, кто в ней еще не был (некоторые представители лишились своих мест вследствие перераспределения округов из-за демографических изменений). В целом, 90 % всех кандидатов победили с отрывом более чем 10 % голосов избирателей. Часто после проводимой каждые десять лет переписи (как на выборах 2002 года) границы округов меняются правительством штата таким образом, чтобы гарантировать избрание кандидатов от преобладающей в штате партии. Подробнее об этом см.: Richie 2002.

Отметим также, что семейные связи *per se* во многом способствуют политическому успеху, по крайней мере, в Соединенных Штатах. На президентских выборах 2000 года в США обе ведущие партии имели кандидатов, которые происходили из старых политических семей. Брат нынешнего президента — губернатор третьего по величине штата, и его часто называют возможным следующим кандидатом от республиканцев, который сменит своего брата на посту президента. В сенате и палате представителей есть отцы и сыновья, родные братья и сестры, а также супруги семей Чейфф, Пелоси, Кеннеди, Юдалл, Бентсен, Сунуну, Мурковски, Доул и Клинтон. Среди губернаторов наиболее известны семьи Тафт, Ромни и Буш. В 2002 году сразу же после губернаторских выборов в штате Аляска Фрэнк Мурковски, злоупотребив властью, назначил свою дочь на освободившееся место в сенате (Kurtz 2003). Американцам, указывавшим на семейственность в политическом руководстве некоторых коммунистических государств, следует вспомнить о своей собственной системе наследования политической власти и привилегий.

Калхун потратил два последних десятилетия своей жизни, защищая рабство и право южных штатов сохранить его. Меньшинство, которое он защищал в своих сочинениях, было меньшинством южных штатов, а его представители в национальном правительстве выступали против большинства антирабовладельческих штатов и их представителей. Но некоторые его рассуждения, касающиеся других проблем, представляются вполне убедительными. Он говорил о возможности использования представителями власти своего должностного положения для удовлетворения частных интересов задолго до того, как Берли и Минс рассмотрели этот вопрос применительно к руководству современных корпораций. Хотя корпоративные формы организации встречались уже в XVII веке, первым крупным производственным предприятием, организованным на таких началах — со значительным числом миноритарных акционеров, была первая крупная текстильная фабрика в Новой Англии, построенная в Уолтэме, штат Массачусетс, в 1813 году (Berle and Means 1932: 10–11). Эта компания возникла спустя четверть века после изобретения современного представительного правления в американской конституции 1787 года, так что, в каком-то смысле, корпоративная форма управления с немногочисленными менеджерами и большим числом собственников впервые была испробована американским правительством, которое остается крупнейшей корпорацией в мире, несмотря на взлеты и падения тысяч крупных частных корпораций.

Восточноевропейские демократические государства также, по-видимому, встали на путь корпоративной демократии. Можно утверждать, что значительная часть политиков прошлого продолжала оставаться у власти потому, что она имела человеческий капитал, позволявший участвовать в дебатах и публичных выступлениях, а также заниматься организацией и мобилизацией граждан. Кроме того, они имели социальный капитал связей с более крупным классом тех, кто пользовался влиянием в политике, и прежде всего с другими политиками. Эти люди составляют аристократию правителей, отобранных в коммунистических партиях, которая быстро стала избираемой аристократи-

ей. Значительный человеческий капитал, который они приобрели при старой системе, оказался востребованным при проведении политических кампаний и дал профессиональным политикам преимущество перед многими «любителями», которые пришли в политику *de novo* после либерализации.

Некоторые «любители», например, Вацлав Гавел, были достаточно харизматичны и незапятнаны связями с коммунизмом для того, чтобы преуспеть в политике. Гавел оставался у власти так долго именно благодаря тому, что он отошел от политики, позволив таким людям, как Вацлав Клаус, взять на себя бремя ответственности, а иногда и вины, за действительную политику. Лех Валенса в Польше быстро утратил свою харизму вследствие своей самостоятельности и излишней горячности. Его демократические мантры скрывали простое властолюбие. Он не смог приложить свой необычайный организационный талант к миру активной политики при новом либеральном порядке. Но все эти люди, считающие себя демократами, на самом деле являются корпоративными демократами. Тезис Манина применим к восточноевропейским обществам с самого начала либерального перехода.

Примечательно, что корпоративные демократы смогли использовать свои профессиональные знания для успешного выполнения различных ролей в переходном и более позднем обществе. Они обладали профессией, которая позволила им преуспеть, несмотря на возраст (многим из них было за пятьдесят), учитывая, что в остальном обществе люди старше пятидесяти серьезно потеряли в статусе и благосостоянии после потрясений 1989 года. Человеческий капитал и организационные роли людей старше пятидесяти, не добившихся больших успехов в жизни, резко сократились в новом мире экономического либерализма: они были слишком стары, чтобы направить свои таланты на другие занятия.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Сегодня принято считать, что для того, чтобы иметь успешное либеральное, демократическое правительство, нам необходимо «гражданское общество» (Putnam 2000; Арато и Коэн 2003). Несмотря на различия в определениях понятия гражданского общества, обычно они предполагают наличие ограниченного нормативного консенсуса, существование посреднических групп, которые способны объединить индивидов в политический порядок, помогая поддерживать относительно особые идентичности, и возможность обсуждения социальных и политических проблем (обычно в посреднических группах). С этими тремя составляющими связано несколько различных тем, не все из которых вызывают согласие у сторонников гражданского общества.

Идея нормативного консенсуса часто ассоциируется с предположением, что социальный порядок создается благодаря общественному договору. Гипотеза общественного договора неприменима к современному — более или менее плюралистическому — обществу (см. подробнее: Hardin 1999: ch. 4). Рассмотрение посреднических групп часто приобретает коммунитаристский характер. Но интересно, что посреднические группы считались основ-

ной опорой личной автономии в условиях плюралистической политики, поскольку, с точки зрения Джона Стюарта Милля и многих других, участие в такой политике способствует развитию автономии. А идея обсуждения, как правило, основывается на теории — возможно, не выраженной явно — демократического участия.

Споры о гражданском обществе являются одновременно нормативными и каузальными. Нормативные утверждения предполагают, что мы, а также наше государство и общество, станем намного лучше, если у нас будет гражданское общество. Иногда это звучит как простое определение, но иногда каузальные утверждения, например Милля и других, устанавливают связь между либеральной демократией и личной автономией и развитием. Но наиболее вызывающим и потенциально интересным утверждением сторонников гражданского общества является важное каузальное утверждение о том, что оно необходимо нам для политической и социальной сплоченности (Патнэм 1996; Putnam 2000). В таком случае, быстрое превращение России и некоторых стран Восточной Европы в относительно демократические государства было бы невозможно. В Советском Союзе развитые сети друзей заняли место публичной, организованной деятельности гражданского общества. Такие сети все еще действуют, особенно в подковерных интригах (см.: Ledeneva, 1998, 2004), но они в значительной степени были вытеснены рынком.

Некоторые сторонники идеи гражданского общества, например Эмиль Дюркгейм (Дюркгейм 1996: 226–229 и далее) и Толкотт Парсонс (Парсонс 2002: 89–94), считают, что нормативное согласие очень важно для социальной сплоченности. Полностью противоположная социологическая идея состоит в том, что общества процветают, достигая успеха в создании институтов, справляющихся с конфликтами, относительно которых нет (и, возможно, не может быть) никакого согласия (Dahrendorf 1968). Чем можно подтвердить существование консенсуса в реальных обществах? В Соединенных Штатах на протяжении всей их истории трудно даже представить существование нормативного консенсуса, который имел бы политическое значение. (Правда, заметим, что ограниченный прагматический консенсус относительно правового порядка и открытых коммерческих отношений все же имел место). В первые десятилетия своего существования новая нация была глубоко расколота по проблемам религии, рабства, регионов, политических прав, небольших фермерских хозяйств и огромных плантаций, остаточных аристократических и радикально демократических наклонностей и — возможно, наиболее сильно — по проблемам богатства и бедности.

У таких конституционалистов, как Александр Галильтон и Джеймс Мэдисон, изначальный американский конституционный консенсус касался весьма ограниченного числа вопросов. Консенсус был ограниченным в двух отношениях. Прежде всего, он касался средств, а не целей. Среди конституционалистов существовало принципиальное согласие относительно передачи полномочий, связанных с регулированием торговли, от штатов к общему федеральному правительству (Hardin 1999: 241–248). К тому же, он ограничивался только критически настроенной частью общества того времени. Он

не касался рабовладельцев и антифедералистов, чьи интересы и ценности прямо противоречили средствам, которые устраивали конституционалистов, и он полностью игнорировал женщин. Серьезная нехватка нормативного консенсуса сохранялась и позднее. Даже ограниченный прагматический консенсус относительно торговли распался за несколько десятилетий до начала Гражданской войны и был поколеблен во время Великой депрессии. Консенсус относительно сохранения религии вне политики разрушился в религиозную эпоху Джорджа Буша-младшего. Необходимо ловко манипулировать фактами, чтобы доказать, что в Англии, Франции, Индии или любом другом крупном демократическом обществе существовал нормативный консенсус, позволивший построить социальный и политический порядок.

Защита гражданского общества имеет больше общего с идеологией, чем с социальной реальностью. Гражданское общество способно извлечь выгоду из политического либерализма, но оно явно не является обязательным. Даже во время памятных событий 1989–1991 годов в Чехословакии не существовало широкого гражданского общества. В ней просто шли гораздо более сильные политические споры, чем в большинстве обществ. Если в прошлом большинство населения подчинялось нацистскому и коммунистическому правительствам, то теперь оно стало подчиняться либерально-демократическому правительству. Оно почти не участвовало в управлении или политике своего государства. Оно было экономически производительным, но предпринимательская деятельность и ориентированное на рынок производство резко выросли после 1989 года, прежде всего, потому, что новый режим сделал это возможным. Многие предприниматели не принимали никакого участия в политике 1989 года — на самом деле многие находились за границей до конца 1989 года. Политические перспективы многих предпринимателей в Китае после 1989 года резко сократились после подавления режимом демократического движения. Более богатая политическая жизнь была не источником экономического успеха, а альтернативой ему.

ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ИМЕЕТ БОЛЬШЕ ОБЩЕГО С ИДЕОЛОГИЕЙ, ЧЕМ С СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО СПОСОБНО ИЗВЛЕЧЬ ВЫГОДУ ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА, НО ОНО ЯВНО НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ

Утверждение, что гражданское общество необходимо, излишне амбициозно. Различные сети могут способствовать организации политического участия, но если участие означает действия народных масс, предполагающие прежде всего голосование, сети могут и не иметь решающего значения. Существующие сети могут играть важную роль при мобилизации людей, которые в будущем составят ядро партии (в качестве примера здесь можно привести протополитическую партию «Демократическая Россия»). В некоторых стра-

нах Восточной Европы демократия, по-видимому, установлена была достаточно быстро и решительно (о Болгарии см.: Fish and Brooks 2000; о Польше см.: Sztompka 1999; о России см.: Gibson 2001; об общем оптимизме см.: Krygier 1999; и общий обзор см.: Carothers 1999). Помимо квазиавторитаризма, установившегося во многих странах, одним из наиболее серьезных провалов является плачевное состояние партийной системы в большинстве этих стран (Carothers 1999). Она не является результатом созидательных усилий институтов гражданского общества и во многом представляет собой политический эквивалент так называемого «большого захвата», имевшего место при приватизации многих государственных предприятий (Hellman 1998; Hoffman 2002; Sergeyev 1998: 149).

Отличительной особенностью восточноевропейского перехода после 1989 года, каким бы трудным он ни казался, было отсутствие необходимости в создании институтов для простого социального порядка. Институты для базового социального порядка существовали на протяжении всего перехода от коммунизма к либеральному порядку. Как ни странно, эти институты не нужно было подстраивать для удовлетворения каждому из этих трех условий, и, в сущности, они вполне могли оставаться неизменными, скажем, в 1980 году, 1989–1993 годах и сейчас. Изменилось только назначение таких институтов, а многие люди, обеспечивавшие их работу, сменились как в результате простой демографической смены поколений, так и в результате целенаправленного отстранения отдельных влиятельных фигур. Нечто подобное можно сказать о поддержании правопорядка и соблюдении гражданами закона до нацистов, при нацистском режиме и после Второй мировой войны. Любые утверждения о том, что правопорядок зависел от национального консенсуса, противоречат истории.

Обычно значительная часть населения координируется некими институтами, практиками или нормами, которых достаточно, чтобы сделать действие в соответствии с этими институтами, практиками или нормами, отвечающим общим интересам. Например, когда достаточное число людей ездит по правой полосе, то остальные также захотят двигаться по правой полосе, независимо от своих абстрактных предпочтений. Конституция и правительство не требуют всеобщей поддержки, они требуют только практически всеобщего (молчаливого) согласия. Если достаточное число людей выражает такое согласие, то к остальным можно применить меры принуждения, и правительство достигнет своей цели (Hardin 1999: 3). Это не значит, что у всех или большинства из нас должна быть некая общая ценность, которая заставляет нас вести себя должным образом, как в рассуждениях Г.Л.А. Харта (Hart 1961: 88; см.: Hardin 1985), это значит лишь то, что нам необходима определенная координация. Большинство действует скоординировано, потому что всякое отклонение будет быстро приведено к норме вследствие неспособности одиночки или даже значительного меньшинства перекоординировать остальных.

На протяжении последних десятилетий — при коммунизме, в течение переходного периода и при посткоммунизме — многие жители Восточной Европы соглашались с социальным порядком, не выказывая какой-либо

поддержки режиму, кроме его молчаливого признания. Создание социального порядка *de novo*, как в полностью безвластном обществе наподобие средневековой Исландии или различных африканских государств, например Сомали, вероятно, было бы намного более трудным занятием. Порядок в таких случаях может быть локальным, и неизбежно будет существовать множество других сообществ, основным занятием которых может быть грабеж. Ни одно государство Восточной Европы во время переходного периода не сталкивалось с такой сложной проблемой установления порядка, даже в Югославии после установления деструктивных режимов Слободана Милошевича и Франьо Туджмана. Поэтому для этих стран обращение к гоббсовскому решению проблемы социального порядка неуместно, если речь не идет о глубоком прошлом. Сомали сегодня нуждается в гоббсовском решении. Но, в отличие от Сомали, само существование порядка в странах Восточной Европы означает ограниченную истинность идеи Гоббса о том, что любое правительство лучше, чем никакого, потому что правительство, по крайней мере, приносит порядок, без которого личное преуспевание или экономическая производительность маловероятны.

СЕТИ, НОРМЫ И ДОВЕРИЕ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА

Сравним формы желательной социальной организации в восточноевропейских обществах при коммунизме и советской гегемонии с формами при более поздних развивающихся либеральных режимах. В советских обществах существовала потребность в создании и вхождении в небольшие закрытые сети, сосредоточенные на одной проблеме или вопросе, или в опоре на очень небольшие закрытые сообщества людей, имевших множество общих интересов. Мне бы хотелось сохранить свою жизнь как можно более закрытой от остальных и поэтому мне бы хотелось, чтобы каждая сеть знала только то, чем она занималась. А поскольку доверие — это трехчастное отношение (A доверяет B в отношении X), каждая сеть заботится только о своем X, не рассчитывая на то, что членам этой сети будут доверять в вопросах, отличных от X. В худшие времена советской системы нормы, защищающие индивидов, которые могли вступать в противоречие с государственной политикой, полностью искоренялись, ибо тогда даже дети могли служить информаторами.

При либеральной рыночной организации общества в экономических сетях, которые использовались для поиска благ во время советской эпохи, нет никакой нужды, потому что рынок сам справляется с распределением материальных благ. Такие сети могут использоваться, например, при приеме в школы и университеты или при поиске работы. Доступ к этим и другим благам может регулироваться особыми сетями, и в рыночных обществах это не редкость.[6] Но, как правило, люди хотят входить в более открытые сети,

6 Вспомним недавнее дело Джека Грубмана, который занимался оценкой акций и консультациями по вопросам их приобретения и продажи и хотел пристроить своих трехлетних близнецов в престижный детский сад на 92-й улице на Манхеттене. Они были приняты после заключения сложной трехсторонней сделки. Сэнфорд Вейль, глава *Citibank*, корпора-

пересекающиеся с сетями в деловом мире, для облегчения сотрудничества. Они могут быть насколько широкими, что регулирование при помощи неформальных социальных норм и стимулов не всегда бывает эффективным и может требовать поддержки со стороны правовых или политических институтов. Такие институты особенно необходимы для регулирования отношений между фирмами или иными организациями, не входящими в устойчивую сеть отношений. Например, я могу хотеть нанять вашу фирму, чтобы построить дом для меня, хотя я прежде никогда не имел дел с вами или вашей фирмой и вряд ли буду иметь дело, когда дом будет построен. В таком весьма рискованном деле — ставки здесь высоки, даже если нет серьезных проблем с надежностью, — мне захочется иметь институты, которые смогут поддержать меня в случае конфликта с вами при выполнении сделки.

Жизнь при автократии воспитывает в гражданах скрытность и умение взаимодействовать с часто бессмысленной византийской бюрократией, элементы которой сохраняются и сейчас. Такие способности часто бывают полезными для жизни в наиболее развитых либеральных обществах, но не настолько необходимыми, как в бывшем советском мире. Ненужно и даже невозможно было развивать способности публичного обсуждения и споров или мобилизации людей для совершения политических действий и вообще для организации. Важную роль, которую сыграли интеллектуалы, прежде всего с университетских факультетов и — в России — из Академии Наук СССР, в самом начале переходного периода отчасти можно объяснить тем обстоятельством, что у этих людей долгое время существовали профессиональные форумы, позволявшие развивать такие способности в контекстах, которые не оспаривали существования режимов. Они могли быстро перевести свои таланты на новый форум либеральной политической деятельности. Они также входили в довольно широкие сети в своих интеллектуальных областях и могли относительно легко мобилизовать друг друга при помощи таких сетей.

Деятельность этих ученых свидетельствует о том, что в идее гражданского общества содержится некоторое зерно истины. И именно те, кто уже имел опыт дебатов и собраний, политически организовались в 1988 году и создали

ции, на которую работал Грубман, пожертвовал этому детскому саду один миллион долларов из средств банка. В свою очередь Грубман посоветовал покупать акции *AT&T*. Взамен Майк Армстронг, глава *AT&T* и член совета директоров *Citibank* Вейля, помог Вейлю свалить Джона Рида, его соперника в борьбе за влияние в банке. Ни одно из этих должностных лиц не потратило ни цента из своего кармана; акционеры этих компаний были обмануты руководством. Этот трехсторонний бартер сложнее, чем тот, что обычно наблюдается в традиционных экономиках. Ирония заключается в том, что один из этих махинаторов — Грубман — оказался настолько самоуверенным или глупым, что написал в электронном письме: «Я использовал Сэнди, чтобы пристроить моих детей в детский сад на 92-й улице (а это труднее, чем в Гарвард!), а Сэнди нужен был голос Армстронга на совете, чтобы избавиться от Рида. И только когда цели были достигнуты (Сэнди одержал победу, а мои дети были приняты), я смог успокоиться» (Doran 2002; см. также: Greider 2002). В редакционной статье *New York Times* («The Pre-Kindergarten Connection,» November 16, 2002) иронически отмечалось, что «добиться беспристрастной оценки можно, только воздвигнув стену между аналитиками и инвестиционными банкирами. Это особенно важно, когда аналитик знает, что кто-то по другую сторону стены держит ключ к нужному детскому саду».

протопартию «Демократическая Россия» (Hayoz and Sergeyev 2003). (Многопартийная политика была запрещена законом до 1991 года). В России университетские преподаватели явно не смогли превратить свои ранее существовавшие сети доверия в политическую власть (ibid.), что, возможно, отчасти обусловлено тем, что они изначально создавались с научными целями и не могли быстро переключиться на выполнение других задач. Политическое же согласие у них касалось только некоторых гражданских свобод.

И вновь основной экономической проблемой восточного перехода был не обычный порядок, а отсутствие государственных институтов для регулирования частного бизнеса и общая неспособность государства регулировать рыночные экономические отношения. Мафиозная организация была единственным «решением» в весьма сомнительных и опасных ситуациях, не подпадавших, например, под действие договорного права, когда риски исходили не от государства *per se*, а государство не способно было помочь справиться с этими рисками. Мафия в определенной степени заменяет государство, но она дорого обходится бизнесу. Такое общее решение не действует, когда источником риска оказывается государство. Как показывает пример мафии, действенные сети не обязательно приносят пользу более широким заинтересованным кругам, они также могут требовать больших издержек и даже приносить вред. Если они организованы в соответствии с экономическими интересами, они могут «искать ренту, истощая казну и сдерживая экономический рост» (Bruszt and Stark 1998:129). Или они могут быть организованы при помощи всепроникающей системы коррупции (Rose-Ackerman 1999: 97). В большей части бывшего советского мира, где клиентизм имел глубокие исторические корни, широкие клиентистские сети продолжали играть важную роль, «несмотря на неэффективность итоговых взаимных уступок, оказывающих разлагающее воздействие на демократию и рынок» (Sajo 1998: 41).

Это намного более широкая проблема, потому что имеется множество примеров перехода от одной формы социального регулирования к другой, от закрытых небольших сетей к открытым большим сетям, от коммунальных норм к сетям и наоборот. При переходе действуют чисто социальные ограничения в том смысле, что они определяются неформальными социальными нормами, а не сильными регулирующими организациями. Нельзя быстро создать нормы или сообщества среди простых скоплений людей. Поэтому могут оказаться полезными институциональные структуры, выполняющие посредническую роль между потенциальными партнерами в сотрудничестве. В процессе перехода в Восточной Европе основной проблемой было не создание социального порядка, а скорее создание институтов, приспособленных для работы с новой рыночной экономикой и новой демократической политической системой.

ПОСТЕПЕННЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Отчасти из-за плюралистического состава современных обществ различные аспекты социального, политического и правового порядка, необ-

ходимые для того, чтобы привести их к процветанию, не могут быть созданы сразу. Во всех восточноевропейских обществах социальный порядок был создан задолго до 1989 года, установления политического либерализма и рыночной экономики. И кажется, что во многих этих странах политический либерализм вполне может пустить корни так же быстро или даже еще быстрее, чем рыночная экономика. Возникновение экономического либерализма в Англии и других европейских странах предшествовало появлению политического либерализма на заре либеральной эпохи. Экономический либерализм прошел множество этапов и, по-видимому, был непреднамеренным следствием различных стремлений к удовлетворению интересов. Он смог подняться благодаря слабости государств того времени. Политический либерализм, в сущности, был изобретен для защиты гражданских свобод, особенно в том, что касалось религии (Creppell 2003).

За исключением Болгарии и России, восточноевропейским странам в процессе перехода удалось избежать проблем, связанных с религиозной терпимостью и разделением церкви и государства, которые были уже решены странами севера Европы (хотя Турции, вероятно, придется столкнуться с этой проблемой, несмотря на восемь десятилетий атеизма). Одним из наиболее благотворных последствий 40–75 лет коммунистического правления в странах Восточной Европы было преодоление глубокого религиозного раскола и противостояния. При отсутствии такого конфликта население Восточной Европы может сосредоточить свои усилия на ценностях благосостояния. И они *de facto* являются ценностями индивидуального выбора. Защита гражданских свобод, которой желают жители Восточной Европы, в сущности, может ничем не отличаться от той, что существует в демократических странах Запада. В отличие от религии, ваши гражданские свободы не вступают в противоречие с моими.

С 1989 года страны Восточной Европы увлечены тем, что мы можем назвать политической философией рационального выбора (Hardin 2003a), а не традиционными ценностными дебатами. Политическая философия рационального выбора в традициях Бернарда Мандевиля, Юма, Адама Смита и Милля прекрасно согласуется с заботой индивида о собственном благе. И хотя требование, чтобы индивиды заботились в основном о собственном благе, не выдвигается, на деле для многих индивидов собственное благо является основной заботой, а для некоторых — главной. В политическую сферу могут быть введены и другие ценности, но пока они остаются ценностями индивидов, они могут отвечать идее политической философии рационального выбора.

Сходство между развитием современной Восточной Европы и более ранними событиями, приведшими к возникновению политической философии рационального выбора, заключается в том, что во многом изобретение политического либерализма было вызвано стремлением прекратить вмешательство государства в экономику, например при предоставлении королевских патентов, недопущении чужаков для занятия различными ремеслами и законах о бедняках. Смит хотел, чтобы либеральное правительство оста-

валось вне экономики и тем самым обеспечивало преуспевание либеральной экономики (Hardin 1999: ch. 2). Отчасти это означало, как и подразумевал Мэдисон в своем проекте американской конституции, создание слабого правительства, неспособного вмешиваться в экономику (Hardin 2002a).

Складывается впечатление, что население Восточной Европы, России и бывших республик Советского Союза выступает за создание сильного правительства при переходе к либерализму в экономике и политике. Нынешнее китайское правительство исходит из того, что сильное правительство способно лучше справиться с экономическим переходом. (Критики могли бы сказать, что суть идеи сильного правительства состоит в том, что оно позволяет некоторым людям оставаться у власти). Предложенное Вадимом Радаевым (Radaev 2004a) описание неявным образом опровергает такое представление. Он отмечает, что предприниматели в России стараются не использовать помощь государства в отношениях с другими предпринимателями. Обращение к государству считается попыткой сломить конкурента или потенциального партнера. Возможно, отчасти такое отношение обусловлено желанием держаться от государства подальше. Эти предприниматели, в отличие от многих политических деятелей и, возможно, даже граждан, не желают, чтобы государство вмешивалось в их деятельность.

Основной составляющей либерализма является индивидуализм. Это важно, потому что он согласуется со стимулами, определяющими производительность. Возможно, еще более важно, что он несовместим с семейственностью (Hardin 2002c: 98–100, 105, 176; Banfield 1958). Следовательно, он несовместим с заботой о семейном благополучии в ущерб перспективам процветания индивида. Как ни странно, последнее может даже лучше способствовать семейному благополучию, не ограничивающемуся простым обеспечением средств к существованию. Хотя советский коммунизм, возможно, препятствовал развитию открытых доверительных отношений в более широком обществе и побуждал индивидов отстаивать свои интересы при помощи очень ограниченной сети отношений, он также мог разрушить влияние семьи на жизнь индивидов. Поэтому отрицательная сторона индивидуализма — то, что он разрушает, — одинакова и для советской, и для либеральной идеи. Это, возможно, обусловлено тем, что индустриальные экономики вызывают серьезные демографические изменения, которые разрушают семейную экономическую организацию.

Положительной стороной индивидуализма является предприимчивость и стремление к собственной выгоде, которые намного быстрее утверждаются, когда враждебное отношение к ним со стороны государства уходит в прошлое. Для создания рыночной экономики не обязательно, чтобы все были смитовскими *homo economicus*, движимыми стремлением к собственной выгоде; достаточно, чтобы такими были многие. В этом случае производство будет ориентировано на рынок, а не на семейное потребление, и это приведет к появлению по крайней мере зачатков капиталистического общества.

Точно так же, если достаточное число людей движимо такими желаниями, то многие перестанут зависеть от государства и его коллективного обеспече-

ния благ. Поэтому и в Англии смитовской эпохи, и в современных восточноевропейских странах индивидуализм способен создать динамичную экономику, относительно независимую от семейного или государственного контроля.

Отметим, что лишь немногие способны перейти к капиталистическому образу действий. Поэтому, как отмечалось ранее, исторически капитализм создавался постепенно. В одних условиях он развивается быстрее, чем в других, и он может развиваться еще быстрее в странах, которые уже являются индустриальными и относительно индивидуалистическими и одноязычными. Подъем капитализма в Англии затянулся на несколько веков. Отчасти процесс затянулся потому, что у рабочих не было общего языка. Ранние фабрики, которые были очень небольшими (на них работало менее ста рабочих), стандартизировали язык рабочих (Gellner 1987: 15). Обретение общего языка во многих переходных обществах (в большинстве восточных стран имеются языки меньшинств) предшествовало возникновению капитализма, и потому они могут пройти через преобразования намного быстрее, чем доиндустриальная Англия.

В Соединенных Штатах капитализм установил свою гегемонию при конституции Мэдисона, создавшей федеральное правительство, которое было достаточно слабым для того, чтобы иметь возможность совершить серьезное вмешательство в экономику, но достаточно сильным для того, чтобы не допустить вмешательства в экономику правительств штатов. Несмотря на то что во многом экономика была некапиталистической (80–85 % американского общества было занято в сельским хозяйстве), плантаторский Юг и зарождавшаяся промышленность Севера вынуждены были жить, озираясь на рыночные стимулы в соответствии с конституцией. И, в сущности, в некоторых странах Восточной Европы уже сложился подобный конституционный капитализм.

Типичные практики старой советской экономики полностью противоположны тому, что часто называют производственной системой *Toyota* (Milgrom and Roberts 1992: 4–6, 1993). При советской системе были распространены затоваривание складов, халтура и использование «блата» (побочные платежи или взятки). Система *Toyota* основывается на принципе «точно вовремя», что означает практически полное отсутствие запасов (мера против затоваривания), возложении на рабочих на сборочных линиях ответственности за обнаружение недостатков и постоянном производстве (мера против низкой производительности). И, конечно, система *Toyota* основывается не на побочных платежах, а на премировании и продвижении по службе в компании. «Не имея запасных частей для замены дефектных изделий и сломанных машин, инженерам *Toyota* приходится работать над повышением надежности каждого шага процесса. Те же изменения, которые сократили число препятствий в производственном процессе, привели также к сокращению числа дефектов в автомобилях *Toyota*» (1992: 5). Качество было непреднамеренным побочным продуктом попытки работать с меньшим капиталом.

Для работы системы *Toyota* необходимы эффективные рынки. Все комплектующие поступают в конечный сборочный цех «точно вовремя». Более того, комплектующие должны быть изготовлены настолько точно, чтобы

они были взаимозаменяемыми и чтобы дверь, которая прибыла этим утром, подошла к следующему автомобилю на линии без специальной подгонки к кузову. Наконец, после сборки каждая машина имеет свое точное место на рынке — нет никакого склада автомобилей. Даже *General Motors*, узнав об этой системе во время своего сотрудничества с *Toyota*, не смогла быстро скопировать ее у себя. Необходимы многие годы для развития различных частей рынка поставок, прекращения отношений со многими давними поставщиками, неспособными приспособиться к переменам, и вмешательства в процесс производства многих поставщиков, чтобы заставить их производить ровно столько, сколько необходимо.

Эффективности системы *Toyota* (или даже более слабой ранней системы *General Motors*) невозможно добиться очень быстро. Трудные и многочисленные задачи перехода включают изменение мотивации работников и управляющих и отношения к целям фирмы и своим личным целям (преуспевание за счет вознаграждения за вклад в успех фирмы), отказ от небрежности, из-за которой в прошлом происходило затоваривание складов, и опору исключительно на заработную плату и производительные стимулы, а не на побочные платежи, для достижения поставленной цели. Грубо говоря, для перехода к системе *Toyota* необходимо, чтобы все поставщики перешли к этой системе. Также требуется создание новых институтов, наподобие *Federal Express*, которые занимались бы надежной доставкой комплектующих. Если бы *Toyota* зависела от почтовой службы Соединенных Штатов или традиционных грузовых линий, ей бы пришлось создать запас комплектующих по крайней мере на несколько дней, что привело бы к снижению эффективности. *Toyota* — это центральное планирование с дисциплиной жесткой конкуренции.

Переход должен быть широким, и его невозможно совершить в одиночку. Конечно, он может быть только постепенным, предприятие за предприятием, причем предприятия, действующие на международных рынках, должны совершить такой переход быстрее либо разориться. Во время перехода общая эффективность даже на предприятии, которое добьется наибольших успехов в реорганизации, не сможет сравниться с эффективностью *Toyota*. Переход *General Motors*, которая не страдала от «блата» и массовой халтуры рабочих и руководства, к системе *Toyota* все-таки был постепенным из-за зависимости от поставщиков. Поначалу более низкая заработная плата на предприятиях Восточной Европы могла служить конкурентным преимуществом, так как в противном случае они оказались бы неконкурентоспособными из-за своей неспособности стать такими же эффективными, как *Toyota* в своих весьма неэффективных экономиках.

У раннего либерализма на Западе было два различных полюса: защита гражданских свобод индивидов от государства и защита от государственного вмешательства в экономические отношения. Возникновение и историческое развитие этих двух направлений было сложным и неоднозначным, но их объединяла защита от государства (Hardin 1999: ch. 2). Смит прекрасно обосновал ценность экономического либерализма, а Милль еще более

убедительно показал значимость либерализма политического. Оба эти мыслителя были индивидуалистами по своему мировоззрению, и именно индивидуализм определил их политические взгляды. Они также — по различным философским соображениям — выступали за обеспечение всеобщего благосостояния, но при этом придавали особое значение индивидуализму. Но, как всегда бывает с политическим словарем, либерализм приобрел множество различных значений. И Смита, и Милля волновал вопрос о недопущении контроля государства над личностью и экономикой.

Пример *Toyota* важен с политической точки зрения. Историю перехода к системе *Toyota* можно рассматривать как историю развития новых форм человеческого и социального капитала, как уже отмечалось ранее применительно к переходу к политическому либерализму. И этот переход не может состояться и быть по-настоящему демократическим на уровне населения и политических партий без соответствующего развития человеческого и социального капитала.

Можно даже предположить, что пресловутая открытость гражданского общества полезна для бизнеса в том смысле, что она способствует более быстрой адаптации. Тенденцию промышленных предприятий одной отрасли располагаться неподалеку друг от друга можно объяснить общей потребностью в способных рабочих (см., напр.: Stinchcombe 1965). Например, если я хочу построить сталелитейный завод, я должен поместить его рядом с вашим, потому что тогда мне будет откуда привлекать себе рабочих. В американской финансовой отрасли, сконцентрированной на нижнем Манхеттене (даже после 11 сентября 2001 года), талантливые сотрудники многих фирм часто могли часто обедать вместе и иметь общие взгляды. Поскольку переход из одной фирмы в другую не требует расходов на переселение, персонал может менять фирмы относительно легко. Ваша фирма может считать себя проигравшей, когда вы отдаете свой талант конкуренту, но интеллектуальный капитал всей отрасли растет благодаря переходу персонала из одной фирмы в другую. Следовательно, ваша фирма остается на Манхеттене и сталкивается с более высокой степенью последовательных издержек ухода персонала к конкурентам, при этом получая б*о*льшую выгоду от привлечения персонала и интеллектуального капитала этих конкурентов. Чистый обмен в целом должен быть выгодным.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В краткосрочной перспективе большой удачей при переходе в Восточной Европе, возможно, было ослабление правительства, по крайней мере, на протяжении краткого периода после 1989 года. Очень высокие издержки от этого ослабления в России сделали возможным «большой захват» во время приватизации ранее принадлежавших государству предприятий и существенное неравенство, которое возникло в отдельных странах. Руководство взяло под свой контроль бывшие государственные предприятия, что позволило им стать богатыми, а в некоторых случаях — невероятно бога-

тыми. Этот грабеж ничем нельзя оправдать. Можно извратить либертарианские доводы Роберта Нозика (Nozick 1974), чтобы представить присвоение как нечто естественное и необходимое для создания собственности, когда все, кто следовал неким минимальным правилам, приобрели права на то, на что они притязали. Но если отбросить такую ловкую аргументацию, подобное присвоение было весьма несправедливым по его последствиям.

Тем не менее, если оценивать результаты этого присвоения, то нельзя не признать, что слабость правительства в каком-то смысле оказалась полезной. Благодаря этому присвоению контроль государства над экономикой был разрушен довольно быстро и решительно. В Восточной Европе после 1989 года вряд ли можно было надеяться на создание столь же слабых конституций, какой поначалу была американская конституция. На самом деле некоторые новые конституции были просто — зачастую в значительной степени — исправленными версиями прежних конституций, наделявших правительство огромной властью. Так что слабые переходные правительства лучше всего отвечали мэдисоновскому идеалу. Именно слабое правительство, а не слабые конституции, снижало вероятность восстановления государственного контроля над экономиками этих стран.[7]

Более десяти лет после 1989 года восточноевропейские партии шли по пути американских и многих западноевропейских партий последних десятилетий, признавая непродуктивность всякого вмешательства в экономику. Мэдисоновский идеал в Соединенных Штатах вполне соответствует хайековскому, хотя немногие американцы смогут четко сформулировать доводы Фридриха Хайека так, как это могут многие на Востоке. (Мне недавно рассказали, как чиновник российского правительства за обедом подробно изложил интеллектуальную историю Хайека). Правое и левое измерения экономической политики по большей части утратили смысл, который они до недавнего времени имели в американской и вообще западной политике. На Западе правое и левое измерения неразрывно связаны с капиталистической системой. Относительно жесткая финансовая политика и враждебность к государственному регулированию бизнеса — правая политика; относительно свободная фискальная политика и поддержка широких программ

7 Значительным недостатком российского присвоения было то, что участвовать в нем могли только «свои». В результате сложилась относительно автаркическая экономика — и это в эпоху, когда процветание неразрывно связано с участием в мировой экономике. Автаркия привела к краху советского мира и Индии при ужасной политике Неру, и, очевидно, она была причиной падения производительности в России на протяжении 1990-х годов. Сохранение автаркической экономики обеспечило получение монополистической ренты новым хозяевам предприятий, которые не нуждались в международной конкуренции. Ограничение покупателей предприятий «своими» также вело к значительному занижению стоимости этих предприятий. Некоторые даже говорят о том, что «акции всех российских предприятий, включая нефть, газ, некоторые виды транспорта и большинство производства, стоили меньше, чем акции *Kellogg* или *Anheuser-Busch* [два американских предприятия, относительно скромных по своей величине]» (Hoffman 2002: 205). Небольшие государства Восточной Европы не могли рассчитывать на автаркию и потому были гораздо более открытыми для иностранного капитала (см. подробнее: Sajo 1998).

социального обеспечения — левая политика. В этом смысле Республиканская партия была правой, а демократическая партия — левой.[8] Теперь обе партии проводят ориентированную на бизнес жесткую денежную политику и — по некоторым вопросам — социальную политику; при этом республиканцы в большей степени озабочены благосостоянием богатых и отдельных корпораций, а демократы — благосостоянием бедных и профсоюзов.

Терминология левых и правых в восточном контексте может вводить в заблуждение. На самом деле партии на Востоке иногда побеждают на выборах, выступая за возврат к централизованному контролю и популистской экономической политике и против рыночной неолиберальной политики находящихся у власти правительств. Но после избрания они проводят ту же самую рыночную политику: многие партии в Латинской Америке, пришедшие к власти благодаря антикапиталистической риторике, после выборов переняли или продолжили сильную неолиберальную экономическую политику. Все сводится к выбору между партиями, а их позиции в экономической политике гораздо ближе, чем было исторически в западных демократических государствах.

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ВЫБОРЫ ПОКАЗЫВАЮТ, ЧТО РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ПРАВЫМИ И ЛЕВЫМИ ВСЕ ЕЩЕ ДОСТАТОЧНО СИЛЬНО В ПОЛИТИЧЕСКОМ ВООБРАЖЕНИИ НАРОДА, ЧТОБЫ ПОЛИТИКИ МОГЛИ ОБРАЩАТЬСЯ К НЕМУ

Восточноевропейские и латиноамериканские выборы показывают, что различие между правыми и левыми все еще достаточно сильно в политическом воображении народа, чтобы политики могли обращаться к нему. Но избиратели могут не знать, что означают для политики позиции той или иной стороны. Например, они могут объяснить свою приверженность левой или правой партии, сказав, что она поддерживает рабочих и бедняков или бизнес. Некоторые избиратели могут даже предположить, что суть различия между правыми и левыми состоит в жесткой или мягкой денежной политике, но многие избиратели вряд ли станут искать причинные связи в такой политике. Аргентинцы знают, что они недавно много потеряли на своих банковских счетах, но они не могут объяснить, почему политика привела к таким последствиям. Однако они и многие жители Восточной Европы могут демонизировать политика, который проводит ту или иную денежно-кредитную политику.

8 Несколько иную точку зрения см.: Boix 1997. Левые правительства тратят физический и человеческий капитал; правые правительства опираются на бизнес, чтобы максимизировать экономический рост.

ЛИТЕРАТУРА

Арато, Эндрю и Джин Коэн. 2003. *Гражданское общество и политическая теория.* Москва: Весь мир.

Гоббс, Томас. 2001. *Левиафан.* Москва: Мысль.

Дюркгейм, Эмиль. 1996. *О разделении общественного труда.* Москва: Канон-Пресс-Ц.

Парсонс, Талкотт. 2002. *О структуре социального действия.* Москва: Академический проект.

Патнэм, Роберт. 1996. *Чтобы демократия работала.* Москва: Ad Marginem.

Токвиль, Алексис де. 2000. *Демократия в Америке.* Москва: Весь мир.

Aberg, Martin. 2000. «Putnam's Social Capital Theory Goes East: A Case Study of Western Ukraine and L'viv.» *Europe-Asia Studies* 52: 295–317.

Banfield, Edward C. 1958. *The Moral* Basis *of a Backward Society.* New York: Free Press.

Berle, Adolph A. and Gardner C. Means. 1932. *Tiic Modern Corporation and Private Property.* New York: Macmillan.

Berlin, Isaiah. 1992. *The Crooked Timber of Humanity.* New York: Vintage.

Boix, Carles. 1997. «Political Parties and the Supply Side of the Economy: The Provision of Physical and Human Capital in Advanced Economies, 1960–1990.» *American Journal of Political Science* 41: 814–845.

Bruni, Frank. 2002. «Protesters in Rome Accuse Berlusconi of Exploiting His Power.» *New York Times* September 15, p. 1.3.

———. 2003. «Italy's Leader Balances Ambitions and Trials.» *Ncu'York Times* February 16, p. 1.3.

Bruszt, Laszlo and David Stark. 1998. *Postsocialist Pathways: Transforming Politics and Property in East Central Europe.* Cambridge UK: Cambridge University Press.

Calhoun, John C. [1853] 1992. «A Disquisition on Government.» In R. M. Loss (ed.), *Union and Liberty: The Political Philosophy of John C. Calhoun*, pp. 5–78. Indianapolis IN: Liberty Fund.

Carothers, Thomas. 1999. «Western Civil-Society Aid to Eastern Europe and the Former Soviet Union.» *East European Constitutional Review* 4: 54–62.

Cohen, Jean. 1999. «Trust, Voluntary Association and Workable Democracy: The Contemporary American Discourse of Civil Society.» In M. Warren (ed.), *Democracy and Trust*, pp. 208–248. New York: Cambridge University Press.

Creppell, Ingrid. 2003. Toleration and Identity: Foundations in Early Modern Thought. New York: Routledge.

Dahrendorf, Ralf. 1968. «In Praise of Thrasymachus.» In R. Dahrendorf, *Essays in the Theory of Society*, pp. 129–150. Palo Alto CA: Stanford University Press.

Doran, James. 2002. «Grubman Inquiry Questions Nursery Board Members.» *Times of London*, November 19.

Etzioni, Amitai. 1993. The Spirit of Community: Rights, Responsibilities, and the Communitarian Agenda. New York: Crown.

Fish, M. Steven. 1998. «Mongolia: Democracy Without Prerequisites.» *Journal of Democracy* 3: 127–141.

Fish, M. Steven and Robin S. Brooks. 2000. «Bulgarian Democracy's Organizational Weapon.» *East European Constitutional Review* 3: 63–71.

Gellner, Ernest. 1987. *Culture, Identity, and Politics.* Cambridge UK: Cambridge University Press.

Gibson, James L. 2001. «Social Networks, Civil Society, and the Prospects for Consolidating Russia's Democratic Transition.» *American Journal of Political Science* 45: 51–69.

Greider, William. 2002. «The Grubman.» *The Nation.* December 16, pp. 5–6.

Hardin, Russell. 1985. «Sanction and Obligation.» *The Monist* 68 (July): 403–418.

———. 1995. *One for AII: The Logic of Group Conflict.* Princeton NJ: Princeton University Press.

———. 1999. *Liberalism, Constitutionalism, and Democracy.* Oxford: Oxford University Press.

———. 2000. «The Public Trust.» In S. J. Pharr and R. D. Putnam (eds.), *Disaffected Democracies: What's Troubling the Trilateral Democracies*, pp. 31–51. Princeton NJ: Princeton University Press.

———. 2001. «Seeing Like Hayek.» *The Good Society* 2: 36–39.

———. 2002a. «Liberal Distrust.» *European Review* 1: 73–89.

———. 2002b. «The Street-Level Epistemology of Democratic Participation.» *Journal of Political Philosophy* 10: 212–229.

———. 2002c. *Trust and Trustworthiness.* New York: Russell Sage Foundation.

———. 2003a. «Rational Choice Political Philosophy.» In I. L. Morris, J. Oppenheimer, and K. Soltan (eds.), *Politics from Anarchy to Democracy.* Palo Alto CA: Stanford University Press.

———. 2003b. «Citizens' Knowledge, Politicians' Duplicity.» In A. Breton, G. Galeotti, P. Salmon, and R. Wintobe (eds.), *Rational Obfuscation and Transparency in Politics.* Cambridge UK: Cambridge University Press.

———. 2004. «Representing Ignorance. Social Philosophy and Policy.» Special issue of *Morality and Politics.* Presented at Bowling Green State University. Ohio.

Hart, H. L. A. 1961. *The Concept of Law.* Oxford University Press.

Hayoz, Nicolas and Victor Sergeyev. 2003. «Social Networks in Russian Politics.» In G. Badescu and E. M. Uslaner (eds.). *Social Capital and the Democratic Transition.* London: Routledge.

Hellman, Joel. 1998. «Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Post-Communist Transition.» *World Politics* 50: 203–234.

Hoffman, David E. 2002. The Oligarchs: Health and Power in the New Russia. New York: Public Affairs.

Krygier, Martin. 1999. «Traps for Young Players in Times of Transition.» *East European Constitutional Review* 4: 63–67.

Kurtz, Howard. 2003. «Media Notes.» *Washington Post* January 21.

Ledeneva, Alena V. 1998. *Russia's Economy of Favors: Blat, Networking, and Informal Exchange.* Cambridge UK: Cambridge University Press.

———. 2004. «Underground Financing in Russia.» In J. Kornai, B. Rothstein, S. Rose-Ackerman (eds.), *Creating Social Trust in Post-Socialist Transition*, pp. 71–90. New York: Palgrave, Macmillan.

Manin, Bernard. 1997. *The Principles of Representative Government.* Cambridge UK: Cambridge University Press.

Means, Gardner C. 1959. Power Without Property: A New Development in American Political Economy. New York: Harcourt, Brace.

Michels. Roberto. [1911] 1949. *Political Parties.* New York: Free Press.

Milgrom, Paul and John Roberts. 1992. *Economics, Organization and Management.* Englewood Cliffs NJ: Prentice Hall.

———. 1993. Johnson Controls, Inc — Automotive Systems Group: The Georgetown Kentucky Plant, Case #S-BE-9, Stanford Graduate School of Business. Palo Alto CA.

Morgan, Edmund S. 1994. «Pioneers of Paranoia.» *New York Review of Books*, October 6, pp. 11–13.

Nestor (Benjamin Rush). 1786. «To the People of the United States.» *Independent Gazetteer* (Philadelphia) June 3 [in microfiche at Bobst Library, New York University].

Nozick. Robert. 1974. *Anarchy, the Stale, and Utopia.* New York: Basic Books.

Putnam, Robert D. 2000. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon and Shuster.

Radaev, Vadim. 2004a. «How Trust is Established in Economic Relationships When Institutions and Individuals are Not Trustworthy: The Case of Russia.» In J. Kornai, B. Rothstein, and S. Rose-Ackerman (eds.), *Creating Social Trust in Post-Socialist Transition*, pp. 91–110. New York: Palgrave Macmillan.

———. 2004b. «Coping with Distrust in Emerging Russian Markets.» In R. Hardin (ed.), *Distrust.* New York: Russell Sage Foundation.

Richie, Rob. 2002. *Fair Elections Update: Election 2002 and the Case for Reform.* Washington DC: Center for Voting and Democracy, November 14.

Rose, Richard. 2000. «Uses of Social Capital in Russia: Modern, Pre-modern, and Anti-modern.» *Post-Soviet Affairs* 16: 33–57.

Rose-Ackerman, Susan. 1999. *Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform.* New York: Cambridge University Press.

Rowe, William T. 2001. Saving the World: Chen Hongmou and Elite Consciousness in Eighteenth-Century China. Palo Alto CA: Stanford University Press.

Sajo, Andras. 1999. *Limited Government: An Introduction to Constitutionalism.* Budapest: Central European University Press.

———. 1998. «Corruption, Clientelism, and the Future of the Constitutional State in Eastern Europe.» *East European Constitutional Review* 2: 37–46.

Sergeyev, Victor. 1998. The Wild East: Crime and Lawlessness in Russia. New York: Sharpe.

Stein, Herbert. 1989. The Triumph of the Adaptive Society. Frank E. Seidman Lecture in Political Economy. Memphis TN: Rhodes College, September 14.

Stinchcombe, Arthur L. 1965. «Social Structure and Organizations.» In J. G. March (ed.), *Handbook of Organizations*, pp. 142–193. Chicago: Rand — McNally.

Stokes, Susan C. 2001. Mandates and Democracy: Neoliberalism by Surprise in Latin America. New York: Cambridge University Press.

Sztompka, Piotr. 1999. *Trust: A Sociological Theory.* Cambridge UK: Cambridge University Press.

Volkov, Vadim. 2004. «The Selective Use of State Capacity in Russia's Economy: Property- Disputes and Enterprise Takeovers, 1998–2002.» In J. Kornai, B. Rothstein, and S. Rose-Ackerman (eds.), *Creating Social Trust in Post-Socialist Transition*, pp. 126–147. New York: Palgrave Macmillan.

Эдвард ГИБСОН

КАК ДЕМОКРАТИЗИРОВАТЬ ПРОВИНЦИЮ

Каковы ваши впечатления от своего первого визита в Россию и Москву?

В Москве я был просто ошеломлен интересной и интенсивной политической жизнью. Дело в том, что будучи демократом, я много времени посвятил изучению политики консервативных партий. Мне было интересно, почему они нас всегда побеждают. А здесь в России консервативная политика как раз переживает расцвет.

Я не являюсь защитником консерватизма, однако считаю, что одной из слабостей политических систем в Латинской Америке является неразвитость консервативных партий, их низкая электоральная эффективность. Неспособность консервативных сил сформировать общенациональные партии была причиной того, что военные играли столь важную роль в этих странах. Авторитаризм в Латинской Америке, на мой взгляд, всегда тесно связан со слабой политикой консервативных партий. Придерживаясь прогрессивных демократических убеждений, я все же считаю, что консерватизм является одним из условий консолидации демократии. Консерваторы должны постоянно присутствовать в политической жизни многих стран, чтобы предотвращать соскальзывание к авторитаризму.

С точки зрения формирования партий, а этот процесс проходит в России, мне кажется, эти наблюдения очень актуальны и для вашей страны.

С консерватизмом в России есть некоторые затруднения... После распада Советского Союза даже самим консерваторам трудно определиться с тем, что же такое консерватизм.

Да, в России неизбежна путаница с идеологическими этикетками консерватизма, но его социальное значение просматривается легче. Если рассматривать консервативные партии не с точки зрения их идеологии, а в перспективе социальной базы, тогда можно сказать, что такие партии возникают в процессе формирования интересов бизнеса, который выдвигает программу развития рыночного капитализма, ради которой мобилизует народную поддержку. Эти партии я могу назвать консервативными, даже если они

опираются на какие-то современные сегменты общества. К консервативным я также отнес бы партии, которые можно назвать традиционалистскими, ориентированными скорее на ценности прошлого. Но я согласен, что с определением консерватизма до сих пор существует целый ряд неясностей.

Насколько я понял, так называемые либеральные консерваторы в России в каком-то смысле воспроизводят стиль политики Буша, возглавляющего националистическое крыло республиканской партии. Видимо и сам Кремль пытается найти компромисс между национализмом и идеологией свободного рынка. Это формула, которая работала во многих других странах.

У меня есть к вам вопрос как к специалисту по территориальной политике или, если использовать более традиционный язык, по политике федерализма. Является ли для вас федерализм набором политических тактик и стратегий, или же это некоторая модель, подразумевающая среди прочего создание коалиций элит центра и периферии?

Я думаю, и то, и другое. Федерализм — это модель, система территориальной организации государства. Я также называю федерализм территориальным режимом. Я делаю различие между территориальным режимом и режимом политическим. Территориальный режим регулирует отношения между территориями и центральным правительством. А политический режим — это регуляция отношений между гражданами и государством. Демократия или авторитаризм — это выбор, относящийся к политическому режиму. А федерализм — отсылает к функционированию территориального режима. Таким образом, федерализм — это существующая институциональная форма. Однако, я принадлежу к той школе мысли, которая полагает, что все институты являются объектом манипуляций политических элит. Неважно, о каком институте идет речь: о федерализме, министерстве экономики или министерстве социального обеспечения. Институты служат не только тем целям, ради которых они были созданы, но также служат интересам политических лидеров и функционеров. Нет ничего необычного в том, что институты используются в целях, для которых они вовсе не предназначены.

Федерализм — это институциональная структура, которая может быть объектом и инструментом манипуляций, преобразований и, так сказать, нецелевого использования. Это очень важная структура организации страны, но также средство, которое может быть использовано политиками совершенно в иных целях. В Соединенных Штатах, как и во многих других странах со сложной территориальной организацией, федерализм очень часто рассматривался как средство противодействия угрозам демократии большинства. То есть, федерализм, апеллируя к меньшинствам, зачастую использовался для того, чтобы ограничить влияние национального большинства. Существует очень много различных способов манипуляций федерализмом, которые я называю территориальными стратегиями. Обычно ученые на них обращают мало внимания, но они играют очень существенную роль в политике.

Насколько спонтанно или продуманно вырабатываются модели федерализма? Почему некоторые из них были воспроизведены одновременно в самых разных и далеких друг от друга регионах – в Швейцарии, России, Латинской Америке?

Согласно Уильяму Райтеру, который был первым исследователем, осмыслявшим федеральные практики, федерализм был изобретен в США. Речь идет о национальном федерализме, как идее делегирования суверенитетов национальному государству. Но это согласно Райтеру.

Я не знаю, кто занимался изучением источников швейцарского федерализма. Но одно из допущений, почему вдруг страны или территории решают быть вместе, сводится к тому, что изначально существуют суверенные или полусуверенные государственные образования. Одной из важных причин, почему эти страны решают образовать федеральную республику, является общая внешняя угроза или внешнеполитические возможности. Простой ответ — создать общий пул суверенитетов. США образовали единое суверенное государство не только по причине внешней угрозы, но и по мотивам новых возможностей, которые открывало их объединение. Но есть много иных причин формирования федеральных государств. Основываясь на опыте изучения Аргентины, я полагаю, можно сказать, что федеральные организации не всегда возникают из какого-то общего консенсуса. В Аргентине довольно долго, около 70 лет, шли кровопролитные гражданские войны между федералистами и юнитаристами, сторонниками унитарного государства. Причиной войн были конфликты между регионами страны. С точки зрения экономической всем было очевидно, что регионы должны существовать в едином государстве, но согласия относительно территориального режима не было. Аргентинская метрополия — регион Буэнос-Айреса — был унитарным государством, господствовавшим над другими территориями. Как Париж в свое время во Франции. Райтер считает, что федерализм — это результат консенсуса, сделки, заключенной в результате переговоров. Но в данном случае, мы видим, как федерализм вырастает из кровавых гражданских войн.

Я отношусь довольно скептически к поискам универсального ответа, почему образовались федеральные объединения. Это всегда вопрос эмпирических исследований конкретных причин. В России — одних, в Швейцарии — других, в Аргентине — третьих.

Каким образом, на микроуровне, центральным федеральным структурам удавалось удерживать и усиливать контроль над периферией уже после того, как федеральная власть установилась?

Большую роль в эволюции федеральной системы сыграли попытки со стороны центральных правительств установления эффективного контроля над потоками коммуникации, информации и ресурсов.

Приведу один пример. Мексиканская политическая система была известна как совершенная диктатура. Но она была совершенна, поскольку, будучи

диктатурой, она такой не выглядела. Это была страна, принимавшая всякого рода политических изгоев из самых разных стран. Мексика осталась в стороне от беспощадной и жестокой пропаганды, которая процветала во всех уголках мира. В Мехико была живая и вибрирующая интеллектуальная и культурная жизнь, а у режима было действительно прекрасное, современное и человеческое лицо. Мексиканская общественность, как показывали выборы, в общем-то, высоко ценила общенациональное правительство, но крайне негативно смотрела на локальную политику. Гениальность мексиканской политической системы состояла в способности осуществлять трансферт, делегирование гадкой стороны диктатуры на места. Это была коммуникация особым образом организованная, когда репрессивные функции совершались губернаторами. Они, как правило, были хорошо информированы об оппозиционерах — куда и как они передвигаются по стране — о чем и сообщали центральному правительству. Никому со стороны не было заметно, что губернаторы — это своеобразные субподрядчики центра. Это был централизованный политический режим, основанный на федеральных структурах, эффективно распределяющий ответственность сверху вниз. Система контроля коммуникаций и сфер компетенций была блестящей по своей эффективности.

Какой, на ваш взгляд, можно выделить критерий определения успешной федеративной политики?

Моя первая реакция на ваш вопрос: этот критерий очень зависит от контекста. В принципе, это согласие между центром и местными государственными образованиями о способах и мере распределения суверенитета. С макиавелистской точки зрения, если федеральная политика успешно помогает разрешать территориальные проблемы авторитарного режима, то она может быть также названа успешной. Для авторитарного режима критерием успеха может служить тот факт, насколько сильно и прочно он укоренен в наследие, которое он получил от предыдущего режима. Успех Бразилии, как мне кажется, заключался в том, что ей удалось выстроить такие федеральные институты, которые позволили в течении двадцати лет сохранять консервативный территориальный, политический и гражданский режим.

Делаете ли вы отличие между политикой федерализма и авторитаризма?

Хороший вопрос, хотя в нем есть, на мой взгляд, некоторое смешение. Унитарное государство может быть демократическим, поскольку его правительство избирается. Что касается того, может ли авторитаризм быть федеральным, то эта чисто теоретическая дискуссия сегодня еще не закрыта. Распространена точка зрения, что авторитарный режим не может быть последовательно федералистским. Федеральный режим подразумевает по существу конституционные гарантии автономии и суверенитета отдельных штатов. Авторитарный режим не дает таких гарантий. Я не согласен

с такой позицией, которая, на мой взгляд, излишне теоретична и оторвана от эмпирии. Мне кажется, авторитарный федерализм возможен. Это тот синтез, который можно было наблюдать в Бразилии. Там национальное правительство контролировалось военными, которые позволили штатам продолжать осуществлять выборы местных властей и законодательных собраний. Конечно, они сохранили над ними контроль и наложили определенные ограничения. Но федеральная структура внутри авторитарного режима существовала.

Можно ли назвать Советский Союз федеральным государством? Ведь там были совершенно формальные выборы.

На Западе говорят, что Путин двигается к авторитаризму, поскольку он отменил выборы губернаторов. Я отвечаю обычно: может быть. На Западе не совсем правомерно ставят знак равенства между демократией и федерализмом. Я не могу оценивать, насколько конституционно действовал Путин, насколько его решение было конституционным...

Для вас, видимо, федерализм это не столько демократическая, сколько территориальная политика.

Именно. С аналитической точки зрения, федерализм радикально отличен от демократии. Это система территориальной организации государства. Единственная забота федеративной политики — это отношения между провинциями и между провинциями и центральным правительством. Можно сконструировать такую федеральную систему, где не будет демократии, а можно сделать и совершенно противоположное. Можно также использовать федерализм в борьбе против демократии. Сейчас я пишу вместе с моим другом статью, сравнивающую федеральную политику в США и Германии. Главным пунктом для нас является то, как главы земель или провинций используют федерализм ради влияния на демократический процесс. Например, Пруссия когда-то выступала за федерализм, поскольку хотела воспрепятствовать распространению либерализма в некоторых немецких государствах. Затем, когда к власти в Пруссии пришли социал-демократы, они стали использовать федерализм в борьбе с авторитаризмом. Между федерализмом и демократией, таким образом, есть скорее эмпирическая связь, чем теоретическая.

Но может быть и другое теоретическое и даже эмпирическое затруднение. При вашем подходе очень трудно отличить территориальную политику империй от политики федеральной.

Империи — это результат завоеваний.

Но все современные федеральные государства – Россия, Франция или Германия – это результат завоеваний.

Я никогда не писал об этом сюжете, но осмысляю его следующим образом. Мне кажется, что отличие унитарного государства от федерального сводится лишь к тому, что в унитарном государстве одному региону удалось завоевать страну, в то время как в федеральном государстве, по тем или иным причинам, не удалось полностью завоевать страну.

Не думаете ли вы, что в крупных федеративных государствах, с пестрым разнообразием региональных специфик, господствующие политические элиты с неизбежностью будут технократичными? Что они будут, например, прикладывать усилия к конструированию из центра, то есть сверху, партийно-политической системы?

На этот вопрос нет однозначного ответа — это проблема. Но уверенно можно сказать лишь одно — технократы никогда, или почти никогда, не выигрывают выборы, они не говорят на языке масс. Я бы противопоставил технократов профессиональным политикам, которые обращаются к широким массам. Смущает и вызывает недоумение тот факт, что например, Путин упорно пытается реализовать либеральный проект. Сама история и сами факты говорят о том, что подавляющее большинство либеральных реформ второй половины XX века, особенно в Латинской Америке, реализовывались не либеральными президентами. Но эти не либеральные президенты были всегда в контакте с технократическими элитами, которые предоставляли им план реформирования и убеждали их. Скажем такой простоватый персонаж, ординарный военный и совсем не либерал как Пиночет превратился в либерального реформатора. Он был одержим идеей национальной безопасности и берег, например, от приватизации индустрию добычи и производства меди. К помощи технократов прибегают также и демократические лидеры. Президент Менем не собирался приватизировать национальные компании, но он искал технократов, которые представили ему план приватизации, которому он затем последовал. То же самое мы видели в Перу с президентом Фухимори, который во время выборов полемизировал с либералами, против Марио Варгас Льоса, который был писателем, решившим стать президентом. Кстати, в дебатах с Фухимори он совершил непростительную ошибку. Фухимори спросил Льосу: «Господин Льоса, похоже на то, что вы хотите быть президентом Швейцарии?». Льоса очень искренне ответил; «Да, я хочу, чтобы моя страна стала Швейцарией». Это было сказано в стране с культурой инков. Язык оказался неадекватным и Льоса проиграл выборы.

ИСТОРИЯ И САМИ ФАКТЫ ГОВОРЯТ О ТОМ, ЧТО ПОДАВЛЯЮЩЕЕ БОЛЬШИНСТВО ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА, ОСОБЕННО В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ, РЕАЛИЗОВЫВАЛИСЬ НЕ ЛИБЕРАЛЬНЫМИ ПРЕЗИДЕНТАМИ

Мне кажется, что модель реформирования, с которой мы имеем дело, сводится к следующему: большинство либеральных программ воплощались в жизнь нелиберальными президентами, которые были способны завести политическую машину. Но они всегда привлекали технократов, дабы запустить в работу экономические программы. Сочетание нелиберальных лидеров и либеральных программ часто становились залогом успеха экономического реформирования. Менем, который перераспределял в провинцию ресурсы и налоги. Путин, который пойдет на политический альянс с авторитарными регионами, вполне может стать великим национальным лидером, который приведет Россию снова к лидерству на международной арене.

В некоторых странах мы наблюдали попытки создания партийной системы сверху. В России, в Турции, например. Насколько подобный опыт строительства был успешным в Латинской Америке?

Мне кажется, в решении данной проблемы возможны две стратегии. Строительство партий и партийных систем требует много времени. Первая стратегия часто реализуется именно технократами. У технократов есть одна проблема — они хотят немедленных результатов. Они хотят завоевать и укрепить власть в пределах ограниченных сроков. Именно для решения этой проблемы они создают президентские партии. Если кому-то хочется быстро создать подобную партию, то он должен быть готов взять на себя риск создания партии вокруг одной личности, которая может стать основанием для кратковременных коалиций, поддерживающих баланс сил по всей стране. Вторая стратегия состоит в долгой и болезненной работе по созданию партий, которые, так сказать, хотели бы проигрывать выборы, но, одновременно, создавать последовательную программу, которая бы присутствовала на каждых выборах. Эти партии создают сеть не только в столицах, но, прежде всего, по всей стране.

Чтобы проиллюстрировать свой тезис, я часто использую два примера — один с левой партией, другой — с правой. Рабочая партия Бразилии начала свою самоорганизацию как централизованной партии с очень строгой дисциплиной, очень ортодоксальной и требующей самопожертвования. Скажем, для членства в партии, нужно было платить взносы в размере десяти процентов заработной платы. Одновременно с партийным строительством такого рода, они пытались распространить влияние партии на территории всей Бразилии. Кроме того, они избегали создания альянсов с какими-либо другими партиями. Они добились полной координации своих партийных отделений на юге и на севере страны. А вся работа по созданию общенациональной партии потребовала более чем двадцать лет. Рабочая партия Бразилии представляла своих кандидатов на посты мэров в важных городах Бразилии, которые прекрасно проявляли себя на этих постах. В конце концов, они пришли к власти с самой организованной и дисциплинированной партией в истории Бразилии.

Другой пример — нынешняя правящая партия в Мексике Партия национального действия (ПНД). Это консервативная католическая партия, кото-

рая также выстраивалась очень медленно — около 70-ти лет. Их стратегия заключалась в завоевании власти на местном уровне. Обратите внимание, насколько схожи обе стратегии — ориентация не на столицы, а на периферийные регионы.

Обе партии не стремились в первую очередь овладеть национальным парламентом, а выстраивали территориальную стратегию, стремясь отыгрывать пространство по кусочкам. Мексиканская ПНД выиграла губернаторские выборы в 1982 г. в одной из северных экономически процветающих провинциях. Два года спустя она выиграла губернаторские выборы в другой провинции. Затем она выигрывала на выборах мэров городов. Партийные лидеры понимали, что они не могут оседлать Левиафана на национальном уровне. Но они могут использовать федеральную систему, причем глобально в масштабах страны. Таким образом, эта правая мексиканская партия сочетала электоральную стратегию на местном уровне с административной стратегией. В результате, члены партии приобретали на локальном уровне критически важный менеджерский опыт.

Именно таким образом создаются успешные стратегии завоевания власти. Но вы должны быть готовы потратить 20–30 лет, чтобы их реализовать.

Выработали ли эти партии новые успешные политические техники, когда стали партиями власти?

Эти техники я наблюдал, изучая бразильский опыт. Именно там были реализованы самые успешные политические проекты за прошедшее 20-летие. Это стратегии связаны с Рабочей партией Бразилии, которая пришла к власти, и ее предшественниками, с именем президента Кардозу. Они сфокусировали свои усилия не столько на штатах, сколько на городах. Как правило, центральные правительства усиливают власть городов в пределах своих федеральных систем, противопоставляя их губернаторам. Например, сегодня, президент Бразилии Лула создал некий орган — Федеральный Совет, который представляет собой ассамблею советников президента по вопросам публичной политики, федерализма и распределения доходов. Ни один губернатор не был приглашен. Этот совет называется «федеральным», но в нем нет ни одного губернатора! Там представлены только мэры городов.

В Аргентине вы также можете наблюдать изменение территориальных стратегий. Там также пытаются понизить авторитет губернаторов, как руководителей провинциальных политических машин. Там также делают ставку на усиление городов. Президент, федеральный центр обычно находится в конфликте с губернаторами, и бразильцы нашли способ ослабить противоречие, изменив акценты в территориальной политике. Кардозу первым стал выстраивать политические альянсы с мэрами, а губернаторы постепенно стали обнаруживать, что они выходят из игры. Это была новая разновидность политической игры на федеральной политической сцене. Мне кажется, это многообещающая стратегия, поскольку она позволяет демократизи-

ровать провинцию. Каждая провинция имеет на локальном уровне такую же политическую динамику, как и на национальном уровне. Каждая провинция имеет центр и периферию. И именно в городах можно найти сильную оппозицию авторитарным губернаторам. Именно политические машины губернаторов позволяют сохранять контроль над провинциями.

Однажды в Аргентине меня спросили, какой скорейший и наиболее эффективный способ демократизации провинции. Я ответил: изменить перераспределение налоговых поступлений, сделав так, чтобы все федеральные трансферты не шли в руки губернаторов, а распределять деньги прямо в города. Кроме того, городские политики не должны быть официозными, но в большей мере самостоятельными по отношению к власти в провинции. Подобная стратегия обходного пути губернаторской власти могла бы быть первым шагом в демократизации политической жизни провинции и послужило бы инструментом создания полноценной партийной жизни на периферии.

Беседовал Руслан Хестанов

Редакция выражает благодарность Институту общественного проектирования за помощь в организации интервью

Михаил ДОНСКОЙ

МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Все знают, что есть такая наука «Физика», и что у нее есть законы, не зависящие от нашей воли, намерений и желаний. И все знают, что, если закрыть котел крышкой и нагревать его, рано или поздно котел взорвется. Момент взрыва может быть случайным, но сам взрыв — неотвратим по законам этой самой физики.

В наш информационный век не все знают, что и информатика как наука тоже имеет свои законы, столь же неотвратимые, как законы физики. И незнание этих законов не освобождает от их последствий. Наглядным примером неотвратимости законов информации служит уход с экрана одного телеведущего за другим. Причины этих уходов разные и выглядят то случайностью, то следствием чьей-то злой воли. На самом деле причины эти случайны, как момент взрыва котла, но сам уход абсолютно закономерен.

В информатике есть понятие качества информации. Качество доступной информации влияет на качество принимаемых решений, а, значит, и на качество нашей жизни. Еще один пример, чтобы дать представление об этих законах. Специалистам в информатике известно, что вертикальные потоки информации (грубо говоря, от начальника к подчиненному и обратно) заведомо некачественны — слишком много фальшивой информации привносят факторы зависимости и личного интереса. С другой стороны, мы постоянно видим системы, идеологически базирующиеся на презумпции идеального качества информации в вертикальных потоках. К таким относятся идея Госплана в советские времена и идея вертикали власти сегодня. Лучшего пути к информационной изоляции придумать нельзя. Чем больше вертикальных звеньев, тем ниже качество информации, которой оперируют наверху и, следовательно, тем ниже качество принимаемых решений. Глядя в кривое зеркало, легко поверить в собственную неотразимость.

Теперь перейдем к главной теме статьи. В определенных кругах сейчас очень модно говорить об информационной угрозе, информационных войнах, информационной государственной безопасности. И, как во многих других случаях, угроза безопасности государству считается более опасной, чем угроза людям.

Не буду повторяться на тему «человек для субботы или суббота для человека», но государство само разберется, а меня волнуют люди. Вообще, отношение российского народа к государству как к внешнему врагу, хорошо просматривается в термине «стукачество». Этот термин не существует, например, в США. Там вызвать полицию, если сосед ведет себя слишком шумно (ситуация, до боли знакомая нашим эмигрантам), столь же естественно, как для нас вызвать в гостинице горничную для уборки номера. А у нас — это где-то на одном уровне с предательством.

Итак, я утверждаю, что сегодня идет информационная война против жителей России (намеренно избегаю двух политически окрашенных терминов — народ и население). Эту войну ведут государство, СМИ, сами люди друг против друга. Цель этой войны у разных участников — разная, а методы ведения — зачастую одни и те же. Я, как специалист по информатике, буду обсуждать только методы, оставляя политологам и другим заинтересованным лицам обсуждать цели. Замечу только, что в последние десять лет количество людей, получающих денежную прибыль от ложной информации, и сам размер этой прибыли возросло во много раз. Это — нормальное отражение того общепризнанного факта, что мы вступили в информационный век.

Какова бы ни была стратегическая цель конкретного участника информационной войны, тактическая цель преследуется всегда одна и та же — затруднить доступ людей к достоверной информации. Принятие решений всегда основывается на анализе информации, и качество принимаемых решений напрямую зависит от качества информации, на которой они основываются. У специалистов по базам данных есть хорошая поговорка «garbage in — garbage out», что в переводе означает, что, если на вход системы принятия решения подается мусор, то независимо от качества системы на ее выходе тоже будет мусор.

Из этого, конечно же, не следует, что при доступе к качественной информации будут приниматься качественные решения, но без качественной информации никуда. Все крупные мошенничества основаны на предоставлении фальшивой информации (и, кстати, на ограничении времени ее обработки).

Моя главная цель состоит в том, чтобы перечислить методы, затрудняющие доступ людей к качественной информации, с тем, чтобы мои читатели могли отличать недостоверную или отвлекающую информацию и строить свои решения на более качественном уровне.

Итак,

Метод 1. Скрытие существенной информации

Этот метод состоит в умалчивании информации, существенно влияющей на принятие решения или просто интересной обществу.

Монополия на этот метод принадлежит, конечно же, государству. В СССР этот метод был доведен до совершенства, и нынешние власти забывать о нем

не собираются. Вспоминается шахматный матч Фишер—Петросян 1971 г., когда отсутствие сообщения результата очередной партии в утреннем выпуске радио-новостей со стопроцентной вероятностью означало поражение Петросяна в партии.

«Она утонула» — более современный пример применения того же метода.

В телеэфире этот метод применяется при рекламе чудодейственных лекарств, о чьих побочных эффектах рекламодатели сообщить забывают.

Метод 2. Информационный мусор

Этот метод состоит в том, что, если совсем спрятать нужную информацию нельзя, ее погружают в огромный поток пустой информации.

«Где умный человек прячет лист? В лесу». Так писал Честертон довольно давно, но принцип этот до сих пор с успехом применяется в информационных войнах. Если вы не хотите, чтобы человек имел доступ к качественной информации, а скрыть ее не можете, забейте его информационные каналы мусором. Отсюда фактическое поощрение мусора в почтовых ящиках, спама, телефонного обзвона с рекламными предложениями. В США есть закон о частной жизни, где предусматривается наказание за доставку информации без запроса абонента.

Сюда же примыкает обилие бессмысленных репортажей и шоу на телевидении. Вещать надо много часов, качественную информацию делать трудно, вот и гонят, что попало.

Идеальным примером применения этого метода является ежегодное общение Президента РФ с народом через средства массовой информации. Заранее формируется пакет безобидных вопросов, на которые Президент с явным удовольствием подготавливает пространные ответы, а реальные вопросы не проходят через кордоны милиции.

Метод 3. Смещение понятий

Этот метод состоит в том, что общепризнанный термин используется не по назначению, и его смысл в общественном сознании смещается.

Все уже знают, что демократия — это плохо. Либерализм — еще хуже. А вот либеральные демократы — это хорошо. Как это? Просто сместили термин. ЛДПР никакого отношения ни к либерализму, ни к демократии не имеет. Я хорошо представляю себе, как в недрах КГБ решался вопрос о создании второй партии (для «конкуренции» с КПСС). Были выбраны гениальные термины и неудачный вождь. (Неудачный потому, что расчет на управляемость забитого юриста издательства «Мир», с треском прокаченного коллективом на выборах директора издательства, оказался, мягко говоря, недальновидным). А термин гениален потому, что у неискушенных людей сразу два политических термина были смещены и фактически опорочены.

Так же смещено применение термина «демократ» к Явлинскому или Ельцину, а термина «правый» — к Немцову.

Однако политикой дело не ограничивается. В последнее время активно смешиваются понятия «религия» и «церковь». Желающим почувствовать разницу (вполне, впрочем, очевидную) рекомендую книги Э.Ренана, боровшегося с этим смещением с позиций глубоко верующего человека более 100 лет назад.

В этом же ряду стоит величание средненьких исполнителей звездами и супер звездами отечественного шоу бизнеса. Сюда же относятся режиссированные реалити шоу, построенные по заранее написанному сценарию.

Метод 4. Отвлечение внимания

Этот метод состоит в том, что внимание человека, выбирающего информацию, привлекается к незначимым событиям, отвлекая его от существенных событий.

Этот принцип (впервые применявшийся «Коммерсантом») взят на вооружение желтой (и не только) прессой для привлечения внимания аудитории к незначимым новостям за счет броских заголовков и тем самым отвлечения внимания от реально значимых новостей. Хрестоматийный пример — «Наташа Королева сбита автомобилем». Это — заголовок статьи про то, что жительница Томска с этими, вполне распространенными, именем и фамилией действительно попала под машину. Но заголовок на первой странице, а новость — внутри газеты. Купи — и прочти.

В эту же категорию попадают бесконечные новости по телевидению о пожарах, наводнениях и переворотах во всех странах, кроме одной (угадайте, какой именно).

Интересным примером является недавнее спасение батискафа, вытеснившее из информационных новостей другие события, происходившие в то же время. Эта идея восходит к знаменитому спасению челюскинцев, занявшему в умах людей место гораздо более существенных для них событий, происходивших в то же время.

Метод 5. Применение ничего не значащих понятий

Этот метод состоит в использовании понятий, находящихся на слуху, но не имеющих определения, и, в сущности, не имеющих смысла.

«Духовность» — классический пример. Вообще говоря, бездуховных людей не бывает. Имеется ли в виду под «бездуховностью» необразованность, невоспитанность, атеизм или еще что-то, непонятно. Наиболее вероятно, что так клеймится приверженность к позиции, отличной от позиции говорящего, но звучит красиво.

Имея неплохое образование и русские корни, внимательно проверенные в свое время компетентными органами, я не могу даже приблизительно сформулировать, что значит слово «соборность». Много читая, я нигде не встречал определения этого слова, а основание некоторым людям считать себя лучше других, оно, очевидно, дает.

Непревзойденным виртуозом потока бессмысленной информации был во времена своего генсекства М. С. Горбачев. Я даже задавался целью извлечь хоть какую-то, пусть ложную, информацию из его длинных речей и не мог.

Метод 6. Негативная информация сама себя продает, а за позитивную кто-то должен платить

Этот метод состоит в том, что негативная информация получает приоритет над позитивной. Он практически приведет к самоуничтожению СМИ как источника информации. Напомню, что в конце 70-х никто СМИ за серьезный источник информации не считал, и даже ярый диссидент Солженицын с придыханием описывал в «В круге первом», как его герой умел извлекать информацию из межстрочных промежутков газеты «Правда».

Сегодня по инерции, полученной в эпоху гласности, некоторым кажется, что сейчас информация в СМИ есть. Спешу их разочаровать. Никакая достоверная позитивная информация, не связанная с государственными органами, сегодня в СМИ попасть по определению не может. Эпоха джинсы научила работников пера и камеры, что за публикацию позитивных сведений с их героев можно (а, значит, и нужно) брать деньги. Достоверность информации к этому процессу отношения не имеет и отбрасывается в первую очередь. Я знаю реальный случай, когда бизнесмен заказал в популярной газете «Московский Богомолец» негативную статью о своем бизнесе, поскольку понимал, что на позитивную никто не обратит внимания.

Когда меня пригласили на телевидение, жаркие дебаты вызвала проблема титров для моего выступления. Оказывается, титул генерального директора компании ДИСКо (даже без упоминания направления компании и ее продукции) уже находится под запретом. Интересно, если бы компания была большой, ее название тоже было бы под запретом или как-нибудь договорились бы? В результате без моего ведома появилось бессмысленное слово «эксперт», иронически перекликающееся с названием моей популярной статьи «Невезучий эксперт». То-то мои приятели позлорадствовали. Все это к тому, что реальную позитивную информацию на телевидение не пропихнешь по определению. За эфир позитивной информации надо платить, что в случае достоверной информации — практически нонсенс.

С другой стороны, негативная информация идет на ура и бесплатно. Считается, что народу интересно знать и видеть ужасы катастроф, стихийных бедствий и так далее.

Метод 7. Ссылка на несуществующие основания

Этот метод состоит в том, что информация представляется достоверной на основании, которое не имеет никакого реального смысла.

Шампунь хорош, потому что увеличивает шелковистость волос на 34 % — типичный пример. Кто и как меряет шелковистость, остается на совести рекламщиков, а звучит — красиво. Известны случаи формирования профес-

сиональных ассоциаций с красивыми названиями только для того, чтобы их рекомендации прозвучали в рекламе. Никакого реального тестирования свойств продукта при этом даже не предусматривается.

Сюда же вплотную примыкают публикации некорректно проведенных социологических и маркетинговых исследований. Мой знакомый, являющийся большим авторитетом в социологической статистике, рассказывал, что почти все агентства, ведущие опросы, имеют весьма приблизительное понятие о формировании представительной выборки. Мне же вспоминается, как в эпоху dialup опрос «Используете ли Вы сейчас Интернет?» был проведен по телефону.

Отдельного обсуждения заслуживают телевизионные рейтинги. Жульничество, в них заложенное, заметно невооруженным глазом. Пострадавших сторон две — PR бюджеты больших компаний, покупающиеся на эти рейтинги (да и Бог с ними), и, что гораздо обиднее, ни в чем не повинные зрители. Им не только приходится смотреть на все телебезобразие, но и, кроме того, размышлять, что же с ними не так, если всем передача нравится, а их она коробит.

Забавный пример этого метода я вижу в книжных магазинах, где с недавних пор появилась полка бестселлеров. Большинство книг, на ней располагающихся, по-моему, просто невозможно читать — не из-за содержания, а из-за неимоверных усилий, которые требуется для продирания через новорусский язык, на котором они написаны. Яркий представитель таких бестселлеров книги О.Робски. Я уверен, что если бы они не лежали на полке бестселлеров, их никто не купил бы. Но человеку свойственна неуверенность в своем вкусе.

Метод 8. В огороде бузина, а в Киеве — дядька

Этот метод состоит в том, что основанием сомнительного вывода представляется достоверная или общеизвестная информация, никакого отношения к выводу не имеющая. Например, делается вывод, что для усиления борьбы с терроризмом следует увеличивать производство танков и истребителей.

Или делается вывод, что отмена свободных выборов губернаторов может служить основой борьбы с терроризмом.

В области рекламы этот метод активно используется с помощью эротических мотивов. Ясно, что привлекательная девушка не может рекламировать что-то плохое.

Еще один пример. Россия производит нефть, поэтому цена бензина в стране не должна зависеть от мировой конъюнктуры.

Метод 9. Информационные табу

Этот метод состоит в том, что информация по некоторым вопросам считается запрещенной по определению. Он отличается от умалчивания тем, что о наличии такой информации всем известно, но сама она скрывается.

Мне, как потребителю информации, в конечном счете, все равно, почему СМИ не публикуют актуальную информацию — из-за государственной цензуры или из-за самоцензуры. Или из-за вполне понятного страха потерять работу и привилегии, связанные с особым местом СМИ в обществе.

Тем не менее, отсутствие очевидных сведений в СМИ — признанный факт. Критикуя Лужкова, в основном говорят о его мелких недостатках, в крайнем случае, о жене, но никто не упоминает о том, например, что бесплатный проезд пенсионеров практически разрушил систему наземного городского транспорта (интервалы на некоторых автобусных маршрутах с 1990 года увеличились в 10 раз), отдав транспорт на откуп маршруткам. И тот, очевидный для каждого знакомого с гидродинамикой, факт, что организация автомобильного движения в Москве направлена на образование пробок, тоже замалчивается СМИ.

В советское время была в большом почете секретность. Доходило до смешного. В научных учреждениях существовал список засекреченных тем, который сам был секретен. Для публикации научной статьи требовалась экспертиза, что в статье не содержится не только секретных, но и просто новых сведений.

Метод 10. Прямая ложь

Этот метод состоит в распространении информации, заведомо ложной даже с точки зрения ее распространителя.

Особо популярна так называемая «ложь во спасение». Например, народ не надо волновать тысячью заложников, поэтому дадим цифру поменьше.

Есть тактическая ложь. Самый гениальный пример дала мне в свое время старушка в электричке, которая на очевидную ложь в СМИ дала такое объяснение — правильно, а то враг будет знать то, что ему не следует. Пауза перед словом враг была столь многозначительной!

Я не думаю, что этот список исчерпывает все методы ведения информационной войны, которую один мой знакомый журналист удачно назвал «гражданской». Но это — те методы, которые я вижу ежедневно, если не ежечасно в СМИ, на улице, в ящике своей электронной почты.

«Предупрежден, значит, вооружен», как известно с древних времен. Когда все эти методы явно названы, смотреть телевизор одно удовольствие, особенно рекламу.

Однако общее ощущение от электронных СМИ, газет и СМИ в Интернет у меня такое, что меня продали в рабство. Точнее, продали в рабство мое внимание. Кто-то считает заявленные (а не проданные) тиражи, случайные клики, дутый рейтинг телепрограмм, и на этом основании завышает цены на размещение рекламы. А нам приходится все это пропускать через свои глаза и уши.

Процесс, как говаривал вышеупомянутый генсек, идет, и процесс этот состоит в стремлении к замкнутости отдельных средств информации.

Жалко тратить эфирное время и место на полосах или страницах на других, когда и для себя — мало.

Отличный пример — первый канал телевидения. В новостях рекламируются сделанные на канале фильмы, в фильмах рекламируется канал, и создается ощущение, что ничего больше и не существует. Но естественным следствием этой замкнутости станет информационная ничтожность канала. Кому интересны новости про первый канал? Кому интересны фильмы про первый канал?

Поэтому внимание аудитории постоянно мигрирует. Лидеры есть, но в каждый момент времени они — разные. Где теперь то НТВ, которое там было? Где будет через два года РенТВ? Где был бы тот же первый канал, если бы не его гигантское покрытие территории страны? Хотите про радио — где теперь Русское радио? Про Интернет — где Русский журнал?

Информацию получать хочется, а все источники постоянно себя компрометируют. Вот и кочуют зрители с канала на канал, слушатели с частоты на частоту, пользователи Интернет — с сайта на сайт, читатели газет от одной подписки к другой. Да и правительство сменить ужас как хочется и со спамерами поговорить с глазу на глаз. Возникает чувство информационной неудовлетворенности, которое в прежние времена и возникнуть не могло.

В заключение хочу, процитировав сам себя, обратить внимание читателей на то, что все перечисленные методы скорее уничтожат тех, кто их применяет, чем понизят ценность информации как таковой. Сегодня информация стала непосредственной производительной силой, она подчиняется своим законам, по силе и неотвратимости не уступающим, как всякие законы природы, законам физики. Поэтому идеи запретить Интернет или ограничить информацию потому, что сами же авторы этих идей ведут информационную войну, заранее обречены на провал.

Начиная со своего родоначальника («Все пытались объяснить, как устроен мир, а мы собираемся изменить его»), все большевики, в том числе те, которые и сейчас находятся у власти в центре и на местах, считают, что им подвластно все — от поворота сибирских рек до запрета Интернет и поголовного призыва в армию. Законы природы, не говоря уже о ими же принятых государственных законах, для этих людей не существуют. Этим они напоминают Дедала. Результат их деятельности будет тот же. Только вот жить в эту пору прекрасную...

Ирина АБАНКИНА, Борис ДОМНЕНКО, Нина ОСОВЕЦКАЯ

КРЕДИТОВАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Система образовательного кредитования широко распространена в большинстве развитых стран. В этой системе задействовано как государство, так и частный сектор. Несмотря на специфические особенности в каждой стране, эти системы имеют много общего в силу своей направленности на достижение доступности профессионального образования. В некоторых странах кредиты выдаются только студентам из малообеспеченных семей, в других — образовательное кредитование сопряжено с введением государственного регулирования цен на обучение: например, в Казахстане и в Китае при введении системы государственного образовательного кредитования вводится и система государственного регулирования цен на образовательные услуги. Следует отметить, что образовательные кредиты распространены даже в странах, в которых высшее образование оплачивается из средств бюджетов разных уровней (например, в Германии и Швеции). В этих странах студенты обычно получают кредиты на сопутствующие расходы — проживание, учебную литературу и т. д.

В странах Западной Европе системы образовательного кредитования имеют существенные различия. Во многих странах, несмотря на то, что эти системы разрабатывались и внедрялись в конце 70-х — начале 80-х годов XX века, до сих пор они претерпевают изменения.

В Великобритании основной формой поддержки студентов является заем. Все студенты имеют право на базовые выплаты, которые не связаны с оценкой дохода. Таким образом, большинство студентов могут получить примерно три четверти максимального объема займа, тогда как остающаяся четверть зависит от получаемого дохода. Такой заем будет выше для тех студентов, которые живут отдельно от семьи и учатся в Лондоне, чем для молодежи, обучающейся в других местах, и еще ниже для студентов, проживающих с родителями. Все отвечающие требованиям студенты могут использовать до 75 % этого максимального займа. Возможность студентам получить остальные 25 % зависит от их дохода и, если это актуально, от дохода их супругов или родителей. Однако наличие иждивенцев сокращает вклад родителей, и студентов могут считать независимыми от родителей, если им 25

или более лет, если они состоят в браке, по меньшей мере, 2 года или обеспечивают себя самостоятельно на протяжении, по меньшей мере, трех лет до начала обучения.

В 2004 г. Великобритания вернулась к системе грантов, выделяемых нуждающимся студентам. Процентная ставка не устанавливается, а равна проценту инфляции, причем действует ограничение: она не может превышать банковской ставки плюс 1 %. Выплаты напрямую связаны с доходом должников, и их сбором занимается служба внутренних доходов. Должники начинают выплаты только после завершения или прекращения обучения, когда их доход превышает пороговый уровень, устанавливаемый ежегодно. Выплаты высчитываются как процент от доходов выше порогового уровня в размере 9 %. Так, например, при годовом доходе 12000 фунтов выплачивается 15 фунтов в месяц. Эта процентная ставка может рассматриваться как 9 %-й налог на приращение дохода, получаемого выпускниками или лицами, прекратившими обучение, и превышающего пороговый уровень, взимаемый до тех пор, пока заем не выплачен, должник не достиг возраста 65 лет, не стал инвалидом или не умер.

В результате дебатов по поводу повышения платы, устанавливаемой правительством за обучение для студентов, было принято решение о повышении с 2006–2007 учебного года платы до 3000 фунтов в год. При этом правительство будет предоставлять льготные ссуды на обучение и различные иные льготные схемы, связанные с налоговыми выплатами.

В Норвегии образовательными кредитами пользуются в среднем 82 % студентов. Проценты по кредиту во время обучения не выплачиваются. Процент начисляется с первого месяца после окончания обучения, а разница между доходом и затратами на заем в Государственном фонде образовательных займов компенсируется государством. В 1995 году процент начислялся по номинальной ставке 7,5 % для займов, по которым процент начислялся менее семи лет, и 8,5 % — для всех остальных. Кредиты выплачиваются в течение 20 лет, за исключением тех случаев, когда получатель займа становится инвалидом или умирает, и тогда займы списываются.

В Дании количество студентов, получающих образовательный кредит, составляет 83 % от общего числа, хотя общая доля займа составляет только 34 % помощи. Процент за кредит начисляется с момента предоставления займа и равен 4 % во время обучения, а после завершения обучения равен процентной ставке ЦБ Дании. Возврат кредита и процентов по нему осуществляется в течение установленного срока (обычно от 7 до 15 лет). В 1996 году 92 % должников платили менее 1612 евро в год, что не представляет значительной суммы[1].

В Нидерландах в 1986 году в соответствии с Законом о поддержке студентов (Student Support Act — Studiefinanciering) была создана система финансовой помощи студентам. Несмотря на множество реформ, прошедших с того

[1] *Anthony S.* Student income and student behaviour in Denmark // European J. of Education. Vol. 34. P. 87–94.

времени основные черты этой системы сохранились до настоящего времени. Они представлены тремя ключевыми составными частями.

Все студенты очного отделения по представлению университета получают базовый грант на обучение по программам высшего образования номинальной продолжительности, обычно 4–5 лет. С 1996–1997 учебного года базовый грант трансформирован в «связанный грант», т. е. в действительности студенты получают ссуду, которая в случае успешного обучения превращается в грант.

Студенты могут получить дополнительный грант в том случае, если доход родителей составляет сумму меньше определенного уровня. Этот грант также распространяется на номинальный период обучения и также является «связанным грантом» как и базовый грант.

Наконец, студенты могут получить специальную студенческую ссуду.

Существует два тарифа субсидирования студентов очного отделения. Один для программ, носящих строго практический характер и другой — для программ общественно-научного характера. В Нидерландах существует шесть основных профилей или направлений обучения. К ним можно добавить еще несколько специальных направлений для студентов искусств, музыки, театра и подготовки преподавателей.

Для студентов заочников базовая ставка снижается до 75 %. При изменении размеров оплаты обучения уровень ставки субсидирования также изменяется.

В Швеции обучение бесплатное. Сопутствующие расходы (проживание, учебники и т. д.) — оплачиваются студентами. Многие (до 95 % от общего числа студентов) обращаются за кредитами в государственную кредитную контору. Размер кредита в пересчете на доллары США от 17 до 23 тысяч выдается под 1,5–2 % годовых. Срок возврата — не ограничен, иногда выплаты растягиваются до пенсии. После оформления кредита студенту выплачивают примерно 600 долларов в месяц. К этим деньгам государство безвозмездно добавляет еще 250 долларов. Если учащийся не выполнил учебный план на месяц или семестр, государство автоматически прекратит выплаты.

Выплаты кредита начинаются после того, как студенты перестают получать финансовую помощь, и обычно после минимального периода отсрочки в шесть месяцев. Выплата зависит от дохода должника, точнее, она основывается на общем правиле: должники должны платить 4 % от своего годового дохода через налоговую систему.

В связи с низкой отдачей высшего образования (менее 6 %) студенты стали проявлять меньшую заинтересованность в получении кредитов. В последнее время в Швеции была увеличена грантовая часть поддержки. Доля гранта (который предоставляется только студентам, живущим отдельно от родителей) выросла с 14 % помощи в 1993 г. до 22 % в 1994–1995 годах, а затем до 26 % в 1997 году.

С 1970-х годов в Германии наблюдался резкий скачок поступающих в высшие учебные заведения. Государственные расходы в реальном выражении не уменьшились. С 1980 года по 1990 год число студентов первых курсов

возросло с 189 963 человек, до 277 868 человек, а с 1990 года по 1999 год их количество возросло до 290 983 человек. За этот период (1990–1999 гг.) численность профессорско-преподавательского состава выросла с 67 107 человек до 100 512 человек, то есть количество академического персонала росло даже более быстрыми темпами, чем количество поступающих в вузы.

Студенты не платят за обучение, за исключением тех, чей период пребывания в вузе превышает обычные сроки (только в некоторых землях) и тех немногих, кто поступил в частные вузы. Дебаты по поводу введения платы идут, но без создания адекватной системы компенсации развития не получают.

Существующая система помощи студентам осуществляется на основании Федерального закона о помощи образованию (Bundesausbildungforderungs gesetz). Средства поступают как от федерального правительства (65 %), так и Земель (35 %).

Финансовая помощь предоставляется в зависимости от размера дохода семьи студента и может быть получена либо в виде гранта, либо в виде ссуды. Многие студенты пользуются этими возможностями. Выплата не включает процентов, а период отсрочки достаточно длительный: выплата должна начаться только через 5 лет после окончания обучения и осуществляется на протяжении 15 лет.

В Финляндии, в отличие от большинства европейских стран, система студенческих займов не является государственной. Займы предоставляются банками, договором с которыми определяются процентная ставка, выплаты и другие условия. Государство гарантирует возврат полученных кредитов и берет на себя выплату процентов в случае отсутствия работы, прохождения военной службы или отпуска по уходу за ребенком (как для матери, так и для отца). Это делает студенческие займы, за некоторыми исключениями, доступными всем получателям грантов на учебу.

В Греции предоставляемый объем помощи очень низок: менее 1,5 евро в месяц в среднем на студента, что покрывает только 2 % затрат, тогда как максимальный объем поддержки покрывает лишь 15 % затрат на получение научной степени, причем собственно заем составляет менее 6 % суммы. Следует отметить, что низкая развитость систем образовательного кредитования характерна для большинства стран Южной Европы. Это объясняется тем, что студенты, в основном, живут в семьях, а не отдельно, как в странах Северной Европы.

Наиболее разработанной считается система образовательного кредитования в США. Ее отличительной особенностью является то, что возможностью получить необходимые средства на образование обладает практически каждый желающий. Система федеральных займов учитывает интересы людей с самыми разнообразными финансовыми возможностями. Для получения федерального студенческого займа не требуется никакого залога, проценты по кредиту минимальны, гарантом выплаты является правительство. Правда, сумма кредита невысока, и поэтому денег федерального займа не всегда хватает на оплату всего курса. В таком случае можно воспользо-

ваться родительским займом. Основным инструментом конкурентной борьбы на этом секторе финансового рынка становятся разнообразные скидки, предоставляемые банками для своих заемщиков.

Уровень государственного финансирования высшего образования в США составляет примерно 51 %[2]. При этом государственное финансирование имеют и частные вузы, правда, в меньшем объеме (около 17 %). Кроме непосредственно оплаты обучения кредиты используются для покрытия издержек на проживание, питание, приобретение учебной литературы.

Основные типы образовательного кредита, существующие в США:

- студенческий заем (student loan),
- родительский заем (parent loan),
- частный заем (private loan).

Кроме того, имеется четвертый тип — объединенный заем (consolidation loan), который позволяет заемщику объединить все свои займы в один заем для упрощения выплаты.

Студенческие займы (Students Loan). Эти займы имеют низкую процентную ставку и не требуют дополнительного обеспечения. Федеральный заем для студентов называется кредитами Стаффорда (Stafford Loan) и имеет две разновидности:

Federal Family Education Loan Program (FFELP). Эти займы предоставляются частными кредиторами, такими как банки, кредитные союзы, ссудосберегательные ассоциации. Возврат этих кредитов обеспечивает федеральное правительство.

Federal Direct Student Loan Program (FDSLP). Эти кредиты управляются «Direct Lending School» и предоставляются правительством напрямую студентам и их родителям.

Кредиты Стаффорда могут быть субсидиарные (subsidized) и не субсидиарные (unsubsidized). В первом случае проценты по кредиту во время обучения оплачиваются правительством, во втором, студент сам платит проценты, хотя имеется возможность отсрочить выплаты до окончания обучения. Для получения субсидированной формы, нужно продемонстрировать финансовую необходимость в ней. Не субсидированную форму кредита может получить любой студент, вне зависимости от финансового положения.

Студенты, находящиеся на иждивении могут заимствовать до $ 2625 на первом курсе, $ 3500 на втором курсе и $ 5500 на каждом последующем курсе. Студенты, имеющие самостоятельный доход могут заимствовать дополнительно $ 4000 на первых двух курсах и $ 5000 на последующих.

Аспиранты могут заимствовать $ 18500 в год, но только $ 8500 из этой суммы субсидируются.

Кредиты имеют переменную процентную ставку (базирующуюся на 91 дневной ставке доходности по казначейским векселям (T-bill rate) + 1,7 % во время обучения и увеличивающуюся на 0,6 % после окончания учебно-

2 Экономические проблемы высшего образования в странах Западной Европы (90-е годы): Сборник обзоров. М.: РАН ИНИОН, 1999.

го заведения), лежащую в пределах 8,25 % и устанавливающуюся ежегодно. Процентная ставка одинакова у всех кредиторов, хотя некоторые предоставляют скидки на рассрочку и на выплаты по электронным системам.

Для студентов и аспирантов с особыми финансовыми трудностями существует кредит Перкинса (Perkins Loan). В качестве кредитора выступает учебное заведение, оперирующее средствами, которые ограниченно выделяются федеральным правительством. Данный кредит является субсидированным, процент выплачивается федеральным правительством во время обучения, имеется 9 месячная отсрочка по выплате, общий срок выплаты 10 лет, процентная ставка 5 %.

Сумма кредита определяется отделом финансовой помощи учебного заведения. Ограничение составляет $ 3000 на курс для студентов и $ 5000 для аспирантов, общее ограничение составляет $ 15000 для студентов и $ 30000 для аспирантов. Организации, состоящие в программе расширенного кредитования (Expanded Lending Option – ELO) могут повышать ограничение по кредиту. Годовой заем в таком случае увеличивается на $ 1000, а суммарный лимит на $ 5000 и $ 10000 соответственно. Кроме того, по кредиту Перкинса имеются более удобные условия аннулирования, чем для кредитов Стаффорда или кредитам PLUS.

Родительские займы (Parent Loan). Родители студентов, находящихся на иждивении, могут взять внешний кредит для обеспечения своих детей материальной помощью. Федеральный родительский кредит для студентов (The federal Parent Loan for Undergraduate Student – PLUS) позволяет родителям занять средства для покрытия всей стоимости обучения, которая может не покрываться федеральными студенческими кредитами.

Так же как и студенческие кредиты, кредиты категории PLUS могут выдаваться как частными кредиторами (категория FFELP), так и напрямую правительством. Эти кредиты могут иметь различную процентную ставку, базирующуюся на 52 недельной ставке доходности по казначейским векселям (T-bill rate) + 3,10 %. Процентная ставка ограничена величиной 9 %. Выплаты начинаются через 60 дней после получения всей суммы кредита, срок выплат – до 10 лет. Обязательства по выплатам лежат на родителях.

Объединенный кредит (Loan Consolidation). Объединенный кредит соединяет в себе различные виды студенческих и родительских кредитов, полученных от одного кредитора, и используется впоследствии для выплат по ним.

С помощью объединенного кредита можно уменьшить размер ежемесячных выплат по займам за счет увеличения стандартного для федеральных займов 10-летнего срока оплаты кредита. В зависимости от размера кредита, срок выплаты может быть увеличен и составит от 12 до 30 лет. Процентная ставка по этому кредиту является средней величиной ставок объединяемых кредитов, округленной в большую сторону до ближайшей и ограничена 8,25 %.

Одновременно с расширением поддержки студентов и их семей федеральное правительство ужесточает контроль за использованием выделенных средств и возвратом кредитов. Министерство образования США принима-

ет меры по предотвращению практики отказа от выплаты задолженности по полученным от федерального правительства студенческим образовательным кредитам. Иногда такие отказы основываются на предоставлении ложных сведений о смерти или нетрудоспособности получателей кредитов.

С осени 2000 г. Министерство образования США стало требовать от студентов возврата той части полученной ими от федерального правительства помощи, которая не была использована на получение образования, и пытается взыскать просроченную задолженность по федеральным кредитам на обучение с тех, кто мошенническим образом добился списания своей задолженности. Материалы в случаях мошенничества передаются в министерство юстиции, а размеры штрафов определяются в зависимости от величины задолженности по студенческим кредитам. Допустимым уровнем доходов выпускников, отчисляемых на покрытие образовательных займов, считается 9–10 %[3].

Ниже приводится конкретный пример формирования финансового пакета, включая образовательный кредит, студента, обучающегося в бакалавриате Университета Дж. Вашингтона по специальности «Computer Science». Общее число курсов, необходимых для получения степени бакалавра — 40, годовая стоимость обучения, включая проживание в кампусе — 42 тысячи долларов. Из этой суммы семья оплачивает 9,5 тысяч, 11 тысяч долларов — годовой грант от Фонда выпускников, а остальную часть — 21,5 тысячи долларов — составляют два кредита:

1. Субсидируемый кредит в размере 5,5 тысяч долларов от специальной государственной системы студенческого кредитования (субсидия состоит в том, что во время обучения процент на кредит не начисляется); срок погашения кредита — 10 лет, начиная через 6 месяцев после окончания обучения; процент переменный, определяется 2 раза в год специальной комиссией, в зависимости от базовой ставки межбанковского кредита, но в любом случае не выше 8,5 % в год. Обеспечение не требуется.
2. Специальный студенческой кредит от CitiBank, предоставляемый банком на основе соглашения с университетом в размере 16 тысяч долларов, который гарантирован родителями (обязаны выплачивать, если основной заемщик не платит); срок погашения — 10 лет, начиная через 6 месяцев после окончания обучения; процент переменный, определяется банком один или два раза в год, в зависимости от базовой ставки межбанковского кредита, но в любом случае не выше 10,5 % в год. Обеспечение не требуется, но при предоставлении оценивается кредитонадежность родителей.

В Канаде образовательные займы (кредиты) предоставляют банки и финансовые компании. Форма государственной поддержки — возврат по этим займам гарантируется правительством. Срок займа для студентов дневной формы обучения — 9,5 лет, а для студентов вечерней формы обучения — 2 года. Банковский процент по кредитам зависит как от банка, так

3 *Вудхолл М.* Покрытие издержек на получение высшего образования: тенденции развития видов финансовой поддержки // Вестник высшей школы, № 8, 1997.

и от провинции, где расположен университет и выдается заем, т. к. высшее образование Канады находится в ведении провинций и территорий. Органы управления, создаваемые в соответствии с законодательными актами провинций, отвечают за все сферы деятельности вузов, наделены значительными полномочиями в управлении финансами (хотя финансируются вузы в основном из федерального бюджета) и определении учебных программ. Поэтому проценты по образовательным кредитам в разных провинциях различны. Например, в провинции Квебек средний процент составляет 5,2.

В восточных странах (Япония, Южная Корея, Новая Зеландия) через систему займов (кредитов) реализуется инвестиционный подход — вклад в самого себя и в свое будущее, причем не из кошелька родителей. Студент через систему финансовых институтов занимает средства у своего будущего, нарабатывает за время обучения для своего будущего ресурсы и дивиденды с них в назначенное время возвращает. Идет своеобразная игра с деньгами и временем, реально формирующая ответственность молодого человека. А система грантов — это поощрение самостоятельности, настойчивости и креативности молодых людей — везде конкурсы, в которых еще надо победить. Студенческие кредиты предоставляются по низким процентным ставкам, по многим из них проценты за время обучения выплачивает государство, а погасить кредит выпускник обязан в течение 10 лет.

Такие страны, как Австралия или Новая Зеландия, создали системы государственных займов, имеющих одну общую основную черту — соотнесенные с доходами выплаты. Точнее, выплата студенческих займов зависит от уровня доходов получателей займов и управляется через налоговую систему. При использовании такого способа одновременно с налогами вычитается определенный процент дохода.

С 1989 г. в Австралии введено платное высшее образование. Годовая оплата обучения на гуманитарных, общественных и педагогических курсах — от $ 3000, на курсах технических наук, компьютерной технологии и предпринимательства — $ 3700, на курсах юриспруденции, медицины, стоматологии и ветеринарии — $ 4200[4].

Государственные субсидии студентам и их семьям в процентах от общих государственных расходов на высшее образование составляли в 1998 г. 28,0 %. Из них стипендии и гранты — 13,0 %, студенческие займы — 15,0 %. Безвозвратные субсидии студентам предоставляются в зависимости от доходов их родителей. В Австралии существует развитая система образовательных кредитов, размер которых зависит от специальности. Так как плата за обучение по разным специальностям различна, то механизм дифференцированных кредитов позволяет обеспечивать более или менее равные финансовые условия для студентов, обучающихся по разным специальностям. Возврат кредита соотнесен с доходами и осуществляется через налоговые выплаты. Если доход выпускника ниже установленного норматива, то платежи по кредиту приостанавливаются.

4 Обзор систем высшего образования стран ОЭСР. М., 2005. 107 с.

В Австралии система финансирования ориентирована на студента, который самостоятельно делает выбор. Стоимость обучения частично возмещается государством и зависит от расценок, которые самостоятельно устанавливают вузы (как частные, так и государственные) или организаторы профессиональных образовательных тренингов (VET). Вузы также самостоятельно разрабатывают систему образовательных займов для своих студентов для покрытия разницы между ценой вуза и стоимостью, покрываемой государственным обязательством, которое выдаётся всем выпускникам школ и взрослым, получающим среднее или высшее профессиональное образование впервые.

Таким образом, предъявляемый студентом спрос на образовательные услуги определяет размер государственного финансирования поставщика образовательных услуг.

В Австралии Правительство Содружества компенсирует университету отложенные студентом платежи, выплачивая сумму эквивалентную сумме ассигнования на каждого студента, а также сумму равную скидке, которую они получают, осуществляя авансовый платеж.

Студенты начинают выплачивать свой долг через налоговую систему, в том случае если их доход превысит минимальный порог. В 2001–2002 финансовом году эта сумма оставляла 23 242 австралийских доллара.

С января 2002 года студенты магистерских курсов получили возможность брать беспроцентные ссуды для авансированной оплаты обучения. Ссуды выдаются по Схеме Займов на магистерское обучение (Postgraduate Education Loans Scheme — PELS). Выплата займов осуществляется по схеме аналогичной CABO, когда платежи наступают в том случае, если доход, получаемый уже окончившим обучение студентом, превышает обязательный минимальный предел.

Студенты, как продолжающие обучение, так и вновь поступившие могут получать займы каждый семестр в течение всего обучения. Займы не покрывают иные расходы, в том числе на проживание. В настоящее время займы по схеме (PELS) не распространяются на аспирантов в субсидируемых государством университетах и еще четырех частных институтах.

В Японии получение высшего образования обходится дорого — здесь государственных вузов очень немного. Несмотря на то, что около половины стоимости обучения финансируется государством, студентам университетов все равно приходится тратить на него от 7 до 12 тысяч долларов США в год. Также они оплачивают вступительные экзамены, а затем еще и поступление в вуз. Поэтому большинство учащихся стараются подрабатывать. Однако можно взять кредит на 10 или даже 15 лет и возвращать его постепенно после окончания учебы.

Японские студенты могут получать финансовую помощь в многочисленных организациях, в том числе в Японском стипендиальном фонде (Japan Scholarship Foundation), который получает поддержку от различных государственных учреждений и общественных организаций. Этот фонд широко практикует систему различных студенческих займов, как беспроцент-

ных, так и кредитов с низким процентом (не более 3 %), который начинает начисляться только после окончания учебного заведения.

В Китае количество частных вузов выросло с нуля в 1990 году до более 100 в 2003 году, хотя создание частных вузов носит порой характер квазиприватизации, когда внутри государственного вуза отдельные дисциплины или факультеты становятся частными. Другой формой является установление платы за обучение в государственных вузах.

Столь же драматические изменения произошли и в финансировании вузов. За период с 1995 по 2000 год, правительственное (центрального, провинциального и местных органов власти) финансирование сократилось с 70 % до 56 %. Хотя общая сумма в реальном выражении и выросла, субсидирование, приходящееся на одного студента снизилось.

За период с 1995 года по 2000 год общие расходы на одного студента и текущие расходы на одного студента выросли вдвое, правительственные расходы сокращались. В 2000 году 22,2 % общих расходов и 27,7 % текущих финансировались за счет студенческой платы за обучение и другими выплатами, по сравнению с 13,5 % и 17 % в 1995 году соответственно.

Студенческие ссудные схемы также представляют собой форму субсидирования нуждающихся студентов, хотя общее число воспользовавшихся этими схемами составляет всего 10–15 %.

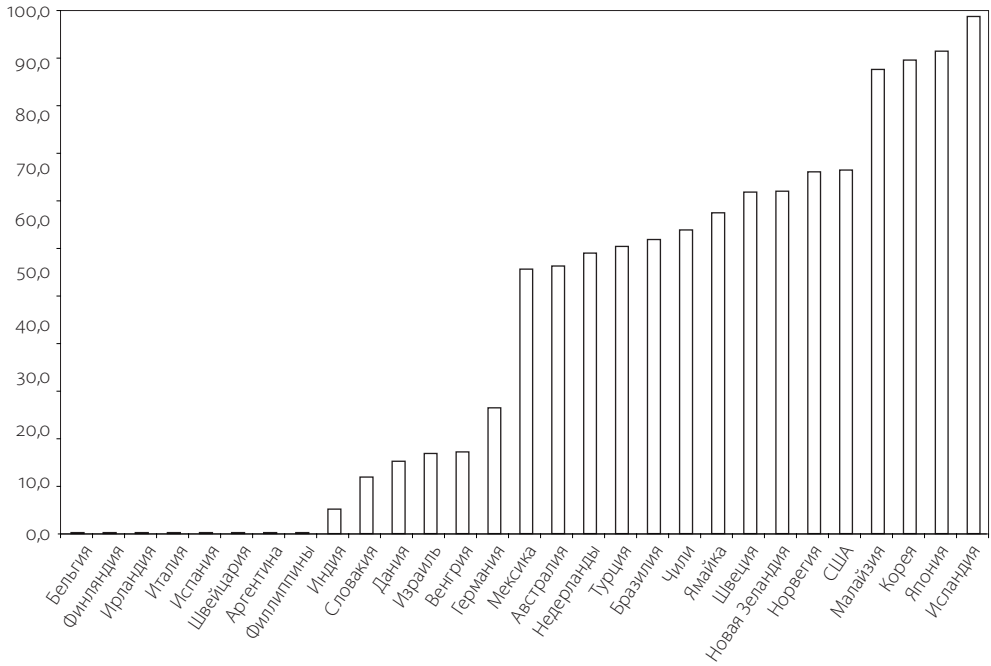
Характерными чертами таких ссуд являются — предоставление ссуд прежде всего на покрытие платы за обучение и проживание в течение периода обучения; ссуды предоставляются национальными банками; студент выплачивает только половину процентных платежей в течение срока обучения, вторую половину доплачивает правительство; выплата платежей наступает через 4 года после окончания вуза.

В Китае государство через коммерческие банки предоставляет кредиты неимущим студентам на льготных условиях. Сумма такого кредита (без поручительства) составляет 650 долларов в год, которые выпускник обязан вернуть после окончания вуза. Ежегодно в высшие учебные заведения Китая поступают около трех миллионов студентов. Пятая часть из них (около 20 %) — выходцы из бедных семей. Таким образом, лишь часть студентов может воспользоваться государственной поддержкой при кредитовании. Кроме того, образовательное кредитование в Китае организовано строго на принципах софинансирования государства и самого студента.

Стоимость обучения студента в Китае определяют местные власти. Часть средств на эти цели выделяется из бюджета провинции, недостающую сумму вносит сам студент. В год он должен заплатить за учебу около 600 долларов. Однако для бедных учащихся действует ряд льгот. Так, провинция может выдать студенту дополнительную субсидию на учебу, а он после окончания вуза обязан работать там, куда его направят местные власти. Неимущим студентам китайское правительство выдает субсидии, а отличникам — поощрительные стипендии. Учебные заведения помогают молодежи найти временную работу в свободное от учебы время и даже могут освободить бедных студентов от платежей.

Итак, подводя итог анализу опыта поддержки студентов в зарубежных странах, следует отметить, что доля кредитов в общей поддержке студентов государством существенно отличается в различных странах (Рис. 1).

Рис 1. Доля кредитов в общей поддержке студентов, %



В последние годы все страны, предоставляющие поддержку студентам, увязывают ее получение с академическими показателями. Уровень этих требований различен. Например, Великобритания или Дания требуют, чтобы студенты просто активно относились к учебе. В Норвегии требуется сдача экзаменов согласно плану. В Швеции студенты должны сдавать, по меньшей мере, 75 % экзаменов по курсу в установленный период времени. Германия считает, что студенты должны получить диплом в нормативные сроки. В Нидерландах, чтобы усилить финансовое давление на студентов и заставить их завершить обучение за установленное учебным планом количество лет, в 1996 году базовые гранты были заменены соотнесенными с успеваемостью грантами. Если студент удовлетворяет определенным требованиям к успеваемости, то его соотнесенный с успеваемостью грант остается безвозвратным (превращается в дар). Соотнесенные с успеваемостью гранты, предоставляемые на первом году обучения, превращаются в дар, если студент зарабатывает 50 % зачетных баллов.

Таким образом, во многих странах гранты и займы являются составляющей экономической системы государственной поддержки студентов, способствующей повышению доступности и успеваемости, т. е. способствующей поддержанию качества высшего образования.

Интересным представляется опыт введения образовательных кредитов бывшими республиками Советского Союза. Введение системы кредитования в странах СНГ объясняется тем, что все большее количество студентов обучается на платной основе. Например, в 2002 г. доля студентов, оплачивающих свое обучение составляла в государственных высших учебных заведениях Казахстана и Молдавии – более 14 %, Азербайджана и Грузии – около 35 %, Армении, Таджикистана, Украины – 41–43 %, Белоруссии – до 50 %, Киргизии – 75 %. Поэтому в странах СНГ, так же как и во всем мире, в последние годы стала распространяться система образовательного кредитования. В большинстве республик студентам выдаются государственные образовательные кредиты.

Наиболее разработана система в Казахстане[5]. Министерство финансов Республики Казахстан выделяет Министерству образования и науки Республики Казахстан и Министерству здравоохранения Республики Казахстан средства на подготовку кадров по государственному образовательному кредитованию в пределах сумм, предусмотренных в республиканском бюджете. Министерство образования и науки и Министерство здравоохранения являются администраторами программы государственного образовательного кредитования, осуществляющими выдачу кредитов, а также обеспечивающими контроль за целевым использованием и возвратом средств в бюджет (уполномоченные органы). Государственные образовательные и государственные студенческие кредиты выдаются гражданам республики для обучения в высших учебных заведениях республики. При этом необходимо поручительство трудоспособного гражданина, имеющего постоянный источник дохода, или юридического лица. Отдельным категориям заемщиков (дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей) государственные образовательные и государственные студенческие кредиты выдаются без представления указанных поручительств.

Выделение кредитных средств осуществляется помесячно. Государственный образовательный кредит выдается сроком до 15 лет, государственный студенческий кредит – до 10 лет. Отсчет срока кредита начинается от даты заключения трёхстороннего кредитного соглашения (заемщик, уполномоченный орган, вуз). Погашение заемщиком кредита начинается не позднее, чем через шесть месяцев после окончания ВУЗа.

Министерство образования и науки организует тестирование абитуриентов и отбор претендентов на получение государственного образовательного кредита в высшие учебные заведения страны. Претендент на получение государственного образовательного кредита выбирает специальность и ВУЗ, в котором он хочет обучаться. Министерство образования и науки передает результаты тестирования абитуриентов и отбора претендентов на получение государственного образовательного кредита Министерству

5 Правила кредитования в высших учебных заведениях Республики Казахстан (Утв. постановлением Правительства РК от 20.06.1999 г. № 10 Ш, внесены изменения и дополнения от 8.12. 2000 г. № 1525, от 30.04.2003 г. № 420).

науки и высшего образования или Министерству здравоохранения (по принадлежности вуза). Уполномоченные органы выдают заемщику уведомление о предоставлении права на получение государственного образовательного кредита с указанием ВУЗа и специальности.

Между заемщиком, ВУЗом и государственным учреждением «Финансовый центр» заключается трехстороннее соглашение, предусматривающее:

- планируемый размер кредита на весь срок обучения, в ценах на момент выдачи кредита,
- назначение кредита, условия выдачи, сроки погашения кредита,
- обязательства сторон, и в том числе обязательство заемщика по обеспечению возврата кредита, поручительство.

Индексация размера кредита осуществляется в соответствии с ежегодно утверждаемыми постановлением Правительства Республики Казахстан расходами на обучение 1 студента в течении учебного года. Несовершеннолетние заемщики заключают трехстороннее соглашение с согласия родителей, усыновителей или попечителей.

Финансовый центр осуществляет безналичное перечисление кредитных средств непосредственно на счета ВУЗов согласно спискам заёмщиков, предоставленными Уполномоченными органами. Запрещается выдача заёмщикам наличных денежных средств в счет государственного образовательного кредита.

По завершении обучения Финансовый центр выдает заёмщику извещение об общей сумме бюджетных средств, затраченных на его обучение. В случае досрочного прекращения обучения, оплачиваемого из средств государственного образовательного кредита, по уважительной причине (болезнь, перевод на обучение по государственным образовательным грантам) заемщик обязан возвратить сумму, затраченную на его обучение по правилам, установленным кредитным договором. При прекращении обучения по государственному образовательному кредиту по причинам неуважительного характера (в связи с академической неуспеваемостью, нарушением учебной дисциплины, правил внутреннего распорядка и т.д.) либо по собственному желанию заемщик обязан вернуть сумму, затраченную на его обучение, в течение одного года со дня прекращения обучения. При предоставлении заемщику академического отпуска срок кредита продлевается на период академического отпуска с оформлением соответствующего дополнительного соглашения к трехстороннему соглашению между заемщиком, высшим учебным заведением и Финансовым центром. Выделение Уполномоченным органом средств по кредитованию этого заемщика прекращается на период академического отпуска и начинается вновь после издания приказа по высшему учебному заведению о возобновлении обучения студента.

Присуждение государственных образовательных грантов или предоставление права на получение государственных образовательных кредитов проводится конкурсной комиссией Министерства науки и высшего образования по конкретным специальностям в пределах утвержденного Правительством Республики Казахстан государственного заказа. Государственные образовательные

гранты и государственные образовательные кредиты присуждаются на конкурсной основе в соответствии с баллами государственных сертификатов.

На выделенные по квотам места, установленные решениями правительства, а также для выпускников подготовительных отделений при вузах из числа зарубежной казахской диаспоры конкурс проводится отдельно.

В случае одинаковых показателей баллов государственных сертификатов преимущественное право на присуждение образовательных грантов или получение государственных образовательных кредитов имеют:

- дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей,
- инвалиды первой и второй групп, инвалиды с детства.

Затем преимущества предоставляются лицам, имеющим аттестаты с отличием или дипломы среднего специального образования с отличием; при поступлении на соответствующую специальность — призерам международных олимпиад школьников, победителям республиканских предметных олимпиад, школьников текущего учебного года, награжденных дипломами 1, 2 и 3 степени, лауреатам международных и республиканских творческих конкурсов, лицам, имеющим более высокие баллы по профильному предмету, а также сельским жителям при отсутствии установленной квоты.

Итоги комплексного тестирования в вузы показали, что в Казахстане снижается количество абитуриентов с низким уровнем знаний и повышается число отличников. В 2003 году участие в комплексном тестировании приняли 162 759 абитуриентов. Из них 45 508 человек или 28 % от общего количества тестируемых не набрали порогового балла, то есть их уровень знаний ниже 40 баллов. При этом в прошлом году этот показатель составлял 29,1 %. От 40 до 70 баллов набрали 95 719 (58,8 %) абитуриентов. В 2002 году эта цифра составляла 61,8 %. От 71 до 100 баллов набрали 20 543 (12,6 %) абитуриентов, тогда как в прошлом году их количество составляло 8,8 % от общего числа поступающих. Свыше 100 баллов получили 989 (0,6 %) абитуриентов[6].

По итогам конкурсного отбора обладателями государственных грантов и кредитов стали 24 438 человек, в том числе 9 775 выпускников сельских школ. 340 детей-сирот получили государственные образовательные гранты. Из них 200 получили гранты по отдельно выделенной для этой категории квоте. Таким образом, государственную поддержку получили 15 % абитуриентов (20,8 % от прошедших тестирование), из них 40 % — сельские школьники. В 2003 году была установлена двухпроцентная квота для представителей казахской диаспоры. Среди этой категории абитуриентов гранты получили 775 человек. Кроме того, еще 1 645 грантов распределены в сентябре для слушателей подготовительных отделений вузов на 2003 / 2004 учебный год. 200 абитуриентов были отобраны для обучения в Казахстанско-Британском техническом университете, 600 абитуриентов — для обучения в вузах искусства, 100 абитуриентов — для обучения в МГУ.

В случае отказа студента от государственного образовательного кредита, освободившийся кредит предоставляется другому студенту, обучаю-

6 По данным «Казинформ»: http://www. site. kz.

щемуся на платной основе. Таким образом, право выбора условия обучения — по государственному образовательному кредиту либо на платной основе, остается за самим студентом. В 2004–2005 учебном году по образовательным кредитам в Казахстане обучалось более 40000 студентов[7]. Студенты, не получившие государственных грантов и кредитов и обучающиеся на платной основе, могут получить коммерческий образовательный кредит. Банки Казахстана уже начали их введение.

В ближайшее время процедура присуждения государственных образовательных грантов и кредитов будет полностью автоматизирована, а окончательное решение о присуждении грантов и кредитов будет приниматься республиканской конкурсной комиссией. Эти нововведения предусмотрены новой системой единого национального тестирования (ЕНТ), внедряемой в РК с 2004 года[8].

Практически аналогичная система установлена и в Республике Кыргызстан. Однако доля студентов, получающих государственную поддержку крайне мала, а большинство студентов обучается на платной основе в негосударственных вузах, в том числе зарубежных, расположенных на территории Киргизии. Исключение составляют медицинские вузы, которые самостоятельно устанавливают правила приема студентов и проводят вступительные испытания. Престижность медицинских профессий очень высока, поэтому на эти места высокий конкурс.

В отличие от Казахстана и Кыргызстана, осуществляющих государственное образовательное кредитование, в Республике Узбекистан по предложению Центрального банка, введено в практику, начиная с 2001/2002 учебного года, предоставление коммерческими банками образовательных кредитов для оплаты обучения в высших учебных заведениях республики на платно-контрактной основе.

Образовательные кредиты предоставляются гражданам республики, принятым для обучения в высшие учебные заведения на платно-контрактной основе, их родителям или попечителям. При этом коммерческим банкам рекомендовано:

- предоставлять кредиты с льготным периодом погашения основной суммы кредита после окончания учебного заведения;
- устанавливать процентную ставку по образовательным кредитам в размерах, не превышающих действующую ставку рефинансирования Центрального банка.

Существует система льготных кредитов:

- беспроцентных образовательных кредитов — для круглых сирот, воспитанников домов-интернатов и инвалидов с детства I и II групп;
- для студентов из малообеспеченных семей — с уплатой 50 процентов от начисленной суммы процентных платежей за кредит из средств Государственного фонда содействия занятости в установленном порядке.

7 http://www. os. kz.
8 www. gazeta. kz.

В Белоруссии количество бесплатных мест в вузах в 2003 г. не превышало 26 000. В последнее время количество студентов-«платников» в государственных вузах Беларуси заметно увеличилось. Если в 2000–2001 учебном году за свой счет занималось 22,8 % студентов, то в 2003–2004 учебном году эта цифра достигает 43 %. Ежегодная стоимость обучения составляет $ 600–1500 и более[9]. В декабре 2002 г. принят президентский указ о введении системы образовательного кредитования[10].

Получить кредит может как сам студент (если у него есть постоянный источник дохода), так и его родители либо же законные представители. Причем эта возможность представляется не только первокурсникам, но и тем, кто уже несколько лет учится на платном отделении вуза.

Среднемесячный доход на каждого члена семьи не должен превышать 160 долларов США, что составляет двукратный среднемесячный среднедушевой минимальный потребительский бюджет семьи из четырех человек. «Беларусбанк» кредитует не более 70 % очередного платежа годовой стоимости обучения (например, если обучение стоит $ 1000 в год, то кредит составит не более $ 700, а оставшиеся $ 300 придется доплачивать самим).

До 20 числа каждого месяца необходимо выплачивать банку проценты. Плата за пользование кредитом — ½ ставки рефинансирования Нацбанка Беларуси, что в настоящее время составляет 16,5 % (ставка рефинансирования — 33 %). Ставка рефинансирования Нацбанка имеет тенденцию к снижению (например, в декабре 2002 года она составляла 38 %).

Для заключения договора о кредитовании необходим договор с вузом о подготовке специалиста на платной основе, а также справки, что студент получает первое высшее образование и о стоимости обучения (с распределением по годам или более коротким срокам).

Кроме того, в «Беларусбанке» требуют справку о наличии постоянного источника дохода у того, кто будет получать кредит (это может быть как сам студент, так и его родители или законные представители). Необходимо также найти платежеспособных поручителей. Наконец, в банк представляют документ о среднемесячном совокупном доходе на каждого члена семьи. После того как все формальности соблюдены, «Беларусбанк» открывает кредитную линию и перечисляет деньги на счет вуза.

В десятидневный срок после окончания вуза выпускник предоставляет в «Беларусбанк» копию диплома, а также свидетельство о направлении на работу (справку о самостоятельном трудоустройстве). Если студент после окончания вуза уезжает работать в другой город, туда же переводятся и его «долги». Погашать кредит надо начать уже через месяц после получения диплома. На это дается не более пяти лет.

9 *Градюшко А.* Никому не повредит получить диплом... в кредит! // Газета «Частная собственность». № 24 от 26.06.2003. См: http://assa. minsk. by/index. shtml

10 Указ Президента Республики Беларусь «О предоставлении гражданам Республики Беларусь кредита на льготных условиях для оплаты первого высшего образования, получаемого в высших учебных заведениях государственной формы собственности на платной основе», утв. № 616 от 17.12.2002 г.

При отчислении студента из-за академической неуспеваемости необходимо будет досрочно (на протяжении не более года) вернуть кредит с уплатой процентов за пользование им, но уже в размере полной ставки рефинансирования. Если студент не отчислен, а ушел в академический отпуск, то неиспользованную часть кредита вуз просто возвращает в банк, хотя проценты за пользование им студенту все равно придется выплатить.

При средней стоимости обучения $800–1000 в год студент за 5 лет должен будет выплатить «Беларусбанку» сумму, эквивалентную $600–750. Для многих семей эти расходы приемлемы.

Примерная стоимость обучения в ведущих государственных вузах Беларуси в 2002–2003 гг. для непрошедших по конкурсу (долларов США в год)

БГУ	700–1500
БГЭУ	850–900
БГУИР	600–800
БГПА	800–900
МГЛУ	1100–1200
БГМУ	1000–1500
БГПУ им М. Танка	600–700
БАТУ	650–700

Примечание: при поступлении по результатам собеседования или тестирования стоимость обучения может быть увеличена в 1,5–2 раза.

Нормативные документы по образовательному кредитованию приняты на Украине[11]. Там действует система кредитования молодежи на получение высшего образования. В центральном бюджете на эти цели предусмотрено 15 миллионов гривен.

Постановление «Об утверждении Порядка предоставления целевых государственных кредитов для получения высшего образования» вносит некоторые нововведения относительно государственных кредитов для получения высшего образования. Первое, это то, что кредиты на получение высшего образования могут получить не только абитуриенты, которые поступают на первый курс, а и студенты любого курса, которые учатся на платной форме, учатся успешно, и требуют финансовой поддержки. Решения кому предоставлять кредит, а кому нет, принимаются в высшем учебном заведении. Кредиты могут предоставляться для обучения на дневной и заочной формах молодым людям в возрасте до 28 лет.

Второе, это упрощение порядка получения кредита. Из цепи выключаются банки, и кредит предоставляется непосредственно по договору, который подписывает ректор, с одной стороны, а с другой — абитуриент. При

11 Постановление Правительства Украины № 844 от 27.05.2000 г.

этом если абитуриент несовершеннолетний, то — его родители или официальные лица, представляющие интересы заемщика. А после достижения молодым человеком совершеннолетия этот договор будет переоформлен на студента.

Условия кредит достаточно схожи с кредитами в других странах. То есть он выдается на обеспечение оплаты обучения, может быть погашен на протяжении 15 лет, под три процента годовых. Первые средства молодой человек может начать выплачивать через год после получения высшего образования. Если кто-то выплатит кредит раньше, то, безусловно, и проценты будут меньшими. Еще одно важное нововведение: предусмотренная возможность «отрабатывания» кредита, а не его выплата. Это означает, что выпускники, которые поедут и отработают по специальности не меньше пяти лет в сельской местности, в структуре государственной или коммунальной собственности освобождаются от возвращения кредита государству. Это важно потому, что на селе во многих сферах, начиная с образования, не хватает специалистов.

Кредитование осуществляется на основе стоимости обучения в том или другом учебном заведении и контролируется Министерством образования и науки. Все высшие учебные заведения, которые подчинены непосредственно Министерству образования и науки, будут получать средства на кредитование от министерства, другие вузы — через отраслевые органы управления, которым подчинены, но также при участии Министерства образования и науки. Это новое положение расширяет возможности молодежи получить высшее образование. Вместе с тем, с 2003 года на три процента увеличивается государственный заказ, и, в общем, планируется за три года увеличить его на 15 процентов.

Интересен опыт Украины в вовлечении местных органов власти в программы финансирования образования. Так, размер кредита, предоставляемого для оплаты обучения в муниципальных вузах, определяется соответствующими управлениями областных и городских администраций по согласованию с финансовыми органами. Широкое внедрение программ образовательного кредитования на региональном уровне способствует повышению инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности региона.

Государственное регулирование образовательного кредитования существует в Латвии. В Министерстве образования и науки республики создан специальный Фонд обучения, который рассматривает и утверждает студенческие заявки на получение кредита. В 2002 г. этот Фонд утвердил более 10 тысяч заявок. Но до этапа заключения кредитного договора с банком дошли только 65 % одобренных соискателей: многие студенты не смогли найти поручителей, а без них банки кредиты не выдают. Согласно предыдущему опыту около трети студентов не возвращают кредитов, выданных государством[12].

12 В Латвии буксует система образовательных кредитов. См.: http://www.5ballov.ru/newsline, сообщение от 27.11.2002 г..

Как видно из приведенного обзора, в большинстве стран СНГ введено государственное образовательное кредитование. Исключение из рассмотренных примеров составляет только Узбекистан. В Казахстане и Кыргызстане образовательные гранты и кредиты увязаны в единую систему государственной поддержки с централизованными процедурами распределения абитуриентов и определения стоимости обучения.

Подводя итоги, можно отметить следующее.

Индивидуальные затраты и выгоды системы образовательного кредитования существенно различаются в разных странах. Доля прямой помощи, предоставляемой студентам в виде займов, сейчас варьируется в странах Европы от 0 до 100 %. В большинстве европейских стран, за исключением Англии, образовательные кредиты используются параллельно с развитой системой субсидий, грантов, стипендий. Все меньше остается стран, в которых государство за счет бюджета полностью покрывает затраты студентов на образование. Даже если само обучение бесплатное, как в Германии и Швеции, студентам приходится платить за проживание, учебную литературу и т. п. Поэтому образовательное кредитование — это способ обеспечения доступности высшего образования для людей, независимо от их материального положения.

Западные эксперты в области экономики образования сходятся во мнении, что для расширения доступа к высшему образованию и сокращения социального неравенства без риска для государственных средств, ухудшения качества образования или создания нежелательных трений между европейскими странами, необходимо создать хорошо продуманную общеевропейскую систему займов, отвечающую следующим характеристикам.

Во-первых, все студенты должны иметь право на получение займов, как сейчас это реализуется в скандинавских странах, для того, чтобы развивать частную ответственность. Объем займа должен быть достаточным для покрытия всех затрат на обучение и проживание, иначе студенты из малообеспеченных семей будут ущемлены из-за необходимости работать. Более того, необходимо ввести гибкую систему оплаты, так как ее отсутствие дорого обходится правительству и идет на пользу студентам из обеспеченных семей. Освобождение от оплаты следует применять только к студентам из малообеспеченных семей, например, в форме грантов, а остальные должны возмещать часть стоимости обучения.

Во-вторых, выплаты необходимо соотносить с доходом, как в Швеции или Великобритании, так как они автоматически подгоняются под возможность платить: должники с низким или нулевым доходом могут не производить выплаты и, за определенной отметкой, выплаты увеличиваются или сокращаются по отношению к доходу по разумной ставке. Таким образом, ни один должник не столкнется со слишком большими выплатами, и государство не будет вынуждено субсидировать определенный период неэффективной отсрочки в то время, когда получатель средств уже может начать возвращать заем. Более того, соотнесенные с доходом выплаты сокращают процент обесценивания, так как собираются вместе с налогами.

В странах Восточной Азии, где большинство вузов частные, кредиты, как правило, носят коммерческий характер — выдаются банками по установленным ими правилам. Государственному регулированию в этих странах подлежат только кредиты для льготных категорий студентов: инвалидов, детей из малообеспеченных семей, наиболее одаренных студентов.

Во многих странах кредиты увязываются с успехами студентов, что служит дополнительным стимулом хорошей успеваемости и своевременным окончанием вуза.

Ирина АБАНКИНА, Нина ОСОВЕЦКАЯ

ОПЫТ КРЕДИТОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

В настоящее время практически 60 % студентов, принятых в вузы, оплачивают свое образование. По оценкам социологов, готовность семей платить за образование в последние годы возрастает: с 45 % в 1998 году до 60 % в 2003 году. Однако в настоящее время лишь 25–30 % семей потенциально могут принимать участие в финансировании образования своих детей. Финансовые возможности российских домохозяйств явно недостаточны для того, чтобы обеспечить качественную подготовку кадров. В результате нередки случаи, когда студент покидает вуз из-за невозможности продолжать оплату обучения. И здесь на помощь, как и во всех развитых странах, должна прийти система образовательного кредитования.

Положение о государственном кредитовании профессионального образования в Российской Федерации впервые было отражено в ФЗ «Об образовании» в редакции 1996 г. (ст. 28 п. 16, ст. 42 п. 7), в котором определена роль государства в установлении порядка предоставления гражданам и погашения ими личного государственного образовательного кредита. В этом же законе говорится, что положение о личном социальном образовательном кредите должно разрабатываться и утверждаться Правительством Российской Федерации. Однако эта статья с момента принятия закона оказалась «неработающей»: положение так и не было разработано, общегосударственная практика кредитования на сегодняшний день отсутствует.

Вновь задача развития государственного образовательного кредита и субсидирования была поставлена в «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» в целях повышения доступности высшего образования. Одна из предусматриваемых мер — «создание системы государственного кредитования и субсидирования для расширения возможностей детям из малообеспеченных семей получать среднее и высшее профессиональное образование, с учетом различных форм погашения кредита, субсидии; необходимо также использовать возможности государственного образовательного кредитования и субсидирования для подготовки студен-

тов по специальностям, имеющим особо важное значение для экономического и социального развития государства»[1]. Но и принятие Концепции существенно не изменило ситуацию: этой системы нет до сих пор.

В соответствии с Федеральным законом от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ из Закона РФ «Об образовании» исключены положения об образовательном кредитовании. Поэтому с 2005 г. в законодательстве возникла ситуация, при которой Правительство РФ лишено права регулировать отношения в сфере бюджетного образовательного кредитования. В соответствии с Федеральным законом № 122-ФЗ с 1 января 2005 г. категории граждан, которым предоставляется социальная поддержка, порядок и размеры ее предоставления устанавливаются федеральными законами для федеральных государственных образовательных учреждений, законами субъектов Российской Федерации для образовательных учреждений, находящихся в ведении субъектов Российской Федерации, и муниципальных образовательных учреждений. Следовательно, с 1 января 2005 г. все вопросы бюджетного образовательного кредитования должны решаться на уровне закона.

Коммерческое образовательное кредитование начало развиваться в России с 2000 г., когда Сбербанком России был разработан и утвержден порядок предоставления кредитов физическим лицам на оплату обучения в образовательных учреждениях, зарегистрированных на территории Российской Федерации. В настоящее время основные условия предоставления образовательных кредитов СБ РФ следующие.

Кредит может получить гражданин Российской Федерации в возрасте от 14 лет, планирующий поступление в образовательное учреждение на коммерческой (платной) основе либо являющийся студентом образовательного учреждения (учащийся). Кредитный договор заключается с Заемщиком или Созаемщиками. Заемщиком может являться учащийся в возрасте от 18 лет, созаемщиками — учащийся в возрасте от 14 лет и его представители (родители и др. лица, принимающие участие в оказании помощи ему в получении образования). Обязательным условием является погашение кредита до исполнения заемщику/созаемщикам 75 лет. Кредит предоставляется для оплаты обучения как в среднем, так и в высшем профессиональном учебном заведении при любой форме обучения (дневной, вечерней, заочной). Срок кредитования — до 11 лет. На время обучения по желанию заемщика предоставляется отсрочка погашения основного долга по кредиту. Отсрочка по уплате процентов не предоставляется. Процентная ставка — 19 % годовых в рублях.

Максимальный размер кредита для каждого Заемщика/Созаемщиков определяется на основании оценки его/их платежеспособности, предоставленного обеспечения возврата кредита и стоимости обучения в соответствии с Договором о подготовке специалиста (за весь период обучения или за период до окончания Учащимся Образовательного учреждения), и не должен превышать стоимости обучения в учреждении среднего профессионального

1 Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 29.12 2001 г. № 1756-р).

образования или 90 % стоимости обучения в учреждении высшего профессионального образования. Оставшуюся часть стоимости обучения (не менее 10 процентов[2]) Заемщик / Созаемщики оплачивают за счет собственных средств. Выдача кредита осуществляется в безналичном порядке единовременно или частями в соответствии с Договором о подготовке специалиста, заключенным Учащимся с образовательным учреждением. Погашение основного долга производится ежемесячно не позднее 10-го числа месяца, следующего за платежным. Уплата процентов производится одновременно с погашением основного долга по кредиту. При предоставлении льготы по сроку погашения основного долга по кредиту уплата процентов производится ежемесячно не позднее 10-го числа месяца, следующего за платежным. В качестве обеспечения возврата кредита Банк принимает:

- поручительства граждан Российской Федерации, имеющих постоянный источник дохода (на поручителей распространяется возрастной ценз, установленный для заемщика);
- поручительства юридических лиц;
- залог недвижимости, транспортных средств и иного имущества (в качестве единственного обеспечения не принимается);
- залог мерных слитков драгоценных металлов с обязательным хранением закладываемого имущества в Банке;
- залог ценных бумаг Сбербанка России и государственных ценных бумаг;
- залог ценных бумаг корпоративных эмитентов в пределах установленных на них лимитов риска;
- гарантии субъектов Российской Федерации или муниципальных образований.

Кредиты в размере, не превышающем суммы 25 000 долларов США в рублевом эквиваленте, предоставляются без материального обеспечения.

В случае предоставления Учащемуся образовательным учреждением академического отпуска, а также в случае его призыва на воинскую службу Банк может предоставить отсрочку погашения основного долга по кредиту на срок: не более одного года — в случае оформления академического отпуска, на срок воинской службы — в случае призыва на воинскую службу. При этом общий срок кредитования может быть увеличен на срок предоставленной отсрочки. В период обучения Учащийся представляет в Банк (каждый семестр, год) соответствующие документы Образовательного учреждения, подтверждающие прохождение Учащимся очередного периода обучения. После окончания процесса обучения Учащийся представляет в Банк диплом (или иной документ, свидетельствующий об окончании Образовательного учреждения), а также в случае трудоустройства Учащегося — справку с места работы о трудоустройстве или заверенную копию трудовой книжки; а по истечении 6 месяцев после трудоустройства — справку с места работы о доходах и размере производимых удержаний.

2 Первоначально размер кредита составлял 70 % стоимости обучения, 30 % заемщик должен был оплачивать из собственных средств.

Следует отметить, что востребованность образовательных кредитов на условиях Сбербанка РФ оказалась невысокой.

В 2004 г. концепция образовательного кредита, совместно разработанная РЭА им. Г. В. Плеханова и компанией «Крэйн», получила реализацию в виде программы кредитования образования «Кредо» на базе четырех престижных вузов, таких как РЭА им. Плеханова, МГУ им. М. В Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, МСХА им. К. А. Тимирязева. Компания «Крэйн» организует взаимодействие всех участников программы, определяет направление развития «Кредо» и обеспечивает программу необходимой ресурсной базой. Таким образом, компания «Крэйн» реализует функции крупного российского бизнеса по поддержке и развитию сферы высшего образования. Партнером компании по сопровождению кредитных линий выступает банк «СОЮЗ». Кредит предоставляется в сумме до 25 000 долларов США, под 10 % годовых, сроком на 10 лет. Уникальность программы состоит в том, что кредит выдается без залога и поручительства непосредственно абитуриенту по результатам вступительных испытаний, т. е. в зависимости от его интеллектуальных способностей, а не финансовых возможностей родителей. Если абитуриент еще не достиг совершеннолетия, требуется согласие родителей.

Программа образовательного кредитования «Кредо» предусматривает предоставление кредита на оплату обучения по программам:

- «специалист» или «бакалавр» на дневном и вечернем отделениях;
- «магистр».

Срок кредита для студентов

- I курса дневных отделений — до 10 лет по программе «специалист», до 9 лет — по программе «бакалавр»;
- I курса вечерних отделений — до 10 лет по программе «специалист» и «бакалавр»;
- II — VI курсов — срок кредита рассчитывается по схеме: период обучения (льготный период) равен периоду выплат. Например, для студентов II курса: срок обучения — 4 года, период выплат — 4 года, в общей сложности кредит выдается на 8 лет.

На время обучения заемщика в вузе предоставляется отсрочка погашения основного долга и выплаты процентов:

- дневное отделение: до 4 лет — по программе «бакалавр», до 5 лет — по программе «специалист», до 6 лет — специалисты медицинских факультетов;
- вечернее отделение: до 5 лет — по программе «бакалавр», до 6 лет — по программе «специалист»;
- по программе магистра — до 4 лет.

Кредит предоставляется траншами в размере платы за обучение за очередной семестр, при условии успешной сдачи сессии.

Устанавливается 12-месячный мораторий на досрочное погашение кредита, после чего, начиная с 13-го месяца пользования кредитом возможен его возврат платежами не менее чем по 500 долларов США. Погашение кредита осуществляется ежемесячными выплатами с первого месяца после окончания вуза в течение 5 лет (если срок обучения — 4 или 5 лет) и в течение 4 лет

(если срок обучения — 6 лет). Для студентов II — VI курсов период погашения равен периоду обучения в кредит. Для студентов магистратуры срок погашения кредита — 2 года после окончания обучения. Возможно продление кредитного договора в случае академического отпуска, отпуска по уходу за ребенком, а также в случае призыва в Вооруженные силы РФ.

Вузы — участники программы:

- Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова
- Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева
- Санкт-Петербургский государственный университет
- Московский государственный горный университет
- Московский государственный институт стали и сплавов
- Московский энергетический институт
- Московский авиационный институт

Образовательное кредитование с середины 2004 г. ввел банк «Сосьете Женераль Восток». В банке введены две программы образовательного кредитования: общая (для всех желающих) и специальная (для студентов ряда вузов по некоторым программам).

Общие образовательные кредиты выдаются для получения первого и второго высшего образования, бизнес-образования и повышения квалификации. Условия кредитования для получения высшего образования и повышения квалификации:

- кредит в долларах США, евро или рублях
- на сумму от 3 000 до 25 000 долларов США (или эквивалент)
- на срок от 1 года до 6 лет
- под поручительство родителей или супруга / супруги
- льготный период (12 месяцев для обучающихся 4 года и 24 месяца для обучающихся 6 лет), в течение которого погашаются только проценты за кредит.

Условия для получения бизнес-образования:

- кредит в сумме до 35 000 евро или 35 000 долларов США на срок до 4 лет с возможностью предоставления льготного периода до 16 месяцев.

Условия погашения кредита:

- гибкая схема бесплатного досрочного погашения кредита частями или в полном объёме по окончании 6-месячного периода;
- возможность оплаты только процентов, начисленных на кредит, в течение льготного периода (по завершении льготного периода погашается основной долг и проценты);
- необходимость своевременного продления договора страхования жизни.

Проценты: 14 % — для кредитов в долларах США, 15 % — в евро, 20 % — в рублях.

Кроме этого банком реализуются специальные программы образовательного кредитования со следующими учебными заведениями:

- Академия Народного Хозяйства при Правительстве РФ (Высшая Школа Международного Бизнеса, Институт Бизнеса и Делового Администри-

рования, Факультет Компьютерных технологий, Школа IT-менеджмента Факультета Компьютерных технологий);
- МГУ им. М. В. Ломоносова (Высшая Школа Бизнеса);
- Стокгольмская Школа Экономики в России;
- Санкт-Петербургский Государственный Университет (Факультет менеджмента).

Хотя условия кредитования для различных вузов и специальностей несколько отличаются, но эти различия несущественны. Общие условия кредитования можно сформулировать следующим образом:
- кредит покрывает 90 % стоимости обучения
- кредит предоставляется в долларах США, евро или рублях
- срок кредита — от 1 года до 4 лет
- льготный период — 12 месяцев
- процентные ставки составляют до 12 % годовых для кредита в долларах США, 13 % — для кредита в евро и 19 % — для кредита в рублях
- минимальная сумма кредита — 3 000 долларов США или эквивалент в рублях/евро (минимальная сумма кредита снижена до 1 000 долларов США для Высшей Школы Бизнеса МГУ им. М. В. Ломоносова).

Для некоторых специальностей предусматриваются более льготные процентные ставки. Например, для Высшей школы бизнеса МГУ им. М. В. Ломоносова ставка снижена до 18 % для кредита в рублях.

Систему образовательного кредитования, включающую элементы социального партнерства, принял «Меткомбанк» (Свердловская область). Эта система действует с июля 2004 г. и увязана с академическими успехами студентов, взявших кредит. ОАО «Меткомбанк» и четыре ведущих вуза Екатеринбурга — УрГАХА, УрГМА, УГЛТУ и УрГУ им. А. М. Горького — подписали генеральные соглашения о сотрудничестве — предоставлении банком доступных кредитов на оплату образовательных услуг. Это первая в регионе реально действующая система образовательного кредитования. Образовательная программа Меткомбанка предназначена как для абитуриентов, так и для учащихся очной, заочной и вечерней формы среднего и высшего профессионального образования. Кредит, размер которого может достигать полной стоимости обучения, предоставляется на срок до 10 лет. Первые пять лет заемщик может лишь погашать проценты, а к возмещению основной суммы приступить, лишь получив диплом.

Для увеличения максимального лимита кредитования предусмотрена возможность привлечения созаемщиков. И без того доступная процентная ставка — 18–19 % годовых в рублях — может быть уменьшена в зависимости от успехов обучающегося. Предусматривается возможность досрочного погашения кредита, за которое банк не взимает никакой дополнительной платы.

Подобными кредитами Меткомбанка могут воспользоваться и те, кто на платной основе получает второе высшее образование, повышает квалификацию или учится в аспирантуре и докторантуре.

Заемщиками по кредитному договору одновременно должны выступать граждане РФ: Учащийся и Представители учащегося. Учащийся и Представители учащегося являются Созаемщиками по кредитному договору. Соза-

емщики несут солидарную ответственность за погашение кредита и причитающихся за его пользование процентов в течение всего срока действия кредитного договора.

Учащийся — физическое лицо в возрасте от 14 лет, являющееся студентом/учащимся очного, заочного, вечернего отделения образовательного учреждения, впервые получающее среднее/высшее профессиональное образование. Представители учащегося — родители, усыновители, попечители и другие совершеннолетние физические лица (в том числе супруг (а) Учащегося), принимающие участие в оказании помощи Учащемуся в получении образования. Представитель учащегося должен иметь: непрерывный стаж трудовой деятельности в течение последних 12 месяцев, в том числе на последнем месте работы не менее 6 месяцев, и стабильные источники доходов, достаточные для погашения кредита, процентов и оплаты комиссий.

Возраст Созаемщиков не должен на момент окончания срока кредитования превышать пенсионный возраст.

Учащийся может выступать самостоятельно в качестве Созаемщика по кредитному договору (без обязательного условия наличия Представителей Учащегося) в случае если он является совершеннолетним гражданином РФ. Заемщик (Созаемщики) должны иметь постоянную регистрацию по месту жительства на территории Свердловской области или в городах, где расположены территориальные подразделения ОАО «МЕТКОМБАНК».

Средства предоставляются путем открытия кредитной линии с лимитом задолженности. Кредиты предоставляются в рублях в безналичном порядке, путем зачисления суммы кредита на счет Заемщика (Созаемщиков) по вкладу «до востребования», открытому в Банке, с последующим перечислением денежных средств по поручению Заемщика (Созаемщиков) на счет образовательного учреждения. Выдача кредита производится в рамках открытой кредитной линии частями (траншами), необходимыми для оплаты одного учебного семестра, одного учебного года, всего периода обучения и т. д.

Срок кредита устанавливается в зависимости от срока обучения Учащегося и платежеспособности Представителей учащегося, но не более 10 лет. При этом, на время обучения учащегося, по желанию Созаемщиков, банком может быть предоставлена отсрочка погашения основного долга (льготный период), в течение которого производится только ежемесячная уплата процентов за пользование кредитом. Срок действия кредитного договора может быть пролонгирован банком в случае предоставления Учащемуся образовательным учреждением академического отпуска в установленном законодательством порядке по болезни (на срок до 1 года) или в случае его призыва на воинскую службу (на срок службы).

Лимит кредитования рассчитывается Банком, исходя из платежеспособности Заемщика (суммарной платежеспособности Созаемщиков), определяемой в зависимости от суммы среднемесячной фактически выплаченной заработной платы Заемщика (Созаемщиков). При расчете максимальной суммы предоставляемого кредита могут быть учтены доходы супруга (и) и других членов семьи, проживающих совместно с Заемщиком, которые в этом случае должны

выступать Поручителями по кредиту. Максимальный лимит кредитования не должен превышать 100 % стоимости обучения за полный период обучения в Образовательном учреждении, указанной в Договоре о подготовке специалиста или за период до окончания Заемщиком (Учащимся) Образовательного учреждения в соответствии с Договором о подготовке специалиста. В случае обращения в Банк потенциального Заемщика (Учащегося) до момента подписания им Договора о подготовке специалиста (до сдачи вступительных экзаменов), по его заявлению может быть рассчитан возможный лимит кредитования исходя из платежеспособности Заемщика (Созаемщиков). Максимальный лимит кредитования будет определен после предоставления Заемщиком (Учащимся) в Банк Договора о подготовке специалиста.

Базовая ставка — 18 % годовых в рублях, в случае предоставления отсрочки погашения основного долга (льготного периода) по кредиту, применяется базовая ставка 19 % годовых. В случае, если единственным заемщиком выступает представитель обучающегося, базовая ставка тоже составляет 19 % годовых в рублях.

Для стимулирования Учащегося предусмотрено снижение процентной ставки за успехи в учебе:

- за семестр законченный без «3» — снижение на 1 % базовой ставки. Если следующий семестр закончен с «3», то устанавливается базовая ставка;
- за семестр законченный только на «отлично» — снижение на 2 % базовой ставки.

Пониженные ставки действуют только при предоставлении подтверждающих документов о результатах окончания каждого семестра. Во всех иных случаях, когда успешное окончание семестра не подтверждено документально, применяется базовая ставка.

Сургутнефтебанк разработал программу образовательных кредитов, которая предусматривает кредитование оплаты как первого, так и второго образования. Кредит предоставляется для оплаты обучения в средних специальных и высших учебных заведениях при получении первого образования на условиях:

- Ставка: 16 % годовых в рублях;
- Сумма и срок: при наличии договора, заключенного с учебным заведением, в сумме и на срок согласно счету, выданному учебным заведением. Максимальная сумма кредита 150 000 рублей. Срок кредита до 5 лет.
- Обеспечение: 1 год — 1 поручитель, 2 года — 2 поручителя, 3,4,5 лет — 3 поручителя.
- Заемщик: как правило, один из родителей лица, на оплату обучения которого предоставляется кредит.

Образовательный кредит для оплаты обучения в высших учебных заведениях при получении второго образования предоставляется на аналогичных условиях. Заемщиком в этом случае выступает, как правило, сам студент, имеющий постоянный доход.

Второе высшее образование кредитуется в Нижнем Новгороде. Образовательный кредит выдает НБД-Банк. Программа разработана совместно с науч-

но-образовательным учреждением «Школа высокотехнологичного бизнеса». Благодаря этой программе обучение в одной из лучших нижегородских школ программирования стало более доступным. Стоимость обучения составляет $ 1700. Желающим получить дополнительное образование нужно внести всего $ 300 первоначального взноса, остальную сумму вносит НБД-Банк и оформляет ее в качестве кредита. Условиями получения кредита являются страхование жизни и потери трудоспособности и поручительство одного из членов семьи. Кроме того, при рассмотрении заявки учитывается также доход заемщика и поручителя. Кредит выдается на 2 года (с возможностью досрочного погашения) по ставке 16 % годовых в валюте. В течение 9 месяцев (пока идет курс обучения) заемщик выплачивает только проценты по кредиту, и лишь по окончании курсов — основную сумму кредита (около $ 126 в месяц)[3].

Как видно из анализа российских успешных программ образовательного кредитования, без действенных мер государственной поддержки как на федеральном уровне, так и на региональном преодолеть основные ограничения коммерческого кредитования невозможно. Причинами этого является:

1. Высокие процентные ставки.
2. Нематериальность актива для кредитования вызывает неуверенность в возможности возврата заемщиками кредита (важный нюанс образовательного кредитования заключается в том, что кредит предоставляется под услугу, имеющую нематериальную форму, а не под товар, который имеет материальную форму и может выступать предметом залога).
3. Отсутствие у кредитных организаций практики «длинных» кредитов. Это объясняется тем, что пассивы в основном носят краткосрочный характер, а увеличение рисков банков при долгосрочном кредитовании влечет повышение отчислений на формирование обязательных резервов.
4. Размер платы за образование не соответствует фактическим затратам вузов на обучение студентов. Развитие действующего механизма образовательного кредитования позволит вузам привести в соответствие размер платы и соответствующие затраты, а студентам позволит оплатить реальную стоимость платного обучения.

В результате общее количество выданных в России образовательных кредитов не превышает на конец 2004 года трех тысяч, что составляет всего 0,05 % от общего числа студентов вузов. Если учесть, что часть кредитов выдана на получение второго высшего образования и повышение квалификации, то эта доля будет еще меньше. При таком крайне низком уровне распространения еще рано говорить о том, что в России начала формироваться система образовательного кредитования. Тем не менее, общие условия, которые используют практически все российские банки, осуществляющие образовательное кредитование, целесообразно учитывать при разработке нормативных и методических документов по мерам государственной поддержки образовательного кредитования.

3 http://www.sbras/ru/HBC.

Александр ПОГОРЕЛЬСКИЙ, Владимир ИОСАД

ДЕШЕВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КРЕДИТЫ – РЫНОЧНАЯ МОДЕЛЬ

Настоящая статья предлагает краткий анализ сложившейся ситуации с кредитами на получение высшего образования в России, а также общий подход к разработке эффективной системы образовательного кредита, который возможно реализовать в рамках действующего законодательства, с учетом уровня развития российского финансового рынка и рынка образовательных услуг. Мы сознательно исходим из сложившихся на сегодняшний день условий и предлагаем решение проблемы, возможное здесь и сейчас.

Несмотря на известные сложности, в России уже сегодня реальны относительно дешевые кредиты, предоставляемые на длительный срок. Взаимодействие крупных банков, страховых компаний, высших учебных заведений, а также государства, корпораций и некоммерческих организаций способно дать необходимый результат – гибкий, эффективный и доступный механизм кредитования платных образовательных услуг.

В условиях интенсивного роста сферы платного высшего образования в России, подобный механизм способен выступить важным социальным амортизатором и одновременно стимулом к дальнейшему развитию рынка образовательных услуг в России. Предлагаемый ниже механизм целиком рыночный, а также при нем сохраняется ключевой либеральный принцип: «деньги должны идти за студентом».

1. ПЛАТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ИЛИ БЕСПЛАТНАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ

Скажем сразу: предлагаемый нами подход не покушается на социальные достижения в области образования и направлен лишь на повышение эффективности использования средств, выделенных на эти цели. В связи с этим первый тезис: бесплатного образования не существует. Бесплатное образование вообще, а, тем более, в современных условиях – это иллюзия. То, что мы сейчас называем бесплатным образованием возникло в первые годы советской власти: культурный уровень населения был низок, и государст-

во, не рискуя выдавать деньги гражданам на руки, оставляло значительную часть средств у себя, направляя их на финансирование образования, здравоохранения, сферы досуга и других социальных программ. Реально же образование всегда оставалось платным — при низком коэффициенте использования средств на него, иными словами с очень низким КПД.

Мы можем тысячу раз говорить о бесплатном образовании и ограничивать коммерцию в этой области, но плата за образовательные услуги в том или ином виде все равно будет присутствовать. По крайней мере, до тех пор, пока существуют товарно-денежные отношения. Условная бесплатность образования в современном российском обществе приводит к тому, что выделенные государством средства достаются многочисленным посредникам. Примеры общеизвестны: поборы при поступлении в ВУЗ, неофициальные заработки членов приемных комиссий и репетиторов. Студентам нередко приходится платить во время сессии — за хорошие оценки или чтобы не оказаться отчисленным.

Вместе с тем, престижность бесплатного образования по-прежнему высока, поскольку формально на «бюджетные» места в вузы попадают лучшие. В результате поборы за поступление на бесплатное отделение престижного факультета нередко выше, чем стоимость обучения на платном отделении.

Для того чтобы обеспечить расширенное воспроизводство в сфере образования, нужны серьезные денежные средства, которых не хватает даже в самых развитых странах. В России сегодня на одного учащегося тратится в семь раз меньше, чем в странах с высоким уровнем развития, — доля средств, расходуемых на образование, в составе ВВП примерно в два раза меньше, чем в развитых странах. Материальная база российских вузов изношена, ее необходимо обновлять и развивать — на это требуются огромные ресурсы.

Однако денег на образование, несмотря на увеличение их объема в Бюджете 2006 года, выделяется по-прежнему мало, и вряд ли в ближайшее время их будут выделять в нужном количестве. Поэтому главным на сегодняшний день становится вопрос о рациональном использовании имеющихся средств. На самом деле, это центральная тема любой позитивной реформы, осуществляемой не в интересах некой группы лиц, которые хотят заработать, или разделить государственные деньги, а в интересах страны: в случае с образованием — в целях воспроизводства и развития интеллектуального потенциала нации.

2. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КРЕДИТ В РОССИИ — СТАДИЯ ЭМБРИОНА

Для продвижения любого банковского продукта, необходимы, по крайней мере, два условия: банковские институты должны его предоставить, а заемщики должны быть готовы его воспринять. Почему молодые люди, которые хотят учиться на платной основе, не берут кредиты? Прежде всего потому, что существующие кредиты слишком дороги, и потому что эти доро-

гие кредиты дают на очень небольшой срок. В настоящий момент в России существуют три основных примера, или, если хотите, схемы кредитования образования.

Первая схема это кредитование студентов коммерческими, в том числе иностранными банками. Здесь есть два недостатка. Прежде всего, это «дорогие» кредиты, процент по которым составляет не менее 18 % годовых. При этом срок кредитования ограничивается пятью годами[1] (стандартным сроком обучения в вузе), что недостаточно для того, чтобы в самой схеме сделки содержались условия для погашения кредита. Очевидно, что по окончании учебы выпускник должен поработать какое-то время, чтобы вернуть деньги. Если же он возьмет кредит на пять лет, ему придется искать внешний источник, чтобы его погасить. Такой кредит могут позволить себе люди, которые, получая второе высшее образование, обучаются один-два года и за оставшиеся три года могут накопить средства, достаточные для погашения полученного кредита.

Второй вариант, разработанный в рамках группы «БазЭл», действует по схеме, в которую включены Банк «Союз» и компания «Крейн». Ценность проведенного в данном случае эксперимента, достаточна высока. Во-первых, задаются некие цивилизованные параметры кредитования: кредиты даются под 10 % годовых сроком на десять лет. Во-вторых, в восьми ведущих вузах страны найдены реальные люди, готовые взять образовательный кредит и платить по нему. Недостаток указанной системы заключаются, прежде всего, в том, что окончательные риски полностью лежат лично на стоящем за экспериментом предпринимателе Олеге Дерипаске. Банку «Союз» гарантии выдает компания «Крейн», «Крейну» — «БазЭл», гарантом которого выступает лично Дерипаска. Высоко оценивая реализуемую здесь схему благотворительности, мы должны осознавать, что в результате получается искусственная, нерыночная картина, некая симуляция рынка. Для системы образования в целом описанная схема предложена быть не может — проблема рисков по невозврату кредитов должна разрешаться рыночным путем. Многочисленные предложения чтобы конечные риски взяло на себя государство, ведут в тупик: появится колоссальный риск, что эти деньги вообще никогда не будут возвращены.

Третья схема кредитования в образовательной сфере была реализована «Альфа-банком» и другими коммерческими банками: согласно этой схеме кредиты выдавались под 4–5 % годовых, что выглядело еще более привлекательно. Однако в чем заключается механизм такого «мягкого» кредитования? Корпорация, намереваясь выдать деньги своим сотрудникам, кладет их на счет банка, и деньги в тот же день выдаются этим сотрудникам. Теоретически, если не учитывать операционные затраты банка, такой кредит может выдаваться вовсе бесплатно. Процент устанавливался, исходя из психологических соображений: если давать кредиты под меньший процент, его

1 Сбербанк сегодня предоставляет кредит на 10 лет, но под 18 % годовых. В результате за несколько лет было выдано лишь чуть больше 400 кредитов на образование.

просто не будут возвращать. А так и стимул к возврату есть, и банк зарабатывает на деньгах клиента.

Описанных трех схем явно недостаточно для организации эффективной системы кредитования образовательных услуг в масштабах всей страны.

Еще один немаловажный вопрос: каким образом развитие кредита должно влиять на существующую систему высшего образования в стране? Нельзя не согласиться с очевидным: реформу образования необходимо проводить осторожно, не разрушая те позитивные наработки, которые сложились в отечественной высшей школе. Хороший или плохой, но в России уже существует рынок услуг в сфере высшего образования: есть спрос, есть предложение, известны цены. Значит в принципе возможно и кредитование, адекватное существующим условиям.

3. ДЕШЕВЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КРЕДИТ КАК ФАКТОР РОСТА

Предварительный анализ, проведенный нами, показывает, что во всем мире функция выдачи кредита и получения денег от заемщика осуществляется наиболее развитыми в технологическом отношении финансовыми структурам. Где-то возврат кредитов обеспечивается с помощью налогов, где-то — через банковскую систему или систему социального страхования. В отдельных странах выдача кредитов осуществляется через систему квазибанковских организаций и фондов, когда само государство выдает кредит, и обеспечивает его возврат, используя банковские технологии.

Для того чтобы сегодня применить эти системы в России существуют некоторые ограничения. Решение проблемы, по всей видимости, находится на стыке двух достаточно развитых сфер — страхования и банковских услуг, где отработаны различные механизмы, в том числе, и способы урегулирования неплатежей. Крупные банки и страховые компании имеют отделения во многих городах, и регионах, и вполне способны выступать в качестве основы предлагаемой системы. Схема такого кредитования относительно проста. Создается тандем: «банк — страховая компания».

Финансовые риски банков, выдающих кредиты, должны страховаться крупными страховыми компаниями. Удержание риска целиком ложится на страховщиков. Объемы кредитования определяются в пределах лимитов кредитования, установленных банком данной страховой компании. Страхуется не каждый отдельный кредит, а некий кредитный портфель, в котором представлены заемщики и поручители с разным уровнем надежности.

Если по расчету индивидуального тарифа получается, что с одного студента можно взять за страховку 1 %, а с другого — 5 %, то средний процент будет около 3 %. Это повышает привлекательность кредита, и, с другой стороны, дает возможность людям из малоимущих семей получить образование. Таким образом, реализуется важный социально-либеральный принцип: богатые платят за бедных.

Многие элементы рисков по кредиту могут быть перестрахованы западными страховыми компаниями. В этом случае не происходит деления порт-

фелей на «хороший» и «плохой». Реализуется и другой, более перспективный подход, когда, например, жизнь и здоровье студента, и его поручителей, равно как риск временной потери работы или невозможности устроиться на работу по специальности, перестраховываются за рубежом, а другие виды риска остаются за российской страховой компанией, что позволяет ей заработать.

Ключевой вопрос в развитии любого кредита — привлечение «дешевых» денег. Поскольку сегодня российским банкам открыты внушительные кредитные линии за рубежом, развитие образовательного кредита в России может быть включено в соответствующие программы Всемирного банка, Европейского банка реконструкции и развития, а также синдикатов коммерческих банков, которые дают кредиты на срок до 10 лет под 3,5–5 % годовых. Чем больше при этом будет перестраховано рисков на Западе, тем ниже может быть этот процент.

Простой арифметический расчет показывает: если банк привлекает деньги под 5 % годовых, добавляя себе только 1 % (поскольку он де-факто в данной схеме выступает как расчетно-кассовый центр, лишь выдавая и получая деньги), если страховая компания, которая берет на себя удержание риска, получает всего 3 %, то мы «вписываемся» в 9 %, что примерно соответствует уровню базовых ставок кредитов в развитых странах. В США в наиболее распространенных программах по кредитованию образования максимальный процент составляет 8,25.

В дальнейшем возможно серьезное перераспределение маржи между банком и страховой компанией за счет перераспределения рисков. Если, допустим, банк будет удерживать на себе 20 % риска невозврата, и 80 % оставлять на страховой компании, распределение доходов между участниками может измениться. По мере накопления статистики невозвратов (дефолтов) и фиксации кредитной истории заемщиков и их поручителей, банки, по-видимому, все большую часть риска и доходов будут оставлять себе и все меньше передавать страховым компаниям.

Ключевую роль на начальном этапе кредитования будет играть страховая компания. Ее мнение может быть решающим при оценке заемщика и принятии решения о выдаче кредита, — чтобы не делать одну и ту же работу дважды, когда сначала оценку заемщика производит банк, а затем оценку кредитного портфеля осуществляет страховая компания. Операционный контур при этом может быть выведен непосредственно в вуз. Банк же утверждает решение и выдает кредит.

Взыскание неплатежей по процентам и выплаты по кредиту тоже берут на себя страховщики. При этом, отсрочки неизбежны: например, франшиза в 90 дней, когда просроченный платеж еще не считается страховым случаем. В промежутке включается система напоминания о предстоящих платежах. Дальше прекращается выдача остальных траншей кредита, а, по прошествии определенного времени прекращается действие договора. Тогда в работу вступает служба урегулирования платежей страховой компании, которая работает с клиентами и пытается получить деньги обратно. Далее

могут быть привлечены специализированные коллекторские компании, профессионально занимающиеся получением денег с заемщика цивилизованными методами. Они сегодня уже действуют в России. И здесь существует две схемы: либо страховая компания продает долг, допустим, за 50 %, либо платит 20–30 % за то, чтобы коллекторская компания получила долг и возместила понесенный ущерб.

4. ПРОБЛЕМА СПРОСА НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КРЕДИТЫ

В первый год эксперимента с образовательными кредитами, проводимого компанией «БазЭл», проявилась существенная проблема: из запланированного количества кредитов реально была выдана лишь треть. Отсутствие желающих получить кредиты — следствие неразвитости самого кредитного продукта. Во-первых, сам продукт недостаточно качественен. Во-вторых, его продвижением серьезно никто не занимается. Если бы в пакете Единого государственного экзамена каждый выпускник школы получал предложение о кредите на образование, спрос был бы значительно выше.

Исследования, которые Фонд «Территория будущего» провел в ряде московских вузов, показывают, что более 25 % учащихся на платной основе готовы взять кредит на условиях 10 % годовых сроком на 10 лет. На сегодня это очень большой процент. В рамках платного образования в РФ обучаются более 560 тысяч студентов, то есть рынок составляет более 140 тысяч кредитов. Особый интерес составляет группа студентов, отучившихся на платном отделении два-три года. Эти молодые люди, как правило, уже работают, знают перспективы своего трудоустройства и понимают, как смогут вернуть кредит. Часто они не хотят быть обузой для семьи, тяготятся зависимостью от родителей. Еще больше спрос среди людей, получающих второе образование или учащихся на MBI.

Согласно предлагаемому проекту, общий объем образовательного кредитования в России может достигнуть 3,5 млрд. долларов США. И это не предел.

5. ИНТЕРЕСЫ ФИНАНСОВЫХ СТРУКТУР

Банки и страховые компании становятся ключевыми фигурами на рынке образовательных кредитов. И они, безусловно, заинтересованы в его развитии. Даже получая 1 %, что кажется очень небольшой суммой, банк, включаясь в такую программу, приобретает огромную, перспективную клиентуру с высоким уровнем образования. Когда человек получает кредит на образование в определенном банке, он, как правило, открывает при этом первый в своей жизни банковский счет. Банк-кредитор становится первым банком в его жизни: потом человек придет сюда за потребительским кредитом, затем — за ипотекой. Он будет держать здесь свои сбережения, заведет кредитные карточки и т. д. и т. п. Речь идет о неком жизненном цикле, который оказывается под контролем конкретного банка. Очевидно, что студенты,

берущие кредит — в перспективе относятся к категории наиболее оплачиваемых служащих, использующих самый широкий спектр банковских услуг, это люди, которые способны серьезно расширить клиентскую базу и поднять рейтинг банка.

То же самое относится и к страховым компаниям. Если это компания работала с клиентом на этапе получения его первого в жизни кредита и страховала его первые риски, например, в первый раз застраховала его жизнь и здоровье, то все виды страхования в будущем — автомобиля, дома, здоровья, могут перейти в эту страховую компанию. Если, конечно, будет обеспечен должный уровень сервиса. Получаемые эффекты несоизмеримы с выдачей и обслуживанием отдельного кредита.

6. РОЛЬ ГОСУДАРСТВА, КРУПНЫХ КОМПАНИЙ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ФОНДОВ

Если предложенная схема заработает и окажется эффективной, она позволит создать целый ряд модификаций, которые могут быть вписаны в любую систему образования. Имея базовую схему, любые общественные институты — от государства до благотворительных фондов — могут вносить в нее свои улучшения. Они могут взять на себя затраты по страхованию или оплату части процентов за кредиты, часть оплаты долга по кредиту вплоть до полного его погашения.

На базе предлагаемой схемы может быть существенно перестроена система государственного финансирования образования. Так, абитуриентам, которые успешно сдали экзамены, может быть оформлен кредит, оплату которого государство целиком берет на себя. Деньги, выделенные на образование, государство может положить в банк, снижая объем средств, привлекаемых из-за рубежа, и оплатив банку лишь операционные расходы. Таким образом, мы напомним обществу, что бесплатного образования не бывает и одновременно сохраним его реальную бесплатность для определенного контингента абитуриентов (не снижая число бесплатников), но на определенных условиях.

Если человек, получивший образование за счет государства, не отработав в России, допустим, 10 лет, захочет эмигрировать — долг государству и проценты по нему должны быть выплачены в полном объеме. Можно сделать систему более гибкой. Например, человек, который поступил в вуз, но не очень хорошо успевает по предметам, будет вынужден что-то платить. При этом создается дополнительный стимул для студентов улучшать показатели успеваемости: если учишься на «хорошо» и «отлично», то ничего не платишь — если получил двойку, появляется долг, который нужно отрабатывать. Можно, к примеру, по отдельным специальностям предусматривать обязательство отработать несколько лет в регионах, где эта специальность остродефицитна.

Если какая-то крупная корпорация хочет частично или полностью оплатить обучение детей своих сотрудников или находит своих потенциальных

сотрудников среди абитуриентов, она в состоянии снижать нагрузку на заемщика, у которого могут возникать не противоречащие закону дополнительные обязательства перед корпорацией. Если благотворительные фонды хотят поддержать талантливых студентов, то они берут на себя часть затрат по кредиту. У детей из малоимущих семей может появиться шанс учиться по системе платного образования, при этом часть их долга возьмет на себя благотворительный фонд, другую часть — вполне посильную — сам выпускник. Все приведенные предложения носят предварительный и дискуссионный характер. Дело не в них, а в том спектре возможностей, которые открывает новый финансовый инструмент для законодателей и общества в целом.

7. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МАССОВОГО КРЕДИТА

Развивая социальную составляющую в системе кредитования высшего образования, не стоит впадать в крайность. Образовательный кредит не может полностью подменять собой старую патерналистскую систему в области образования или решить все проблемы, накопившиеся в данной сфере. Речь идет, прежде всего, о рыночных механизмах, подразумевающих персональную ответственность человека, берущего кредит.

Система образовательных кредитов имеет очень важное психологическое последствие для студента или учащегося — он смолоду приучается нести ответственность по взятым на себя обязательствам. Каждый человек и, особенно, молодой, должен понимать, что он социально ответственен. Он поступил учиться и ему надо отдавать деньги, потраченные на обучение.

Татьяна КЛЯЧКО

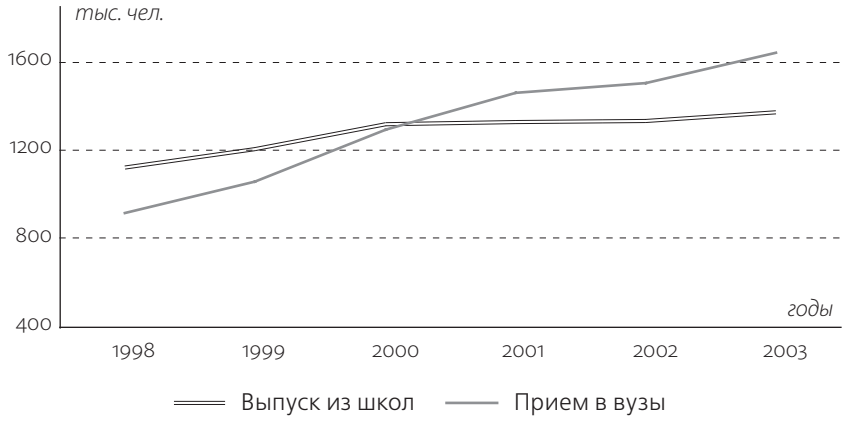
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

ДОСТУПНОСТЬ, СТОИМОСТЬ, МОТИВАЦИЯ

Вопросы развития образования в нашей стране – это горячие вопросы, они сейчас затрагивают интересы практически каждой российской семьи. Один из таких вопросов – доступность высшего образования.

С 2000 года число принятых в вузы превышает число тех, кто успешно окончил 11 классов и получил аттестат зрелости. В 2003 году этот разрыв достиг 270 тыс. человек. Прием в вузы в последние годы превысил 1,6 млн. человек (рис.1,2).

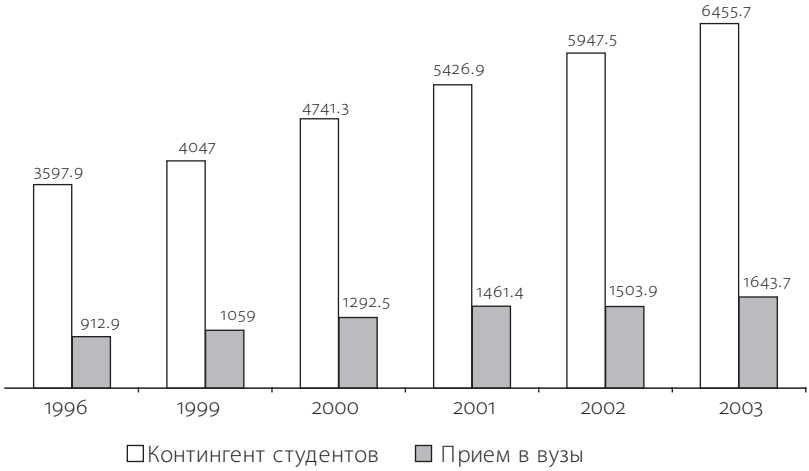
Рис. 1. Выпуск из средних школ и прием в вузы



Но уже не за горами резкий спад числа абитуриентов в силу демографических причин. Еще год-два число выпускников школ будет превышать 1 млн. человек, а затем снизится примерно до 850–870 тыс. Если судить по ситуации последних лет, в вузах должен возникнуть огромный избыток мест, и проблема доступности перестанет существовать. Так это или не так?

Сейчас иметь высшее образование стало престижным. Изменится ли эта ситуация в ближайшей перспективе? В значительной мере бытующее

Рис. 2. Прием в вузы и контингент студентов, тыс. чел.



отношение к проблемам высшего образования складывается под воздействием тех тенденций, которые мы наблюдаем, — и оно достаточно инерционно. В 2005 году трудно поверить, что в начале 90-х годов прошлого века молодежь думала, идти в вуз или нет. Многие тогда предпочли сделать выбор в пользу «реального дела», а теперь «добирают» образование, чтобы закрепить тот социальный статус, который получили, отложив свою учебу на более поздний срок.

Но значительная часть поступающих в вузы идет туда в последние годы уже только потому, что не иметь высшего образования становится просто неприличным. Более того, поскольку получение высшего образования делается социальной нормой, работодатель предпочитает брать на работу тех, кто его получил.

Итак, учатся все — раньше или позже, но учатся, хотя и по-разному. И нам в условиях образовательного бума трудно представить себе, что через год или два положение в системе высшего образования может измениться и, соответственно, изменится наше восприятие многих проблем, связанных с поступлением в высшую школу. 29–30 июня 2004 года Независимый институт социальной политики (НИСП) провел международную конференцию, посвященную результатам масштабного проекта «Доступность высшего образования для социально-уязвимых групп».[1] Говоря о доступности высшего образования, мы во многом будем опираться на эти исследования, которые для России уникальны[2]. Одновременно мы остановимся на результатах

1 www.socpol.ru/research_projects/proj5.shtml

2 См. также публикации НИСП: Доступность высшего образования в России. М., 2004; Высшее образование в России: правила и реальность. М., 2004.

другого интереснейшего проекта «Мониторинг экономики образования»[3], который уже третий год ведет ГУ-ВШЭ.

Как показывают результаты обоих исследований, стремление получить высшее образование и готовность платить за обучение характерна практически для всех российских семей: и для семей с высокими доходами, и для семей с очень скромным достатком. Готовы платить родители и с высоким уровнем образования, и с низким. Однако разные ресурсы семей приводят детей к разным результатам. Это обуславливает не только то, в какой вуз в конечном итоге поступит ребенок, но и то, на какую работу он сможет претендовать после получения высшего образования. Но разные финансовые возможности семей начинают влиять на образование ребенка намного раньше, чем речь заходит о поступлении в вузы.

Эти возможности определяются уже школой, в которую пошел учиться ребенок. Если еще 20 лет назад можно было просто отдать сына или дочь в соседнюю с домом школу, то теперь школу надо «правильно» выбрать. Правда, и 20, и 30 лет назад качество школы во многом оценивалось по тому, как ее выпускники поступали в вузы: в хорошей школе поступали все или почти все. Сколько бы сейчас видные деятели образования ни говорили, что школа не должна готовить в вуз, что установка на поступление деформирует образовательный процесс, калечит психику ребенка и создает у него неправильные жизненные установки — школа продолжает готовить в вуз. Но если раньше можно было сказать, что у хорошего учителя все поступают, и это дополняло характеристику школы, то сейчас хорошая школа — это необходимое, но, как правило, далеко не достаточное условие поступления в тот вуз, в который ребенок хочет поступить или в который хочет определить его семья. А об учителе теперь почти и не вспоминают. Вместе с тем, в последние годы идет формирование образовательных сетей вузов[4], и в зависимости от того, относится школа к ближнему или дальнему кругу такой сети, возможности попадания ребенка в выбранный вуз возрастают или уменьшаются[5].

Однако реально образовательная карьера ребенка начинается еще до школы. Родителям ныне приходится задумываться о ней буквально с его рождения: в какой детский сад он пойдет, как попасть в престижную школу, какую из них закончить. Можно сказать, что сейчас с самого раннего детства идет накопление «кредитной» образовательной истории ребенка. Важно уже не только то, как он учился, но и где. Поступление или непоступление в конкретный вуз является логичным продолжением образовательной карьеры, хотя вузом дело не заканчивается.

3 www.isek.hse.ru

4 См. интервью с Е. Л. Омельченко — автором исследования по образовательным сетям вузов: www.ecsocman.edu.ru/db/msg/175734

5 См. также исследование по образовательным сетям вузов: Е. Л. Омельченко, Е. Л. Лукьянова. Образовательные сети нижегородских вузов в фокусе доступности высшего образования. В кн. Доступность высшего образования в России, М, НИСП, 2004, с. 243–286.

Следовательно, от того, насколько рано задумывается семья о перспективах образования своего ребенка, зависит сейчас очень много. И именно доступ в хороший детский сад и хорошую школу во многом определяют доступ в хороший вуз. Когда мы говорим о проблемах сельской школы, то мы, прежде всего, акцентируем внимание на том, что в сельских школах качество обучения ниже, чем в городских. Это, как правило, справедливо, но это далеко не вся правда. На селе ребенок идет в тот детский сад, который есть: у его семьи нет выбора. Он идет в единственную школу, у него опять нет выбора. Поэтому его родители не думают о его образовательной карьере; точнее, они могут задуматься о ней достаточно поздно, когда вопрос, идти ли учиться в вуз и, если да, то в какой, встанет уже во весь рост.

Аналогичная проблема и у детей из малых и даже средних городов. Возможности выбора малы у них с самого начала, и ограниченность выбора вуза это только закрепляет и подтверждает. Однако не надо думать, что у детей из больших городов нет проблем. В большом городе много разного, в том числе разные детские сады и разные школы. И здесь идут схожие процессы. Город делится на разные сектора, и их жителям предоставляются разные возможности, в том числе и образовательные. Мы все больше сталкиваемся с тем, что родители начинают выбирать, в каком районе большого города жить в зависимости от того, как они мыслят образование своих детей. Понятно, что такой выбор возможен далеко не для всех семей.

Если же говорить о возможностях выбора школы для детей в столицах (Москве и Санкт-Петербурге), то они здесь выше. Роль играют не только более высокие доходы населения, но и наличие развитой транспортной сети, позволяющей школьнику, особенно старшекласснику, добраться до школы на другом конце города.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что образовательные возможности, предоставляемые Москвой, существенно выше, чем в других регионах страны. Об этом, в частности, свидетельствует объем платных услуг, предоставляемых населению города в образовании по сравнению с другими российскими регионами (рис. 3).

Итак, наличие или отсутствие выбора либо подталкивает родителей к планированию образовательной карьеры, либо откладывает эту проблему в долгий ящик. И отдельный вопрос — это цена такого выбора.

Является ли такая ситуация исключительно российской? В общем и целом, нет. В развитых странах родители начинают планировать образовательную карьеру детей очень рано. Естественно, что от образовательного и материального уровня семьи зависит качество этого планирования. Важно одно — современный вуз начинается с детского сада. В исследовании по проекту НИСП Е. М. Авраамова показала, что дети из семей с низким ресурсным потенциалом сейчас в массовом порядке поступают в вузы, но это поступление перестало выполнять традиционную для высшего образования роль — роль социального лифта. Как правило, по окончании высшего учебного заведения они обнаруживают, что высшее образование не дает им ни дохода, ни социального статуса (таблица 1).

Рис. 3. Объем платных услуг населению в сфере образования, млрд. руб.

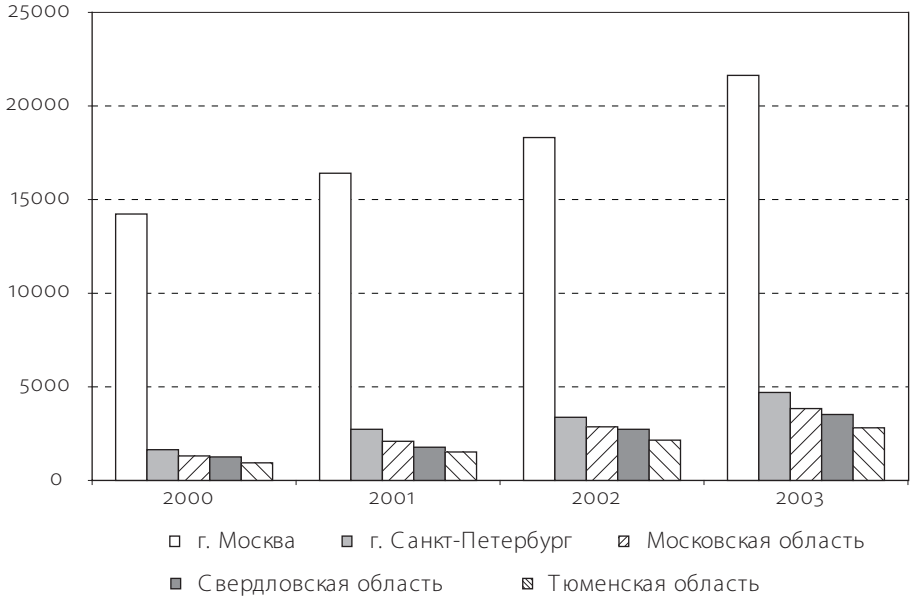


Таблица 1. Связь ресурсной обеспеченности домохозяйств с возможностью получения перспективной профессии[6]

Ресурсный потенциал	Варианты ответов на вопрос «Что дает специальность, которую Вы получаете?», (число респондентов, %)			
	Доход и социальный статус	Только социальный статус	Только доход	Ни доход, ни социальный статус
Низкий	22,2	32,9	34,9	**43,7**
Средний	48,5	48,5	48,4	40,4
Высокий	**29,3**	18,6	16,7	15,9
Всего	100	100	100	100
% по столбцу	*36*	*18,0*	*17,6*	*15,2*

Наступает разочарование. Это особенно тяжело для малообеспеченных семей, поскольку они, послав ребенка в вуз, как правило, уже исчерпали все возможности для социального рывка. Более состоятельные семьи, обнаружив несоответствие полученного образования их ожиданиям, делают ставку

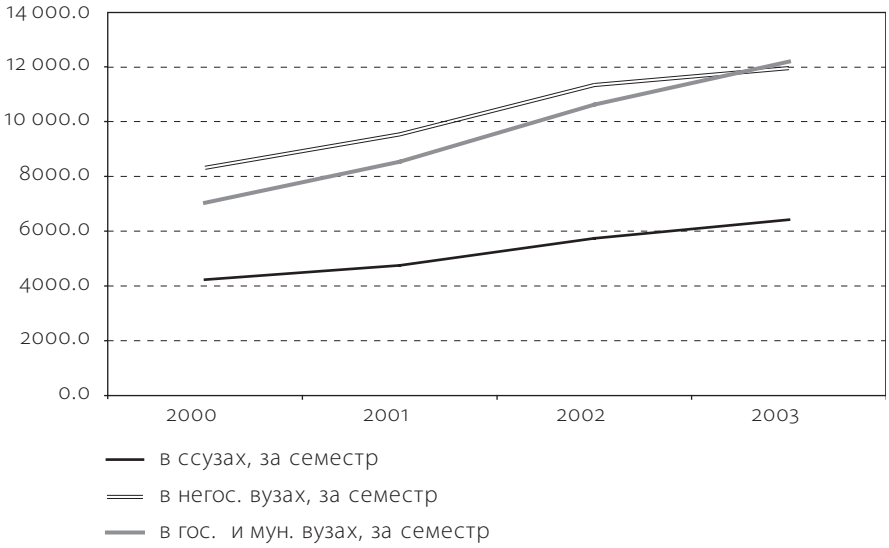
6 Е. Аврамова. Доступность высшего образования и перспективы позитивной социальной динамики. В кн. Доступность высшего образования в России, М, НИСП, 2004, стр.171

на получение второго (другого) высшего образования или же какой-то иной престижной образовательной программы (например, программы MBA). А. Г. Левинсон в своем исследовании[7] в рамках проекта НИСП выявил, что в российском обществе получение двух высших образований становится новой социальной нормой. О желании получить два высших образования заявляют 20 % лиц в возрасте 13–15 лет, в том числе 25 % молодых людей в столицах и 28 % в семьях специалистов.

Таким образом, образовательные карьеры становятся все более сложными, предполагающими постоянный выбор. Соответственно, проблема доступности высшего образования изменяется, встраивается в новый социальный и экономический контекст. Важно также учитывать, что поступление в вуз не решает всех проблем — это только начало пути. Престижный вуз надо еще закончить. И это в последние годы становится самостоятельной проблемой.

Доступность высшего образования зависит и от того, как государство будет его финансировать. В настоящее время здесь также ломаются копья. Большинство населения (по результатам исследования А. Г. Левинсона) продолжает считать, что образование, в том числе и высшее, должно быть бесплатным[8]. Но фактически в государственных вузах платит уже более 46 % от общего числа студентов. На первом курсе в государственных вузах на платной основе сегодня учится 57 %. Если учесть контингент негосударственных вузов, то получается, что в России в настоящее время каждый

Рис. 4. Плата за обучение в учебных заведениях среднего и высшего профессионального образования, руб.



7 www.ecsocman.edu.ru/db/msg/175720
8 См. интервью с А. Г. Левинсоном: www.ecsocman.edu.ru/db/msg/175724

второй студент платит за получение высшего образования (на самом деле на платной основе уже учатся 56 % российских студентов). При этом стоимость обучения как в государственном, так и в негосударственном секторе высшего образования постоянно растет (рис. 4).

В 2003 г. плата за обучение в государственных вузах превысила плату за обучение в негосударственных. В престижных высших учебных заведениях плата за обучение может превышать средние показатели в 2–10 раз в зависимости от типа вуза и специальности, а также от местоположения учебного заведения.

Мы специально приводим здесь, наряду с платой за обучение в вузах, данные о стоимости обучения в учебных заведениях среднего профессионального образования, поскольку считается, что именно в ссузы идут дети из малообеспеченных семей, не имея возможности поступить в вуз. Дело в том, что в настоящее время и в ссузах доля платных студентов быстро растет, достигнув в 2003/2004 учебном году 35,2 %. В настоящее время, если говорить о средних показателях по России, год обучения обходится студенту ссуза почти в 13 тыс. руб., платному студенту негосударственного вуза в 23,9 тыс. руб., государственного — в 24,3 тыс. руб. Государственное же финансирование вузовского студента-бюджетника составило в 2003/2004 учебном году 21,4 тыс. руб., т. е. оно практически сравнялось со средней платой за обучение в вузах страны.

Значительные средства тратятся семьями не только на обучение в вузе, но и на поступление в высшую школу. По данным социологических исследований[9], на переход «школа-вуз» семьями тратится около 30 млрд. руб. Это большие деньги, поэтому изменение правил приема в вузы (например, введение единого государственного экзамена — ЕГЭ) неизбежно затронет чьи-то материальные интересы. В указанной выше сумме самая большая доля приходится на репетиторство (примерно 60 %). Вряд ли само по себе репетиторство можно считать абсолютным злом. Во-первых, оно было, например, еще в царской России, практиковалось в советское время, расцвело в настоящее. Во-вторых, при массовом производстве — а современное образование — это массовое производство, неизбежна потребность в индивидуальной подгонке товара или услуги под нужды потребителя. Именно в этом заключается нормальная роль репетитора. Но в последние годы для многих репетиторов (хотя и далеко не для всех) эта роль существенно трансформировалась: она стала заключаться в том, что репетитор должен был не столько научить чему-то в рамках школьной программы, и даже не столько дать знания в соответствии с требованиями уже не вузов, а конкретного вуза, сколько обеспечить поступление в выбранный вуз. Это означало, что плата берется не за дачу знаний и навыков, а за определенную информацию (об особенностях экзаменационных задач, например, или о том, как решать конкретную задачу) или даже за неформальные услуги (похлопотать, проследить и т. п.). Поэтому репетитора нужно стало брать только и исключительно из того

9 См. проект ГУ-ВШЭ «Мониторинг экономики образования».

учебного заведения, в которое собирался поступать ребенок (это относится как к предоставлению некоторой эксклюзивной информации, так к оказанию неформальных услуг). Это не означает, что поступление во все вузы было связано обязательно с репетиторами или с неформальными отношениями, но в престижные вузы или на престижные специальности поступить без соответствующей «поддержки» становилось все труднее и труднее. В целом стало складываться представление, что хорошего обучения в школе уже не достаточно для того, чтобы поступить в тот вуз, который позволял надеяться на успешную профессиональную карьеру в будущем. Социологические исследования показали, что родители склонны пока еще считать, что «учиться в известном вузе можно бесплатно, но поступить в него без денег уже нельзя». Альтернативой деньгам выступают связи. В «обычном» вузе пока еще может оказаться достаточно собственно знаний, но сами знания уже дифференцируются на просто знания и знания с учетом требований «конкретного вуза». А эти знания дают только либо курсы при вузе, либо опять-таки репетиторы. В целом картина складывается следующая (рис. 5).[10]

Итак, только на знания ориентируются 38,4 % абитуриентов. При этом ориентация только на знания при поступлении в данном контексте означает, что абитуриент и его семья не склонны ради поступления в вуз вступать в неформальные отношения. Но это отнюдь не свидетельствует о том, что такие абитуриенты не будут прибегать к услугам репетиторов, просто восприятие репетитора в данном случае иное — это человек (учитель или преподаватель вуза, просто некий специалист), который передает знания, а не «помогает с поступлением». Ориентация на знания и деньги или / и связи у 51,2 % поступающих говорит о том, что абитуриент (его семья) считают, что одних знаний может оказаться мало, и надо подстраховываться либо деньгами, либо связями. В этом случае репетитор выполняет двоякую роль — он должен и научить и обеспечить поддержку своему клиенту при поступлении. Формы этой поддержки могут быть различны — от вывода на нужных людей до передачи денег. Иногда, правда, репетитор может только учить, а посредники для передачи денег ищутся независимо от него. И, наконец, третья категория абитуриентов уже откровенно рассчитывает только

Рис. 5. Стратегии поступления в вуз

10 См. Е. М. Аврамова. Доступность высшего образования и перспективы позитивной социальной динамики. В кн. Доступность высшего образования в России, М, НИСП, 2004, с. 160.

на деньги или связи. При этом также может браться репетитор, но его оплата и есть собственно механизм платы за поступление: это тот человек, который проталкивает в вуз — о передаче знаний речь уже не идет.

Крайне высокая доля тех, кто считает необходимым задействовать при поступлении в вуз деньги и связи (более ⅔) свидетельствует о том, что в общественном мнении возникают устойчивые клише, в какой вуз можно поступить «без денег», а в какой «только с деньгами или со связями». Соответственно, выстраиваются стратегии поступления, делается выбор вуза, и формируются представления о доступности или недоступности высшего образования у различных групп населения. Характерно, что понятие доступности все чаще дополняется словами «качественного образования». В этом контексте уже значимо не то, что высшее образование вообще стало доступным, а то, что его определенные сегменты стали еще более недоступными.

В силу этого единый государственный экзамен должен и будет восприниматься в обществе крайне неоднозначно. Представление о ЕГЭ как об инструменте борьбы с коррупцией на приемных экзаменах или с репетиторством (что далеко не одно и то же) не исчерпывает даже малой толики понимания (или непонимания) данного инструмента. Когда говорят, что ЕГЭ повышает доступность высшего образования, то в ситуации, когда оно и так стало доступным, данное утверждение мало чего стоит. Важнейшим становится ответ на вопрос, кому именно и какое именно образование станет доступным в результате введения ЕГЭ. Очевидно, что престижного образования никогда не хватит на всех — на то оно и престижное (что включает в себя и определенное ограничение доступа). Создать массовое хорошее высшее образование в короткие сроки также не удастся (а в России за 15 лет контингент студентов вузов вырос в 2,4 раза). Процесс массовизации высшего образования идет в стране беспрецедентно быстрыми темпами (аналогичные процессы в республиках бывшего СССР, а также других странах с переходной экономикой все же не приобрели такого размаха), и качество образования в его традиционном понимании в этих условиях неизбежно должно будет падать. Поэтому, если раньше можно было говорить о фиксации определенного качества и расширении доступности, то теперь достигнутый уровень доступности нужно обеспечить хоть каким-то приемлемым качеством. При этом данная задача при ограниченности как бюджетных средств, так и платежеспособного спроса населения не может решаться одновременно для всей системы высшего образования. Было бы практичнее и честнее узаконить дифференциацию вузов, тем более, что в настоящий момент то, что они различны по качеству образования, известно всем. Именно явная фиксация различий в качестве образовательной программы могла бы стать основой для постановки проблемы доступности, поскольку вопрос бы ставился уже не вообще о доступности высшего образования, а применительно к конкретной категории высших учебных заведений. Но узаконить дифференциацию вузов по престижности или качеству образовательной программы (что, вообще говоря, не всегда совпадает) означает одновременно узаконить различия и в их бюджетном финансировании. Они — эти разли-

чия — существуют и в настоящее время, но они неформальны (эксклюзивны). Сделать их формальными и четко определенными — это, с одной стороны, закрепить некоторые правила игры, а с другой, явно прописать обязанности тех вузов, которые оказываются наверху. Другими словами, формализация коснется и прав и ответственности сторон, а готовы ли к этому стороны — большой вопрос. Идея ГИФО — государственных именных финансовых обязательств, какой бы спорной она ни была сама по себе, эту проблему позволила зафиксировать крайне выпукло: многие престижные вузы, в которые пришли бы все абитуриенты даже с самой высокой категорией ГИФО — 1-ой категорией, не получили бы тех бюджетных средств, которые они получают в настоящее время. И, кроме того, могло ведь получиться и так, что пришли бы и с более низкими категориями ГИФО, что поставило бы под удар финансовое благополучие данных вузов.

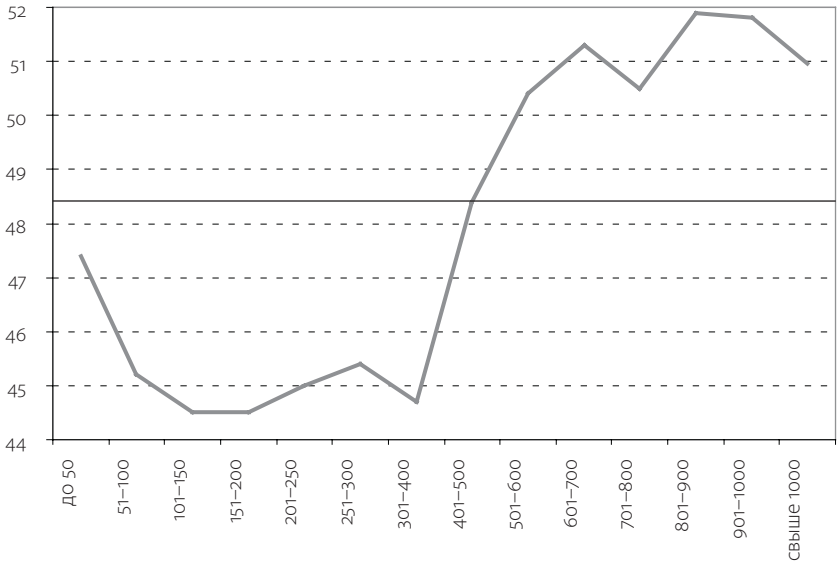
Вместе с тем неформализованность различий в положении вузов приводит к тому, что преподаватели даже очень престижных учебных заведений получают весьма небольшую заработную плату, и репетиторство для них становится практически обязательным средством остаться преподавать в вузе. Проведенные нами подсчеты показывают, что в среднем репетитор получает в год порядка 100–150 тыс. руб. или примерно 8–12 тыс. руб. в месяц. Учитывая, что бюджетная заработная плата даже профессора составляет в среднем 5,5 тыс. рублей, получаем, что репетиторский «довесок» обеспечивает доход вузовскому преподавателю несколько выше уроне средней заработной платы по промышленности или средней заработной платы в такой отрасли как цветная металлургия. Естественно, что в этом секторе расценки и доходы крайне дифференцированы.

Если с этих позиций посмотреть на проблему ЕГЭ, то она выступит в несколько ином ракурсе. Уже в настоящее время в ходе эксперимента по единому экзамену началось активное перераспределение репетиторских доходов в сторону учительского корпуса. В целом ставки за репетиторство в тех регионах, где проводится ЕГЭ, начинают падать. При этом можно ожидать, что одновременно начнется рост цен на платное обучение в вузах, в противном случае, проблема кадрового состава вузов, которая и так достаточно остра, еще более обострится. Следует отметить, что плата за обучение в государственных и муниципальных вузах страны растет на 15–25 % ежегодно, при этом в негосударственных вузах темп роста стоимости обучения стал заметно отставать от государственных.

Эксперимент по ЕГЭ выявил еще одну закономерность — результаты единого экзамена достаточно сильно зависят от размера школы: чем больше в школе учащихся, тем при прочих равных, выше средний балл, полученный ее выпускниками при сдаче ЕГЭ (рис. 6).

Например, в Самарской области только для школ с числом учащихся выше 500 человек полученный выпускниками балл превышает средний балл по ЕГЭ. Эту ситуацию легко объяснить — большая школа располагает и лучшим кадровым составом и лучшей учебной базой. Отсюда следует, что при полномасштабном переходе к ЕГЭ прежде всего выпускники круп-

Рис. 6. Зависимость среднего балла ЕГЭ от размера школы (на примере Самарской области)



ных школ получат доступ к престижному высшему образованию. Поскольку такие школы в основном сосредоточены в городе, то для детей из села путь в престижные высшие учебные заведения окажется менее доступным. В незавидном положении вновь оказываются и дети малых и средних городов. При этом крайне сложно прогнозировать, какое воздействие на качество школьного образования и на доступность качественного высшего образования может оказать политика укрупнения школ. Вместе с тем без проведения такой политики в складывающейся демографической ситуации контингент школ будет сокращаться, и результаты обучения могут оказаться весьма невысокими. Правда, снижение среднего балла ЕГЭ вновь изменит ситуацию с доступом к тому высшему образованию, которое будет считаться качественным.

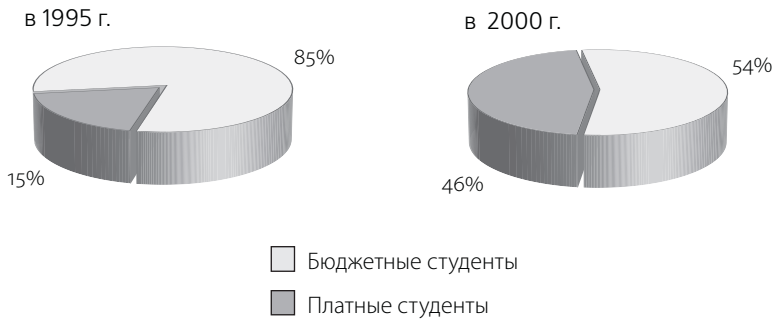
В целом можно сделать вывод, что проблема доступности высшего образования в последние годы приобретает новые ракурсы. «В среднем» высшее образование стало значительно более доступным. Но для конкретного выпускника школы это «в среднем» не очень важно. Для него важна доступность того вуза, куда он хочет поступить. И вполне может оказаться, что данный вуз для него доступнее не стал. Поэтому настало время не просто искать инструменты повышения доступности высшего образования как такового, но, наконец, переходить к частностям и оценивать, сколько выпускников, хотя и поступили в высшие учебные заведения, но цели своей не достигли. Другими словами, речь начинает идти не столько об объеме высшего образования, сколько о его структуре, и при соответствии объема, структура, что

очень заметно, не соответствует запросам и ожиданиям населения. Не соответствует она и потребностям рынка труда, работодателя. Однако это уже тема другого разговора.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Прием студентов в вузы на бюджетной и платной основе

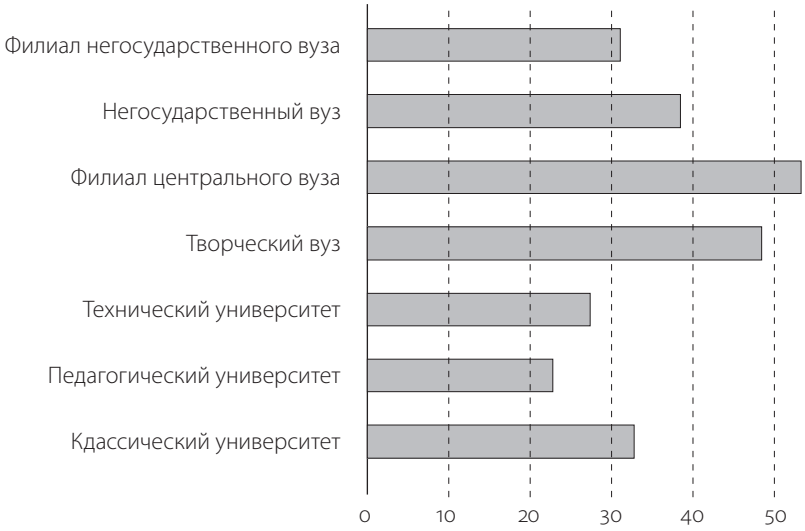
Доля бюджетных и платных студентов



на бюджетной и платной основе (тыс. чел.)

Наилучшее занятие, профессия
для молодого человека?
(ответы лиц 15–35 лет)

Удельный вес студентов, которые наверняка решили,
что по окончании вуза будут работать по специальности, %



Влияние образования родителей на их желание, чтобы дети получили высшее образование

Среднедушевой доход	Образование родителей (%)		
	начальное	среднее	высшее
Низкий	81	87	96
Средний	**80**	90	94
Высокий	94	92	98
Всего	*82*	*89*	*96*

Влияние дохода и образования родителей на готовность воспользоваться кредитом на образование

Среднедушевой доход	Образование родителей (%)		
	начальное	среднее	высшее
Низкий	34	41	48
Средний	**33**	47	56
Высокий	27	49	49
Всего	*33*	*46*	*51*

Доля возмещения кредитов, избранные страны (с учетом невыполнения обязательств и административных издержек)

Страна	Доля возмещения кредитов	Страна	Доля возмещения кредитов
Кения	–3	Перу	40
Венесуэла	–8	Австралия	43
Чили	18	США (GSL)	47
Гондурас	27	Финляндия	48
Индонезия	29	Гватемала	50
Бразилия	29	Норвегия	52
Эквадор	30	Колумбия	53
Ямайка	30	Гонконг	53
Боливия	30	Доминиканская республика	57
Дания	38	Канада (Квебек)	63
Мексика	39	Барбадос	67
Япония	*40*	*Швеция*	*67*

Георг ЕЛЛИНЕК

ПРАВА МЕНЬШИНСТВА[1]

I.

Права меньшинства, — особенно если рассматривать понятие «право» не с узкоюридической, а с более широкой, политической точки зрения, — это вопрос настолько обширный, что мне приходится начать с определения границ, в каких я намерен его разбирать. Всесторонне исчерпать его невозможно уже потому, что весь относящийся к нему исторический материал еще далеко не собран. То, что большинству принадлежит решающий голос везде, где приходится принимать какие-нибудь решения — при выборах, в законодательстве, в административных или в судебных учреждениях — кажется в настоящее время столь естественным и понятным, что мы не считаем нужным вдаваться в более глубокое обоснование этого принципа. А между тем этот принцип далеко не так элементарен и сам собою понятен. Напротив, как всякий юридический принцип, он имеет свою историю, и притом историю довольно сложную и запутанную.

О происхождении его мы можем строить лишь догадки, сводящиеся по большей части к тому, что он занял место не регулируемой никакими правилами борьбы, или что в решении большинства наши предки видели приговор Божий. Демократиям древнего мира он был известен, и они применяли его то в той, то в другой форме, часто не игнорируя при этом и прав меньшинства. Средние века, однако, приняли его медленно и с большой осторожностью. Мысль, что двое во всяком случае значат больше, чем один, противоречила сильно развитому индивидуалистическому чувству, отличавшему в особенности германские народы. Если в открытом бою какой-нибудь храбрец способен одолеть пятерых, то зачем он станет подчиняться большинству в совете? Вот почему мы нередко находим в средневековых положениях о сословных собраниях принцип, что голоса следует взвешивать, а не считать. Существовали сословные корпорации, в которых вплоть до позднейшего времени вообще не было никакой правильно установлен-

1 Печатается по изданию: Георг Еллинек. Права меньшинства. Перевод Е. Троповского, под редакцией М.О. Гершензона. М., 1906.

ной системы голосования: таков, например, венгерский сейм. В общественной жизни германцев первоначально всякие решения, а главным образом выборы, принимались единогласно, причем иногда незначительное меньшинство подавлялось общим единодушием[2]. Остатки подобного правового воззрения явственно заметны еще и поныне в английском законодательстве, сохранившем в наиболее чистой форме преемственную связь с прошлым. Еще и поныне английская судебная процедура требует, чтобы как обвинительный, так и оправдательный вердикт присяжных выносился единогласно, и до недавнего времени в стране свободы присяжных заседателей держали под ключом до тех пор, пока они не приходили к единодушному решению. Даже при выборах в парламент еще и в наше время иногда осуществляется древнегерманский принцип единодушия выбора. Дело в том, что первоначально депутатов в палату общин назначало собрание графства, и долгое время ни разу не случалось, чтоб было представлено больше кандидатов, чем имелось депутатских вакансий. Обыкновенно список кандидатов в депутаты представлялся двумя членами собрания, и, если ни с чьей стороны не встречалось протеста, кандидаты считались избранными единогласно. И хотя в избирательной процедуре произошли с тех пор коренные изменения, однако этот обычай сохраняет и поныне свою силу. Один из избирателей предлагает кандидатов, другой поддерживает выставленные кандидатуры, восемь избирателей подают свои голоса за них, что в настоящее время производится письменно, а не устно, как прежде; и если не выставляется встречной кандидатуры, то предложенные кандидаты считаются избранными единогласно. Только в том случае, если выставлено много кандидатов, производятся «спорные выборы» путем баллотировки. Таким образом принцип большинства во всей своей чистоте и до сих пор не применяется в Англии при парламентских выборах.

Какими путями мало-помалу пробивал себе дорогу принцип большинства, это в деталях еще далеко не установлено. Вероятнее всего впервые ввела его, под влиянием идей римского права, церковь[3], а за ней, следуя ее примеру, пошло и государство. Первоначально, согласно церковным уставам, папу избирали окрестные епископы вместе с римским духовенством, причем их выбор утверждался аккламацией народа[4]. Впоследствии, однако, следуя теории римского права о корпорациях, церковь признала право на избрание папы за большинством, состоящим из двух третей кардиналов, для епископских же выборов требовалось с 1215 г. лишь простое большинство соборного капитула. Следуя этому примеру, как недавно было доказано, Золотая булла требовала для избрания немецкого короля простого большинства кур-

2 И впоследствии, когда принцип большинства возымел силу, требование единогласия сохранилось еще все-таки в той форме, что меньшинство обязывалось признать законность решения большинства.

3 Придерживаясь той фикции, будто воля большинства есть то же, что воля целого.

4 При спорных выборах между двумя кандидатами имел уже с давних пор силу, согласно римскому образцу, принцип большинства. Ср. решение римского Синода 499 г., у Hinschius'a: Das Kirchenrecht der Katholiken und Protestanten, I. C. 218 и 8.

фюрстов. Под конец средних веков мы уже и во многих Правдах встречаем принцип: меньшинство должно подчиняться большинству. Однако принцип большинства проник во времена старой империи далеко не во все немецкие страны. Монархически-аристократическое общество и соответствующий ему государственный строй могут по самой своей природе признавать его лишь в весьма узких пределах. Поэтому в древней Германской империи необходимо было единодушное согласие императора и всех трех коллегий рейхстага для того, чтобы указ получил силу для всей империи. Точно так же обстояло дело и во всех других государствах, где существовали сословные учреждения. Правда, время от времени раздавались голоса теоретиков, отрицавших необходимость единогласия в решениях, но к каким средствам они должны были прибегать для этого! Находились такие публицисты-государствоведы, которые (одни — для усиления престижа императорской власти, другие — чтобы освободить ход государственных дел от обременительных проволочек и затяжек) выступали с утверждением, что имперская власть равна двенадцати двенадцатым (доводы для этого странного утверждения давало им одно место Светония), из которых на долю императора приходится шесть двенадцатых, а на каждую из трех имперских коллегий — по две двенадцатых, так что император с одной коллегией могут решать дело. Однако эта арифметическая премудрость не нашла себе никакого практического приложения.

Устанавливая теперь границы моей темы, я исключаю из нее все, что касается положения меньшинства при выборах, так как этот вопрос уже подробно исследован и все еще продолжает быть очень частым предметом горячих политических споров. В настоящей работе я должен оставить в стороне вопрос о представительстве меньшинства, многочисленные теории о пропорциональных выборах, попытки реализации этих теорий в действительности и т. п., так как это завело бы нас слишком далеко от главной нашей задачи, до сих пор мало или совсем не затронутой исследованием, именно вопроса о правах меньшинства.

Достаточно в нескольких словах коснуться здесь еще одного важного пункта. С древнейших античных конституций и вплоть до нашего времени закон теми или другими привилегиями ограждает права меньшинства и дает ему возможность участвовать в принятии решений. Расчленение народов на классы, центурии, трибы и курии, сословий — на коллегии, парламентов — на две палаты с различным составом, назначение депутатов короной и по группам, связанным общностью интересов, выборы, основанные на том или другом цензе, и т. д.; даже монаршая санкция и *veto* президента имеют, между прочим, целью ослабить подавляющее влияние численного большинства на исход решения. Подобного рода привилегиями, ограждающими права меньшинства, мы не будем интересоваться, — для нашей цели достаточно констатировать факт существования подобных учреждений.

Точно так же не входят в программу нашего исследования многочисленные и разнообразные права, обеспечиваемые за единичной личностью и всякого рода меньшинством судебными и административными учрежде-

ниями, — иначе пришлось бы рассмотреть с этой точки зрения все административное и судебное право; то же можно сказать и обо всем конституционном праве. Современные теории о разделении властей имеют не в последнем счете целью оградить права личности от господства большинства; нетрудно также доказать тесную связь между требованиями самоуправления и судопроизводства — и недоверием к переменчивому большинству и зависящему от него правительству.

Подлежащая нашему исследованию задача сводится к исследованию прав меньшинства в законодательных коллегиях и при народных голосованиях. Прав, обеспечиваемых за меньшинством регламентом парламентской процедуры, мы тоже будем касаться лишь постольку, поскольку они находятся в связи с упомянутой нами задачей. Все они, впрочем, преследуют главным образом ту цель, чтобы всякому меньшинству или личности дать возможность защищать свою точку зрения и тем самым оказать влияние на решение собрания.

Между тем как перечисленные выше вопросы были уже более или менее внимательно рассмотрены, интересующий нас вопрос никогда еще не подвергался систематическому исследованию. В литературе мы редко найдем что-нибудь большее, чем случайные замечания по этому поводу. Этим в высшей степени интересным и, можно сказать, самым важным из всех, касающихся прав меньшинства вопросом, мы и займемся в дальнейшем изложении. Притом, даже так ограничив свою задачу, мы сможем изложить ее лишь в самых основных чертах.

Это право меньшинства может преследовать двоякого рода цели: охрану либо объективных государственных учреждений, либо субъективных интересов. Но лишь в теории можно отделить одну сторону вопроса от другой, на практике же подобное разделение невозможно, так как учреждения и интересы в действительности всегда тесно связаны друг с другом. Так, например, реформа или упразднение английской верхней палаты затронули бы не только государственный строй Англии, но чувствительно задели бы также публично-правовое и социальное положение английских пэров. Ввиду этого в дальнейшем изложении мы не будем подробно останавливаться на этом теоретическом различии.

Сначала бросим взгляд назад, потом заглянем вперед. Сначала посмотрим, в каких пределах меньшинству предоставлено в настоящее время право решения, из каких мотивов это право возникло и как развилось. А затем обратимся к будущему и посмотрим, какое значение имеет для будущности вопрос о правах меньшинства.

II.

Попробуем ответить на первый вопрос: повсюду ли в законодательных собраниях воля большинства, именно воля абсолютного большинства, имеет неограниченную решающую силу, а если нет, то где и какие положены ей границы?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно перенестись в ту эпоху, когда впервые начинали складываться господствующие ныне воззрения на конституцию и закон.

Около конца XVI столетия возникает совершенно новый взгляд, что некоторые законы особенно святы и имеют значение, преимущественное перед другими. Это — законы основные, leges fundamentales. Слово «fundamentalis» не классического происхождения; оно не принадлежит и средневековой латыни. У Дюканжа его нет; слово это — бесспорно неологизм. Хотя со времен Возрождения древнее противопоставление понятий: *πολιτεία* и *νόοι* (конституции и закона), как развил его Аристотель, было всем известно, однако понятие об «основном законе» выросло главным образом на почве великих столкновений между монархией и народом, возникших в начале нового времени, главным образом, как следствие Реформации. Основных законов король не имеет права изменять по собственному усмотрению. Уже в XVI столетии мы читаем у Монархомахов, что «leges guae dicuntur fundamentales» должны быть изъяты из-под воли короля. Луазо в начале XVII столетия заявляет, что «loix fondamentales de l'Estat» ставят ненарушимые границы произволу французского короля, хотя последний уже в то время был абсолютным монархом, — и даже такой педантический деспот, как Иаков I, ссылается на существование fundamental laws, которые он толкует сообразно своим интересам. Оснабрюкский мир вводит понятие основного закона в немецкое государственное право.

Но что такое — основной закон? В научной литературе никто не в состоянии ответить на этот вопрос. В «Левиафане» Гоббс упоминает о различии между основными и остальными законами, прибавляя, однако, что ни у одного писателя он не нашел определения основного закона. Ввиду этого он пытается сам дать этому слову определенное значение: основной закон, говорит он, это такой, отмена которого разрушила бы государственный организм и вызвала бы всеобщую анархию. Таким образом, по Гоббсу, основной закон есть не что иное, как тот основной договор, на котором он строит всю систему своей государственной науки, равно как и те ближайшие следствия, которые он из этого договора выводит.

Гоббс и не подозревал, какое громадное значение приобрело уже в то время новое понятие об основном законе за пределами специально-ученых сфер, благодаря чему его решение задачи вовсе не являлось новостью. Зависимость между основным законом и общественным договором сыграла громадную и чреватую последствиями роль в могучем народном движении, которое потрясало Англию с начала XVII столетия и влияние которого на общее развитие современного государства выясняется во всей своей полноте лишь в наши дни.

Пуритане и индепенденты, т. е. носители революционного движения в Англии и Шотландии находятся под влиянием выведенного ими из принципов реформатской церкви взгляда, что всякая власть как церковная, так и светская, принадлежит общине. Поэтому для основания церковной общины необходим договор между будущими членами общины, и в действитель-

ности, приверженцы этого учения организуются путем заключения взаимных договоров, «*covenants*», вследствие чего и всю партию называли ковенантерами. Но по их воззрению не только религиозная, но и государственная община есть продукт договора. Поэтому офицеры Кромвеля под влиянием левеллеров, и в особенности их вождя, Джона Лильберна, требуют, чтобы выработанная ими и принятая конституция была предложена парламентом всем англичанам для подписи, как основной договор английского государства. В этом документе, в так называемом *agreement of the people* (народный договор) говорится, что он содержит основные права и вольности народа. Между тем эти основные права категорически изъяты из-под решений парламентского большинства. Всякий закон, касающийся этих прав, который большинство навязало бы меньшинству, признается недействительным. Эти основные законы подлежат вообще усмотрению не парламента, а только народа, воле которого и сам парламент обязан своими полномочиями и самим существованием. Но какими именно способами может народ изменять установленные конституцией основные законы, об этом ничего не говорится в этом замечательном документе, первоначальный текст которого открыт лишь несколько лет тому назад[5]. Во всяком случае, эти набожные мужи должны были бы для изменения конституции требовать, согласно своим принципам, полного единодушия всего народа. Религиозному чувству преклонение перед большинством чуждо. Один избранный стоит выше, чем десять тысяч отверженных. Значение отдельной личности возросло до бесконечных пределов. Большинству предоставлялся решающий голос лишь в делах второстепенной важности. Там же, где дело касалось всего общественного строя, требовалось для изменений единогласие.

Однако это революционное движение в Англии улеглось. Старый парламент восстанавливается вместе с королевской властью и переживает последнюю. Благодаря славной революции 1688 г. он становится неоспоримо господствующей силой в Англии. Но в этом парламенте вопросы уже с давних пор решались в обеих палатах простым большинством, и это практикуется и по сей день. Английское законодательство не знает ни одного случая, где бы требовалось для законности решения квалифицированное большинство. Эти реальные отношения не остаются без влияния и на политическую литературу, которая даже там, где она хочет реформировать старое, отражает — гораздо чаще, чем можно бы предполагать — лишь существующие отношения. Локк в своем знаменитом труде о правительстве исследует учение об общественном договоре, которое тогда уже всеми признавалось в Англии, тем более, что оно было санкционировано и революцией и реакцией, и Джоном Лильберном и Томасом Гоббсом. Государство возникает благодаря договору, и именно договору, заключаемому путем простого соглашения.

5 Первоначальный проект отпечатан у *Gardiner'a* в «History of the great civil war», III. London, 1891. С. 608 и сл. Окончательный текст у *Gardiner'a* в «The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. Oxford», 1889. С. 270 и сл. В последнем более не упоминается о праве народа менять конституцию, зато в восьмом абзаце (стр. 279, 80) перечислены шесть пунктов, изъятых из-под решений парламентского большинства.

Этот первоначальный договор должен быть заключен единогласно; каждый, достигая совершеннолетия, молча приступает к нему. Но в силу естественного права этот договор заключает в себе важное условие: отныне в государстве должна беспрекословно господствовать воля большинства[6]. Ограничена эта воля большинства лишь самой целью союза, которой является охрана собственности каждого члена, включающей в себе также жизнь и свободу. В этом случае народ располагает правом сопротивления даже самому законодателю, у которого он может отнять власть. Локк, однако, не указывает, какими законными средствами могут защищать свои интересы страдающие от неправых законов единицы или группы, остающиеся в меньшинстве.

На континенте во второй половине XVII столетия также начали исследовать отношение права меньшинства к основным законам. Первым высказал по этому вопросу определенный взгляд *Пуффендорф. Pactum unionis*, на котором созидается государство, должен быть заключен единогласно. Издаваемый же на основании этого *pactum* декрет о *forma regiminis* определяется уже большинством. Только тот, кто условно вступил в договор, заключаемый путем простого соглашения, может ему не повиноваться, но зато он остается вне образующегося государства. Еще подробнее занималась этим вопросом литература XVIII столетия. *Хр. Вольф* особенно энергично указывал на то, что основные законы служат непреодолимым ограничением законодательной власти, что только государь и весь народ могут совместно изменить их. Из учеников Вольфа эту задачу детально исследовал *E. de Vattel.* Он признает, правда, за народом полную свободу изменять как угодно конституцию решениями большинства, но отказывает этому большинству в праве навязывать свои решения меньшинству. Если меньшинство не покоряется, оно может беспрепятственно оставить государство и основать где-нибудь новую общину. Наибольшего внимания, однако, заслуживают взгляды *Руссо.* Он возвращается к положению Локка, что первоначальный, единогласно заключенный договор дает большинству преимущество над меньшинством, но сознает всю глубину противоречия между этим утверждением и так энергично защищаемой им идеей, что каждый гражданин должен быть свободен и подчинен лишь своей воле. Он разрешает его софистическим рассуждением, что тот, кто при народном голосовании остается в меньшинстве, ошибся относительно содержания *общей воли*, которая составляет также сущность и его воли. Воля большинства всегда заключает в себе истинную волю всего общества, в образовании которой участвует даже несогласный с нею самим фактом подачи голоса. Руссо, однако, сам чувствует сомнительность такого вывода и предлагает устанавливать, какое именно большинство требуется для законности решения в каждом отдельном случае, смотря по важности и безотлагательности вопроса. Ограждение прав меньшинст-

6 Two treatises of governement, II. Ch. VIII, 96–99. Уже Гоббс заявил, что в единогласно заключаемом общественном договоре подразумевается согласие подчиниться воле правителя, олицетворяющего собою большинство. Если правителем является concilium, тогда законною считается воля его большинства. — «*De cive*», V, 8. Leviathan ch. XVIII. C. 159.

ва, однако, излишне, так как Руссо считает невероятным, чтобы общая воля хотела умышленно вредить отдельным лицам.

Все эти исследования носят чисто академический характер. Где та конституция, те основные законы, которые могли бы быть изменены волею большинства или волею всех? В действительности на континенте в то время их было мало. Практическое значение приобретает это учение лишь вдали от места, где оно зародилось, — по ту сторону океана, в Америке.

Здесь приходится вернуться несколько назад. Революционные учения о единогласно заключенном общественном договоре, как основе государства, возникшие и развившиеся в Англии, нашли любопытное воплощение в британских колониях Америки. Переселяясь туда из метрополии, поселенцы считали необходимым торжественно заключать поселенческие договоры, которые каждый из них подписывал за себя, за жену и за детей. Из этих документов наиболее известен договор, заключенный переселенцами 11 ноября 1620 г. на корабле «Maiblume». Наибольшее же значение имеют *Fundamental Orders of Connecticut*, от 14 января 1638 (39) г., в которых подробно было изложено государственное устройство. Все эти договоры считаются изъятыми из-под влияния воли большинства. Подобно левеллерам у себя на родине, эти английские переселенцы полагали: что принято всеми, может только всеми же быть изменено. С течением времени эти колонии получили однако, — одни от английских королей, другие от своих собственных владельцев (например, Пенсильвания от Уильяма Пенна) *Charters*, писанные законы, прототипы современных конституционных хартий. На эти колониальные хартии, нередко заключавшие в себе лишь подтверждение установленной решениями самих колонистов организации и обеспеченных за гражданами прав, мало-помалу распространилось представление об основном договоре, или основном законе, изъятом из-под воли большинства.

С 1776 г. это представление приобретает громадное практическое значение. Отделившись от своей метрополии — Англии, американские колонии, в силу завоеванной таким образом полной свободы действий, вводят у себя в этом и в ближайшие за ним года — конституции, первые конституции в современном смысле. Все эти конституции рассматриваются как непосредственное выражение воли объединенного народа: они являются как бы тем писанным основным договором, на котором, по американским воззрениям, и поныне еще зиждется государство. Но вскоре возникает вопрос, могут ли эти конституции подвергаться изменениям, и если могут, то в каких формах. Старое учение, основанное на воззрениях церковного и естественного права, согласно которому для изменения конституции требуется единогласие, конечно не могло удержаться; народ, так враждебно относящийся ко всякому доктринерству, как американцы, не мог ввести в свои учреждения и польского *liberum veto*. Зато устанавливается целый ряд сложных и решительных мер, имеющих целью воспрепятствовать изменению конституции, так что нигде это дело не сопряжено с большими трудностями, чем в Соединенных Штатах. Американские конституции производят впечатление чего-то прочного, незыблемого в противоположность гибким

конституциям, которые во множестве известны Европе. Созданные, однако, на случай внесения поправок в конституцию формы имеют в виду различные цели. Во-первых, надо удержать от слишком частных изменений: отсюда запрещение предпринимать их в течение определенного срока; во-вторых — решение подобных вопросов в последней инстанции должно принадлежать народу, — отсюда подробная регламентация тех способов, какими постановляет свои решения народ. Большая часть этих форм стремится оградить парламентское меньшинство, которому дается право протеста против предполагаемых изменений. Даже для народного голосования, санкционирующего какую-нибудь поправку в конституции отдельного штата, не всегда считается достаточным простое большинство. В Род-Айленде, одной из первых колоний, возникших в XVII столетии на основе поселенческого договора, конституцию и теперь может изменить лишь большинство трех пятых всего населения, так что право сопротивления дается значительному меньшинству[7]. Вообще же в законодательных собраниях, компетенции которых подлежат вопросы об изменении конституции, требуется обыкновенно для законности решения более, чем простое большинство. Здесь встречаются самые разнообразные комбинации: большинство трех пятых или двух третей в каждой палате; большинство двух третей в одной палате и простое большинство в другой; голосование в двух непосредственно следующих друг за другом законодательных (сессиях), — в первом с простым большинством, во втором — с большинством двух третей, или даже с большинством двух третей в первом, и трех четвертей во втором (как в Делаваре) и т. д. Там, где нет подобных постановлений, все же часто требуется при голосовании во втором законодательном собрании простое большинство, чтобы видно было, что первоначальное большинство, принявшее решение об изменении конституции, еще существует.

Эта система охраны прав меньшинства проведена и в конституции союза североамериканских штатов. Большинство двух третей обеих палат конгресса должно решать изменения конституции, а большинство трех четвертей законодательных собраний отдельных штатов должно их ратифицировать, так что не только меньшинство каждой палаты конгресса, но и еще меньшее меньшинство штатов имеют право воспрепятствовать внесению изменений в конституцию. Эти права меньшинства в действительности столь значительны, что в XIX столетии были приняты всего четыре дополнения к конституции, а за последние тридцать лет не прошло ни одно из многочисленных предложений, имевших целью какое-либо изменение в конституции. Благодаря этим правам меньшинства конституция Северо-Американских Соединенных Штатов является наиболее устойчивой в мире; отсюда интересное явление: многое, не принятое формально решением, пробивает себе дорогу силой самой жизни, входит в обычай; таким образом, неизменность буквы конституции не дает еще повода заключать о неподвижности последней.

7 Первоначально во многих штатах для утверждения изменений конституции требовалось большинство двух третей избирателей.

Американская идея защиты прав меньшинства вскоре и в Европе соединяется с естественно-правовым воззрением на сущность конституции и требует для меньшинства права своим протестом препятствовать изменению конституции. Если бы мы захотели детально проследить этот в высшей степени интересный процесс, то это завело бы нас слишком далеко. Не все, но многие конституции восприняли эту идею и провели ее в жизнь самым различным образом. Незатронутыми ее влиянием остались лишь государства со старыми конституциями, Англия и Венгрия, затем отчасти еще конституции, создавшиеся под влиянием французской теории о pouvoir constituant, по требованию многих из них избираются специальные палаты для пересмотра конституции, облеченные, так сказать, особыми на то полномочиями от народа. Следует также заметить, что в настоящее время романские государства или совсем не знают никаких форм защиты меньшинства, как Италия и Испания, или знают формы, защищающие его лишь в крайне недостаточной степени, как Португалия и Франция. Франция лишь в недолговечных конституциях революционного периода и второй республики знала кое-какие тормоза, поставленные по американскому образцу на пути к изменению конституции. Напротив, хартия 1814 г. и пересмотренная хартия 1830 г. совершенно умалчивают об этом пункте. Призрачные конституции обеих империй едва ли заслуживают внимания. В настоящее время изменение конституции решается сначала простым большинством в каждой палате, а затем вносится в национальное собрание, образованное из обеих палат, где опять-таки решающий голос имеет простое большинство, хотя на этот раз уже — большинство общего числа всех членов обеих палат. И если большинство является в полном составе, то оно может подавить протест всякого, хотя бы самого значительного меньшинства. Без сомнения, к такого рода системе привел французов опыт, показавший всю бесполезность самых широких мер, какие принимались для вящей устойчивости конституции. Нельзя однако не признать, что уважение к правам меньшинства никогда не было характерной чертой романских народов вообще, а французского в частности. Древнеримские понятия о всемогуществе государства слишком вошли в плоть и кровь романцев. Правда, в своих конституциях романцы (и французы — первые) провозгласили американские положения о правах отдельной личности, равно как и личностей, объединенных в меньшинство, на деле же у них, — и опять особенно у французов, — интересы государства всегда беспощадно подавляли направленные против них стремления меньшинства.

В большинстве остальных современных конституций идея ограждения интересов меньшинства нашла себе более или менее яркое выражение, — так, например, в Голландии, в Бельгии, в Норвегии, в государствах Балканского полуострова; затем в Швейцарии, где на изменение конституции требуется согласие не только большинства швейцарских граждан, но и большинства швейцарских кантонов, могущего представлять меньшинство населения[8].

8 Иначе в кантонах, где большие или особые конституционные советы пересматривают и утверждают конституцию простым большинством, при санкции народа.

То же видим в Австрии — как во всей империи, так и в отдельных областях. То же и в германской империи, где в союзном совете четырнадцать голосов могут противопоставить *veto* всякому изменению конституции. То же и в большей части составляющих империю государств, среди которых однако исключение составляет Пруссия, так как там для изменения конституции достаточно просто повторного голосования в обеих палатах.

Тут возникает еще вопрос: что составляет в сущности содержание конституции, что входит в состав основного закона, обещающего защиту меньшинству, и что — нет? Живи Гоббс и поныне, он еще и теперь не нашел бы в литературе удовлетворительного ответа на этот вопрос. В различных государствах в конституцию включены, наряду с главными основами государственного строя и государственной компетенции, часто самые разнообразные постановления, которые в других государствах считались бы, пожалуй, второстепенными частями простых законов. Типичным образцом этого может служить конституция германской империи, в которой перечислены функции, возлагаемые ею на государство в области железнодорожного дела[9]. Чем меньше государство, тем обыкновенно длиннее его конституция. Так, например, ольденбургская и брауншвейгская конституции вдвое обширнее прусской. Яркий пример того, какая полная беспринципность царит в разграничении конституционного и обыкновенного законодательства, представляет Австрия, где система выборов в рейхсрат отнесена к простым законам, а закон, регулирующий выборы в ландтаги, включен в конституцию. Что народ может включить в конституцию все, что угодно, доказала несколько лет тому назад Швейцария, внеся в союзную конституцию дополнительную статью 25 *b*, в которой говорится об убое скота[10]. Таким образом понятие о современной конституции в государствах с особыми конституционными уставами или государственными основными законами стало чисто формальным, и конституционным, основным законом считается тот, который ясно и категорически обозначен как таковой.

Но именно эта невозможность отличить законодательство основное, конституционное, от простого иначе, чем по чисто внешним признакам, и привела в последнее время, и опять в той же Америке, к замечательному и важному явлению. Если сравнить современные конституционные хартии отдельных штатов с первоначальными, то окажется, что по своему объему они необычайно разрослись. В 1877 г. сенат Северо-Американских Соединенных Штатов издал *in folio* тексты конституций всех отдельных штатов; в этом издании конституция штата Виргинии 1776 г. занимает всего четыре

9 Например, ст. 45: Государству принадлежит право контроля над тарифами. Оно должно стремиться к тому: 1) чтобы возможно скорее на всех германских железных дорогах были введены однородные правила, регулирующие движение; 2) чтобы было достигнуто возможно большее единообразие и понижение тарифов, особенно чтобы для больших расстояний, при перевозке угля, кокса, дров, руды, камня, соли, чугуна, удобрений и т. п. предметов, был введен умеренный, сообразный с потребностями земледелия и промышленности тариф, и по возможности — пфенниговый тариф (Einpfennigtarif).

10 «Убой скота без предварительного оглушения независимо от способа убоя и породы скота безусловно воспрещается».

страницы, а конституция того же штата 1870 года — двадцать одну; первая конституция штата Техас (1845 г.) занимает шестнадцать страниц, конституция же 1876 г. уже тридцать две страницы и т. д. Отчего это происходит? Оттого, что все большее и большее количество законов исключаются из простого законодательства и включаются в конституционное. Вследствие этого в новейших конституциях мы встречаем пункты, воспрещающие лотереи или продажу спиртных напитков, намечающие основные черты уголовных наказаний, устанавливающие норму рабочего дня, регулирующие оклады чиновников, заключающие точные и подробные правила для школ, нормирующие условия железнодорожных концессий, и много других, которые на европейском континенте не составляют даже предмета простого законодательства, а регулируются усмотрением правительства.

Это замечательное явление обусловлено целым рядом причин. Во-первых, здесь играет роль положение судьи в Соединенных Штатах, который как в союзе, так и в каждом отдельном штате, имеет право всякий противоречащий конституции закон объявить не имеющим силы, и широко пользуется этим правом. Когда хотят оградить какой-либо закон от посягательств судьи, то приходится вносить его в саму конституцию[11]. Второй причиной является стремление народа оставить за собой последнее решающее слово в важных практических вопросах, стремление, тесно связанное со столь распространенным в настоящее время недоверием к парламентам. Это недоверие в Америке приводит к удивительным мероприятиям. В большинстве штатов, чтобы помешать слишком быстрой фабрикации законов, не только отменен прежний ежегодный созыв законодательных собраний и введены двухгодичные сессии, но и установлено максимальное количество заседаний в каждой сессии, чтобы не создавалось слишком много новых законов, и чтобы не давать народным представителям возможности затягивать сессии ради продления получки суточных денег. Одной из важных причин гипертрофии конституционного законодательства была несомненно также и забота о парламентском меньшинстве. В большинстве государств парламентскому меньшинству включением какого-либо постановления в конституцию давалось сильное оружие против невнимательного отношения к законодательству со стороны большинства. Здесь все еще имеет силу старое религиозное и естественно-правовое воззрение, что большинству должна быть предоставлена неограниченная решающая власть лишь в определенных, тесно ограниченных пределах. Это более всего отвечает и германскому индивидуализму, с наибольшей силой проявившемуся в американской демократии. Насколько вообще возможно в демократическом строе, американцы всегда ратовали против безусловной власти принципа большинства. Не только в союзе, но и в отдельных штатах они ввели двухпалатную систему, причем везде избираемость в верхнюю палату, — в сенат, — обусловлена более зре-

11 В некоторых штатах сохранился еще установленный конституцией обычай, что судьи по требованию *Governor'a* или любой из палат должны представлять свои соображения по поводу разных юридических вопросов. *Bryce*. I, 432; Hershey «Die Controle über die Gesetzgebung in den Vereinigten Staaten». Heidelberg, 1894. С. 39 и сл.

лым возрастом и более продолжительным проживанием в данном округе, так что избранные в верхнюю палату являются, по отношению к избранным в нижнюю палату, представителями меньшинства. Кроме того в союзе президенту, а в каждом отдельном штате — губернатору, т. е. единичной личности, принадлежит право задерживающего *veto* против решений законодательных собраний[12]. В союзе и в 28 штатах[13] необходимо большинство двух третей в каждой палате, чтобы вновь внести билль, против которого выставлено *veto*. В некоторых штатах существует даже постановление, что простой закон может быть принят лишь большинством *всех* избранных представителей, чем между прочим оказывается защита меньшинству от легкомысленного злоупотребления властью со стороны большинства. Все эти мероприятия против безапелляционного господства большинства являются средством самозащиты, которое заатлантическая демократия выработала на почве тех же принципов, из которых она сама возникла. И эта защита идет часто далее, чем можно здесь показать на отдельных примерах; в городах обыкновенно встречается подобное же устройство: двухпалатная система, *veto* мэра, которое может быть отменено лишь новым решением, опирающимся на большинство двух третей голосов, — и все это чтобы обеспечить местное управление от господства большинства. Конечно, остается еще вопрос, всегда ли достигают эти мероприятия своей цели, и сохранит ли и на будущее время американская демократия неприкосновенными границы, поставленные ею принципу большинства. Всякая демократия имеет неискоренимую тенденцию возводить простое большинство на степень единственного решающего фактора.

Рассмотрение существующих условий показывает, что путем своеобразной эволюции во многих государствах созрело требование большого, нежели простое, большинства при наиболее важных решениях, относящихся к особой форме законодательства, — а именно к законодательству, ведающему изменениями конституции, чем дается возможность более или менее сильному меньшинству препятствовать предполагаемому изменению. Общее же удовлетворительное решение задачи не достигнуто. Как и все в парламентской жизни, попытки обеспечить за меньшинством какие-либо права носят характер чего-то случайного, неопределенного, неуверенного. Прочного принципа нельзя было найти по двум причинам. Во-первых, оказалось, что самое понятие конституции с трудом поддается точному определению. Во-вторых, размеры меньшинства, имеющего право протестовать, могут быть определены лишь чисто внешним признаком, как некоторая часть всех, обладающих правом голоса, или же как некоторое постоянное число, так что на деле определение меньшинства оказывается обыкновенно довольно произвольным.

12 В Соединенных Штатах с 1789 по 1889 гг. путем veto было задержано 433 билля. Из них только 29 стали законами. *Mason*: The Veto Power. Boston, 1891. С. 124, 125.

13 Из них 13 штатов требуют большинства двух третей *всех* членов. Два штата требуют большинства трех пятых в каждой палате, один — двух третей в одной палате, и семь — большинства всех избранных в каждой палате.

III.

Существуют ли меньшинства, которые по самой своей природе имеют справедливое основание требовать признания за ними прав, и в чем эти права должны состоять? Первым вопросом теоретики государственного права много занимались в прошедшем столетии. Из большого числа имен, которые можно было бы здесь привести, упомянем лишь американца Кальгуна, англичан *Т. Гера, Дж. Ст. Милля, Г. Спенсера, Г. С. Мэна*, французов *Б. Констана, Гизо, Токвиля; Лабулэ, Дюпон-Уайта.* Все они исходят из той мысли, что воле большинства должны быть положены границы, что неограниченное господство большинства есть не что иное, как гнет и деспотизм. На вопрос о границах власти большинства ученые и политики отвечают: право меньшинства по объему равно праву личности. Существование признанных законом прав отдельной личности служит непреодолимой преградой воле большинства. Личности, а тем самым и меньшинству, должно принадлежать право протеста против всяких попыток большинства вторгаться в изъятую из его ведения область. Предлагаемые же для осуществления этого права средства имеют обыкновенно целью защитить меньшинство и отдельную личность путем ограничения власти парламента или правительства. По большей части это — упомянутые уже выше, часто уже давно известные формы охраны меньшинства: независимость суда, учреждение административной юрисдикции, децентрализация управления, развитие местной автономии, введение представительств от меньшинства и т. д.; все эти формы более или менее детально изучены и оценены литературой. Большинство из них, однако (об исключениях нам еще придется говорить), едва касаются вопроса, как и когда должно быть защищаемо меньшинство от насилий со стороны законодательства. Очень малочисленному меньшинству, а тем более отдельной личности, даже ставящие разные затруднения формы конституционного законодательства не приносят никакой пользы, не говоря уже о тех случаях, когда терпящее от законодательных мероприятий меньшинство совсем не представлено в законодательном собрании. Только Северная Америка предоставляет личности действительную охрану, по крайней мере против идущих вразрез с конституцией законов. Именно, если в каком-нибудь штате большинство примет закон, идущий вразрез с «биллем о правах» (*Bill of Right*) данного штата или соответствующими пунктами союзной конституции (то же относится и к союзным законам), то правом и обязанностью судьи является заявить, что этот закон не может быть применяем[14]. Этим на практике

НА ВОПРОС О ГРАНИЦАХ ВЛАСТИ БОЛЬШИНСТВА УЧЕНЫЕ И ПОЛИТИКИ ОТВЕЧАЮТ: ПРАВО МЕНЬШИНСТВА ПО ОБЪЕМУ РАВНО ПРАВУ ЛИЧНОСТИ

14 В Европе маленький кантон Ури ввел в свою конституцию одно крайне оригинальное

пользуются очень часто. Из отчетов американского департамента труда видно, что в последние годы целый ряд штатов издал законы о воскресном отдыхе, которые судьями часто не признавались. Интересны, например, решения, касающиеся воскресного отдыха парикмахеров. Судебные инстанции заявляют, что, согласно конституции, каждому человеку принадлежит право на благополучное в имущественном смысле существование; никого нельзя заставить исполнять тот или другой религиозный акт; специальные законы, суживающие свободу отдельных классов населения, недопустимы, и т. д.; поэтому всякий человек имеет право брить и стричь по воскресеньям, если ему угодно, и законодатель не может ограничивать это право. Американской социальной политике и в других направлениях приходится бороться с судьями, не раз произносившими энергичное *veto* против попыток ввести нормированный рабочий день; тут ничего другого не остается, как ввести эту норму в текст конституции.

Эта судебная защита, оказываемая отдельным личностям, а тем самым и побежденному в парламенте меньшинству, имеет, однако, свои опасные стороны. При неопределенности многих параграфов конституции всякий подобный судебный приговор заключает в себе элемент произвола, так что усмотрение судьи ставится выше усмотрения законодателя. Вследствие этого правильное развитие законодателем некоторых важных учреждений может встретить иногда весьма энергичное противодействие со стороны свободного от всякой политической ответственности судьи, который, однако, как и всякий участвующий в общественной жизни, не свободен от влияния тех или других политических воззрений.

Чтобы найти прочный базис для признания прав меньшинства, следует исходить из следующих соображений. Вся идея решения вопросов большинством голосов покоится на представлении о полном внутреннем единстве народа. В основе ее лежит демократическая естественно-правовая идея полнейшей равноценности отдельных личностей. Между

постановление имеющее целью защиту прав личности против законодательных решений сельских общин; именно, § 37 конституции 5 мая 1850 г. гласит: «Все, что признано большинством сельских общин или сельских обывателей — закон, и сообразно ему полагается жить. Если кто-нибудь хочет обжаловать принятое решение, то ему дается возможность войти, с соблюдением законных форм в то же учреждение для подачи своей жалобы.

Если кто-нибудь сочтет себя обиженным решением сельского общества в своих имущественных, частновладельческих интересах или в своих частных правах, то против такого постановления может быть возбужден иск.

Независимо от подобных протестов общество может продолжать свои совещания и решения, не предвосхищая исхода процесса.

Судья должен тогда (не принимая в соображение последнего решения общества) рассудить спор между односельчанами и истцом согласно присяге и совести (Sammlung der Bundesverfassung und der Cantonsverfassungen. Официальное издание. Берн, 1880. С. 292). По свидетельству Амехуга («Das Staatsrecht der vereinigten Königreiche Schweden und Norwegen» в Mardsen's Handbuch). С. 193, и в Норвегии судье дано право критики законов с точки зрения их соответствия конституции; по-видимому, однако, там это право далеко не имеет того практического значения, как в Америке.

равноценными же единицами, само собою разумеется, не может быть другого решающего критерия, как численное превосходство.

Все плебисциты и парламентарные учреждения, — по крайней мере, поскольку дело касается решений в пределах одной палаты, — покоятся на этом принципе равноценности. Так как каждый член парламента считается представителем всего народа, то различия в ценности этих представителей немыслимы. Существование различных партий и партийная политика, наполняющая жизнь всякого парламента, нисколько не противоречат этому принципу. Ибо в самом существе человека заложено уже свойство обсуждать государственные дела с определенных точек зрения, которые по необходимости чужды другим людям, находящимся под влиянием других условий жизни. Смотреть на политический мир с высоты птичьего полета может лишь тот, кто парит в заоблачных высях и потому не приспособлен к практической жизни. Но все чисто политические партии по самому существу своему подвижны. В своих реальных формах они никогда не являются чем-то постоянным, незыблемым в жизни народа. Они беспрестанно меняются по числу, силе, значению. Они растут и исчезают. Кто сегодня консерватор, тот завтра может стать умеренным либералом, либерал может с течением времени превратиться в радикала. Поэтому при чисто политическом делении партий сегодняшнее меньшинство может в ближайшем будущем стать большинством. Следовательно, народ, знающий лишь политические противоположности, может предоставить принципу большинства самое широкое поле действия; в интересах устойчивости государственного порядка, а также, чтоб не дать наличному большинству слишком усилить свое могущество, он может ограничиться введением известных уже нам мер охраны интересов меньшинства, и при этом действовать чисто эмпирически, сообразно условиям данного времени и места. Высшее право подобного меньшинства состоит в том, что оно может всегда сделать попытку стать большинством. Все новые партии были вначале меньшинством, но их разумною целью всегда было путем агитации, убеждения, критики склонить общественное мнение на свою сторону и таким образом приобрести господство. От этого права меньшинства не ограждено ни одно большинство, так как у него нет никаких средств вечно с успехом подавлять меньшинство.

Все эти положения, однако, покоятся на том, что народ представляет в политическом отношении одно внутренне объединенное целое. Только при этом условии возможен такой рост и такое изменение партий, о каких мы говорили выше. Там, где нет подобного единства, нельзя провести во всей полноте принцип большинства, основанный на одном лишь подсчете голосов. Это доказали в особенности современные демократические федеративные республики. В них государственные различия внутри союза так велики, что рядом с поголовным большинством в них установлено еще другое, основанное на числе отдельных, входящих в состав союза государств, за которым в большей или меньшей степени признается решающая власть. Еще менее может найти применение чистый принцип большинства там, где

народ так глубоко разделен антагонизмом, что предпосылка о равенстве индивидов утрачивает под собой всякую почву.

Прежде такими антагонизмами чаще всего являлись религиозные. Пока религиозные вопросы имели политическое значение, всюду обнаруживался энергичный протест против принципа большинства. Подавление меньшинства большинством в религиозных вопросах никогда не рассматривалось как право, а всегда считалось актом грубого насилия. Особенно ярко выразилось отрицание принципа большинства в религиозных вопросах в Германии после несчастной тридцатилетней войны. Тут в рейхстаге была совершенно упразднена нормальная форма совещаний. Господство большинства оказывалось совершенно невозможным, дела решало *amicabilis compositio* между обеими религиозными партиями, и, если одна из партий объявляла какой-либо вопрос, хотя и не связанный с религией, делом корпорации, то рейхстаг разделялся на *Corpus Catholicorum* и *Corpus Evangelicorum*. При подобном *itio in partes* голосование производилось, конечно, по религиозным куриям, благодаря чему более малочисленные голоса протестантов приобретали такой же вес, как и голоса католиков[15].

В настоящее время подобными антагонизмами являются национальные. Национальные партии никогда не могут играть роль органических явлений в народе. Подвижность и изменчивость, характеризующие чисто политические партии, им совершенно не присущи. Сегодняшний немец не может стать завтра славянином, а если бы он и стал им в виде исключения, то совершенно справедливо подвергся бы всеобщему презрению. Подобно религиозным, и национальные партии имеют точно определенные границы. Где национальные различия в законодательном собрании значительны, там всякое подавление меньшинства большинством в национальных вопросах будет ощущаться как насилие. Учение, что в национальных вопросах, как и в других, решающий голос принадлежит большинству, — не что иное, как столь часто встречаемая в политике дедукция, построенная на недостаточно обоснованных посылках; а именно, внутреннее политическое единство народа, оправдывающее принцип большинства, предполагается там, где его никогда не может быть. Это один из случаев старого пагубного доктринерства, которое признает для всех государств и для всех парламентов лишь один непреложный шаблон; это — одна из догм той ведущей свою родословную от естественного права политики, которая безапелляционно требует веры и объявляет еретиком всякого, кто отказывается признавать ее пустые

15 Это *itio in partes* нашло себе оригинальное подражание в home rule bill Гладстона (1886). Согласно ему ирландский парламент должен был состоять из двух *orders*, избираемых сообразно особой норме. Оба отдела должны были совещаться и решать дела сообща, за исключением того случая, когда какой-нибудь вопрос признавался большинством одного из отделов вопросом специальным. Тогда должно иметь место раздельное голосование, при котором каждой части принадлежит право *veto*. По истечение трех лет или после роспуска парламента отклоненный таким путем билль может быть снова внесен. Если и тогда второй отдел примет его, первый же отклонит, то дело должно решить большинство всей палаты. — Ср. «Government of Ireland Bill», sect. 9, 23. Напечатано у *Dicey* в «*England's case against Home Rule*», 3-е изд. Лондон, 1887. С. 295, 304.

общие места. Мы уже видели, как принцип господства большинства проистек из естественно-правового убеждения о безусловном равенстве всех людей. Но то, что справедливо для вполне равного, не может иметь притязания на применимость к абсолютно неравному.

Однако в большинстве государств с разноплеменным населением меры охраны меньшинства, представляемые судом и администрацией, оказываются достаточными, так что законодательным органам не приходится страдать от национальной розни. Так, в Швейцарии и Бельгии, несмотря на разноплеменность населения, парламенты разделены на политические, а не национальные партии. Совершенно иначе обстоит дело в Австрии, соединяющей в себе больше национальностей, чем какое бы то ни было цивилизованное государство Европы или Америки. В Австрии также установлены законодательные и административные мероприятия с целью охраны интересов каждой национальности, особенно в смысле употребления родного языка в сношениях с администрацией и в школе; но эти меры являются постоянно предметом ожесточенной борьбы. В австрийской прессе и в законопроектах политиками и национальными партиями не раз предлагались другие меры для разрешения национальных споров: издание закона о языках, разделение провинций со смешанным языком на округа или области по национальностям, учреждение междунационального суда, устройство государственных учреждений и союзов самоуправления с национальными секциями, введение национальных курий в ландтагах. Но если бы даже все эти меры могли быть проведены, то и тогда еще остался бы неразрешенным важный вопрос, как обеспечить в рейхсрате права и интересы каждого национального меньшинства. Перенесение всех важных с национальной точки зрения вопросов в ландтаги могло бы совершиться лишь путем глубокой, потрясающей государство революции, и никогда не встретило бы согласия со стороны тех народностей, которые имеют надежду успешнее защитить свои права в общем парламенте, нежели в областных сеймах. Поэтому в Австрии приходится иметь дело с весьма трудным вопросом, — каким образом центральный парламент, в котором представлены восемь национальностей, мог бы обеспечить каждой из них особые парламентские права, не делая этим навсегда невозможным правильный ход дел. И все-таки сила исторических условий оказывается здесь разумнее всякой политической мудрости. При современном положении дел национальный вопрос в Австрии стал по преимуществу немецким вопросом. Против немецкого меньшинства, с некоторыми примыкающими к нему элементами, стоит уже целый ряд лет славянское большинство с присоединившимися к нему элементами. Таким образом, независимо от какой бы то ни было законодательной нормировки, просто в силу национальных и политический различий, в австрийском парламенте образовались как бы *Corpus Germanorum* и *Corpus Slavorum*, располагающие однако *de jure* неодинаковыми правами. Крупные столкновения последнего времени явились первой попыткой *Corpus Germanorum* защитить свои права от давления большинства противоположной группы. Так как едва ли удастся

путем соответствующих изменений в поместных узаконениях или путем создания внепарламентских учреждений навсегда прекратить борьбу в рейхсрате, то единственным средством обеспечить в нем нормальное положение представляется признание за немецкой группой в центральном парламенте некоторых прав, не подлежащих компетенции славянского большинства[16]. Антагонизм между немецким и славянским элементами является единственным фактором, потрясающим беспрестанно государственную жизнь Австрии; все остальные антагонизмы между австрийскими национальностями имеют сравнительно ничтожное значение. Признание подобного рода неотъемлемых прав за меньшинством вовсе не было бы в современной государственной жизни новостью. Оно в достаточно широкой степени проведено в германском союзном совете: во-первых — при всяком решении, касающемся тех специальных прав отдельных государств, для изменения которых необходимо согласие соответствующих государств, так что, например, шесть баварских или четыре вюртембергских голоса могут выставить *veto* против всех остальных, во-вторых — в праве *veto*, принадлежащем семнадцати прусским голосам в случаях, предусмотренных ст. 5 и ст. 37 имперской конституции. Во всяком случае, признание за отдельными национальностями особых прав было бы гораздо легче провести, если бы охрана этих прав была предоставлена палате господ, которая, однако, для такой цели должна была быть, хотя бы отчасти, преобразована как бы в областную палату, что и имела в виду даже наиболее централистическая из австрийских конституций — конституция 4 марта 1849 г. Удастся ли таким путем разрешить борьбу в австрийском парламенте, — зависит от сил, движущих историю. Но другое решение едва ли можно найти.

К религиозным и национальным партиям присоединятся в будущем и социальные, когда со временем резкая противоположность между имущими и неимущими классами найдет себе острое выражение в законодательном собрании государства, ожидаемое одними с надеждой, другими — со страхом. В настоящее время, однако, даже в демократических государствах еще нет подобного партийного деления народа, несмотря на непрерывный рост числа социалистических голосов и депутатов во многих государствах[17]. Даже наиболее глубокое движение этого рода, — социал-демократическое

16 Такие же права формально должны бы быть признаны и за противоположной группой, хотя практически это не имеет значения, так как она обеспечена уже тем фактом, что, не считая случайных колебаний, на ее стороне уже теперь большинство, которое тем более за нею обеспечено на будущее время, что дальнейшие изменения в избирательной системе будут оставлять немцев все более и более в меньшинстве. Представителям мелких национальностей должно быть предоставлено право, в каждом данном случае, примыкать то к одной, то к другой группе, тем более, что деление на две крупных национальных партии должно бы иметь место лишь в особых, законом установленных случаях, число которых могло бы быть доведено до минимума путем введения ряда других учреждений для разрешения спорных вопросов.

17 Между ними занимает в настоящее время первое место Бельгия, где из 152 депутатов второй палаты — 29 социалистов.

в Германии — не раскололо рейхстага на представительство имущих и неимущих, и социал-демократы со своими 12 % общего числа депутатов составляют лишь одну из многих партий. Таким образом вопрос этот — еще не вопрос современной политики, и с тем большим успехом может быть предоставлен будущему, что уже в настоящее время многие признаки указывают на то, что социал-демократы, не смогут постоянно сохранять свой революционный, совершенно игнорирующий современную государственную систему, характер, а должны будут превратиться в партию радикальных реформ. Антагонизм же между отдельными экономическими интересами, играющий уже теперь в парламентской жизни Германии такую большую роль, нельзя и сравнивать по силе и значению с теми, о которых говорилось выше. Несмотря на все столкновения, здесь имеется налицо целый ряд общих интересов, которые не всегда, быть может, ясно сознаются в пылу открытого спора, но которые тем не менее мешают полному угнетению или подавлению одной из борющихся групп другою. К тому же эти группы постоянно меняются. Хотя взаимная борьба между ними и ожесточеннее борьбы между чисто политическими партиями, однако она никогда не достигнет такой остроты, как антагонизм между религиозными и национальными группами или двумя вышеупомянутыми социальными классами. Аграрии и сторонники свободной торговли могут уживаться в рамках одной политической партии; парламентский центр представляет все возможные оттенки социально-политических программ. Соглашение же между партийными принципами центра или социал-демократии с одной стороны и принципами остальных партий с другой — совершенно невозможно.

Остается еще ответить на вопрос, в чем должны состоять права меньшинства, которые имеется в виду оградить от насилия со стороны большинства. По этому вопросу высказались два выдающихся мыслителя: более обстоятельно — американский государственный деятель Кальгун, и мимоходом — английский историк права сэр Генри Семнер Мэн. Сочинение Кальгуна «*A Disquisition on Government*» — может быть наиболее оригинальное явление американской политической литературы. Эта работа составляет как бы принципиальный базис известного учения Кальгуна о праве кассации (Nullification), которое должно принадлежать побежденному при голосовании меньшинству штатов в отношении федеративных законов. Горячо оспаривая лежащую в основе принципа большинства теорию об абсолютном равенстве индивидов, он предлагает заменить тиранию численного большинства системой «*concurrent majority*». Всякий самостоятельный элемент в народе должен иметь право протеста против решений, нарушающих его интересы. Не путем победы большинства, которая есть не что иное, как одна из форм насилия, должны приниматься обязательные для всех постановления, а путем компромисса — единственного приличествующего конституционному государству способа решений. Однако более подробных указаний на то, как можно провести в демократическом государстве эту, совершенно несогласную со всем до сих пор принятым, мысль, — нельзя найти в слишком отвлеченных рассуждениях Кальгуна.

Мэн в своем сочинении «*Popular Government*» предусматривает для Англии возможность того, что место ее современной парламентской конституции займет диктатура единого конвента, руководимого тайным комитетом общественного спасения. Единственным средством против пробивающей себе таким образом дорогу тирании будет *обструкция*, с которой вожди большинства будут постоянно бороться посредством духовной гильотины в той или другой форме.

Подобное затягивание хода парламентских дел путем обструкции со стороны меньшинства уже давно знакомо английскому парламенту[18]. Известно заседание нижней палаты 12 марта 1771 г., в котором меньшинство провело двадцать три голосования, чтобы воспрепятствовать наказанию типографщиков, печатавших протоколы парламентских прений. Лишь в 1881 г. под влиянием обструкции ирландцев был введен в нижней палате институт *closure*, закрытие дебатов. Эта ирландская обструкция, как известно, нашла себе подражание в чешском сейме и в австрийском рейхсрате; однако, до сих пор, за исключением злободневных политических обсуждений, еще нет ни одного исследования об этом своеобразном средстве борьбы парламентского меньшинства за свои права.

Такого рода обструкция может проводиться двояким образом: средствами, согласными с законом и парламентским регламентом, или же средствами, им противными. Второй вид борьбы, избираемый меньшинством, может быть иногда извиняем политически ввиду крайних обстоятельств, но никогда не может быть признан правомерной формой протеста. Иначе обстоит дело с первым видом обструкции. Ее право на существование не может быть опровергнуто тем, что с государственно-правовой точки зрения недопустимо, чтобы меньшинство злоупотребляло своими правами, стесняя большинство в его праве выносить решения и тем останавливая весь ход законодательных работ. Дело в том, что все нормы, определяющие права высших государственных органов, имеют двоякое свойство. Во-первых, как и все правовые нормы, они устанавливают права и обязанности, и притом всегда такие, которые обусловливаются интересами всего государства. Во-вторых, они заключают в себе указание на те средства, которыми данные органы могут пользоваться в своих специальных интересах. Это второе свойство упомянутых норм не поддается чисто правовому критерию: оно не юридического, а политического характера. Но то, чем пренебрегает рассуждающий чисто формально юрист, не должно ускользать от взора политика, рассматривающего государство во всей полноте его взаимоотношений. Юрист должен исходить в своих рассуждениях из понятия обязательности для всех государственных органов действовать в интересах целого; частный интерес отдельного государственного органа, не являющийся в то же время интересом общегосударственным, не может быть измерен теми средствами, которые имеются в его распоряжении;

18 Именно, чтобы утомить большинство и этим путем склонить часть его покинуть парламент и тем самым, мало-помалу, низвести его до степени меньшинства.

но по той же причине юрист не в состоянии и осудить подобные действия, поскольку они явно не нарушают каких-либо специальных правовых норм. В действительной же государственной жизни происходит непрерывная борьба различных органов из-за власти, престижа, влияния, на каждом шагу противоречащая идеальной юридической норме. Право назначения чиновников, право административных решений и концессий и т. д. дают в руки каждому правительству такие средства политического воздействия, которыми оно может пользоваться и фактически всегда пользуется, не нарушая ни одного закона. Точно так же различные права парламента, и в особенности право контроля над бюджетом, являются орудием против правительства. В отношениях между правительством и парламентом каждого конституционного государства стоит не только право против права, но и сила против силы. Но совершенно таковы и внутри самого правительства отношения между руководящим государственным деятелем и подведомственной ему бюрократией, которая сама по себе — сила, и с которой, следовательно должен считаться даже облеченный высшей властью.

Точно таково же и отношение парламентского меньшинства к большинству. Его права, определяемые парламентским регламентом, — тоже силы. В парламенте, составленном из подвижных партий (такова обычная картина), это не часто обнаруживается, так как каждое меньшинство имеет возможность достигнуть власти и в расчете на будущее временно может мириться даже с совершенным бессилием. Иначе обстоит дело в парламентах с неподвижными партиями, обреченными долго оставаться в меньшинстве. Если здесь большинство не ограничивает себя само и не считается со справедливыми притязаниями меньшинства, а неумолимо преследует лишь свои партийные интересы, то при таком положении дел нельзя ставить на вид меньшинству те идеальные общие нормы и с их точки зрения осуждать применение меньшинством правовых средств в качестве орудий борьбы. Ибо пока меньшинство, пользуясь предоставленной ему законом силой, не преступает формально какой-либо правовой нормы, пользование правовыми средствами в политических целях столь же мало заслуживает порицания юридически, как и соответствующий образ действий правительства.

Если, однако, такого рода обструкция не случайна и кратковременна, а производится систематически, то она возможна лишь в исключительных случаях. Не говоря уже о том, что большинство располагает различными средствами изменить в крайнем случае самый порядок ведения дел, все-таки приостановка законодательных работ на долгий срок может быть проведена лишь в том случае, когда избиратели вполне солидарны на этот счет с депутатами, а это показывает, что в данном случае дело идет о защите жизненного интереса более важного, нежели все другие. Как и всякий, хотя бы проводимый с помощью вполне легальных средств, государственный конфликт, подобная обструкция является всегда признаком ненормальных, нездоровых политических отношений, которые могут быть изменены, если

большинству не удастся в конце концов покорить меньшинство, — только путем компромисса относительно спорных пунктов.

Другим легальным средством, имеющимся в распоряжении меньшинства, — средством до сих пор совсем еще не изученным теоретически, — является воздержание от посещения парламента (сецессия). Оно особенно действительно в тех случаях, когда благодаря отсутствию меньшинства численный состав палаты оказывается недостаточным для законности ее решений. Там, где для законности вотума, вносящего изменение в конституцию, требуется наличность большого числа членов, — там может быть достаточно удаления незначительного меньшинства, чтобы сделать это изменение невозможным. Но можно указать и на случаи длительной сецессии, особенно частые в Австрии. В противоположность обструкции, они являются формой пассивного сопротивления. Они не препятствуют принятию законодательных решений, если палата и без сецессионистов в законном числе, — но они ослабляют их нравственный престиж, что, если не в юридическом, то в политическом отношении, может иметь громадное значение.

Если, окинув взглядом все законные и незаконные, правовые и реальные средства, имеющиеся в распоряжении меньшинства, спросить, какие права могли бы быть ему еще предоставлены, то окажется, что за меньшинством не может быть признано право создавать что-либо положительное. Жизнь пошла бы вверх дном, если бы придавать в палате или в общине голосу меньшинства большую цену, нежели голосу большинства. Но меньшинство может защищать себя или служащие его интересам объективные учреждения тем, что ему дана власть препятствовать большинству. При всех обстоятельствах *veto* является единственным сильным оружием, которое может быть дано в руки меньшинству; даже открытым сопротивлением оно может достигнуть лишь отрицательных результатов. Даже там, где высшая решающая власть принадлежит не парламенту, а монарху, — его воля не может ничего изменить в постановлениях большинства палаты; она может препятствовать решениям, но не может созидать. А так как с каждым правом связана сила, то и подобное право *veto* можно использовать как средство, с целью добиться от большинства положительных уступок.

Меньшинства, которым могут быть предоставляемы подобного рода права, либо определяются только числом, как при изменениях конституции, либо объединяются постоянными, связывающими их членов между собою интересами, как в религиозных или национальных куриях, — так что можно различать организованные и неорганизованные меньшинства. Остальные подробности обусловливаются конкретными отношениями в каждом государстве. Как велико должно быть меньшинство, и как оно должно быть организовано, чтобы иметь право *veto*, в каких случаях и при каких условиях может оно им пользоваться, — все это решается в зависимости от индивидуальных обстоятельств и соображений. При этом всегда следует внимательно принимать в соображение потребности всего государства, чтобы злоупотребления этим правом veto не мешали плодотворному

развитию всех государственных отношений. В этом-то и состоит громадная трудность задач практической политики, что, давая какое-нибудь право, необходимо вместе с тем принимать меры и к предупреждению возможных злоупотреблений им.

IV.

Еще гораздо большее значение, чем для современной жизни, будет иметь вопрос о правах меньшинства для отдаленного будущего, притом — не только в отношении законодательных учреждений, но и всех вообще областей общественной жизни. Современное общество охвачено все дальше и дальше развивающимся процессом демократизации. Можно с радостью приветствовать это развитие, можно бояться его, — но никакая сила в мире не в состоянии надолго задержать этот стихийный исторический процесс. Здесь быстрее, там медленнее, культурные нации идут навстречу всеобщей нивелировке. Геологи утверждают, что с течением времени горы выветрятся и вершины их, осыпаясь, заполнят мало-помалу долины; то же самое можно сказать и об обществе. Далее, в современном обществе все более и более распространяется и другая тенденция, проводимая наукой и с беспечной готовностью поддерживаемая господствующими силами: именно, идеал коллективистической организации всех человеческих отношений, обеспечиваемой государственным принуждением и построенной на идеи наибольшей солидарности отдельных личностей. Все большую и большую долю своей самостоятельности должна приносить отдельная личность в жертву всему обществу, и отсталым считают того, кто пытается во имя и в защиту прав личности останавливать общество в этом стремлении.

Но чем далее подвигается вперед демократизация общества, тем более распространяется и господство принципа большинства. Чем более идея общечеловеческой солидарности подавляет личность, тем меньше границ признает воля господствующего большинства в отношении к отдельной личности.

Здесь скрывается страшная опасность для всей цивилизации. Ничего не может быть беспощаднее и неумолимее, ничто не может быть более враждебно элементарнейшим правам личности, ничто не может так ненавидеть и презирать все великое и истинное — как демократическое большинство. Это — не тезис мировоззрения, враждебно относящегося к преобразованию современного общественного строя; нет, это положение признавалось и передовыми борцами современной политической эволюции и не раз красноречиво ими высказывалось. Лишь совершенно чуждый действительности человек может еще мечтать о доброте масс и их любви к истине. Да и было бы странно, если бы доброта и благородство, которые мы так редко встречаем у отдельных людей, оказались в большой степени присущими массе. Разве во все времена каждой новой великой мысли, каждой идее, колебавшей впоследствии весь мир, не приходилось с трудом и опасностью пробивать себе дорогу наперекор сопротивлению господствующих сил? А в демократиче-

ском обществе это сопротивление во сто раз сильнее, чем где бы то ни было. Еще гораздо деспотичнее, чем управляемое большинством государство, безгранично и неодолимо царит в нем общественное мнение, которое, в свою очередь, — тоже не что иное, как простое большинство, представляющее, наряду с политическою, и общественную власть. Токвиль, — как известно, один из передовых борцов за демократические идеи, — учил еще шестьдесят с лишним лет тому назад, что в демократии общественное мнение беспощадно душит всякое противоречащее ему воззрение, и что нужно обладать гораздо большим мужеством, чтобы противостать «гласу народа», *vox populi*, чем приказу самодержца; и новейшая история демократии не раз подтверждала это. Я далеко не так пессимистически смотрю на дело, как тот знаменитый вождь либерализма, который высказывал опасение, что с окончательной победой демократии и полновластным воцарением общественного мнения народ должен впасть в китайскую неподвижность[19], так как в конце концов всякий прогресс будет задерживаться инертностью масс и их ужасным давлением на личность. Тем не менее, опасность, угрожающая свободному развитию личности и меньшинства, которые, как мы видели, тесно связаны друг с другом, все-таки велика и покажется еще большей, если вспомнить, что всякий прогресс в истории обязан своим происхождением меньшинству. Но уже и теперь заметно, что во многих избранных натурах в противовес господствующим течениям пробуждается чувство, которое я назвал бы чувством непокорности меньшинства. Новые учения о сверхчеловеке и о морали господ, вплоть до заблуждений теоретического анархизма, становятся понятны лишь на фоне эпохи, стремящейся провозгласить безапелляционное право большинства. В глубине всех этих учений, как ядро их, заложена идея, что обеспечение за личностью такой области, которая была бы свободна от влияния государства и общества и в пределах которой личность не была бы обязана подчиняться никакому большинству, — является насущнейшей *социальной* потребностью. Коллективизм и индивидуализм вовсе не являются друг друга исключающими, непримиримыми антитеза-

НИЧЕГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ БЕСПОЩАДНЕЕ И НЕУМОЛИМЕЕ, НИЧТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ БОЛЕЕ ВРАЖДЕБНО ЭЛЕМЕНТАРНЕЙШИМ ПРАВАМ ЛИЧНОСТИ, НИЧТО НЕ МОЖЕТ ТАК НЕНАВИДЕТЬ И ПРЕЗИРАТЬ ВСЕ ВЕЛИКОЕ И ИСТИННОЕ — КАК ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ БОЛЬШИНСТВО

19 The modern regime of public opinion is, in an unorganized form, what the Chinese educational and political system are in an organized and unless individuality shall be able successfully to assert itself against this yoke, Europe notwithstandig its noble antecedents and its professed Christianity will tend to become an other China. — J. St. Mill: «On liberty». People ed. C. 42.

ми, если признать, что *Collectivum* — общество — само парализует свои стремления к высшим целям, порабощая отдельную личность обществу путем насильственного принуждения. Творческая общественная деятельность была всегда свободной деятельностью личности, тогда как общественное принуждение, в какой бы форме оно ни проявлялось, может действовать лишь регулирующим, но никак не творческим образом.

Признав это, мы ставим будущему огромную задачу. Исконная борьба между *Imperium* и *Libertas* — властью и свободой — не утихнет и в демократическом обществе грядущих столетий. Плотины, которые в настоящее время еще сдерживают напор необузданной воли большинства, может быть, будут прорваны. Но тогда наступит для цивилизованного человечества глубокий кризис. Чем он разрешится, — на этот вопрос, как и на всякий вопрос о будущем, может ответить нам не знание, а только вера. Будем же верить и надеяться, что общество в конце концов найдет и осуществит то, что единственно может спасти его от духовного и нравственного измельчания и застоя, а именно — *признание прав меньшинства.*

Роберт АДЕЛЬХАНЯН

ПОНЯТИЕ «ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» В ДОКТРИНЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

В теории международного права существует несколько подходов в понимании юридической природы международно-правовой регламентации военных действий. В основе этих идей лежат некоторые положения, выдвинутые Ф. Ф. Мартенсом на Гаагской конференции 1899 года по законам и обычаям сухопутной войны.

Существо концептуальной Декларации Ф. Ф. Мартенса сводилось к тому, что даже при отсутствии договорных норм «население и воюющие стороны остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания».[1]

Актуальность и непреходящая ценность этой концепции были подтверждены годами. Спустя более чем семьдесят лет А. И. Полторак и Л. И. Савинский отмечали: «В праве вооруженных конфликтов не так уж много принципов и норм, которые могли бы конкурировать с Декларацией (Мартенса — *Р. А.*) по широте охвата ею отношений, четкости формулировок и продолжительности действия. Налицо пример необычной живучести международно-правового установления... не потерявшего ни силы, ни значения...»[2].

Отметим: в литературе неоднократно подчеркивался тот факт, что в науке до сих пор нет единого понятия, определяющего отрасль права, регулирующего ведение вооруженной конфликтов. Для обозначения такой отрасли наиболее часто применяются термины «право войны», «право вооруженных конфликтов», «законы и обычаи войны», «правила ведения вооруженной борьбы», «международное гуманитарное право».[3]

1 Цит. по: *Решетов Ю. А.* Нарушения законов и обычаев ведения войны // Нюрнбергский процесс. Право против войны и фашизма / Под ред. И. А. Ледях, И. И. Лукашука. М., 1995. С. 154.

2 *Полторак А. И., Савинский Л. И.* Вооруженные конфликты и международное право. М., 1976. С. 116.

3 См.: *Батырь В. А.* Международно-правовая регламентация применения средств ведения вооруженной борьбы в международных вооруженных конфликтах // Государство и право. 2001. № 10. С. 63.

Так, многие западные авторы (А. Фердросс, Ф. Бербер) после принятия Женевских конвенций 1949 года стали говорить о том, что вышеприведенные документы представляют собой «право войны», причем под последней надо понимать лишь вооруженное столкновение между государствами как субъектами международного права.[4]

Весьма распространенным в западной доктрине является термин «законы и обычаи ведения войны», нарушение которых расценивается как международное преступление.[5] Сторонники позитивного направления традиционно относили к нарушениям «законов и обычаев ведения войны»:

1) нарушение «признанных» норм ведения военных действий самими военнослужащими;

2) совершение во время войны незаконных актов лицами, не входящими в состав вооруженных сил;

3) шпионаж и измену;

4) мародерство.[6]

При этом названные «обычаи и законы» также, с точки зрения сторонников данной теории, были применимы только к вооруженным конфликтам международного характера.

Как известно, Дополнительные протоколы 1977 года, распространив положения Женевских конвенций и на вооруженные конфликты немеждународного характера, устранили основание говорить только лишь о «праве войны» либо о «законах и обычаях ведения войны» в его узком понимании.

Наконец, в отечественной науке предлагалось говорить о «праве вооруженных конфликтов», которое должно было адаптировать «право войны» к изменившимся условиям и быть применимым к регулированию любого вооруженного конфликта — как международного, так и немеждународного характера.[7]

В любом случае, общей концептуальной основой всех названных доктрин явилось признание следующих принципов ведения военных действий (вооруженных конфликтов):

1. **Принцип гуманности**, включивший в себя основополагающие соображения гуманности, сформулированные в Декларации Ф. Ф. Мартенса, Гаагских положениях и Женевских конвенциях и множестве других международных документов.

Так, например, в статьях 3 III и IV Женевских конвенций содержатся императивные указания на то, что лица, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях, включая тех лиц из состава вооруженных сил, которые сложили оружие, а также тех, которые перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения, задержания или по любой другой причине, «должны при всех обстоятельствах

4 См., например: *Фердросс А.* Международное право. М., 1959. С. 429.

5 *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. 2. Полутом 1. М., 1949. С. 246.

6 *Allazawi V.* Criminal Responsibility under International Law. Nashville, 1968. P. 34.

7 *Арцибасов И. Н., Егоров В. А.* Вооруженный конфликт: право и дипломатия. М., 1989. С. 19; *Каламкарян Р. А., Мигачев Ю. И.* Международное право. М., 2002. С. 398.

пользоваться гуманным обращением без всякой дискриминации по причинам расы, цвета кожи, религии или веры, пола, происхождения или имущественного положения или любых других аналогичных критериев».

Гуманитарные принципы, изложенные в статье 3, общей для Женевских конвенций, «лежат в основе уважения человеческой личности в случае вооруженного конфликта, не носящего международный характер» (преамбула Дополнительного протокола).

2. **Принцип ограничения воюющих в выборе средств и методов ведения военных действий**. Данный принцип впервые был сформулирован в ст. XXII Гаагского положения о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года: «Воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю». В дальнейшем данное положение было развито во многих международно-правовых документах.

Так, в преамбуле Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие от 10 апреля 1981 года[8] прямо сформулированы принцип международного права, согласно которому «право сторон в вооруженном конфликте выбирать методы или средства ведения войны не является неограниченным», а также принцип, «запрещающий применение в вооруженных конфликтах оружия, снарядов и веществ и методов ведения войны, которые могут нанести чрезмерные повреждения или принести излишние страдания».

Аналогичное положение, запрещающее абсолютно произвольный выбор сторонами вооруженного конфликта средств и методов ведения последнего, содержится во многих международно-правовых документах. Более того, в силу ст. I 36 Дополнительного протокола, при изучении, разработке, приобретении или принятии на вооружение новых видов оружия, средств или методов ведения войны «Высокая Договаривающаяся Сторона должна определить, подпадает ли их применение, при некоторых или при всех обстоятельствах, под запрещения, содержащиеся в настоящем Протоколе или в каких-либо других нормах международного права, применяемых к Высокой Договаривающейся Стороне».

Запрет неизбирательного применения вооруженной силы и ограничение в выборе средств и методов ведения военных действий распространен и на вооруженные конфликты внутреннего характера.

3. **Принцип защиты гражданского населения и мирных (гражданских) объектов** нашел свое отражение также в большом количестве международных документов. Так, в ст. 51 I Дополнительного протокола указано, что гражданское население и отдельные гражданские лица пользуются общей защитой от опасностей, возникающих в связи с военными операциями, они «не должны являться объектом нападений». Далее в этом же документе наложен запрет, согласно которому гражданские объекты не должны являться объектом нападения или репрессалий: «Что касается объектов, то военные

8 Ведомости Верховного Совета СССР. 1984. № 3. Ст. 50.

объекты ограничиваются теми объектами, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество» (ст. 57).

Особо надо оговорить, что составной частью данного принципа является своеобразное «правило толкования сомнений», согласно которому, в случае возникновения сомнения в том, используется ли объект в мирных или гражданских целях, предполагается, что такой объект не является военным.

Аналогичные принципы защиты гражданского населения и мирных (гражданских) объектов действуют и в ходе немеждународных вооруженных конфликтов (ст. ст. 13–17 II Дополнительного протокола).

Итак, в основе всех теоретических воззрений о юридической природе необходимости регламентации вооруженных конфликтов лежат вышеназванные принципы, нашедшие свое нормативное закрепление.

В настоящее время наиболее распространенной точкой зрения является позиция о том, что «правила ведения» вооруженных конфликтов регламентируются *международным гуманитарным правом*.

Согласно практически общепризнанной доктрине, международное гуманитарное право, применяемое во время вооруженных конфликтов, является одной из наиболее развитых отраслей международного права. Его нормы направлены на защиту лиц, не принимавших или прекративших принимать участие в военных действиях, а также на ограничение средств и методов ведения войны, на защиту культурных ценностей.

В теории международное гуманитарное право современности обычно также определяется как самостоятельная отрасль международного права, представляющая собой систему норм, регулирующих законы и обычаи войны и права человека.[9]

При этом рядом авторов уточнятся, что международное гуманитарное право включает в себя как бы три части: совокупность международно-правовых норм, определяющих режим прав и свобод человека в мирное время; совокупность международно-правовых норм, определяющих режим прав и свобод человека во время вооруженного конфликта; совокупность правовых норм, определяющих ограничение гонки вооружений, ограничение и запрещение определенных видов оружия и разоружение.[10]

Определения международного гуманитарного права существуют и в ряде документов.

Так, Международный Комитет Красного Креста предложил под международным уголовным правом понимать нормы международного права, вытекающие из договора или обычая, которые специально предназначены для урегулирования гуманитарных проблем, непосредственно связан-

9 См.: *Picter J.* The Principles of International Humanitarian Law. Geneva, 1966. P. 23.
10 *Блищенко И. П.* Обычное оружие и международное право. М., 1984. С. 75.

ных с вооруженными конфликтами международного или немеждународного характера, и которые ограничивают по гуманитарным соображениям право сторон, находящихся в вооруженном конфликте, применять методы и средства ведения войны по своему выбору, а также оказывают покровительство лицам и имуществу, затронутым или могущими быть затронутыми таким конфликтом.[11]

Нельзя не согласиться с тем, что международное гуманитарное право является совокупностью норм и принципов, применяемых в вооруженной борьбе и «в связи с такой борьбой»;[12] что оно призвано ограничить «бедствия войны путем определения недопустимых методов и средств ведения военных действий и защиты жертв войны».[13]

Вряд ли кто-то будет оспаривать то обстоятельство, что в начале нового тысячелетия значение международных гуманитарных норм и международного гуманитарного права в целом не только не утрачивает своего значения, но и, напротив, оказывается постоянно востребованным из-за возникновения в мире вооруженных конфликтов.

Итак, можно сформулировать следующие основные положения относительно понятия и задач международного гуманитарного права:

1. Задачами международного гуманитарного права являются защита участников вооруженных конфликтов, гражданских лиц и гражданских объектов, а также покровительствуемых лиц от запрещенного, неоправданного и неизбирательного посягательства противной стороны.
2. Принципами международного гуманитарного права являются принципы гуманного обращения, ограничения выбора средств и методов ведения военных действий, защиты гражданского населения и гражданских объектов.
3. Нормы международного гуманитарного права распространяются как на международные вооруженные конфликты (вооруженные столкновения между государствами), так и на вооруженные конфликты немеждународного характера (столкновения между правительственными силами и антиправительственными вооруженными формированиями).
4. Нормы международного гуманитарного права (в том числе и имеющие обычное происхождение) закреплены в международных договорах. Как уже неоднократно подчеркивалось, основными международными соглашениями в данной области являются Устав Международного Военного трибунала (Нюрнбергского), четыре Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и два Дополнительных протокола к ним от 8 июня 1977 года, а также Римский статут Международного уголовного суда. Среди основополагающих документов международного уголовного права необходимо также назвать Конвенцию о защите культурных ценностей в случае вооруженного кон-

11 См.: Международное гуманитарное право. М., 1993. С. 10.

12 *Пустогаров В. В.* Проблемы международного гуманитарного права // Государство и право. 1997. № 9. С. 73.

13 *Лукашук И. И.* Международное право. Особенная часть. М., 1997. С. 270.

фликта, Конвенцию о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду, Конвенцию о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, Конвенцию о запрещении противопехотных мин, Уставы Международных трибуналов ad hoc (по бывшей Югославии и Руанде).

С другой стороны, подавляющее большинство авторов утверждают, что именно международное гуманитарное право предусматривает уголовную ответственность за совершение военных преступлений. Таким образом, ответственность за военные преступления, согласно данной позиции, установлена нормами международного гуманитарного права.

Так, например, в западной доктрине весьма распространена позиция, согласно которой, «военные преступления» представляют собой нарушения права войны или международного гуманитарного права, за совершение которых конкретные лица несут уголовную ответственность.[14]

В новейших трудах отечественных ученых также обычно говорится о том, что «ответственность государств и отдельных лиц» за нарушение норм о применении средств и методов ведения вооруженной борьбы, защиты раненых, больных, военнопленных и гражданского населения, установлена в международном гуманитарном праве.[15]

Мы ни в коем случае не оспариваем того обстоятельства, что определение недопустимых средств и методов ведения вооруженной борьбы (военного конфликта), интересы защиты прав человека в ходе вооруженного конфликта установлены именно международным гуманитарным правом.

Однако нельзя не согласиться со следующим утверждением: однозначное признание того, что уголовная ответственность за нарушения данных норм также устанавливается в международном гуманитарном праве, смешивает предметы и задачи двух формирующихся отраслей международного права, а именно: международного гуманитарного и международного уголовного права.

Действительно, признание того, что международное гуманитарное право устанавливает именно преступность нарушений собственных положений, с неизбежностью приведет нас к выводу о том, что «гуманитарное» право, призванное защищать права и интересы сторон и жертв вооруженных конфликтов, само по себе *функционально предназначено* для юридического преследования нарушителей — причем не просто какого-нибудь, а именно уголовного.

Однако источники международного гуманитарного права (в общепринятом его понимании), устанавливая общие принципы и частные положения защиты воюющих сторон и гражданского населения, используют формулировки «лицо, признанное виновным в совершении уголовного правонарушения, связанного с вооруженным конфликтом» либо «серьезные нарушения этих документов (Женевских конвенций и дополнительных протоколов — *Р. А.*)

14 См.: *Ратнер С. Р.* Категории военных преступлений // Военные преступления. Это надо знать всем / Под ред. Ю. М. Колосова. М., 2001.

15 См., например: *Батырь В. А.* Международно-правовая регламентация применения средств ведения вооруженной борьбы в международных вооруженных конфликтах // Государство и право. 2001. № 10. С. 65.

рассматриваются как военные преступления» (например, ч. 4 ст. 75, ч. 5 ст. 85 I Дополнительного протокола). Более того, в ст. 8 Римского Статута военное преступление определяется как «серьезное» или «другое» нарушение Женевских конвенций, нарушения законов и обычаев, применимых в международных и немеждународных вооруженных конфликтах. При этом такие «нарушения» должны быть установлены в рамках «международного права».

Можно ли говорить о том, что под «международным правом» в данном документе имеется в виду именно международное гуманитарное право? Думается, что да — ведь именно последнее устанавливает общие принципы и частные правила защиты интересов лиц, участвующих в вооруженном конфликте, и гражданского населения. Но преступными и преследуемыми «в уголовном порядке» являются *нарушения* этих правил, сформулированные в этих же документах.

Следовательно, можно говорить о том, что один и тот же международно-правовой акт может выступать в качестве источника как международного гуманитарного, так и международного уголовного права. В последнем случае он будет таковым, если устанавливает именно преступность того или иного нарушения «закона или обычая» ведения военных действий.

Приведем пример. Если международный документ запрещает неизбирательное нападение на гражданский объект само по себе, как таковое, — в данном случае речь идет о гуманитарном правиле ведения вооруженного конфликта. Если же речь идет о нарушении данного правила — мы говорим о совершении «военного преступления».

Но «военное преступление» вряд ли можно расценить как категориальное понятие международного гуманитарного права. В пользу этого довода можно привести следующие соображения:

1. «Правило», «закон», «обычай» ведения вооруженного конфликта являются императивными установлениями относительно того, как воюющие стороны «должны себя вести» в ходе вооруженного конфликта. Таким образом, международное гуманитарное право устанавливает определенные правоохраняемые интересы, нарушения которых «запрещаются».
2. Посягательства на такие интересы могут быть самыми различными (соответственно, самым различным может быть вид ответственности правонарушителя): преступное же (по определению), посягательство влечет ответственность уголовную.
3. Основанием уголовной ответственности субъекта может быть наличие всех объективных и субъективных признаков состава преступления (как он определен в международном уголовном праве) во вполне конкретном «нарушении» предписаний международного гуманитарного права. Следовательно, положения международного гуманитарного права являются своего рода «отправной точкой» для признания того или иного посягательства преступным. Но само такое посягательство, расцениваемое как преступление, порождает правоотношение *уголовного характера*, являющееся, в свою очередь, предметом уже не международного гуманитарного, *а международного и (или) национального уголовного права*.

Вывод: нарушение норм международного гуманитарного права, расцениваемое как преступное, является *юридическим фактом* для международного и (или) национального уголовного права, в силу которого возникает уголовное по своей природе правоотношение, реализация которого разрешает именно уголовно-правовой, а не гуманитарный правовой конфликт.

Вышеприведенные рассуждения подтверждаются, в частности, первым из «Четырнадцати принципов эффективного осуществления всеобщей юрисдикции»,[16] устанавливающем, что государства в своем законодательстве «должны обеспечивать наделение национальной судебной системы всеобщей юрисдикцией и иными формами экстерриториальной юрисдикции в отношении серьезных нарушений прав человека и жестокого обращения, а также нарушений международного гуманитарного права». При этом, к нарушениям прав человека и преступлениям, в отношении которых суды отдельных государств могут осуществлять всеобщую юрисдикцию на основании международного права, относятся геноцид, преступления против человечества, *военные преступления (независимо от того, совершены ли они в ходе международного или немеждународного вооруженного конфликта)*, прочие преднамеренные и непреднамеренные убийства и захваты заложников, вне зависимости от того, совершены ли они лицами, состоящими или не состоящими на государственной службе, например, членами вооруженных политических формирований, а также внесудебные казни, «исчезновения» и пытки. Наконец, национальное законодательство должно также обеспечивать *в рамках уголовного права* судебное преследование таких лиц.

Но наиболее существенный аргумент в пользу такой позиции вытекает из I Принципа международного права, утвержденного Уставом Международного Военного трибунала (Нюрнбергского), согласно которому всякое лицо, совершившее какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, *преступлением*, «несет за него ответственность и подлежит наказанию».

И еще одно соображение. Представляется, что нет противоречия в том факте, что один и тот же международный акт может быть одновременно источником для международного гуманитарного и уголовного права. В силу сложившейся традиции, международный документ может, например, содержать в себе материально-правовые, процедурные, наконец, «судоустройственные» положения (взять, хотя бы, к примеру, Римский Статут Международного уголовного суда). И в этом отношении такой документ должен расцениваться в качестве источника для различных отраслей международного права.

Для того чтобы определиться с понятием «военное преступление» в международном уголовном праве, необходимо остановиться на вопросе о понимании самого международного уголовного права.

Наличие уголовно-правовых норм в международном праве не вызывает в настоящее время сколько-нибудь серьезных возражений. Об этом сви-

16 См. резолюцию «Международная амнистия» за всемирную подсудность преступлений против человечества, геноцида и военных преступлений.

детельствует большое количество самых разных международно-правовых документов, принятых с середины XX века.

Согласно наиболее распространенной точке зрения, их принятие, как правило, обуславливалось задачей межгосударственного сотрудничества в поддержании мирового порядка. В последний обычно включались и задачи борьбы с международной преступностью, а также предотвращения и наказания военных преступлений, совершаемых в ходе международных и внутригосударственных вооруженных конфликтов.

В отечественной и мировой теории понимание международного уголовного права преимущественно развивалось в ключе его определения как отрасли международного публичного права. При этом на настоящий момент существует несколько основных доктрин, определяющих сущность данной юридической отрасли.

Сторонники преобладающего направления российской теории международного права подчеркивали, что международное уголовное право — «находящаяся в стадии становления специфичная отрасль международного права».[17] Таким образом, международному уголовному праву фактически отказывалось в «праве» на самостоятельное существование. Например, по замечанию И. И. Карпеца, «дискуссионен вопрос не только о понятии международного уголовного права, но и том, необходима ли вообще такая отрасль права, имеет ли она право на существование».[18]

Однако в последнее время интерес к проблеме существования международного уголовного права существенно возрос. Тем не менее, в концептуальной своей основе подход к определению международного уголовного права как отрасли международного публичного права остался прежним.

Так, например, И. И. Лукашук и А. В. Наумов определили международное уголовное право как отрасль международного публичного права, принципы и нормы которой регулируют сотрудничество государств и международных организаций в борьбе с преступностью.[19]

В. П. Панов предложил под международным уголовным правом понимать систему принципов и норм, регулирующих сотрудничество государств в борьбе с преступлениями, предусмотренными международными договорами.[20]

Существует иная концепция, согласно которой, международное уголовное право — это комплексная отрасль, включающая в себя материальные и процессуальные нормы, которые, в свою очередь, могут относиться как к международному публичному, так и к международному частному, а также к национальному уголовному праву.[21]

17 См.: Курс международного права (в семи томах). Т. 6. / Под ред. Н. А. Ушакова. М., 1992. С. 192–194.

18 *Карпец И. И.* Преступления международного характера. М., 1979. С. 12; см. также: *Галенская Л. Н.* О понятии международного уголовного права // Советский ежегодник международного права. 1969. М., 1970. С. 247.

19 *Лукашук И. И., Наумов А. В.* Международное уголовное право. М., 1999. С. 9.

20 *Панов В. П.* Международное уголовное право. М., 1997. С. 15.

21 *Решетов Ю. А.* Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983. С. 63.

Надо отметить, что последний подход остается наиболее широко распространенным как в отечественной, так и в зарубежной литературе.

Практически на этих же позициях стоит ряд других авторов — общим для них является то, что при определении международного уголовного права, сохраняются тенденции к определению его несамостоятельности как правовой отрасли, либо идет речь о комплексных предметах правового регулирования и источниковой базы.

Так, А. Р. Каюмова определила международное уголовное право как систему международно-правовых принципов и норм, определяющих составы международных преступлений и преступлений международного характера, регулирующих деятельность органов международной юстиции, а также вопросы оказания межгосударственной помощи по уголовным делам.[22] С ней солидарен и Н. И. Костенко, говорящий о международном уголовном праве как о «комплексной, самостоятельной отрасли международного публичного права»: оно представляет собой систему общепризнанных международно-правовых принципов и норм, регулирующих сотрудничество между субъектами международного права по предупреждению и привлечению виновных лиц за совершение международных преступлений и преступлений международного характера, а также «оказанию судебной помощи, проведению расследования, уголовного преследования и судебного разбирательства, применению и исполнению меры наказания, обжалованию и пересмотру судебных решений, оказанию правовой помощи по уголовным делам...».[23]

В зарубежной теории также отмечается «комплексный» характер международного уголовного права — об этом свидетельствуют позиции таких авторитетных ученых, как Д. Бешаров (D. Besharov), Я. Динштейн (Y. Dinstein), М. Бассиони (M. Ch. Bassiouni).[24]

Отметим, что в трудах последнего времени прослеживается иная тенденция понимания международного уголовного права.

Так, Н. И. Костенко говорит о международном уголовном праве как о «самостоятельной» отрасли международного права, но имеющий вышеописанный комплексный характер.[25] А позднее этот же автор считает, что международное уголовное право является «совершенно новой отраслью международного права», обладающей характером «целостности и завершенности».[26]

По словам одного из авторитетных международников К. Киттичайзари (K. Kittichaisaree), «в сравнении с другими отраслями права, междуна-

22 *Каюмова А. Р.* Международное уголовное право (становление и современные тенденции развития). Автореферат дисс.... канд. юрид. наук. Казань, 1996. С. 7, 14–15.

23 *Костенко Н. И.* Развитие концепции международного уголовного права в отечественной литературе // Государство и право. 2001. № 12. С. 88.

24 *Besharov D. J.* Evolution and Enforcement of International Criminal Law // International Criminal Law. N. Y., 1986. Vol. 1. P. 59–60; *Dinstein Y.* International Criminal Law // Israel Law Review. Jerusalem, 1985. Vol. 20. № 2–3. P. 206–208; *Bassiouni M. Ch.* Characteristics of International Criminal Law Conventions // International Criminal Law. N. Y., 1986. Vol. 1. P. 1.

25 *Костенко Н. И.* Международный уголовный суд. М., 2002. С. 12.

26 *Костенко Н. И.* Теоретические проблемы становления и развития международной уголовной юстиции. Автореферат дисс.... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 7.

родное уголовное право медленно кристаллизуется в живую правовую систему...».[27]

Обоснован ли такой вывод? Думается, что да — и причина этого кроется в том, что международное уголовное право действительно приобретает собственные предмет и метод правового регулирования, все более последовательно определяются его основополагающие принципы и задачи.

Некоторые авторы говорят о тенденции «все более четкого разграничения норм материального уголовного права и норм процедурного характера». Особенно явно такая тенденция проявилась в предложенном Комиссией международного права ООН Проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1991 года,[28] а также в принятом Римском Статуте Международного Уголовного Суда, вступившим в силу 1 июля 2002. Названные документы впервые четко разграничивают нормы материального уголовного права и нормы процедурного характера. При этом, например, в Римском Статуте Международного уголовного суда, практически впервые речь идет именно о самостоятельности международного уголовного права как отрасли права.

Тенденция к «возрастанию самостоятельности» материального международного уголовного права носит принципиально важный характер — именно она позволяет говорить о том, что международное уголовное право приобретает характеристики самостоятельной отрасли права.

Надо отметить, что в теории положительно оценивается параллельное становление самостоятельного международного уголовного процесса («международного уголовного судопроизводства»).[29]

Тенденция к самостоятельности такой отрасли как международное уголовное право в собственном смысле этого слова — то есть правовой отрасли материального характера — позволяет более четко разграничить предмет и метод правового регулирования между международно-правовыми установлениями материального, процессуального и судоустройственного характера.

Нельзя не согласиться с Е. Т. Усенко в том, что «каждой материальной отрасли национального права, как известно, соответствует процессуальное право, в принципе обособленное, а в науке международного права почему-то считается допустимым смешивать все воедино... Смешение в международном праве материальных и процессуальных норм порождает немалые затруднения».[30]

Представляется, что цитированная мысль весьма подходит к идее разъединения в международном праве материальных и процессуальных начал.

27 *Kittichaisaree K.* International Criminal Law. Oxford, 2001. P. 4.

28 Российская юстиция. 1995. № 12. С. 51–54.

29 См.: *Костенко Н. И.* Судопроизводство Международного уголовного суда — основа международного уголовного процесса // Государство и право. 2001. № 2. С. 64–70; *Лобанов С. А.* Международно-правовые аспекты уголовного судопроизводства по делам о военных преступлениях // Государство и право. 1998. № 5. С. 76–84.

30 *Усенко Е. Т.* Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция // Московский журнал международного права. 1995. № 2. С. 25.

Об этом говорит и сама тенденция развития международного уголовного права, отмеченная отечественными и зарубежными авторами. Результатом такой эволюции видится окончательное оформление международного уголовного права в самостоятельную правовую отрасль.[31] Причем наряду с данной отраслью в качестве самостоятельной будет выступать международный уголовный процесс.

Ключевой мыслью данной теории является признание того, что юридическим фактом, порождающим к жизни международное уголовное правоотношение является *совершение лицом деяния, преступность которого определена в международно-правовом источнике.* Именно преступность деяния по международному уголовному праву является «отправной точкой» в понимании самого международного уголовного права как самостоятельной отрасли.

«Международное преступление — это такой акт поведения, который универсально признается преступным, но в отношении которого... в силу ряда причин... невозможна исключительная юрисдикция государства, позволяющая осуществлять контроль (над такими актами поведения — *Р. А.*) при обычных обстоятельствах».[32]

Таким образом, международное уголовное право, устанавливая преступность деяний, над которыми невозможна юрисдикция какого-либо единственного государства, «характеризуется тем, что сохраняет международный правопорядок в целом с помощью специфических уголовно-правовых методов и средств». При этом международное уголовное право призвано бороться с преступностью в области международного морского права, международного воздушного права, дипломатического права, международного экономического и финансового права и т. д.[33] Отметим — и в области международного гуманитарного права, разумеется, тоже.

Говоря другими словами, современное международное уголовное право регулирует целый участок однородных отношений и интересов, и у международного уголовного права все в большей мере оформляется специфический режим юридического регулирования.

В круг таковых отношений и интересов, безусловно, входят и интересы защиты человечества от «военных преступлений».

При этом, конечно, международное уголовное право по своему определению является составной частью системы международного права в целом. В этом суждении нет кардинального противоречия: ведь система международного права в целом как раз представляет собой совокупность различных отраслей международного права.

31 В тоже время выдвигаются и несколько иные точки зрения относительно перспектив развития международного уголовного права: «Тенденции развития международного уголовного права таковы, что в результате сближения, взаимопроникновения международной и внутригосударственной (национальной) систем права, международное уголовное право все более движется к оформлению в качестве самостоятельной синтезированной отрасли права, находящейся на стыке этих двух систем». См.: *Цепелев В. Ф.* Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. М., 2001. С. 72.

32 *Kittichaisaree K.* International Criminal Law. Oxford, 2001. P. 3.

33 Международное уголовное право / Под общ. ред. В. Н. Кудрявцева. 2-е изд. М., 1999. С. 13.

Задачей международного уголовного права в целом является охрана международного правопорядка от преступных посягательств. Разумеется, сама по себе категория «международный правопорядок» чрезвычайно обширна и является результатом взаимного интегрирования различных категорий правопорядка, обеспечиваемого международным правом.

В международном уголовном праве определена преступность самых различных по своим проявлениям деяний. Мы разделяем позицию о том, что объективный юридический критерий определения преступности деяния по международному уголовному праву заключается в том, что самые разные деяния так или иначе посягают на интересы поддержания мирового правопорядка — при этом каждое из преступлений причиняет вред (создает угрозу причинения вреда) какой-либо составной части мирового правопорядка. Именно это качество любого преступления по международному уголовному праву определяет его юридическую природу.[34]

При этом следует иметь в виду, что интересы обеспечения мирового правопорядка в целом и его составляющих частей в конечном итоге касаются интересов всех людей независимо от места их проживания, демографических и прочих характеристик.

Мировой правопорядок — очень емкое и комплексное понятие. Попытаемся определиться с пониманием того, какие преступления объединены понятием «военные преступления», исходя из задач международного уголовного права, его источниковой базы.

Зарубежные авторы обычно выделяют три вида «военных преступлений», уголовно наказуемых в качестве нарушений международного гуманитарного права.

Согласно наиболее распространенной позиции, нормы о серьезных нарушениях применимы лишь к международным конфликтам и только к действиям, совершенным против так называемых покровительствуемых лиц или в ходе боевых операций. Покровительствуемые лица — это раненые или больные комбатанты, сражающиеся на суше и на море, военнопленные и гражданские лица, оказавшиеся во власти государства, чьими гражданами они не являются.

Большинство нарушений Женевских Конвенций и Дополнительных протоколов не отнесены к числу серьезных. Но и среди тех нарушений, которые не помещены в списки серьезных, многие рассматриваются как военные преступления. Однако в этом случае на государство не ложится такое же обязательство выдавать или преследовать виновных, какое лежит на нем в ситуации с преступлениями, перечисленными выше.

Другие нарушения, не отнесенные к числу серьезных, представляют собой не военные преступления, а лишь *противоправные деяния*, за которые по международному праву ответственность несет лишь допустившее их государство. Простой пример: если начальник лагеря военнопленных не ведет учет дисциплинарных наказаний (что составляет нарушение статьи 96 Третьей

34 Там же. С. 34–38.

Женевской Конвенции), он, скорее всего, не совершает военного преступления (хотя кое-кто может с этим и не согласиться).

Разграничения между различными нарушениями, отнесение их или неотнесение к числу серьезных, не абсолютны.[35]

Но даже если какие-то жестокости, совершаемые в ходе войны, и не подпадают под запреты Женевских Конвенций или Дополнительного протокола I, они тем не менее могут составлять военное преступление в рамках обычного права: такое преступление определяется как «нарушение законов и обычаев войны» (именно эта формулировка фигурировала на Нюрнбергском процессе).

Применительно к межгосударственным конфликтам государства согласились, что к таким преступлениям относятся определенные нарушения Гаагской Конвенции и Положений о законах и обычаях войны от 1907 года, такие, как использование отравляющих веществ, бессмысленное разрушение городов, не вызываемое военной необходимостью, нападения на необороняемые местности, нападения на религиозные и культурные учреждения, разграбление общественной и личной собственности.

Римский Статут Международного Уголовного Суда упоминает среди военных преступлений в международных конфликтах не только серьезные нарушения Женевских Конвенций, но и 26 серьезных нарушений законов и обычаев войны, большинство из которых государства рассматривают в качестве преступлений еще со времен Второй мировой войны.

Что касается вооруженных конфликтов немеждународного характера («гражданских войн»), то многие считают, что такие конфликты относятся исключительно к их внутренней юрисдикции, и, соответственно, список военных преступлений здесь куда короче.

Дополнительный протокол II, чьи положения в основном и регулируют действия сторон в ходе такого рода конфликтов, не содержит никаких норм, определяющих ответственность, а сложившееся в обычном международном праве определение военных преступлений здесь оказывается далеко не таким ясным, как в случаях международных конфликтов.

Статут Международного уголовного трибунала для бывшей Югославии включает «серьезные нарушения общей статьи 3 Женевских Конвенций» (единственная статья Женевских Конвенций, относящаяся к гражданским войнам), равно как и другие нормы, направленные на защиту жертв вооруженных конфликтов, и основные нормы, касающиеся методов ведения войны.

Серьезное нарушение трибунал определяет как такое нарушение, которое имеет тяжкие последствия для его жертв и нарушает нормы, защищающие важные ценности.

Это должно включать действия, направленные против жизни и здоровья (убийство, жестокое обращение, пытки, увечья, телесные наказания,

35 Цит. по: *Ратнер С. Р.* Категории военных преступлений // Военные преступления. Это надо знать всем / Под ред. Ю. М. Колосова. М., 2001.

изнасилование, принуждение к проституции, непристойные притязания), суммарные казни, взятие заложников, коллективные наказания и грабежи. Этот список, хоть он и короче списка «серьезных» нарушений (Женевских конвенций и Протокола I) и других военных преступлений в международных конфликтах, тем не менее охватывал бы самые ужасающие акты, совершавшиеся в ходе недавних конфликтов.[36]

Статут Международного уголовного трибунала для Руанды включает в качестве военных преступлений серьезные нарушения общей статьи 3 и серьезные нарушения Дополнительного протокола II.

Статут Международного Уголовного Суда перечисляет в качестве военных преступлений в конфликтах немеждународного характера четыре серьезных нарушения общей статьи 3 (посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, посягательство на человеческое достоинство, взятие заложников и суммарные казни) и двенадцать серьезных нарушений законов и обычаев войны (таких, как нападения на гражданских лиц, грабеж, изнасилования, причинение увечий).

Следует подчеркнуть (хотя, может быть, это и так очевидно), что законы войны распространяются только на жестокости, совершаемые в ходе вооруженного конфликта.

С точки зрения А. Нейера, военные преступления, совершенные во время международных и внутренних вооруженных конфликтов, подпадают под Женевскую конвенцию: «Хотя между ними и есть некоторые различия, но военные преступления, совершенные во внутреннем вооруженном конфликте, остаются военными преступлениями».[37]

Внутренний вооруженный конфликт определяется как конфликт между повстанческими группами, сражающимися против правительства в случае, если они осуществляют контроль над территорией и населением и могут вести военные действия.

Военные преступления подпадают под международное право. Однако после Второй Мировой Войны существуют только два международных трибунала, по Югославии и по Руанде, которые смогли начать процессы против военных преступников. А. Нейер далее особо подчеркивает: в Римском Статуте определено, что преступления, совершенные до учреждения Суда, под его юрисдикцию не подпадают, но Женевская конвенция предполагает, что военные преступления, совершенные в стране, которая ее подписала, должны преследоваться в соответствии с международным уголовным правом.

На основе приведенных рассуждений в новейшей литературе был сделан вывод о том, что юридическая природа «военного преступления» представляется «изначально дуалистичной»: с одной стороны, к таковым (в соответствии с источниками) относятся преступные нарушения правил ведения собственно военных действий (вооруженных конфликтов), направленные против интересов лиц, принимающих непосредственное участие в таком

36 Там же.

37 *Neier A.* War Crimes: Brutality, Genocide, Terror and the Struggle for Justice. L., 1998. P. 233–234.

конфликте; а с другой — преступные нарушения норм международного гуманитарного права, призванного защищать права и интересы лиц, не принимающих непосредственного участия в вооруженном конфликте.[38]

Справедливо ли такое утверждение? В общих чертах, бесспорно — да. Однако, хотелось бы остановиться на некоторых моментах в понимании военного преступления.

Нельзя оспаривать, что военное преступление есть, по существу, нарушение норм международного гуманитарного права, ставящего своей целью защиту прав и интересов как участников вооруженного конфликта, так и гражданского населения. Однако, сводить определение военного преступления как преступного нарушения только лишь к нарушениям международного гуманитарного права не совсем верно.

В теории международного права общепризнанно, что приоритет должны иметь «основные принципы» высшей юридической, политической и моральной силы на основании того, что они закрепляют основы современной системы международных отношений и международного права, являясь наиболее «обобщенными нормами».[39]

Принципы-нормы международного права являются обязательными нормами, отклонение от которых недопустимо — это нормы jus cogens[40] (т. е. императивные нормы общего международного права). Соответственно, все остальные нормы международного права (в т. ч. международного гуманитарного, международного уголовного) должны соответствовать таким принципам-нормам.

Принцип «высшей силы» должен иметь правоприменительное значение, а не быть лишь «благим пожеланием», а его несоблюдение должно влечь самые неблагоприятные последствия для нарушителя. С другой стороны, принцип «jus cogens» должен иметь нормативное оформление. Так, германская доктрина международного права нередко указывает на то, что принципы в целом являются «только абстракциями (abstractions only), вытекающими из норм международного права, поскольку они сами по себе не обязательны, если не были включены в международное право».[41] Еще более жесткую позицию занимают английские авторы, считающие, что не отраженный в норме принцип права «в действительности никого не обязывает и ни для кого не создает прав».[42]

Такую же позицию, по сути дела, занимает Декларация о принципах международного права 1970 года, призывая все государства в своей деятельности всего лишь «руководствоваться этими принципами».[43]

38 *Берко А. В.* Уголовная ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны. Дисс.... канд. юрид. наук. 2002. С. 34–36.

39 См., например: Курс международного права в семи томах. Т. 2. / Отв. ред. И. И. Лукашук. М., 1989. С. 6–9.

40 См., например, Международное право / Отв. ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. М., 1995. С. 20–21.

41 Schwarzenberger G. A manual of international law. London, 1960. Vol. 1. P. 25.

42 Kelsen H. General theory of law and state. Cambridge, 1945. P. 6–7.

43 Международное право в документах. М., 1982. С. 11–12.

А ст. X Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года требует, чтобы государства при осуществлении своих суверенных прав, включая право устанавливать свои законы, сообразовывались «со своими юридическими обязательствами по международному праву».[44] Причем такие обязательства всегда имеют нормативное оформление.

Следовательно, основополагающие документы международного права предполагают юридическое закрепление принципов в правовых нормах как международного, так и внутригосударственного характера. При этом сам «основополагающий принцип» становится нормой, предписанным правилом поведения, неисполнение или нарушение которого влечет то или иное неблагоприятное последствие.

Именно это значение имеют принципы «jus cogens» при определении преступности деяния по международному праву, в том числе и «военного преступления».

С другой стороны, с точки зрения наступления ответственности по международному уголовному праву, граница между «нормой международного права» и «принципом международного права» стирается, а принцип международного права для признания его источником уголовного права должен иметь нормативное оформление.

К принципам jus cogens, имеющим непосредственное значение при определении военного преступления по международному уголовному праву, относятся:

- Принцип всеобщего уважения прав и свобод человека;
- Принцип равноправия народов и права народов распоряжаться своей судьбой;
- Принципы мирного сосуществования и суверенного равенства государств и связанный с ними принцип неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях;
- Принцип нерушимости государственных границ и территориальной целостности государств;
- Принцип сотрудничества государств.

По приведенным выше соображениям мы полагаем, что определение военного преступления сводится не только к преступному нарушению международного гуманитарного права, но и к нарушению в ходе вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера основополагающих принципов международного права (принципов jus cogens) — при этом преступность таких нарушений также определена в нормах международного уголовного права.

Данное утверждение прямо подтверждается документами международного права. Так, например, в качестве применимого права Римский Статут называет «принципы и нормы международного права, включая общепризнанные принципы международного права вооруженных конфликтов» (п. «b» ч. 1 ст. 21).

44 Ведомости Верховного Совета СССР. 1975. № 33. Приложение.

Более того, ряд деяний, признаваемых военными преступлениями, является таковыми не в силу нарушений международного гуманитарного права, а в силу нарушения основополагающих принципов международного права. Так, например, обстоит дело с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников. В преамбуле Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников[45] от 4 декабря 1989 года, преступность данных деяний как военных преступлений обусловлена тем, что наемники вербуются, используются, финансируются и обучаются «для деятельности, нарушающей такие принципы международного права, как суверенное равенство, политическая независимость, территориальная целостность государств и самоопределение народов».

Таким образом, международному праву известны случаи прямого признания военными преступлениями деяний, нарушающих общепризнанные нормы международного права вне зависимости от прямого признания их таковыми в международном гуманитарном праве (действительно, в I Дополнительном протоколе, определяющем значение термина «наемник», указывается, что последний не имеет защиты, т. к. не признается ни комбатантом, ни военнопленным).

Исходя из положений действующего международного права все преступления, определенные в международном уголовном праве как «военные», объединены следующими юридическими критериями:

1. Данные преступления посягают на установленный в основополагающих принципах международного права и международном гуманитарном праве порядок ведения вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера. Данный регламентированный порядок ведения военных действий в вооруженных конфликтах является составной частью интересов обеспечения мира и безопасности всего человечества.

2. Соответственно перечень военных преступлений установлен в документах международного уголовного права. В связи с этим преступное нарушение общепризнанных принципов международного права и международного гуманитарного права, совершенное в ходе вооруженного конфликта международного или немеждународного характера, является «военным преступлением» в качестве юридического факта, порождающего материальное правоотношение в международном уголовном праве.

Все вышесказанное позволяет определить *военное преступление по международному праву как деяние, состоящее в нарушении установленных основополагающими принципами международного права и международным гуманитарным правом правил ведения вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера, преступность которого определена в акте международного уголовного права.*

Предложенное определение военного преступления по международному уголовному праву поддержали более 80 % наших респондентов — специалистов в области международного и уголовного права.

45 Резолюция 44/34 Генеральной Ассамблеи ООН.

Исходя из положений действующего международного права и, в первую очередь — ст. 8 Римского Статута, можно выделить следующие виды военных преступлений в международном уголовном праве:

а) серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 года, совершаемые в ходе международных вооруженных конфликтов;

б) другие серьезные нарушения правил ведения международных вооруженных конфликтов;

в) серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 года, совершаемые в ходе немеждународных вооруженных конфликтов;

г) другие серьезные нарушения правил ведения немеждународных вооруженных конфликтов.

Евгений САБУРОВ

ТЕЧЕНИЯ

Давно замечено и стало уже чем-то вроде общего места утверждение, что все новое в искусстве сначала рождается в поэзии. Не приходилось встречать опровержение этого факта. Что касается внятных объяснений почему же это так, то мне кажется, что самое старое и простое объяснение является и самым верным. Поэзия чрезвычайно мобильна по сравнению с любым другим искусством из-за скудности требуемого ресурсного обеспечения. Действительно, кроме карандаша и бумаги поэту ничего не нужно. Уже с прозой дело обстоит сложнее. Гуляя по паркам и садам, не то что роман, и рассказ не напишешь. Музыканты и живописцы требуют уже значительно большего. И, наконец, наиболее медлительным тяжеловесом выступает архитектура.

Не менее привычно слышать и читать о том, что пересмотр мировоззрений, появление новых объектов внимания, подходов к их рассмотрению, все то, что теперь модно называть сменой парадигм, сначала появляется в результате пристального зрения (интуиции) и лишь потом подвергается схематизации и объективации, то есть передается из ведения искусства в ведение науки. Не пытаясь здесь привести всю аргументацию специалистов в области теории познания или же истории общественного развития, процитирую О. Мандельштама, обратившего, по-моему, внимание на чрезвычайно интересный аспект этого феномена:

Быть может, прежде губ уже родился шепот
И в бездревесности кружилися листы,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.

Во всяком случае, несомненно, было бы плодотворно проанализировать те послания (messages), которые приносила поэзия. Для этого следует остановиться на том, что опровергали и что декларировали поэты, что общество выделяло из этих посланий, воспринимало и реализовывало. Путь от поэзии до ее политических и технологических последствий, естественно, достаточно долог. По нашим наблюдениям он занимает порядка ста лет. Тем не менее он достаточно ясен. Наиболее яркими вехами на этом пути служат восприятия поэтов-первооткрывателей поэтами-популяризаторами, затем

прозаиками, затем журналистами и тружениками шоу-бизнеса разного рода, включая сюда А. Дюма-отца, Максима Горького и Аллу Пугачеву. Ужасно интересно, когда уже в раздолбанную повозку нового мировоззрения впрягаются философствующие публицисты, представленные в истории такими яркими фигурами как Ницше или К. Маркс и такими блеклыми как, например, Ф. Фукуяма.

Мне кажется, что исследование этого механизма и его ключевых фигур очень полезно. Мне кажется, что само превращение элитных выдумок в массовое сознание заслуживает внимания. Кроме того, мне кажется, что и само понятие интуиции нельзя оставлять в бергсоновских временах. Что если это не просто пристальное зрение, а сотворчество, как утверждал Н. Бердяев или «игра детей с Отцом», как более скромно замечал О. Мандельштам? Однако ни один из этих вопросов не будет рассматриваться нами дальше. Мы будем исходить из очевидного и говорить только об очевидном. Мы не затрагиваем «лохматые» века, о которых имеем весьма приблизительное представление. Мы поневоле вынуждены оттолкнуться от «научного» мировоззрения XVIII века, столь артистично и убедительно обхаянного Ф. А. фон Хайеком, но сосредоточимся на XIX, XX и в какой-то степени XXI веке.

РОМАНТИЗМ

На рубеже XVIII и XIX веков на смену научной поэзии пришел романтизм. Научная поэзия доживала свой век в прозе де Сада, в философии энциклопедистов и готовилась овладеть массами. Сознание обывателя уже вполне подготовилось к наслаждению классификациями, к разумности и рациональности. Пламенные строки Адама Смита и фантастические измышления Давида Рикардо сводили гедонистический утилитаризм Иеремии Бентама в новую науку — экономику. Уже родился Мендель и на горизонте замаячили стычки между дарвинистами и его сторонниками. Вовсю трудился Эйлер, разворачивая изыски созерцания в еще одну новую науку — математику. Как всегда запаздывающая Россия в одном человеке — Ломоносове — соединила и научную поэзию и ее порождение — саму науку.

А тем временем поэзия, потеряв интерес к познанию, вдосталь нахлебавшись наслаждением рацио, переметнулась от проблем червей и звезд к проблемам человеческого общества. Оставив людям свое дитя, науку, на забаву на целый XIX век, поэзия как всегда побежала впереди прогресса и на этот раз, увлеклась обществом и общественным сознанием.

Романтизм, как всегда это бывает в поэзии, выступил с опровержением и предложением. Что романтизм опровергал в научной поэзии? Прежде всего классификацию. Он опровергал жанровые барьеры. Он опровергал ранжированье художеств. Он опровергал разумность и упорядоченность. Он опровергал саму идею общественного договора, которую так рьяно пропагандировали эпигоны научной поэзии Локк, Гобсон и Ж.-Ж. Руссо. Романтизму претил скучный разврат де Сада и Шодерло де Лакло и протест против этого разврата примыкающих к нему моралистов. Романтизм протесто-

вал против необратимости времени, этого краеугольного камня научного мировоззрения.

Что же предложил романтизм? Он предложил три ошеломляющие идеи. Во-первых, это идея о несущественности времени. Во-вторых, о невозможности общественного договора, т. е. постоянном восстании униженных и оскорбленных. В-третьих, о национальном сознании.

Рим существует здесь и сейчас — утверждал романтизм. Руины и греческие урны громоздились в стихах Шелли и Китса. Человек всегда одинаков. Романтик настаивал, что человек, живший за пару тысячелетий до него, жил и чувствовал как он. Бренность всего земного занимала романтика постольку, поскольку она была равна его личной смерти — ведь именно он был Озимандией или Кубла Ханом. Рациональность готического романа с его относительной нравственностью претила романтикам — нравственность могла быть одна, сиюминутно христианская. Или антихристианская. Однако, ни в коем случае не ахристианская. Анти — это взамен. Романтики дрались за христианскую нравственность, так или иначе, борясь с клириками или кидаясь им в объятья. Во всяком случае, поскольку времени не существовало, то никакой другой нравственности, кроме правильной, быть не могло.

В отличие от моралистов романтики не теоретизировали насчет нравственности. Они призывали бедняков рушить машины и вообще противостоять прогрессу, порожденному поклонниками научной поэзии. Бедные люди стали особой заботой романтиков. Их предложение заключалось во внимании к неуспешным и убогим. Ради этого романтики предлагали расправляться с богатыми. Романтики культивировали бедность и непризнанность, как атрибуты гениальности. Кстати сказать, и само понятие гениальности из их изобретений.

Выдуманные романтиками национальности были наиболее плодотворной идеей. В стремлении романтика доказать, что времени не существует, национальная идея, идея существования в каждом из нас многочисленных пластов национальной традиции была очень впечатляющей. Культ этноса, культ крови весьма мало соотносился с идеей Кирилла и Мефодия о равноценности языков. Романтиков это не интересовало. Они были готовы к доктрине примата одной крови над другой.

ВТОРАЯ ФАЗА И ПОСТРОМАНТИЗМ

XIX век — был веком науки. Пиетет к науке дошел до масс и вдохновлял их все это время. Веком романтизма предстояло стать XX веку. Читать Китса и Шелли весьма трудно. Это неподъемно для среднего класса. Пропаганда романтизма осуществлялась вторым эшелоном атаки — Байроном и его последователями в национальных поэзиях. Пушкин мог сколько угодно насмешничать над Ленским. Его пародия на романтизм воспринималась не как пародия, а как апология. Тик, Новалис и фон Бретано победоносно шествовали по Германии и заставляли русских растерянно и ожесточен-

но шарить по базарам в поисках какого-нибудь «Слова о полку Игореви». Не без успеха.

В то время, когда средний класс жил пережевыванием остатков научного мировоззрения, люди прогресса увлекались руинами, национальным самосознанием и любовью к бедным. На теле мира вскочили Достоевский, Толстой, братья Гонкуры, Золя и Диккенс. Романтизм вступил во вторую фазу развития — Бодлер и Тютчев подсунули его равнодушным до того народам.

Смена опереточного романтизма Виктора Гюго на бодлеровский вопль заводила французских интеллектуалов. Так же в России непрочитанный Тютчев через Фета назначил Толстого и Достоевского властителями дум. Боже, какие глупые и надутые люди кинулись в романтизм после появления русско-французского психологического романа! Это уже был не Флобер.

Наступило время месива. Месиво — постромантизм. Постромантизм царил в обществе. Д`Артаньян и прочие Данилевские разгулялись на славу. В России свою бездарную пьесу доигрывал Максим Горький, переименовавшийся из неромантического Пешкова.

В сущности, глубинные открытия второй фазы романтизма и маскультура постромантизма плохо различались читающей публикой. Различие угадывалось в степени понятности, но не в степени значительности. Бодлер и Тютчев были непонятными, их значительность молчаливо признавалась, но на майдане не ценилась. Зато Дюма, Гончаров и Чарская читались взапой.

По утверждению Честертона Диккенс сломался после «Пиквикского клуба» и пошел на уступки требованиям постромантизма. Похоже на правду. Мы, русские, то же можем сказать о «Воскресении» Л. Толстого и позднем Достоевском. Публика требовала, чтобы продукт был упакован согласно ее вкусам. В чем тут дело?

Первоначально романтизм выступил как революционное мировоззрение, противостоящее вкусам общества. Он взбудоражил людей, обострил их восприятие, заставил обратить внимание на вещи, до того незамечаемые. В чем-то романтизм польстил широким массам. Элитарный по исполнению, он оказался весьма популистским по замыслу. Во всех своих трех основных постулатах.

Почтеннейшая публика с удовольствием согласилась с тем, что именно она мыслит всевременно и всемирно. Простой человек понял, что он и Александр Македонский одно и то же, что он и никто другой венец творенья. Простой человек с энтузиазмом согласился, что его неуспешность — следствие злонамеренных козней богатеев. Простой человек обалдел от счастья, когда понял, что принадлежит мощному клану соотечественников, которые только в силу родства по крови согласны сражаться в связке с ним.

XIX век затянулся. Век фейерверка научных идей, век, когда мысль вызывала почти эротический восторг, век, когда глупость и рассеянность ученого вызывала уважение, ты никогда не повторишься, чудесный век! Но ты был веком зарождения национального и социального, веком начала и озверения рабочего движения, веком анализа народных сказок и создания опер Вагнера.

МОДЕРНИЗМ

Постромантизм правил бал в массовой культуре практически весь XX век. Речь идет не только о литературе, но и о политике. Такие явления как социалистическая революция и нацистская афера безусловно питались постромантизмом. Он был их агар-агаром. Впрочем, постромантизм и прославлял социальные катаклизмы, и противостоял им. Выходя за рамки романтического мировоззрения, к тому времени выродившегося в приемы и манеру письма, постромантизм выдавал на гора то «Тихий Дон», то «Доктора Живаго», то «Разгром», а то и «Мастера и Маргариту».

Но в литературе уже давно произошла смена вех. На сцене появился модернизм. Термин особого смысла на себе не несет так же, как это было и с термином «романтизм». Поэзия модернизма выступила со своим опровержением и со своим предложением.

Модернисты отрицали «правильный взгляд». Они вовсе не считали свою эпоху концом истории. Модернисты отрицали равнозначность речи, языка и высказывания. Модернисты отказывались считать культуру единым зданием. Они не стремились защищать или опровергать религиозные ценности. Равно как и социальные. Равно как и национальные. Сама романтическая идея разумного планирования отрицалась модернистами, а потому они сторонились психологизма своих предшественников.

Предложение модернистов не было возвращением к доромантическим временам, но какие-то едва уловимые соприкосновения с ними были. Первым предложением был язык. Язык формировался произведением. Не язык существовал для высказывания, но высказывания нужны были для создания структур. Отвергнув идею романтического призыва к действию, модернисты предложили читателю обособленный и самодостаточный текст, конечно же, прочитываемый в контексте. Контекст был связан со временем. Времен было много, и каждое имело свой контекст. Впрочем, это не было таким уж явным возвратом к классификациям. Скорее это было признанием существования и права на существование «другого».

Модернисты предложили другое понимание разумности и стихийности. Чем-то это напоминало «невидимую руку» научной поэзии времен Просвещения. Но теперь «невидимая рука» не с небес протягивалась. Не судьба и научные законы, не разумная деятельность человека созидали порядок — порядок созидался доброжелательным взаимодействием с «другим».

Предлагая обособленность и самодостаточность произведений, модернисты отделяли себя от читателя. Они демонстрировали замкнутость, приглашая понимать ее, но не разрушать стену.

Совершенно особым было предложение модернистов в области психологии. Восприятие читателя было удивлено тем, что они вроде бы ее отрицали. На самом деле модернисты утверждали, что человек не только не контролирует себя, но и в отличие от Свидригайлова не понимает себя. Однако, это непонимание не связано с невежеством. Просвещение бесполезно.

Модернизм предлагал отказ от героя. Просвещение имело своего героя. Это был Человек. Именно так, с большой буквы. Он вступал во владение осознанным, понятным миром. Романтизм провозгласил культ героя. Действующий, преобразующий мир герой вызывал восхищение. Поступок порождал конфликт — поступок диктовал правильное восприятие. Раскольников убил старушку — Раскольников покаялся. Модернистский персонаж не становился героем, за ним не стояло никакого мифа.

Акакий Акакиевич Башмачкин — безусловный романтический герой. Такими же героями являются и персонажи Чехова. За каждым из них стоит миф, вот уже более столетия вдохновляющий читателей, иллюстраторов и актеров. Ни старший, ни младший Аблеуховы героями не являются. Стивен Дедалус и Марсель — не герои. Ничего не происходит. Это не «маленькие люди» романтиков. Это просто персонажи. Лица. Люди. Модернизм предложил новую трагичность. Не трагичность Гюго, а трагичность Кафки.

ВТОРАЯ ФАЗА МОДЕРНИЗМА И ПОСТМОДЕРНИЗМА

Через Малькольма Каули, Айрис Мердок и других, имя которым легион, Джойс пришел к читателю. И в Италии был свой Итало Звево. Россия читала Платонова, Вагинова и Добычина. Все это писатели очень разного уровня. Важно другое, модернизм оказался не менее, если не более мощным течением человеческой мысли и чувства, чем романтизм. Модернизм вторгся в экономику теорией социальных взаимодействий и институционализмом. Именно его идеи перевернули социологию. Романтические приблизительности Маркса ушли из истории. Р. Якобсон, Р. Барт и Ю. Кристева открыли структуральную гуманитаристику.

О. Мандельштам, В. Хлебников, П. Валери, У. Б. Йейтс, Т. С. Элиот стали властителями человеческой мысли. Но не так, как это было с романтиками. Они никого никуда не звали, никого никуда не вели.

Вторая фаза модернизма в отличие от второй фазы романтизма не углубляла идей течения и не возвышала его до религии или антирелигии. На примере России можно увидеть, что модернистские романы второй фазы «Школа для дураков», «Москва — Петушки», «Непьющий русский», «Это я, Эдичка» как будто вернулись к романтической технологии героя, но героем провозгласили персонаж абсолютно противоположный романтическим представлениям о герое. Судя по всему, то же самое произошло и в других литературах.

Появление антигероев развязало руки массовой культуре. Уже давно хэмингуэи, фолкнеры и прочие ходили вокруг модернизма, пытаясь освоить его не как течение, но как сумму привлекательных приемов. Однако, модернизм оказался более крепким орешком, чем романтизм. Модернистские «Три мушкетера» никак не получались. А вот открытие того, что супермен может быть дураком, неудачником и уродом любого типа, было безумно удачной находкой.

Теперь мог появиться и появился постмодернизм. Существование антигероя в примитивных случаях давало автору массовый культуры шампур

для нанизывания сюжетов, в более сложных — рамку для калейдоскопов. Если постромантизм опошлил, но не отверг, а использовал основные постулаты романтизма — правильный взгляд героя вне времен, социальный и национальный подвиги, то постмодернизм действовал по той же схеме. Сосуществование и относительность истин, непонятность как добродетель, порядок как дитя случайности — вот, что понес постмодернизм в массы.

Почему постмодернизм самим своим названием признался в том, что он является лишь эпигоном модернизма, его низшим сортом? Ведь, например, постромантизм никогда себя так не называл. Выдумывались странные названия — натуральная школа, реализм — лишь бы не быть уличенным в низкосортности. А тут прямо и открыто заявляется: — мы постмодернисты.

Мое объяснение этого странного явления, не имеющего аналогов в истории культуры, следующее. Модернизм долгое время раздражал работников массовой культуры недоступностью и заманчивостью. Придумать новое название было сложно из-за падения уровня литературной критики, увлекшейся самолюбованием. Да и бренд терять не хотелось. Поэтому термин постмодернизм решили употреблять не как оскорбление, а как утверждение, что это модернизм, но модернизм, преодолевший сам себя. Честно говоря, пипл схавал. Но что тут пипл презирать — было что хавать. Улицкая это вам не Вербицкая! Американский кинематограф, Пелевин, Сорокин, Маринина, Толкиен — товары на любой вкус.

Политическая реальность, спровоцированная модернизмом, вполне съедобна. Толерантность, политкорректность, объединенная Европа, распространение принципов англосаксонского игрового правосудия и экономики свободной конкуренции — это симпатично.

Модернистский проект заявил о себе именно как проект и стал претендовать на глобальность. В каком-то смысле это не совсем то, что имели в виду отцы-основатели модернистской поэзии. Конечно, Буш ближе к Мандельштаму, чем Гитлер к Шелли, но все-таки дистанция уж больно велика.

ПОЭЗИЯ НАМЕРЕНИЙ

Концептуализм родился как разорванность и небрежность. Концептуалисты видели все, умели все, ценили все и готовы были наслаждаться всем. Казалось бы, это должно было вести к пресыщенности и усталости, но пафос концептуализма противоположен. Он демонстрировал энтузиазм чуть ли не под стать романтикам.

Модернисты буйствовали в вялом и перезревшем месиве постромантических продуктов. Концептуалисты старались соскрести с себя гниль постмодернизма. XX век был очень коротким. Он начался в 1914 Первой мировой войной и кончился в 1989–91 падением Советского Союза. Как и положено, новое поэтическое течение появилось накануне смены веков. Однако, если буйство модернизма в свое время было подхвачено литературными критиками и обернулось боями адептов и ненавистников новизны, то концептуализм несколько завис в воздухе. Дело в том, что за долгий XIX век романтизм

был основательно пережеван и поднадоел. Модернизм же представлялся окололитературной шатии еще способным приносить доходы. Менять ориентацию было лень.

Впрочем, поэты достаточно закалены от природы, чтобы так уж серьезно относиться к литературной критике. Если критика предпочитает заниматься массовой культурой постмодернизма, то поэты теряют к ней интерес. Или злобно пинают ее. Я говорю, прежде всего, о российской реальности. Новое течение невозможно уловить в других литературах. Натыкаешься на него только в своей.

Трудно отнести к постмодернизму Всеволода Некрасова или вашего покорного слугу. Не менее трудно это сделать по отношению к Л. Иоффе, М. Айзенбергу, С. Гандлевскому, Т. Кибирову, Л. Рубинштейну и даже Д. Пригову. Такие безуспешные попытки все-таки предпринимаются. Об Айзенберге мне довелось читать даже нечто постромантическое в духе Айхенвальда. Но смех смехом, а что делать бедным критикам?

К концептуализму тем не менее тоже всех не отнесешь. Здесь нужен другой лейбл. Все-таки концептуализм достаточно узкое течение. В нем был пафос отделения творчества от объекта творчества. Объект становился предлогом акта, а уж сам акт был оторванным от объекта концептом. Это довольно понятно по отношению к живописи. Про концептуализм в поэзии можно говорить уже с большой натяжкой. А вот насчет музыки, например, ну никак не получается. Этой мыслью я обязан М. Айзенбергу. Тем не менее, лейбл забит за Всеволодом Некрасовым, а впоследствии перелетел на Д. Пригова, Л. Рубинштейна и Т. Кибирова.

Я бы предпочел все новое течение в целом назвать поэзией намерений или, если угодно нечто латинообразное, то интенциализмом. В новом течении, мне кажется главным не вычисление акта, сути, т. е. концепта, а декларирование намерения по поводу, т. е. высказывание.

В чем же опровержение и предложение интенциализма? Прежде всего, отрицается самоценность и даже созидание языка. В одном произведении могут уживаться много языков пусть даже в виде лохмотьев. Это не важно. Ведь модернизм уже доказал, что каждый язык совершенен, значит, достаточно намекнуть, что здесь есть язык. Высказывание сводится к анекдоту.

Романтизму более двухсот лет, модернизму более ста. Интенциализм творится сейчас на наших глазах и говорить о нем трудно. Отчетливые формулы, описывающие Холина и Иоффе, Вс. Некрасова и меня, Айзенберга и Пригова, Кибирова и Гандлевского вряд ли будут произнесены на днях. Что-то не видно Романа Якобсона. Зато навалом Айхенвальдов, ругающих Пелевина, как Айхенвальд ругал Максима Горького. Приходится в значительной степени опираться на то, что пишут о себе сами поэты, в частности, Вс. Некрасов и М. Айзенберг, более всех остальных теоретизирующие.

Опровержение интенциализма — это прежде всего опровержение языка. «Тем и плох “язык” — “язык” выучить можно. Речью надо овладеть»[1]. Прово-

1 № Вс. Некрасов, Пакет. М.: Меридиан, 1996. С. 284.

дя аналогии с экономикой можно сказать, что у поэта есть право собственности на речь. Речь — это институт. А язык — это организация, необходимая, чтобы этот институт поддерживать. Конституционное право — институт. Конституционный суд — организация.

Может ли быть, провозглашенная Вс. Некрасовым «организованность без организаций»[2]? Вообще-то говоря, да. Пожимаем ведь мы друг другу руки при встрече и не создаем для соблюдения этого дела никаких органов с властными полномочиями. А если решила Людмила Путина чистить русскую речь и создавать из нее приличный язык, оснащенный надзирающими органами, так это — дело дохлое.

«Речь-то ведь и есть все мы, наш общий опыт, почему она и знает о нас больше любого из нас. Если ощутимы смысл и место, отношение и интонации, жест и мимика какого-то факта — что еще надо?»[3]

Модернизм чрезвычайно увлекался идеей соглашений, договоров. Он внес в нашу жизнь понимание важности условностей, как правил игры, называемой жизнью.

Интенциализм не согласен поддерживать культ соглашений. В идее договора по любому поводу концептуалисты подозревают стремление создать оторванное жречество, навязывающее свои взгляды и подходы. Но дело здесь даже не в прагматике. Договор подразумевает принятие сторонами единой концепции, существующей где-то вне договора. Это может быть вневременная «красота» Китса, или контекст Бахтина — Кристевой, справедливость Шелли или множество «великих рек» Мандельштама. Это могут быть даже «конские свободы и равноправие коров» Хлебникова. Интенциализм предлагает обнаруживать намерения в речи.

Соглашения с точки зрения интенциализма — это декларации о намерениях, а не договора, чье скрупулезное выполнение является жизненной доблестью.

Интенциалисты настаивают на удаче создания, а не на выявлении существующей связи. «Единственно возможная (линейная) связь заменяется пучком возможностей»[4]. Стремление Айзенберга записать в союзники О. Мандельштама, обэриутов или кого-нибудь еще из великих модернистов сходно со стремлением романтиков и модернистов в их времена найти себе оправдание в Шекспире или Гете. Это понятно. Но далеко от правды. Вряд ли кто-нибудь из модернистов подписался бы под словами Айзенберга: «Центральным становится вопрос о подлинности удачи»[5]. Или же под словами Вс. Некрасова «как разграничить стихи и не стихи, искусство и не искусство — вопрос, конечно, достаточно острый и норовит он обернуться тем драматичней, чем искусство авангардней»[6]. Наоборот, изысканность замкнутого, свершенного и властного языка Мандельштама или Введенского гарантировала их от риска подмены, фальсификации искусства.

2 Вс. Некрасов. Пакет. М.: Меридиан, 1996. С. 286.
3 Вс. Некрасов. Пакет. М.: Меридиан, 1996. С. 285.
4 М. Айзенберг. Взгляд на свободного художника, М.: Гендальф, 1997. С. 10.
5 М. Айзенберг. Взгляд на свободного художника, М.: Гендальф, 1997. С. 13.
6 Вс. Некрасов. Пакет. М.: Меридиан, 1996. С. 287.

Итак, потеря интереса к времени и вершины этого интереса — интереса к вневременному, выход из под власти языка и культ удачи, выигрыша — вот отличительные признаки интенциализма.

КРАТКОЕ ОПРАВДАНИЕ

Я вынужден оправдываться по поводу предложенного мной термина. Намерения! Какой-то человек, которого сегодня мы бы назвали журналюгой, выдумал лживую, но шлягерную формулу: «Дорога в ад вымощена благими намерениями». Бездарность этой хлесткой попсы особенно видна на фоне подлинной фразы из Добротолюбия: «Господь целует и благие намерения». Но это так, чепуха. Не стал бы оправдываться по такому поводу.

Есть опасность посерьезней. Поэзию намерений могут спутать с намерением поэзии. А вот это уже никуда не годится. Намерение поэзии всем нам известно — юношество во все времена страдало этой болезнью. Болезнь не стыдная, но опасная. Нет ничего более унизительного, чем вопрос человека, страдающего намерением поэзии: «Какие чувства вы хотели выразить своим стихотворением?».

Человек, страдающий намерением поэзии, полагает саму поэзию средством достижения некой понятной цели. Для достижения этой цели он намерен написать стихи. Стихи не получились. Они в этом случае никогда не получаются. Но ведь намерение было! Человек обижается. Я не буду повторять улюлюканье про дорогу в ад. В благочестивом подражании Господу я поцелую благие намерения. Но при чем тут поэзия?

Если бы речь шла о намерении поэзии, то не стояла бы так остро проблема удачи. Ну, есть намерение и ладушки.

В поэзии, которая вся соткана из намерений, из рассказываний «якобы историй», проблема удачи чрезвычайно сложна. Люди далекие от тяжкого труда поэта часто спрашивают: «Каковы критерии, по которым вы сортируете стихи на хорошие и плохие?» На этот вопрос невозможно ответить. Тем не менее, после триумфа одного или другого течения литературная критика вырабатывала некое подобие канона, приближенность к которому можно было рассматривать как оценку удачи. Вообще говоря, этот механизм работает плохо. Оценки все время приходится пересматривать. Но что-то такое все-таки есть.

Не сомневаюсь, что лет через двадцать-тридцать и по поводу поэзии намерений станут лепить нечто подобное. Но сейчас этого нет. Сейчас придется полагаться на наше честное слово. И ваше различение живого и мертвого.

Если исходить из проверенной схемы, то можно утверждать, что нам предстоит существование в двух временах. Жизнь общества в XXI веке будет определяться освоением, или, как говорят педагоги-психологи, присвоением модернизма. Здесь еще много нас ожидает забавного. Дело не только в дизайне на основе картин Модриана. Этого уже хватает. Дело в том, что, например, русские школьники прочтут «Петербург», а экономисты Евросоюза обалдеют от Хайека. После этого вряд ли в интеллектуальных журналах

появятся рассуждения о «властной вертикали», а либералы вряд ли серьезно будут говорить о глобализме.

В то же время элита станет, как всегда, жить в ином времени, чем основное население. Она станет осваивать-присваивать интенциализм. В борьбе с модернизирующимися массами, она с непреложной настойчивостью создаст новое мировоззрение. В массовом сознании оно проявится значительно позже, но как интеллектуальное чтиво оно будет будоражить публику весь XXI век.

XXI — ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

Как XIX век был веком науки, т. е. постнаучной поэзии, как XX век был веком романтизма, т. е. постромантической поэзии, так XXI век будет веком модернизма, т. е. постмодернистской поэзии.

Я надеюсь, что он будет веком приятия «другого», веком толерантности и просто терпимости, что он не будет веком массовых убийств и всевластной правоты взглядов.

Конечно, это не значит, что он будет веком мира. XX век в процентном отношении к населению дал меньше всего насильственных смертей за всю знаемую нами историю. Тем не менее, он остался в нашей памяти веком войн, и это произошло из-за того, что модернизм внушил нам отвращение к убийствам. В пику романтизму. В XXI веке каждое убийство будет восприниматься еще трагичней. Мы еще более будем склонны воспринимать это как повседневный ужас, но в действительности предлогов для ужаса будет все меньше.

Все больше будет стремления замкнуться в рамках своего клана, корпорации, страты. Замкнутость соседствует с тяжестью. Если мы запираем дверь, то через некоторое время сетуем на то, что «нет выхода». Безвыходность способствует выработке особых корпоративных языков и грузности мысли.

Подлинным кошмаром существования станет гражданское общество. Возможность создать язык для каждого интереса и вкус людей к кучкованию по интересам заставят группы-кучки давить друг на друга с неослабевающим энтузиазмом. Общественные организации будут создаваться по поводу обиды за ущемление любого унюхиваемого института.

Борьба государств и корпораций будет насыщаться все большим пафосом. «Участок — место встречи меня и государства. Государство напоминает, что оно все еще существует»(Хлебников). Однако, фондовая биржа, страховые компании и пенсионные фонды будут напоминать, что благосостояние зависит от них, а не от государств. «Фантики», т. е. ценные бумаги, составят новый язык, который заставит население испытывать восторги, сравнимые с чемпионатами по футболу.

Если XIX век был веком естественных наук, а XX — веком технологий, то XXI станет веком знаниевой экономики, т. е. забавной игрой в кубики. Организация, т. е. составление фигур из готовых кубиков, приобретет характер наиболее прибыльного бизнеса.

В принципе XXI век уже продолжается лет 15. И все эти тенденции налицо. Деятельность Аль Каиды и «наезд» 1997 года на Японию, судороги Путина

при виде Ходорковского, поддержка итальянцами Берлускони, а французами Ширака — это все уже XXI век. По правде говоря, русский националист вместе с русским интернационалистом пойдут скорее к Лимонову, чем к Грызлову. «Единая Россия» — партия тех, кому глубоко наплевать и на Россию, и на ее Путина.

XXI век будет воспринимать себя как миссионерский век. Модернистский проект предстоит вдвинуть в мусульманской мир. А ислам это даже не православие.

В свое время, анализируя англо-бурскую войну, Луи Буссенар высказал обалденно глубокую мысль, что, начав войну как противостояние государств, буры затем перешли к тактике партизанской войны, а это путь к поражению. Конечно, подлинный постромантический автор, он не мог не посоветовать бурам, как «правильно» было бы себя вести, — надо было делать наоборот. Хорош совет. Ценно здесь, как всегда у романтиков, наблюдение, а не «идея».

Ислам, как цивилизационный проект проиграл. Падение османской империи в результате Первой мировой войны, несмотря на предшествующие тому идиотские действия Лоуренса Аравийского и ряда других романтических англичан, привело к тому, что исламский мир стал на колени. Впрочем, это не самое главное. Была разрушена стена. Исламский мир увидел другой мир. Стремительно модернизирующийся и англизирующийся мир заблестел всеми своими соблазнами. С Турцией вроде бы вышло. Остальные перешли к партизанской войне. На этом фоне наше родимое православие пытается ловить рыбку в мутной воде. С одной стороны, мы с вами и разрешите нам мочить в сортире чеченцев, а заодно простите за то, что сделали с Ходорковским, который вовсе не из этой оперы. С другой стороны, мы не ваши, у нас особый путь, мы любим Путина и хотим «торговать с Ираном» и поддерживать «наших» чеченцев и противоборствовать «цветным» революциям.

Таким образом, в общественной жизни модернизм вовсе не исчерпал себя. У него еще много работы. Надо дойти до сицилийских мафиози, до каждого жителя города Кургана, и хотя бы до наиболее активных пакистанцев и иранцев. Для открытой — горячей и холодной — войны против романтиков Гитлера и Сталина модернистскому миру понадобились фигуры масштаба Черчилля. Для ведения партизанской войны модернистский мир выделил Буша с Блэром. Может быть это и рационально. Не приберечь ли действительно, Клауса для внутренних нужд?

Блеск модернистского мира чрезвычайно комфортабелен в отличие от истерики романтического мира. Этот комфорт привлекателен. Он завораживает. В этом залог победы. В этом и залог смены течений.

XXI — ИНОЕ ВРЕМЯ ЭЛИТЫ

Скромность интенциализма потрясает и в чем-то вызывает недовольство, мягко говоря. Так, провозгласив действие основой основ, концептуализм, первый, на мой взгляд, поток поэзии намерений, абсолютно бездейственен в поле общественного сознания. Если вспомнить бурю и натиск романтизма,

всеобщее раздражение модернизмом, то появление концептуализма обескураживает своей смирностью и незаметностью. Как на Руси повелось — во всем виноват Чубайс. То бишь, модернизм.

Во-первых, мощь модернизма недооценивалась достаточно долго. Формировалось мнение об оторванности модернистского искусства от гуманитарной теории, в том числе от психологии, социологии, политологии и экономики. Этому взгляду способствовали и сами мэтры модернизма. На деле все оказалось совершенно обратным. Теоретический аппарат модернистской направленности в гуманитарных науках — это качественно иное явление, чем все, что мы имели до XX века. Формировалось с не меньшим успехом представление об оторванности модернизма от «жизни», что бы под этим словом не подразумевалось. Тем более, что постромантизм очень часто использовал в качестве самоназвания термин «реализм» разного толка. Оказалось же, что «реализмы» весьма далеки от реальности, а существующие интеллектуальные практики полностью погружены в модернизм.

Мощь модернизма в его гармонической уравновешенности. Договороспособность модернистского общества подавляет. Но «конца истории» не будет. Взрывать будут именно здесь. Модернизм, особенно в своем постмодернистском виде, подавил авангард. А разве это возможно?

Во-вторых, длительная недооценка привела к неожиданности признания. Вчерашний маргинал внезапно стал принцем-мейнстримом. Конечно, это кажущаяся неожиданность, но ведь важно мнение, а не «данность». Это привело к иллюзии новизны модернизма. Может быть, именно в связи с этим и появились термины постструктуризм, постмодернизм, постиндустриальное общество. Они говорят, прежде всего, об уважении к великому течению, покаянию за долгое непонимание, но и о желании как-то выпятить свой вклад, вклад не творческий, а понимающий. Тем более, что осваивать в модернизме осталось еще ой-ой-ой сколько всего интересного.

Новое течение — интенциализм — будет отказываться от понимания и освоения. Подозреваю, что намерения-высказывания, стремящиеся апеллировать к речи, минуя язык — это безудержная атака актов, открещивающихся и от романтического «смысла» и от модернистской «гармонии». Ну и ну!

В-третьих, новое течение — поэзия намерений, интенциализм — появилось на фоне всеобщей радости населения по поводу открытия модернистского начала в себе. Любая декларация в этих условиях воспринималась бы, как неуместное подражание ранним модернистам. Ведь если интеллектуальное угасание научной поэзии на рубеже XVII–XIX вв. привлекало внимание к декларациям романтиков, а пресыщенность романтизмом в преддверии XX века делали оправданными эскапады модернистов, то претензии нового течения не могут быть серьезно восприняты. Общество довольно своим освоением модернизма. Оно им отнюдь не насытилось.

Интенциализм будет пробиваться исподволь. Никто из интенциалистов не жаждет быть маргиналом. Если для романтиков и модернистов маргинальность была частью художественного замысла, то для интенциалистов это совсем не так. Н. Некрасов всячески отстранялся от своего богатства,

фантастически удачливый бизнесмен Л. Толстой не знал, во что бы одеться, дабы подчеркнуть свою маргинальность, от одной мысли об ожидавшем его наследстве у Ф. Кафки случались припадки. Интенциалист хотел бы достойно содержать семью, и скорее склонен возмущаться материальным, а не литературным неблагополучием. Принадлежность истеблишменту делает невозможной и тактику площадных призывов, и тактику жреческого замыканья в «башне из слоновой кости».

Для интенционалиста очень важна проблема демонстрации. Действительно, поэт рассказывает «якобы истории». Это не подлинные истории романтиков, в которых содержится правда и призыв к пути, истине и жизни. Это и не гармоничные соразмерные сооружения модернистов, в которых можно найти и путь, и истину, и жизнь. Это даже не замысел пути, истины и жизни, как думали концептуалисты. За каждой «якобы историей» кроется намерение сказать, что Кто-то (а не что-то) есть путь, истина и жизнь. Однако, кроме намерений, кроме взгляда «сквозь мутное стекло», мы ничего не имеем и ни на что не можем претендовать. Но если это так, то произведение не есть зов к революции, опрощению, покаянию или еще к чему там звали романтики. Произведение не есть и красота, созданная из тяжести недоброй. Оно лишь демонстрация намерений.

Удачная демонстрация. Неудачная демонстрация. Вот что важно. Действенность призыва можно оценить. Можно оценить удовольствие от созерцания соразмерности оппозиций и контекстов. Но что такое удача при демонстрации намерений?

Скоро модернистская или вернее постмодернистская гармонизированная мозаика, структурность мира, внимание к временам и нравам, смиренность учителей и снисходительность к ученикам, принадлежность к толерантному обществу станут заменяться культом удачи, бессистемностью, намеками, живой речью с плавающими в ней обломками языка. Жесты и действия без начала и конца придут на смену стремлению к совершенству. Как же изменится мировой порядок! Даже невозможно представить.

О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ

Сейчас я приступаю к самой опасной части своих рассуждений. Если до сих пор я писал о вещах достаточно очевидных, то теперь нужно бы проговорить разные слова о сущности нового течения — интенциализма — и о том, какие радости и беды принесет это течение людям, истории, науке и политической жизни.

Здорово, конечно, но я действующий поэт, я не знаю, что напишу завтра. Интенциализм весь в брожении и движении. Как можно осмыслять то, что только делается, но еще не существует как цельность, а тем более как осмысленная цельность? Как могли романтики знать, что их стихи приведут к пенсионному обеспечению и социализму, к изысканиям Проппа и фашизму? Как могли Хлебников, Эзра Паунд и Мандельштам спрогнозировать мирное сосуществование и карнавалы геев?

Недавно я встретил выражение «постмодернистская какофония». Категорически не согласен. Этакие оценки ставил Жданов додекафонии, а Фукуяма дадаизму. Что же касается постмодернизма, то он весь погружен в поиски гармоний, соглашений, он предельно внимателен к потребителю, перед которым раскрывает мозаику мира.

Интенциализм строит мир. Для поэзии намерений нет языка. Она что-то улавливает в речи, какие-то осколки и строит из них намерение. Поэт, конечно, не демиург, но он драматург. Драматург, не знающий своей пьесы и предлагающий ее концепции, чураясь прописывания ролей, т. е. создания ее языка. Концептуалисты в пионерском рвении доводили отказ от языка до последних пределов. И плевок в реку, и боди-арт носили характер развивающих игр дошколят.

Заслуга русского поэтического интенциализма в его зрелости. Модернизм начинал с эпатажа. «О, закрой свои бледные ноги». В то же время модернистами были вполне респектабельные люди, по которым «тосковала Андромеда с искалеченной белой рукой». Модернисты разодрались между собой, привлекли внимание и взамен наскучившего эпатажа занялись работой, для которой вполне сгодились и новые, и вполне традиционные форматы. Приблизительно то же происходит в русском поэтическом интенциализме.

Внимание к актору, действующему лицу, лепящему концепты из живой речи, не потребовало новой внешней атрибутики стиха. Хорошее интенциальное стихотворение — это не плевок в реку. Хотя, по сути, это конечно же, плевок в реку.

Ломоносов писал четырехстопным ямбом, Пушкин писал четырехстопным ямбом и Мандельштам писал четырехстопным ямбом. И поэзия намерений с удовольствием им пользуется. Вольным стихом писал тот же Пушкин, а кроме того Аненнский, Хлебников, Сатуновский и Вс. Некрасов им пишет. Пассажи Введенского нравятся Кибирову и Гандлевскому, но трагический модернист Введенский осмысляет мозаику мира и дает ему новый язык, а интенционалисты вылавливают из речи намерения утверждений и отрицаний и предъявляют их. С помощью сходных пассажей.

Поэтические открытия интенциализма полезли в общественные науки. Нацию заменяет «воображаемое сообщество» — намерение нации. Общественный договор — приемлемость соприкосновений. Всеобъемлющие гармонизирующие теории — ошеломляющие анекдоты-теоремы. Намерения, намерения и намерения.

Однако, самое главное, что приносит концептуализм в общественные науки — это настойчивое желание отказаться от келейного междусобойчика, от «птичьего языка», даже собственно от литературоведческого, лингвистического, социологического, экономического познания мира или интерпретации человека и общественных структур. За робкими словами о воображении, строительстве, реальности слышно мощное, но еще невнятное требование осмысления процесса продуцирования намерений.

Конечно, людей, отказавшихся от структурного мышления, можно назвать постструктуралистами, а людей, отказавшихся от властности модернизаци-

онного проекта — постмодернистами. Но это все равно, что назвать инженера пострабочим. И не очень правильно, и очень глупо.

Проблема интенциализма в отсутствии интенциальной прозы. В России поэзия намерений представлена достойными именами. Она читаема, она господствует. Однако, проза без всяких сомнений — постмодернизм. И плохая пелевино-сорокинская, и хорошая — Улицкой. Романтики выходили из сходного положения собственными силами. У Гете есть проза, за прозу взялся Виктор Гюго. Русские модернисты и не надеялись на писателей. Сологуб, Кузмин, А. Белый, Вагинов — что может быть лучше! Вроде бы Гандлевский написал прозу. Дай Бог! Вот прочел я «По тюрьмам» Э. Лимонова и задумался. А может появляется проза намерений?

С драматургией дело безнадежное. Русские режиссеры пребывают в девственно-романтическом небытии. Они еще к модернизму относятся как к заморскому зверю. Все норовят «Мастера и Маргариту» поставить. А она никому не нужна! Обидно. И им. И нам.

Тем не менее движение налицо. И с каждым годом оно все ощутимей.

Видимо, читатель уже понял из вышеизложенного, что я весьма скептически отношусь к представлению о том, что в общественной жизни господствуют законы, чем-то похожие на естественнонаучные закономерности. Не только комплексы сомнительных мнений вокруг слова «история», но и само это слово вызывает у меня недоумение. Скорее я соглашусь с известной формулой «движение без истории». Для меня несомненно, что любые перемены в общественной жизни являются отдаленным следствием изменения мировоззрения, а это изменение сначала происходит в узких элитных кругах. У этого изменения всегда есть автор или, вернее, кружок авторов. Другое дело, что на протяжении долгого пути освоения-присвоения нового мировоззрения демос об руку с охлосом огрубляет, «обстругивает» новое мировоззрение и, доведя его до лозунгов в своем вкусе, только в таком виде претворяет его в жизнь. Однако даже само это «обстругивание» не происходит по каким-то незыблемым правилам. Сами эти правила специфичны для каждого «древа познания» и его сучков. Ну, неужели правила, по которым «обстругивалось» научное мировоззрение, хоть чем-то похожи на те правила, по которым из романтизма массы выбрали социализм и национализм?

Тем не менее, мне представляется возможным, а потому и плодотворным прогнозирование изменений и долгосрочных тенденций в общественной жизни на основании анализа появившихся в поэзии новых посланий. Методологические опасности, возникающие при таком подходе прежде всего заключаются в литературной малограмотности политологов, странным образом соседствующей с их уверенностью в своей элитной состоятельности. С другой стороны, сами поэты не в состоянии анализировать возможный общественный ответ на свое творчество. Смею предположить, что поэт способный такое проделать, просто в ужасе бы замолчал. Исходя из очевидного, могу лишь обратиться к политологам с нижайшей просьбой быть скромней и смиренно доверять поэтам в их оценках успехов и достижений. По своим вкусам и пристрастиям вы, уважаемые политологи, принадлежите прошедшим вре-

менам и, если хотите прогнозировать дальнейшее развитие, не должны основываться на своем восприятии поэзии или ориентироваться на популярность. Популярно то, что будущего не имеет.

Ради избежания методологических ошибок, не меньшее смирение требуется и от социологов. Не улавливая изменений в мировоззрении, они задают вопросы, ориентированные на выявление мнений о старых проблемах, и внезапно оказываются лицом к лицу с неожиданными явлениями. Слишком долго и слишком упорно они пытаются использовать старые правила для уяснения этих неожиданных явлений или, скорее, для понимания, почему они вдруг появились. Я не призываю социологов читать стихи. Упаси Бог! Они там такое вычитают! Мне кажется, что методологически верно было бы брать интервью у поэтов, осторожно, но настойчиво, упирая именно на сдвиги в мировоззрении, а не на мнения поэтов о бифштексах или о национальном менталитете. Впрочем, я уже лезу не в свое дело и вынужден призвать к смирению самого себя.

Единственное, что удалось уловить мне принципиально нового в общественной жизни последних лет и что явно выдает влияние поэзии намерений — это появление оборота «как бы». Глядя на современный мир, мы видим как бы суверенные как бы государства. Нации перестают быть этнически или даже территориально связаны — это как бы нации. Впрочем, и этносы уже тоже как бы этносы. Так называемые франкофоны или русскоязычные — это намерения этносов. Политические партии безнадежно далеки от своих прародителей, возникавших на разломах общества, резко отличных друг от друга и в той или иной степени антагонистических. Нынешние партии — это намерения партий, намеки на воспоминания, ссылки и подстрочные примечания. И не только в России. Даже столь кровавые и ужасные забавы человечества как войны становятся как бы войнами. От этого смерть не перестает быть смертью. Но понять, кто с кем воюет невозможно. Это совсем не похоже на то, что называлось войной в прежние века. Твердое и могучее общественное мнение, которое оборачивалось массовым энтузиазмом или национальной идеей, превратилось в «опросы общественного мнения».

Новое мировоззрение очень далеко и от устоев научного мировоззрения и от страсти мировоззрения романтического и от гармонии модернистского мировоззрения. Как всякое новое мировоззрение оно непонятно. Впечатление такое, что это вообще не мировоззрение. Или, может быть, это как бы мировоззрение?

Под конец своих рассуждений я хочу предостеречь еще от одной методологической ошибки. Нельзя сводить жизнь, сотканную из намерений, к кажимости, к обману. Это не «якобы жизнь», это настоящая жизнь. Например, мы уже начали жить в как бы семьях, спаянных как бы любовью. Это действительно как бы семьи. Это действительно как бы любовь. Как бы страсть. Как бы желанье. Но жизнь вовсе не «как бы». Наоборот, она стала более полноценной. Более честной.

Михаил МАЯЦКИЙ

КУРОРТ ЕВРОПА. ПОСЛЕ ЦУНАМИ

11.11.2005

Можете назвать это поздним зажиганием, а можете — силой заднего ума: бунты длились уже без малого неделю, когда 1 ноября французское правительство объявило переход страны, прежде всего городов, на зимний режим. Чтобы не было, как в прошлом году, когда люди померзли. Теперь ночлежки готовы в срок принять продрогших бродяг. Социальные службы мобилизованы на спасение обмороженных. Шерстяные одеяла, крем для растирания, горячий суп и чай, все на месте. Да вот незадача: на дворе плюс двадцать. Постелили не там, куда упало. Потому что молодежь пригородов, ободренная не по сезону теплыми и сухими ночами, ответила на «провокацию» (смерть двух подростков, которым, вероятно, не объяснили — или они не поняли, — что такое трансформатор) двумя неделями волнений.

Необычный метеорологический календарь наложился на обычный политический. С сентябрем во Францию приходят «возобновления», так называемые rentr es: политическое, школьное, издательское... И в том числе — социальное, т. е. возобновление социального протеста. Отдохнувшие профсоюзные работники мобилизуют ярость масс. Этот год исключением не был. В Марселе, например, 33 дня не ходили городские автобусы. Но этого толком никто не заметил (кроме марсельцев, разумеется) из-за факелов в парижских, а потом и не только парижских пригородах. Остальное вы знаете.

Машины жгут во Франции каждый год, но в этом году — с неожиданным размахом. Оговорюсь, что Ваш покорный слуга знает о волнениях только понаслышке, т. е. как и вы, благодаря медиа. Живя в Бельвиле (а это все-таки самый этнически пестрый квартал в Европе), я не только ничего не видел, но не видел даже и людей, которые бы сами что-то видели. Париж не впустил проблемы через городской порог.

Всем хочется пришить этим волнениям политику. И самым сознательным из бунтарей, и политикам, которые хотели бы свести конфликт к знакомой межпартийной конфронтации. А политики нету. Бунтарям на нее чихать. Им от 10 до 20 лет. Для многих из них — это такой клевый game-boy в натуре. Они жгут машины таких же бедных соседей. Через сайты они переписываются друг с другом: «Вы сколько машин пожгли? Всего-то? Так мы вас сегодня ночью перегоним!» Крайне правые поспешили объявить гражданскую войну.

Для них в любом случае она, в холодно-ползучем виде, никогда и не прекращалась: клэш цивилизаций, война миров, битва рас. А тут вспыхнуло. Газеты всего мира тем охотнее приняли тезис о гражданской войне, что Франция успела всем надоесть своими полит-нравоучительными уроками. Donneuse de le ons, как называют ее сами французы.

«Все еще курорт?» — спросит иной читатель. А разве после Цунами курорт может перепрофилироваться в не-курорт? И разве на настоящих курортах так уж и нет классовой борьбы?

Социальное цунами обрушилось не вдруг. Вряд ли его можно было предотвратить. Предвидеть — пожалуй. Но для этого нужно было хотя бы признать, что к 90-м годам отшумели не просто trente glorieuses, тридцать лет бурного роста и относительного благоденствия, а пришла к концу, и к концу окончательному, индустриальная эпоха. В многочисленных дебатах по поводу бунтов все указывают на корень зла, на безработицу, и никто — на то, что это уже навсегда.

Политика этим бунтам пришита по определению, но с другой стороны. Бунтующие сегодня пригороды не выросли стихийно, как слободы при средневековых городах, а были политически задуманы, экономически рассчитаны, урбанистически спланированы и построены, как место обитания рабочего класса. Обслуживаемые им заводы переживали в это время бум, которому, казалось, конца не будет. Индустрия созвала рабочих — не только из бывших колоний, но и из сельской местности — больше, чем смогла переварить. Далее все произошло очень быстро. Родители бунтующей сегодня молодежи пережили и подъем, и спад. Они впитали сначала мечту, а потом разочарование и детям наследовали уже только обманутую надежду. Они считают себя французами, а их дети французами только считаются. Нюанс...

Государство, не будучи способно признаться в ошибке расчета, в застигшем его врасплох конце индустриальной эры, ретировалось из этих бывших пролетарских пригородов. Впрочем, не сразу. В эпоху промышленного расцвета социализацию рабочих окраин фактически взяли на себя коммунисты. До самого кризиса партии, который был необходимым следствием кризиса пролетариата. Однако целое поколение французов (читай: выходцев издалека, заключивших пакт с республикой) обязано «путевкой в жизнь» мэрам-коммунистам своих пригородов. Коммунисты стали и первыми жертвами: их наказали за то, что их утопия удалялась вместо того, чтобы приближаться. Перед лицом нарастающей люмпенизации коммунисты сначала потеряли голоса, а потом и вовсе покинули пригороды. Постепенно там затихли голоса профсоюзных и иных левых активистов. Кто занял их место? Имамы, каиды и «старшие братья».

Сегодня уже бесполезно выяснять, кто первым расторг «республиканский пакт» — государство или забытые им граждане. Многие из пригородных гетто оказались де-факто вне закона: там невозможно произвести арест, обыск и другие акты, входящие обычно в компетенцию государства. Это, впрочем, не ново во французской истории. До самой первой мировой войны пролетарские окраины — они тогда находились отчасти в черте города — кишели кри-

миналом, в том числе и бандами. Отличие в том, что теперь само государство стало восприниматься как одна из враждебных банд.

Правые действительно особенно бездарно решали в последние годы проблемы пригородов, поспешив отменить или обессмыслить робкие меры социалистического правительства, стимулирующие занятость молодежи (emplois jeunes), и квартальную полицию (police de proximit), которая больше работала на профилактику, чем на репрессию. Но готовой политики нет и у левых.

Самое частое слово в дебатах в газетах, на радио, на ТВ — «лицемерие». А можно выразиться и позитивно — «верность идеалам». И граждане, и политики божатся на «республиканских ценностях» и считают необходимым делать это независимо от экономической конъюнктуры. Но они забывают, что вера (в ценности) не всесильна и что конъюнктура может стать такой, что никакое выполнение элементарного республиканского социального минимума не будет возможно. Интеграция возможна при 9 % и невозможна при 20 % безработицы. Меж тем, реальная безработица в некоторых социо-территориальных категориях населения достигает 50 %!

Интеграция возможна, когда в классе 100 % детей иммигрантов. Но не тогда, когда эти 100 % унаследовали и крепко усвоили от своей семейно-социальной среды ощущение полного тупика. Знание из жизненного шанса превращается в инструмент унижения и насилия. Вот почему наряду с машинами, автобусами, полицейскими участками, магазинами, фирмами, жгли и школы: за то, что школа из гарантии интеграции и равенства шансов стала машиной умножения и закрепления неравенства. Достаточно закончить пригородную школу — и независимо от твоих оценок, успехов, способностей, само упоминание ее в твоем CV становится несмываемым пятном.

Выпрыгнуть из колеи можно, только оказавшись по ту сторону, на экране фантоматической теле-реальности. Если не в Star Academy («Фабрика звезд» — ее аналог в России), то танцуя вокруг факелов. Так был воспринят и приход в кварталы медиа. «Общество не понимало наш “верлан”, нашу перевернутую речь, так поймет горящие машины». Журналисты без камер шли за третий сорт. Развернулось соревнование между юнцами и журналистами: мы подожжем, а вы покажете; кто зрелищнее? Кто скажет резче, чья картинка шокирует больше? Сенсация удалась. К счастью, число жертв оказалось минимальным: погиб один человек. (Для сравнения: в октябре в автодорожных происшествиях в той же Франции погибло 453 человека.)

Цунами французских агломераций — не полное, а частичное поражение «французской социальной модели». Было бы странно отбрасывать ее из-за сотни-другой озлобленных малолетних парий. Плюсы этой модели, ее успехи неоспоримы. Но она была выточена под мир, который исчезает на наших глазах.

Постоянный адрес страницы: http://www. prognosis. ru/news/world/2005/11/11/maiatsky. html

Андрей ЦУКАНОВ

РФ И ЕС СПАСЕТ НОВОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

29.6.2005

Есть все основания говорить о единой европейской общности, которая перерастет в некий новый тип нации с общими принципами свободы, демократии, культуры и отношением к труду.

После последнего саммита глав стран ЕС стало очевидно, что Европа находится в глубоком кризисе. Многие в России, особенно ура-патриоты, этому рады, в основном, потому, что теперь, по их мнению, ЕС некогда будет заниматься Украиной и другими странами СНГ, не говоря уже о перспективах этих стран на членство в объединенной Европе. Между тем можно с уверенностью сказать, что такого рода «радость» является преждевременной. Прежде всего потому, что, как показывает история, начиная со времени Петра Великого все общеевропейские кризисы оказывали огромное влияние на Россию, как правило выплескиваясь на нее с огромной силой, что всегда обходилось ей очень дорогой ценой. Достаточно вспомнить европейские разборки с наполеоновской Францией, Первую и Вторую мировые войны.

Россию сегодняшний европейский кризис ставит в очень сложное положение, потому что те факторы, которые привели к кризису ЕС, действуют сегодня и в России, со своей спецификой, конечно. Европейский и российский кризисы объединяют три момента: кризис идентичности, кризис развития гражданского общества и кризис суверенитета. И хотя европейский и российский кризисы находятся как бы на совершенно разных уровнях, у России сегодня имеется уникальный шанс — анализируя европейский опыт, получить ответы на вопрос о том, как выбраться из собственного кризиса.

Кризис идентичности в его европейском изводе, это конечно, не кризис самоидентификации. С самоидентификацией у европейских наций все в порядке, даже слишком — Европе не хватает как раз соидентификации. То есть европейские нации, ощущая и признавая себя принадлежащими к некой европейской общности, тем не менее, до сих пор не могут осознать и сформулировать те базисные принципы, на которых эта общность могла бы быть построена и, что еще более важно, оформлена. Эти аспекты реально существуют, и есть все основания говорить о единой европейской

общности, имеющей потенцию перерасти в некий новый тип нации, который еще только начинает обрисовываться в процессе глобализации.

Причем эти аспекты включают в себя не только общие принципы свободы, права и демократии, но и отношение к труду, общую христианскую культурную основу и т. п. У политиков ЕС случился явный перекос в сторону рациональных ценностей, в ущерб ценностям глубинной культуры и вытекающим из нее более простым ценностям быта, трудовой и семейной этики. Результатом этого стал провал референдумов по конституции ЕС — французы и голландцы проголосовали против, потому что у них не было ощущения того, что они голосуют за воссоединение традиционных и общечеловеческих ценностей, но, напротив, они сочли, что в угоду общечеловеческим предают ценности традиционные.

Россия сегодня находится в положении гораздо более серьезном, чем ЕС, в отношении проблемы самоидентификации/соидентификации. Кризис углубляется, потому что в условиях федерации самоидентификация каждого этноса, что называется, «до конца» невозможна. Однако комплексы недовершенной самоидентификации разрушительным образом действуют на процесс соидентификации, без удачного прохождения которого перспективы будущей целостности Российской Федерации становятся весьма призрачными. Кризисная ситуация лишь нарастает со временем. В начале 1990-х Россия попыталась самоопределиться, экстрагировав свой растворенный до этого в СССР суверенитет из коммунистической «общности» советского народа. Однако после распада СССР и образования суверенной РФ кризис самоидентификации перешел на новый виток.

«Российской» самоидентификации значительной части русских показалось недостаточно и сегодня речь идет о проблеме русской «самоидентификации». За фактическим неимением каких-либо других платформ, «русская самоидентификация» в большой степени обращается к имперской мифологии как советской, так и дореволюционной. Такая самоидентификация естественно противодействует «российской самоидентификации», поскольку современная Россия образовалась не просто в результате крушения империи, но и сама явилась ее активным разрушителем. Поэтому она может идентифицироваться даже не как постимперская, но только как антиимперская страна. Упования на воссоздание СССР-2 абсолютно тщетны, поскольку «русская» имперская идентификация просто-напросто разрушит Россию. РФ, подобно ЕС, необходимо сегодня решать проблему соидентификации этносов и конфессий. Более того, если ЕС и РФ, каждой в своей «епархии», не удастся достаточно быстро и конструктивно решить эту проблему, то в их взаимоотношениях может возникнуть острый кризис, поскольку вместо сценария соидентификации «за», может быть применен сценарий соидентификации «против» — Европа против России, Россия против Европы.

Без успешной соидентификации невозможно создание гражданского общества как в России, так и в ЕС. Да, да — именно в ЕС. Предлагая жителям европейских стран ратифицировать конституцию ЕС, Брюссель фактически предложил им утвердить и легитимизировать структуру общеевропейского

политического руководства. Однако, по законам современной демократии, политическое руководство может быть легитимизировано только теми, кто его избирает и контролирует. Таким образом, для легимизации политического руководства ЕС необходимо гражданское общество ЕС, а таковое пока что не успело оформиться. Фактически, речь идет о создании транснациональных (в рамках ЕС) общественных, гражданских, профсоюзных и политических структур. Только такие структуры европейского гражданского общества реально способны контролировать деятельность законодательной и исполнительной власти ЕС.

Предлагать к принятию Конституционный договор сегодня, когда в Европе реально существуют лишь национальные гражданские общества, безусловно преждевременно. Конституция всегда предполагает и конституирует суверенитет, но суверенитетом обладают не политические структуры, не территории, а гражданское общество. Только оно способно наделить правительство правом представлять свой суверенитет. Именно это и подтвердили гражданские общества Франции и Голландии и наверняка подтвердили бы британцы — свой суверенитет перед Брюсселем, которому право суверенитета не было делегировано просто потому, что пока еще нечему его делегировать. Общеевропейская конституция возможна только тогда, когда сформируется общеевропейское гражданское общество.

В России дела с гражданским обществом обстоят еще более проблематично. Кремль твердо убежден, что гражданского общества в России сегодня нет, или оно все еще «стоит на слабеньких ножках». Более того, российские правители присвоили себе миссию создателей гражданского общества в РФ. Чего стоит только одна идея с «общественной палатой», треть состава которой назначает президент. Эти назначенные члены в свою очередь назначат еще треть, а те — еще одну треть. Кремль проявляет абсолютное неуважение к российским гражданам, отказывая им в праве влиять на политику государства, которое управляет от их имени. Принцип выборности во все большей степени замещается принципом назначаемости сверху. Граждане потеряли право выбирать глав регионов. Ходят упорные слухи о том, что вскоре отменят выборы мэров.

Более того, Совет Федерации наполовину состоит из сенаторов, назначенных главами регионов. Но если губернаторов ныне назначает президент, то таким образом и половина членов верхней законодательной палаты тоже являются фактически президентскими назначенцами. Принцип разделения властей таким образом полностью разрушен — как говорится, поскреби депутата, обнаружится обыкновенный чиновник.

Кремль с маниакальным упорством укрепляет вертикаль своей власти, очевидно полагая, что тем самым он укрепляет суверенитет страны. В этом его ошибка, потому что в мире современной демократии легитимным носителем суверенитета является не власть, не некий абстрактный «народ» или «теневой электорат», не некая территория, а конкретное гражданское общество. Только оно может дать признанное в мире право правительству представлять суверенитет страны. Не власть создает гражданское общество,

а гражданское общество — власть. Кремль же как всегда ставит все с ног на голову.

В результате Кремль, хотя и твердит на каждом углу, что не допустит оранжевой или какой-либо еще революции, но сам упорно работает над тем, чтобы эта революция стала неизбежной. Кремль, опять же, декларирует своей главной задачей защиту российского суверенитета. Но, в результате его манипуляций с гражданским обществом и основными демократическими принципами, суверенитет России с каждым днем становится все более призрачным. Еще год-два такой внутренней политики — и те же европейцы перестанут воспринимать Россию как суверенную страну, ибо в ней будет отсутствовать сам субъект суверенитета.

Однако было бы опрометчиво всю вину за создавшееся положение валить исключительно на Кремль. Проблема также в том, что само гражданское общество, которое несомненно существует в России (о чем говорит немалое количество общественных организаций, культурных фондов, правозащитных структур, политических партий, независимых научно-экспертных сообществ и т. д. и т. п.) — сегодня антагонизирует внутри себя. Проще говоря — занимается традиционным самоедством. Либералы и мобилизационисты, западники и славянофилы (а также, востокофилы и евразийцы), модернисты и традиционалисты, прогрессисты и фундаменталисты — все они заявляют о своей антагонистичности друг другу. То есть, в российском гражданском обществе сегодня нет внутреннего согласия относительно общего национального проекта. А следовательно оно не способно выступить его двигателем.

Между тем сама возможность этого проекта появится только тогда, когда все вышеперечисленные группы осознают, что в его основу могут лечь только разделяемые ими всеми принципы, а антагонизмы должны быть отодвинуты на задний, маргинальный план. Если это невозможно, то РФ ожидает катастрофический сценарий. Если такое все-таки возможно, то у России, как и у Объединенной Европы, появится шанс на будущее.

Постоянный адрес страницы: http://www. prognosis. ru/news/society/2005/6/29/es. html

Андрей РЯБОВ

ПУТИН СОХРАНИТ ДРУЖБУ С НЕМЦАМИ

22.9.2005

Тактический выигрыш от германских выборов, за которым стоят, прежде всего, верхушечные интересы российских корпораций и связанных с ними политических кланов в перспективе может обернуться существенным проигрышем для России.

Как бы не разрешилась политическая неопределенность, возникшая по итогам парламентских выборов в Германии, уже сейчас можно с уверенностью утверждать, что российская власть при любом варианте дальнейшего развития событий никак не проиграет. Достижения курса, проводимого Россией на германском направлении, останутся незыблемыми.

Вкратце содержание этого курса можно выразить следующей формулой: развитие тесного экономического сотрудничества с Германией, в первую очередь, в топливно-энергетических отраслях. В таких формах, которые бы сделали заинтересованность немецких компаний и правительства ФРГ решающим фактором в определении политики этой страны по отношению к России. На практике это означало отказ Берлина от каких-либо попыток давления на Москву по болезненным для нее внутриполитическим вопросам, как то: соблюдение демократических процедур при проведении выборов, свобода СМИ, ситуация в Чечне и «дело ЮКОСа». Тем более, никогда при Шредере речи не шло о том, чтобы как-то задействовать экономическое давление на РФ ради принуждения ее к определенным изменениям во внутренней политике. При этом Россия и ФРГ активно сотрудничали в тех случаях, когда правительствам обеих стран очень не нравилась чрезмерная агрессивность внешнеполитического курса нынешней администрации США, например, в вопросе о войне в Ираке.

Многие аналитики и раньше предрекали, что, имеющая глубокие причины заинтересованность германских корпораций и немецкого государства в эксклюзивном экономическом сотрудничестве с Россией, является тем фундаментальным фактором, который не позволит «черно-желтым», приди они к власти, кардинально пересмотреть отношения с Россией. Ведь Германия переживает сейчас не лучшие времена: модернизация экономи-

ки и социальной сферы никак не идет, в экономической динамике страна начинает явно отставать от США и стран Восточной и Южной Азии. Если добавить к этому такие сдерживающие экономическое развитие факторы, как расширение Европейского Союза за счет менее развитых государств Центральной и Восточной Европы и небывалый рост цен на нефть, картина перспектив германской экономики станет еще менее оптимистичной.

В нынешней, поствыборной ситуации в ФРГ шансов на коррекцию курса в отношении России стало еще меньше. Если предположить, что лидеры ХДС/ХСС и СДПГ договорятся о создании правительства «большой коалиции», то социал-демократы едва ли дадут своим партнерам возможность ставить какие-то неудобные для Москвы вопросы. Тем более, что канцлер Герхард Шредер уже недвусмысленно заявил, что согласится на «большую коалицию» только при условии сохранения за собой поста главы правительства. А российская политика ФРГ и в предшествующие годы нахождения у власти «красно-зеленого» кабинета Шредера-Фишера была сугубо «канцлерской». Осторожные попытки германского МИДа, возглавлявшегося лидером «зеленых» Йошкой Фишером, как-то дать понять Кремлю, что его действия во внутренней политике зачастую не соответствуют общепринятым демократическим стандартам и создают проблемы правительству ФРГ внутри собственной страны, фактически блокировались ведомством федерального канцлера.

Если все попытки создания правящей коалиции после сентябрьских выборов закончатся провалом и будут назначены новые выборы в бундестаг, шансы социал-демократов на победу окажутся гораздо более существенными, чем они были накануне голосования 18 сентября. Шредер перехватил политическую инициативу у конкурентов в, казалось бы, абсолютно проигрышной ситуации и точно уж не отдаст ее христианским демократам. Психологическое преимущество в этом случае будет явно за СДПГ. Тем более, что ХДС/ХСС не хочет менять неудачного лидера Ангелу Меркель, упустившую практически гарантированную блоку победу. При таком сценарии в развитии российско-германских отношений тем более ничего не изменится.

Между тем, говоря о результатах германских выборов в известном смысле как об успехе правящей в Кремле команды, вряд ли в этих итогах можно узреть выигрыш России как страны, общества и государства. Особенно, если вести речь о длительной перспективе развития. Дело в том, что выборы ознаменовали собой заметную веху в укреплении нового формата отношений России с ведущими странами Запада. Германия здесь наряду с США представляет наиболее существенный пример. Суть этого нового формата можно выразить так: Россия становится одним из основных поставщиков нефтегазовых ресурсов на рынки западных стран. В обмен Запад устанавливает с ней стабильные партнерские отношения в различных сферах, включая и вопросы военно-политического сотрудничества, частично признает ее интересы на постсоветском пространстве и, что, возможно, самое главное для Кремля, отказывается от каких-либо попыток влиять на внутриполитические процессы в РФ, особенно в части демократизации. Эта позиция

подкрепляется возобновлением кредитования российского ТЭКа по линии государственных компаний, что удивительно напоминает практику времен брежневского правления.

Не трудно догадаться, что подобный формат ведет к консервации архаичной и односторонней структуры российской экономики, к замораживанию столь необходимых ей процессов модернизации. Когда же цены на углеводородное сырье на мировых рынках пойдут вниз (не важно под влиянием каких факторов), Запад, получив для себя от сотрудничества с РФ все необходимое для решения собственных проблем, легко откажется от такого формата и будет равнодушно взирать на наш неизбежный в таком случае коллапс. Сложится картина, очень похожая на последние годы существования СССР с той лишь разницей, что тогда многие влиятельные силы на Западе искренне верили в возможность успешной демократизации советского общества на благо проживавших в Советском Союзе народов.

Автор – главный редактор журнала Института мировой экономики и международных отношений РАН

Постоянный адрес страницы: http://www. prognosis. ru/news/invest/2005/9/22/rusgerm. html

ОБ АВТОРАХ

Абанкина Ирина Всеволодовна — кандидат экономических наук, зам. директора Института развития образования Высшей школы экономики.

Адельханян Роберт Артурович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, автор книг *Военные преступления в современном праве*, *Расследование похищения человека*, *Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при особо отягчающих обстоятельствах* и др.

Арриги Джованни — профессор социологии, директор Института глобальных исследований культуры, власти и истории Университета Джона Хопкинса (США); автор многочисленных исследований в области мировой экономики и международных отношений. Основные работы: *Antisystemic Movements* (1989; в соавторстве с Т. Хопкинсом и И. Валлерстайном); *Transforming the Revolution: Social Movements and the World System* (1990; в соавторстве с С. Амином, И. Валлерстайном и А. Г. Франком); *The Long Twentieth Century. Money, Power, and the Origins of Our Times* (1994); *Chaos and Governance in the Modern World System* (1999; в соавторстве с Б. Сильвер и др.).

Гибсон Эдвард — признанный специалист по проблемам федерализма и территориальной политике, профессор политической науки из Северо-Западного университета (Чикаго, США).

Глин Эндрю — профессор экономики Оксфордского университета (Великобритания), специалист в области сравнительных экономических исследований; автор многих статей и монографий посвященных развитию мировой экономики после Второй мировой войны и проблемам безработицы, неравенства и современной социал-демократии. Основные работы: *The British Economic Disaster* (1980; в соавторстве с Джоном Харрисоном), *Capitalism since World War II* (1984), *A Million Jobs a Year* (1985).

Домненко Борис Иосифович — доктор экономических наук, консультант Центра стратегических исследований.

Еллинек Георг (1851–1911) — выдающийся германский правовед, доктор философии и права, профессор университетов в Вене (с 1883 г.), Базеле (с 1885 г.), Гейдельберге (с 1891 г.). Круг научных интересов Еллинека был необычайно широк: от вопросов гносеологии и методологии общественных наук до проблем общей теории и истории права. Философско-методологической основой его исследований стала Баденская школа неокантианства. Основную цель творчества Еллинека можно определить как поиск соотношения между свободой личности и волей того целого, к которому эта личность принадлежит (т. е. государства), а также тех правовых форм, которые могли бы установить границу между интересами личности и государства, обеспечить ее устойчивость и неприкосновенность. Сочинения: *Gesetz und Verordnung* (1885); *System der subjektiven offentlichen Rechte* (1892); Allgemeine Staatslehre (1890) (рус. пер. — Общее учение о государстве. СПб., 1903); *Ausgewahlte Schriften und Reden* (1911) и др.

Клячко Татьяна Львовна — кандидат экономических наук, директор Центра экономики непрерывного образования при Академии народного хозяйства.

Най Джозеф — заслуженный профессор международных отношений Школы управления им. Кеннеди при Гарвардском университете (США), в прошлом — помощник государственно-

го секретаря и министра обороны США; специалист по теории и истории международных конфликтов; автор концепции «мягкой силы» в мировой политике. Основные работы: *Bound to Lead* (1990); *Understanding International Conflicts* (2002); *The Paradox of American Power* (2002); *Soft Power* (2004); *Power in the Global Information Age* (2004).

Николаидис Калипсо — профессор международных отношений Колледжа святого Антония при Оксфордском университете (Великобритания); специалист по проблемам региональной интеграции и многостороннего сотрудничества; автор многочисленных работ, посвященных институциональному, политическому и экономическому развитию ЕС, международной торговле, разрешению конфликтов и теории переговорного процесса. Основные работы: *Strategic Trends in Services* (1989); *The Greek Paradox* (1996); *The Federal Vision* (2001); *Whose Europe? National Models and the Constitution of the European Union* (2003).

Осовецкая Нина Яковлевна — кандидат технических наук, зам. директора Центра прикладных экономических исследований и разработок Высшей школы экономики.

Погорельский Александр Львович — кандидат экономических наук, председатель правления Фонда «Территория будущего».

Сабуров Евгений Федорович — доктор экономических наук. В 1990–1991 гг. — заместитель министра образования РСФСР. В 1991 г. — заместитель председателя Совета Министров, министр экономики РСФСР. В 1991–94 гг. — директор Центра информационных и социальных технологий при правительстве РФ. В 1994 г. — вице-премьер правительства Республики Крым. В 1991–93 и с 1995 г. занимался и занимается научной и административной работой, напечатал многочисленные статьи и книгу о современной российской экономике. Профессор Высшей школы экономики, научный руководитель Института развития образования. Литературные публикации за рубежом с 70-х гг.

Фергюсон Найал — профессор международной истории Гарвардского университета (США); исследователь европейской и американской политической и финансовой истории XIX–XX веков и «нового империализма»; представитель так называемой «виртуальной исторической науки», рассматривающей альтернативные сценарии развития истории и придающей особое значение случайным аспектам такого развития. Основные работы: *The Pity of War* (1998); *The House of Rothschild* (1998–1999); *The Cash Nexus* (2001); *Empire* (2003); *Colossus* (2004).

Хайтун Алексей Давыдович — доктор экономических наук, профессор. Работал в Красноярском крае на электрификации Транссибирской магистрали, в институте гражданского строительства в г. Душанбе. С 1992 г. — заведующий кафедрой, директор научного Центра АНХ при Правительстве РФ. Автор более 120 статей, четырёх монографий. В 1990–2003 гг. руководил выполнением более 40 НИР по проблематике нефтегазового комплекса. Лауреат Государственной премии (1986 г.) «за разработку и внедрение системы освоения природных ресурсов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса вахтовым методом».

Хардин Рассел — профессор политических наук Нью-Йоркского университета (США); крупнейший представитель политической философии рационального выбора; исследователь проблем коллективного действия, группового конфликта, либерализма и доверия в современной политике. Основные работы: *Collective Action* (1982); *Morality within the Limits of Reason* (1988); *One for All: The Logic of Group Conflict* (1995); *Liberalism, Constitutionalism, and Democracy* (1999); *Trust and Trustworthiness* (2002); *Indeterminacy and Society* (2003).

Хилл Фиона — старший научный сотрудник программы внешнеполитических исследований Института Брукингса и советник президента фонда «Евразия» (Вашингтон, США); специалист по новейшей истории России, экономическим и политическим проблемам переходного периода, энергетики и безопасности. Основные работы: *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold* (2003; в соавторстве с Клиффордом Гэдди); *Energy Empire: Oil, Gas and Russia's Revival* (2004).

SUMMARY

Aleksey Khaitun. The competitiveness of Russian energy resources in European markets.
An evaluation of the competitive capacity and export prospects of Russian energy providers on the Western European market, and the marking out of reference points for the establishment of a development strategy for the oil and gas sector of Russia's economy.

Ruslan Khestanov. **On the narrowness of the cosmopolitans and the 'sovereignists'**.
The crisis in the process of European integration is linked with the intensification of regional and national competition. The cosmopolitan idea of a united Europe is being supplanted by economic protectionism and 'sovereignism'.

Maksim Momot. **The China syndrome**.
US-Chinese conflict is acquiring a permanent character. A democratic China will be a more dangerous competitor than Communist China. The strategy of splitting China during the period of transition to democracy is the only alternative to a situation in which America ends up in China's shadow.

R. Adelkhanyan. The concept of 'war crime' in the doctrines of international criminal law.
A war crime is defined as an act which violates the rules for conduct of armed conflicts, both international and domestic, as established by the principles of international law and international human rights legislation. Its criminality is defined under an act of international criminal law.

How to democratise the provinces. Interview between Ruslan Khestanov and Edward Gibson.
Edward Gibson reflects on federalism as a model of state territorial organisation. Federalism is a territorial regime which differs from a political regime. Federalism is an institutional structure which can be the object and instrument of manipulation (territorial strategy).

Mikhail Donskoy. **Methods of waging an information war**.
In Russia today an information war is being waged by the state, by the media and by people themselves against each other. The article enumerates the methods, which hinder people's access to quality information. Advice is given on how to identify information which is unreliable or distracting and how to reach one's decisions on a qualitatively higher basis.

Evgeniy Saburov. **Tendencies**.
The path from poetry to its political consequences, embodied in reality, takes about a hundred years. An examination of the mechanism and key figures involved in the process of transforming elite invention into mass consciousness.

Alexander Pogorelsky, **Vladimir Iosad**. **Cheap educational credits – a breakthrough into the future**. An analysis of the situation which has developed over higher education credits in Russia, and also the elaboration of an effective system of education credit which might be realised within the framework of current legislation, taking into account the level of development of Russia's financial and educational services markets.

T. Klyachko. **Access to higher education in Russia**: **the current situation and prospects**.
In Russia it has become prestigious to have a university education. The principal problem

today resides not in the scale of the higher education system but in its structure, which does not correspond to the needs and expectations of the labour market and the employer.

I. Abankina, B. Domnenko, N. Osovetskaya. The provision of educational credit in foreign countries.
The basic principles of credit provision in the West are: the right of all students to receive adequate loans to cover all their tuition and living costs; making outgoings correspond to income; tying credits to students' success.

I. Abankina, N. Osovetskaya. The experience of credit provision in Russian professional education.
It is too early today to say that a system of educational credit provision has begun to develop. The article contains a series of recommendations for the elaboration of measures for government support of educational credit provision.

Где купить журнал «ПРОГНОЗИС»

По вопросам оптового распространения обращаться в **книжный магазин «ГНОЗИС»** Зубовский бульвар, 17, стр. 3, тел. 247-17-57

Панглосс, библиоцентр
ул. Пречистенка, 8/3, стр. 1, тел. 202-29-33

Книжная галерея «Нина»
ул. Бахрушина, 28, тел. 959-21-03, 959-20-94

«Историческая книга», магазин при Исторической библиотеке
Старосадский пер., 9, тел. 921-48-95

Ад Маргинем
1-й Новокузнецкий пер., 5/7, тел. 951-93-60

Гнозис
Зубовский бульвар, 17, стр. 3, тел. 247-17-57

Летний Сад
ул. Б. Никитская, 46, тел. 255-01-98, 290-06-88

Книжный киоск Института Философии РАН (1-й этаж)
ул. Волхонка, 14, тел. 334-40-57

Книжная лавка обществоведа
Нахимовский пр., 51/21. В здании ИНИОН РАН,
тел. 332-47-25

500 экземпляпов журнала рассылаются в университетские и научные библиотеки России

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА «ПРОГНОЗИС»

Иммануил Валлерстайн
Утопийское, или Исторические возможности XXI века

Герфрид Мюнклер
Империи. Логика мирового господства – от Древнего Рима до США

Вивек Чиббер
Возвращение империализма в социальные науки

Роберт Купер
Постсовременное государство и мировой порядок

Стефан Халпер, Джонатан Кларк
Неоконсерваторы: новая политическая группа интересов

Руслан Дзарасов, Дмитрий Нарежный
Эволюция капитализма и форм собственности

Шамсудин Мамаев
На грани «четвертой мировой» войны с террором

Роман Оганян
Финансовые потоки терроризма

Александр Погорельский
Террор как бизнес

Сергей Маркедонов
Год Дагестана на Кавказе

Виталий Куренной
Война, терроризм и медиа

Ариэль Мерари
Терроризм как стратегия борьбы: прошлое и будущее

Ким Крэйг, Сара Дэйли
Динамика террористической угрозы: оценка групповых мотиваций и возможностей в меняющемся мире

и другие статьи